А. М. Селищевъ.

ОЧЕРКИ
ПО МАКЕДОНСКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Томъ I.

КАЗАНЬ.
Лито-Типографія Т-во „Умидъ".
1918.

1958 1959

P
1055.

ФУНДАМ
БИБЛ
Общество
Академии Наук
113
52

Глубокаго интереса полна для изслѣдователя славянская языковая область восточныхъ Балканъ и въ особенности Македоніи: богатство языковыхъ процессовъ, въ томъ числѣ и такихъ, какіе чужды другимъ славянскимъ языковымъ группамъ, многообразное скрещиваніе разныхъ діалектическихъ чертъ, рядъ любопытнѣйшихъ параллелей съ сосѣдними балканскими неславянскими языками заманчиво влекутъ къ себѣ вниманіе слависта. Трудами В. Н. Щепкина („Болонская Псалтырь") и С. М. Кульбакина („Охридская рукопись Апостола") въ значительной степени освѣщено состояніе македонскихъ говоровъ въ XII—XIII в. При выясненіи данныхъ, заключающихся въ раннихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, нерѣдко привлекались показанія современныхъ говоровъ Македоніи. Извѣстное комбинированіе данныхъ, представляемыхъ современными говорами и памятниками письменности, необходимо: лишь при этомъ условіи можно вѣрнѣе вскрыть черты говора списателя памятника и установить нѣкоторую перспективу въ пережитыхъ языковыхъ измѣненіяхъ извѣстной діалектической области. Но, имѣя въ виду необыкновенную сложность и многообразіе языковыхъ процессовъ, пережитыхъ македонскими говорами, приходится быть весьма осторожнымъ въ этомъ комбинированіи. Можно бы свободнѣе оперировать съ данными, представляемыми памятниками XII-го в. и современными говорами, если бы послѣдніе были извѣстны въ достаточной полнотѣ. Къ сожалѣнію, этого, конечно, нельзя сказать. Славянскіе говоры Македоніи въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ были объектомъ политическихъ и публицистическихъ споровъ и кровавыхъ распрей,

но не были въ полномъ ихъ объемѣ предметомъ научнаго изслѣдованія. Все то, чѣмъ мы располагаемъ для изученія современныхъ македонскихъ говоровъ, заключается въ *записяхъ* и немногихъ *описаніяхъ*.

Матеріалъ этотъ во многихъ отношеніяхъ недостаточно удовлетворителенъ: въ записяхъ вниманіе записывателей обращено было больше на содержаніе народныхъ „умотвореній", чѣмъ на языкъ ихъ; черты послѣдняго часто передаются непослѣдовательно, неточно, а иногда и искаженно; отражаются во многихъ записяхъ и явленія литературнаго языка записывателя, —болгарина или серба. Все это приходится учитывать при извлеченіи діалектологическаго матеріала изъ той или иной записи. Все же, несмотря на указанные недостатки, на основаніи имѣющихся записей *вполнѣ возможно* представить главныя особенности македонскихъ діалектическихъ группъ.

Полнотѣ характеристики македонскихъ діалектовъ въ ихъ цѣломъ препятствуетъ другое обстоятельство: отсутствіе записей изъ разныхъ мѣстностей Македоніи. О говорахъ многихъ краевъ ея почти никакихъ нѣтъ свѣдѣній, напр., о говорахъ въ областяхъ, подходящихъ къ Островскому озеру, въ областяхъ между верховьями Вардара и р. Треской и о многихъ другихъ. Часто записи относятся лишь къ одному пункту той или иной македонской области: къ Прилѣпу, Велесу, Крушову... Но въ этихъ случаяхъ судить о *всѣхъ* говорахъ данной области, напр., Прилѣпской, нельзя: говоры другихъ пунктовъ ея могутъ имѣть значительныя своеобразныя особенности. Разнообразіе, пестрота діалектовъ Македоніи выражается рѣзко. Таковы, напр., говоры на западѣ: между Тетовомъ и Гостиваромъ всего 5 часовъ горнаго пути, а между тѣмъ въ селахъ этой мѣстности можно наблюдать говоры трехъ разныхъ діалектовъ. Такое же

разнообразіе представляетъ и область Скопья. А въ одномъ и томъ же городкѣ Крушовѣ живутъ представители двухъ этнографическихъ группъ,—міяки и бърсяки,—представители двухъ нарѣчій (первые западно-македонскаго,—дебърскаго, вторые—центральнаго,—типа, близкаго къ прилѣпскому).

Существуетъ нѣсколько статей, посвященныхъ описанію македонскихъ діалектовъ. Всѣ онѣ (за исключеніемъ В. Облака: „Macedonische Studien“ и М. Григорова: „Говоръть на малорѣканцитѣ въ Дебърско“) не представляютъ полнаго и научнаго описанія того или иного македонскаго говора, а заключаютъ лишь перечень въ своеобразномъ порядкѣ и съ странными поясненіями нѣкоторыхъ языковыхъ явленій. Тѣмъ не менѣе, указанія на черты описываемаго говора, примѣры, приводимые въ этихъ описаніяхъ, могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для характеристики языковыхъ явленій (хотя часто и не тѣхъ, о какихъ говоритъ авторъ описанія).

Изъ записей исключены пѣсни, ибо языкъ ихъ, какъ извѣстно, можетъ не соотвѣтствовать языку разговорному, употребляемому въ данной мѣстности. Если же ниже и приведены примѣры изъ пѣсенъ, то въ связи съ аналогичными данными изъ языка обиходнаго или же отмѣчено, что тотъ или иной примѣръ взятъ изъ пѣсни (при отсутствіи другихъ записей).

Мои непосредственныя наблюденія касаются говоровъ сѣверо-западной Македоніи, Дольняго Полога.

Собранный мною матеріалъ, относящійся къ современнымъ македонскимъ говорамъ, разсматривается въ связи съ данными, характеризующими македонскіе говоры второй половины XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка. Въ намѣченномъ мною планѣ изслѣдованій судебъ македонскихъ говоровъ я на

первомъ мѣстѣ поставилъ ознакомленіе съ состояніемъ этихъ говоровъ въ позднѣйшее время, въ XVIII-мъ и XIX в.в. Матеріалы для второй половины XIX-го в. указаны выше. Что касается данныхъ для XVIII-го и начала XIX-го в., то для этого времени мною изучены слѣдующіе матеріалы: 1) Болгарская параллель четыреязычнаго словаря москопольскаго іерокирика хаджи Даніила. Словарь входитъ въ составъ его книги: „Εἰσαγωγικὴ Διδασκαλία περιέχουσα Λεξικὸν τετράγλωσσον τῶν τεσσάρων κοινῶν διαλέκτων, ἤτοι τῆς ἁπλῆς ῥωμαϊκῆς, τῆς ἐν Μοισίᾳ Βλαχικῆς, τῆς Βουλγαρικῆς, καὶ τῆς Ἀλβανιτικῆς... „Βουλγάρικα“ Дидаскаліи представляетъ весьма важный матеріалъ для характеристики говоровъ *юго-западной* Македоніи во второй половинѣ XVIII-го в. 2) Писанія на „препростѣйшемъ некнижномъ языкѣ“ славянъ Македоніи. Среди этого матеріала главное значеніе имѣютъ писанія іеромонаха Кирилла Пейчиновича, игумена Маркова монастыря близъ Скопья, а послѣ возобновленнаго имъ монастыря св. Аѳанасія у с. Лешокъ, близъ Тетова. Самъ іером. Кириллъ былъ родомъ изъ тетовскаго (дольне-положскаго) села Теарце.

При изученіи языка писаній Кирилла Пейчиновича привлечены данныя писаній его земляковъ—положанъ.

Матеріалъ, извлеченный изъ этихъ писаній, относится къ говорамъ *сѣверной* Македоніи въ нач. XIX-го в.

При обслѣдованіи Дидаскаліи и писаній сѣверномакедонскихъ книжниковъ привлекались данныя и другихъ памятниковъ письменности этого времени [1]).

---

[1]) При перечнѣ областей названы главные ихъ пункты; при этомъ имѣется въ виду, что матеріалъ относится не только къ мѣстности главнаго пункта, но и къ другимъ частямъ области, если только онѣ отмѣчены при записяхъ.

Εἰσαγωγικὴ Διδασκαλία и македонскіе говоры.

Ἀλβανοί, Βλάχοι, Βούλγαροι, Ἀλλόγλωσσοι, χαρῆτε.
Κ'ἑτοιμασθῆτε ὅλοι σας, Ῥωμαῖοι νὰ γενῆτε,
Βαρβαρικὴν ἀφήνοντες γλῶσσαν, φωνὴν, καὶ ἤθη...
Ξυπνίσατε ἀπ' τὸν βαθὺν ὕπνον τῆς ἀμαθείας.
Ῥαμαίικια γλῶσσα μάθετε. Μητέρα τῆς σοφίας [1]).

Съ такимъ призывомъ обращается къ албанцамъ, влахамъ и болгарамъ „ὁ μισιόδαξ Δανιὴλ ἔντιμος Οἰκονόμος—мизодакіецъ [2]) Даніилъ, почтенный икономъ" въ своей книгѣ: Εἰσαγωγικὴ διδασκαλία (стр. V—VI, по изд. 1802 г.). Чтобы облегчить „иноязычникамъ" усвоеніе греческаго языка, имъ и была составлена „Вводная Дидаскалія".

Ἔχετε εἰς τὰ χέρια σας, συχνὰ καὶ μελετάτε.
Τὸ νεοτύπωτον αὐτὸ βιβλίον ὅπου πᾶτε...
Τὴν γλῶσσαν την Ῥωμαΐικην καλὰ νὰ γυμνασθῆτε.
Ἴτον ἀναγκαιότατον νὰ ἐκδοθῇ εἰς τύπον (ibid.) [3]).

Ῥωμαΐκη γλῶσσα пріобщитъ къ мудрости, къ славѣ: Κλέος νὰ προξενήσετε ὅλοι. Необходима Ῥωμαΐκα и въ повседневной жизни, въ торговлѣ и другихъ занятіяхъ (ibid.). Пріучить албанцевъ, влаховъ и болгаръ къ письму и счету—вотъ наиболѣе существенная задача, которую поставилъ себѣ составитель Дидаскаліи: θέλουν νὰ μάθουν μερικὰ γράμ-

---

[1]) „Албанцы, влахи, болгары,—иноязычники,—возрадуйтесь и приготовьтесь всѣ вы стать греками, отбросивъ варварскій языкъ, звуки, нравы... Проснитесь отъ глубокаго сна невѣжества. Учите греческій [ромейскій] языкъ, мать мудрости".

[2]) „Влахъ-аромунъ". О названіи влаховъ Μισιόδακες, употреблявшемся греческими писателями, см. у M. Leake. Researches in Greece. London. 1814. 89.

[3]) „Вы имѣете въ своихъ рукахъ эту новонапечатанную книгу и постоянно учите ее, куда бы ни пошли. Въ греческомъ языкѣ хорошенько упражняйтесь. Ощущалась очень большая нужда, чтобы была напечатана она".—Это стихотвореніе перепечатано у P. Papahagi. Scriitori aromâni in secolul al XVIII. Bucuresti. 1909. 111—112. Также у Йорд. Иванова: „Гръцко-български отношения прѣди църковната борба". Сборникъ въ честь на Л. Милетичъ. София. 1912. 163—164.

ματα καὶ ὀλίγους λογαριασμοὺς διὰ νὰ ἐξακολουθήσουν τὴν πραγματείαν, ἢ τὴν τέχνην τῶν γονέων των (стр. 38) [1]. Эта задача вызывалась не столько стремленіемъ къ огречиванію албанцевъ, влаховъ и болгаръ, сколько практическими потребностями обыденной жизни,—потребностями усвоить языкъ народа, который занималъ господствующее положеніе и въ образованіи, и въ церкви, и въ торговлѣ. Несомнѣнно, съ тою же цѣлью основная часть Дидаскаліи (греческо-болгарскія параллели, съ добавленіемъ турецкой части) была переиздана позднѣе (въ 1841 г.) въ солунской болгарской типографіи архимандрита Ѳеодосія, чуждаго панромейскихъ тенденцій, желавшаго послужить на пользу своему роду болгарскому. Дидаскалія—это начальное руководство для влаховъ, болгаръ и албанцевъ при ихъ изученіи новогреческаго языка, снабженное различными сентенціями и наставленіями духовно-нравственнаго характера и свѣдѣніями изъ міра явленій природы. То же значеніе имѣла и Πρωτοπειρία москопольца Ѳеодора Кавалліоти, изданная въ Венеціи въ 1770 году. По характеру своего содержанія она близко подходитъ къ Дидаскаліи. Существенное различіе въ томъ, что параллельный словарь представленъ у Кавалліоти на 3-хъ языкахъ: новогреческомъ, влашскомъ и албанскомъ; у Даніила же параллельные тексты представляютъ собою не словарь, а коротенькіе разсказы и написанны они на 4-хъ языкахъ: н.-греческомъ, влашскомъ, болгарскомъ, албанскомъ [2].

Біографическія свѣдѣнія о составителѣ Дидаскаліи весьма скудны и заключаются лишь въ тѣхъ немногихъ указаніяхъ, которыя находятся въ Дидаскаліи. Онъ—мизодакіецъ (аромунъ), почтенный икономъ (см. выше), законный іерей—Ἱερεὺς ἐννόμως (ibid). Онъ москополецъ, даскалъ и іероки-

---

[1] Перепечатано у Papahagi. Op. cit. 184.

[2] Описаніе и параллельные тексты Πρωτοπειρία см. у J. Thunmann'a: Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. I. Leipzig. 1774. 177—238. Аромунская параллель перепечатана (по Тунману) Миклошичемъ (Rumunische Untersuchungen. I. Denkschriften. XXXII. 196—229). Исправнѣе издалъ параллели G. Meyer. Albanesische Studien. IV. Sitzungsberichte d. Philos-hist. Cl. d. Akademie d. Wissensch. Wien. Bd. 132. Стр. 3, 8—127. Экземпляръ, которымъ пользовался Тунманъ, пропалъ (см. Miklosich. Rumunische Untersuchungen. I, 195). Г. Мейеру удалось разыскать одинъ экземпляръ этой драгоцѣнной книги (Alban. Stud. IV. 2).

рикъ: Ὁ ὑποκλινέστατος καὶ πιστὸς αὐτῆς δοῦλος: Οἰκονόμος καὶ Ἱεροκῆρυξ Δανιὴλ Μιχάλη Ἀδάμη χατζῆ ὁ Μοσχοπολίτης. Такъ онъ подписался въ своемъ посвященіи митрополиту пелагонійскому Нектарію [1]). Въ заглавіи Дидаскаліи сказано, что она составлена „почтеннѣйшимъ и *словеснѣйшимъ* даскаломъ, икономомъ и іерокирикомъ киръ Даніиломъ москопольцемъ (см. ниже). Его греческія стихотворенія, въ особенности „Εἰς τον πανιερωτατον αγιον Πελαγωνειας Κύριον Κ. Νεκτάριον", отличающееся своимъ педантическимъ языкомъ, свидѣтельствуютъ о его усердныхъ занятіяхъ греческимъ языкомъ. Іерокирикъ Даніилъ по своему образованію принадлежалъ къ типу даскала того времени. Такимъ же даскаломъ былъ и другой москопольскій іерокирикъ—Θеодоръ Анаст. Кавалліоти. „Онъ ученый мужъ, ученѣйшій среди своего народа, съ усердіемъ штудировавшій языки, философію и математику". Такъ говоритъ о Кавалліоти Тунманъ со словъ своего слушателя москопольца Константина хаджи Чехани (Tzechani), „человѣка большихъ познаній, особенно въ философіи и математикѣ" [2]). Кромѣ Πρωτοπειρία, Кавалліоти написалъ и напечаталъ нѣсколько другихъ книгъ [3]).

Годъ и мѣсто перваго изданія Дидаскаліи неизвѣстны. По недостаточно опредѣленному указанію М. Лика, она вышла около 1764 г. въ Москополѣ [4]). Экземпляромъ этого изданія пользовался Ликъ (см. ниже). Второе изданіе было сдѣлано въ 1802 году. Мѣсто печатанія не опредѣлено. Копитарь полагалъ, что оно вышло въ Венеціи [5]). На Венецію указывалъ и Миклошичъ [6]). Извѣстно 2 экземпляра изданія 1802 года. Одинъ изъ нихъ находится въ Вѣнской Придворной библіотекѣ, другой въ библіотекѣ Румынской Академіи наукъ. У Іордана Иванова, доцента софійскаго университета, имѣются 2 начальныхъ листа Дидаскаліи, найденные

[1]) Перепечатано у Papahagi. Op. cit 109—110.

[2]) Thunmann. Untersuch. I, 179.

[3]) О нихъ см. у Papahagi. Scriitori. 38—39. Указанныя тамъ книги появились послѣ выхода въ свѣтъ Πρωτοπειρία. Этимъ объясняется замѣчаніе Тунмана: Er hat über fast alle philosophische Wissenschaften geschrieben, wovon aber *nichts gedruckt worden*. 178, прим. g.

[4]) Researches, 381.

[5]) Jahrbücher d. Literarur. Wien. Bd. 46. Стр. 65, 67. См. также въ статьѣ Н. М. Петровскаго: „О занятіяхъ В. Копитаря болгарскимъ языкомъ". Списание на Българ. Акад. на наукитѣ. VIII, 31.

[6]) Rumun. Untersuch. I, 230.

имъ въ Кюстендилѣ и содержащіе стихотворный призывъ къ изученію греческаго языка (цитированный выше) и посвященіе митрополиту Нектарію. Къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить, какому изданію принадлежатъ эти листы.

Заглавіе Дидаскаліи по изданію 1802 г.

Εισαγωγικη | διδασκαλια | Περιέχουσα Λεξικὸν Τετράγλωσσον τῶν τεσσάρων κοι- | νῶν Διαλέκτων, ἤτοι τῆς ἁπλῆς ρωμαϊκῆς, τῆς | ἐν Μοισίᾳ Βλαχικῆς, τῆς Βουλγαρικῆς. | καὶ τῆς Ἀλβανιτικῆς. | Συντεθεῖσα μὲν ἐν ἀρχῇ χάριν εὐμαθείας τῶν φιλολόγων ἀλ- | λογλώσσων νέων παρὰ τοῦ Λιδεσιμωτάτου. καὶ Λογιωτάτου Δι- | δασκάλου. Οἰκονόμου, καὶ Ἱεροκήρυκος Κυρίου Δανιὴλ τοῦ ἐκ | Μοσχοπόλεως. Καλλυνθεῖσα δὲ καὶ ἐπαυξηνθεῖσα τῇ προ- | σθήκῃ τινῶν χρειωδῶν καὶ περιεργείας ἀξίων, καὶ εὐλα- | βῶς ἀφιερωθεῖσα τῷ Πανιερωτάτῳ. καὶ Λογιωτάτῳ | Μητροπολίτῃ Πελαγωνείας. Ὑπερτίμῳ, καὶ Ἐ | ξάρχῳ πάσης Βουλγαρικῆς Μακεδονίας [1]) Κυρίῳ | Κυρίῳ Νεκταρίῳ | τῷ ἐκ Μουντανίων, | Οὗ καὶ τοῖς ἀναλώμασι τύποις ἐκδέδοται δὶ ὠφέλειαν | τῶν Ἐπαρχιωτῶν αὐτοῦ εὐλαβῶν Χριστιανῶν. | Ἐν ἔτει σωτηρίῳ αωβ' 1802.

Содержаніе Дидаскаліи.

Первыя страницы (II—VIII) заняты посвященіями митрополиту пелагонійскому (битольскому) Нектарію, взявшему на себя расходы по напечатанію Дидаскаліи, и призывами, обращенными къ влахамъ, болгарамъ и албанцамъ, изучать греческій языкъ. Эти посвященія и призывы написаны стихами и прозой на старомъ и новомъ греческомъ языкѣ.

---

1) Итакъ, титулъ митрополита пелагонійскаго (битольскаго) въ то время былъ слѣдующій: Μητροπολίτης Πελαγωνείας Ὑπέρτιμος καὶ Ἔξαρχος πάσης Βουλγαρικῆς [!] Μακεδονίας. Такой титулъ носили битольскіе митрополиты до 30-хъ гг. XIX в. (см. А. Шоповъ. Материали по новата история на Македония. Период. Сп., кн. XXXI, 97). Но уже въ 40-хъ гг. титулъ былъ измѣненъ: слова Βουλγαρικῆς Μακεδονίας замѣнены ἄνω Μακεδονίας. Ср. указаніе В. И. Григоровича: „Въ Битолѣ посѣтилъ В. П. о. митрополита Герасима, котораго титулъ теперь: Μητροπολίτης Πελαγονίας καὶ ἔξαρχος πάσης ἄνω Μακεδονίας, вмѣсто прежняго: ἔξαρχος πάσης ἄνω Βουλγαρίας (Донесенія В. И. Григоровича объ его путешествіи по славянскимъ землямъ. Казань. 1915. Стр. 138). Между тѣмъ, изъ сообщеннаго выше ясно, что названію ἄνω Μακεδονίας (то же и въ Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, сост. Г. А. Ῥάλλης καὶ Ποτλης, τ. V. Аѳины. 1855. Стр. 515), предшествовало не ἄνω Βουλγαρίας, а Βουλγαρικῆς Μακεδονίας.

Напечатано у Папахаджи на стр. 108—214. Четыреязычные тексты занимаютъ страницы 1—36. Содержаніе этихъ текстовъ составляютъ коротенькіе разсказы на самыя разнообразныя темы и совѣты житейской мудрости.—Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ дѣтямъ христіанъ, любителямъ книгъ и благословеннымъ, стр. 37—39. Значительная часть этого обращенія напечатана у Папахаджи на стр. 183—184. Далѣе, на стр. 39—53, находится *διδασκαλία χριστιανική, εἰς τὴν ὁποίαν ὁ διδάσκαλος ἐρωτᾷ, καὶ ὁ μαθητὴς ἀποκρίνεται. Διὰ τὸ ὄνομα, καὶ σημάδι τοῦ χριστιανοῦ.* и др. На стр. 60—71 помѣщены образцы писемъ къ разнымъ особамъ (къ вселенскому патріарху, къ митрополиту, архіерею...) и дѣловыхъ документовъ. Одно изъ этихъ писемъ напечатано у Папахаджи стр. 185. (Εἰς Αὐθέντη Οὐγγροβλαχίας (ἢ Μολδοβλαχίας)). На стр. 72—83 говорится о четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. Стр. 83 содержитъ наставленія, обращенныя къ школьнику. На стр. 84—86 указано, какіе праздники слѣдуетъ соблюдать, какъ находить старый и новый годъ и др.

Первое и второе изданіе Дидаскаліи.

Въ заглавіи Дидаскаліи изданія 1802 г. замѣчено, что она исправлена и дополнена прибавленіемъ полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній. Дѣйствительно, сравненіе Дидаскаліи 1802 г. съ предшествовавшимъ изданіемъ, которымъ пользовался Ликъ, обнаруживаетъ, что въ изданіи 1802 г. значительно дополнены тексты четыреязычныхъ параллелей этихъ параллелей здѣсь въ 2²/₃ больше, чѣмъ въ предшествовавшемъ изданіи.

Что же касается передачи звуковыхъ и формальныхъ чертъ языковъ, то различіе между этими изданіями очень незначительно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ черты языка болгарской параллели переданы въ первомъ изданіи послѣдовательнѣе, чѣмъ въ изд. 1802 г.. Напр. trŭtzi (Leake, 384)—τρούζη (1802 г., 2). létoto (L., 386)—λέτωτε (1802, 5) lésnitzi (L., 389)—λέσνντζι (1802, 11). surόite (L., 393) — σουρένητε (1802, 21; повидимому опечатка: ένη—вм. ώη—). etenáeset (L., 401)—ἐτεννάησετ (1802, 33), въ другихъ случаяхъ—εσετ

Другія различія въ текстѣ (болгарскомъ).

imat—3 мн. (L., 385)—ἴμαατ (1802, 3). póznane (L., 385)—πώζναανε (1802, 5). mastínitza (L., 385)—μάστηνιτζα (1802, 3). síromaste (L. 387) σήρωμασιτε (1802, 8). ot lúpenitz (L., 389)—ὸτ λούπενιτζη (1802, 11). ot sípanitz (L., 391)—ὸτ σήπανιτζα (1802, 16). na síromasit (L. 391)- νὰ σήρομασιτε (1802, 17). 24 sáat (L., 398)—24 σάατι (1802, 29).

Отсутствіе гласнаго неударенаго *a*, *i* могло находиться въ зависимости отъ вліянія албанскаго языка.

ta ne iëtit (L., 389; въ прочихъ случаяхъ—ia—)—ιάτητ (1802, 11). Возможно, что и въ данномъ случаѣ появленіе *e* вм. *a* передъ слогомъ съ *i* обязано албанскому вліянію.

kláis (L., 394, 397; *s*=š)—κλάασσ (1802, 25, 29).—Колебаніе въ видѣ основы.

nikoa téte (L., 399)—νίκωε τέτε (1802, 31).—Въ первомъ случаѣ употреблено окончаніе, какъ въ формѣ мѣстоим. сред. ед. toa.

bólkota [bëli] (L., 394)—μπόλκητε μπάλλι (1807, 22).

То и другое изданіе употребляютъ въ немногихъ случаяхъ ᾰ (имѣющее значеніе ъ) вм. *a*. Въ 3-хъ примѣрахъ наблюдается различіе въ этомъ употребленіи: ta póstis [*s*=š] étne [*e* вм. ᾰ] nétela (L., 387)—...ἔτνα νέτελλα (1802, 8). ta kláas (L., 392)—τᾰ... (1802, 19). taka ta ko ..(L., 398)—τάκα τᾰ κω.. (1802, 29).

ъ (ᾰ) вм. *a* не отражаетъ соотвѣтствующей черты болгарскаго говора Дидаскаліи. О значеніи написаній съ ᾰ вм. *a* см. ниже.

Въ изданіи Лика находится въ нѣсколькихъ написаніяхъ e вм. i и въ одномъ случаѣ обратно. prólita—πρώλετα (1802), komsíete—κωμσίητε (1802), krástaetzi—κραστατζι, klásoe—κλάσωη, natúene—νατουένη, vélegdhen—βέληγδεν, óte—ὅτι.

i въ первомъ случаѣ вызвано, вѣроятно, недосмотромъ. Полагать на основаніи этого написанія измѣненіе неударенаго *e* въ *i* въ болгарскомъ говорѣ невозможно: ср. въ изд. 1802 г. написаніе этого слова съ ε. Что касается написаній съ *e*(ε?) вм. *i* (η), то и они не отражаютъ живого болгарскаго говора Дидаскаліи. Кто-то изъ приложившихъ свою руку къ Дидаскаліи въ переписываніи или въ типографскомъ наборѣ ея смѣшивалъ ε и η. То же смѣшеніе часто обнаруживается

и въ греческой параллели, напр.: κάθεται (L., 396)—καθῆται (1802, 28) и др.

Въ изданіи, перепечатанномъ Ликомъ, очень часто находилось ◡ подъ двумя знаками гласныхъ. Въ однихъ написаніяхъ ◡ употребляется и въ изданіи 1802 г., въ другихъ этотъ знакъ отсутствуетъ здѣсь. Не во всѣхъ случаяхъ ◡ ликовскаго изданія Дидаскаліи употребленъ подъ знаками для передачи *одного* слога. Если ia—въ iásika, oi въ vóloite и можетъ быть, aa въ khótaat, óraat и др. передавали по одному слогу, то въ такихъ случаяхъ, какъ sélvia, sestoria, soárno..., написанія ia и oa не выражали собою одного слога.

Другія опечатки и недосмотры.

óvoite (L., 385)—ὄβνητε (1802, 3). di (L., 389)—ντνῆ=dni (1802, 9). i ta sevártit tzinvat (L., 339)—...τζιουβατ (1802, 11). saserátvis (L., 391)—τα σερατβης (1802, 16). ténie (L., 392)—τάννιε (1802, 11). vétia (L., 393)—βέτια (1802, 20). na táas (L., 398)—τά τάασσ (1802, 29).

Опечатки и недосмотры, общіе съ изданіемъ 1802 г.

ta toa—τά τώα (L., 391. 1802, 17) вм. ζά τώα. gelot—γαλωτ (L., 389. 1802, 11) вм. γαλωτ[ο]. nevéetise—νεβέστησε (L., 400. 1802, 33). parádhisot rakot—παράδεισοτ ῥάχοτ (L., 401. 1802, 34) вм... ῥάϊοτ.

Изученіе и изданія Дидаскаліи.

Уже 100 лѣтъ тому назадъ, какъ было указано на цѣнное значеніе, какое представляетъ λεξικὸν τετράγλωσσον Даніила для изученія балканскихъ языковъ: албанскаго, македонско-валашскаго (аромунскаго) и болгарскаго. Leake въ своей книгѣ: Researches in Greece (1814) далъ грамматику албанскаго языка (стр. 260 и слѣд.), руководствуясь албанской параллелью Дидаскаліи и своими непосредственными наблюденіями надъ живыми албанскими говорами. Въ той же книгѣ имъ переизданъ четыреязычный глоссарій Даніила.

Приблизительно въ то же время Дидаскаліей занимался и Вукъ Ст. Караджичъ, знакомясь съ болгарской частью глоссарія. Въ числѣ немногихъ пособій по болгарскому языку ему служила и эта книга, въ изд. 1802 г. [1]). Въ грамматиче-

[1]) Додатак к санктпетербургским сравнителъним рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледима бугарског језика. Написао Вук Стевановић. У Бечу. 1822. 48—49.

скихъ замѣчаніяхъ о болгарскомъ языкѣ имѣется ссылка и на книгу Даніила [1]).

Обратилъ вниманіе на Дидаскалію и П. И. Шафарикъ. Въ 1834 г. онъ просилъ Караджича добыть ему λεξικὸν τετράγλωσσον, изд. 1802 г. [2]). Въ характеристикѣ болгарскаго нарѣчія, находящейся въ Slow. Národopisu [3]), имѣется рядъ примѣровъ, которые Шафарикъ могъ почерпнуть изъ Дидаскаліи. Фонетическія и морфологическія особенности этихъ примѣровъ также указываютъ на Дидаскалію.—Для e→i: beriš—μπέρης [4]); možiš—μόζησσ, nesit—[τὸ]νεσιτ. Для ъ→o: siekor—σφέκορ, petok—πέτοκοτ, so—σῶ. Для o→u: mnogu—μνόγου. Wysauwání sauhlásek *d, v, l*: gleaś, klaiš, ostiniš; glaa, daboi". Тѣ же примѣры и въ Дидаскаліи: χλέασσ, χλάησσ, ὄστηνησσ, κλάα[τα], ντάπωη. Ср. къ тому же окончаніе—iš въ формѣ наст. 2 ед., свойственное болгарскому говору Дидаскаліи [5]).

Ссылка на эту книгу сдѣлана Шафарикомъ въ отдѣлѣ болгарской словесности (стр. 45).

Въ послѣдующее время аромунскіе тексты Дидаскаліи дали обильный матеріалъ Ф. Миклошичу для его „Румынскихъ розысканій" (Rumunische Untersuchungen. I. Denkschr. XXXII. 1882), а албанскіе—Густ. Мейру для его албанскаго словаря (Etymol. Wörterbuch d. albanesischen Sprache. Strassb. 1891) [6]). Но славянская часть Дидаскаліи все еще не была предметомъ всесторонняго изученія. Кромѣ Караджича и Шафарика ею пользовался Миклошичъ въ своихъ статьяхъ: „Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen" (Denkschr. Bd. XXXIV) и „Die türkischen Elemente in den südost-und

---

[1]) Ibid. 50.

[2]) Н. М. Петровскій. О занятіяхъ В. Копитаря болгарскимъ языкомъ. „Списаніе на Бълг. Акад. на наукитѣ". Кн. VIII, стр. 32.

[3]) 3 изд. W Praze. 1849. Стр. 42—44.

[4]) Въ латинской транскрипціи—примѣры изъ Národopisu, въ греческой —изъ Дидаскаліи.

[5]) Сравненіе другихъ болгарскихъ діалектическихъ „примѣтъ" (znakûw), сообщенныхъ Шафарикомъ, съ діалектологическимъ матеріаломъ, находящимся въ „Додаткѣ" Караджича, обнаруживаетъ, что бо́льшая часть этихъ „примѣтъ" взята изъ „Додатка".

[6]) Die beiden wichtigsten Denkmäler für die Kenntniss und das Studium des Albanischen und des Südrumänischen ausdem vorigen Jahrhunderte sind die Εἰσαγωγικὴ διδασκαλία von Daniel und die Πρωτοπειρία von Kavalliotis. G. Meyer Albanesische Studien. IV. Sitzungsber. Wien. Bd. 132, Стр. 1.

osteuropäischen Sprachen“ (ibid. XXXV, XXXVII, XXXVIII). Но объясненія данныхъ Дидаскаліи, предложенныя Миклошичемъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно непріемлемы. Напр., почти все о замѣнахъ ѫ, ѧ (стр. 106). α въ этихъ случаяхъ выражаетъ, по мнѣнію Миклошича, ę, т. е. ъ. Тотъ же гласный будто бы передается и посредствомъ αε, ε, ο, ι [!]: μπίταετ. σέ, πίτητ. Этими примѣрами онъ иллюстрируетъ свое объясненіе замѣнъ ѫ. Ср. также о замѣнѣ ѧ (на стр. 113) въ примѣрахъ формъ наст. 3 мн.: a, das den haut ę darstellt: φάρλιατ férliat: hvrъlętъ. ράπωτατ ráb̀otat: rabotętъ..; αε, das wahrscheinlich dem *eje* anderer Qnellen entspricht und ją voraussetzt: πόλιαετ bóliaet: bolętъ..; aa, das wohl mit αε gleichbedeutend ist: κούπαατ kúpaat: kupętъ.

Много ошибочнаго въ объясненіяхъ передачъ замѣнъ ę, ǫ (стр. 117) и др.

Параллельно съ этими объясненіями идетъ неправильное транскрибированіе греческихъ написаній посредствомъ латинки. Кромѣ примѣровъ вышеуказанныхъ, ср. также передачу τζέτβορτοχ čétvęrtęk,, četvrъtъk (117),—передачу, искажающую въ двухъ отношеніяхъ македонскую форму: četvort—и суффиксъ—ок.

Послѣ Миклошича, никто изъ изслѣдователей болгарскаго языка въ своихъ изученіяхъ не привлекалъ данныхъ Дидаскаліи. До сихъ поръ не сбывались надежды М. С. Дринова, указывавшаго на важность изученія этихъ данныхъ: „единъ день ще се яви нѣкой филологъ, който ще се вземе да изучи добрѣ тоя паметникъ отъ всяка страна и да извлече всичкото заровено въ него драгоцѣнно градиво“ [1]).

Въ статьяхъ самого Дринова сдѣлано лишь общее указаніе на діалектическое значеніе болгарской параллели словаря Даніила [2]).

Что касается изданій четыреязычныхъ параллелей Дидаскаліи, то въ этомъ отношеніи сдѣлано слѣдующее.

---

[1]) Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга. „Книжици за прочитъ“. VIII—X. Солунъ. 1891. 201. Съчинения. II, 489.

[2]) 1) Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга. 2) Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ. „Изв. С.-Пб. Слав. благотворит. Об-ва“, 1887, № 1, стр. 9. Съчин. II. 367. 3) О болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа. СПб. 1892, стр. 1 (Отт. изъ Отчета о 4-мъ присужденіи премій Макарія).

Въ 1814 г. Willam Martin - Leake въ своемъ трудѣ: Researches in Greece (London. 1814) перепечаталъ четыреязычный словарь Даніила съ добавленіемъ англійской параллели—Ἰγκλέσικα. Ραμέϊκα напечатана греческимъ алфавитомъ, а прочіе столбцы латинкой. Когда и гдѣ былъ напечатанъ тотъ экземпляръ Дидаскаліи Даніила, которымъ пользовался Ликъ, опредѣленно не указано послѣднимъ. По этому поводу замѣчено лишь слѣдующее; I believe at Moskhópoli, about fifty years ago (381), т. е. около 1764 г. (1814—50). Конечно, этого Ликъ не сказалъ бы, если бы онъ располагалъ экземпляромъ второго изданія, гдѣ ясно опредѣлено время его появленія: Ἐν ἔτει σωτηρίῳ αωβ' 1802. Такимъ образомъ, у Лика былъ экземпляръ перваго изданія Дидаскаліи.

Транскрибируя албанскую, аромунскую и болгарскую параллели латинкой, Ликъ передавалъ греческія написанія за небольшими исключеніями соотвѣтствующими латинскими, не обращая вниманія на различное звуковое значеніе одинаковыхъ знаковъ. Такъ, напр., вм., τ, имѣвшаго значеніе t и d, у Лика тоже одно t; въ соотвѣтствіи π (=p и b) и у него p; въ соотвѣтствіи σ (=s и z) одно s; въ соотвѣтствіи κ (=k и g) одно k: státoto, népoto, svéstite, kóka... Но двузначная греческая передача того или иного звука замѣнена у Лика опредѣленнымъ однозначнымъ латинскимъ написаніемъ. g вм. γκ: gore вм. γκῶρε, d вм. ντ: dáροi вм. ντάπωη, b вм. μπ: vérba вм. βάρμπα (но и—úmbao въ соотвѣт. οὔμπαω. ómbletzen—ὄμπλετζεν и др.).

Вм. σσ (=š) курсивное s (*s*). Вм. αι—e: ke—καὶ.

Вм. ᾳ (=ѣ)—курс. e (*e*).

Если албанско-аром.-болгарскіе тексты въ транскрипціи Лика часто не точно передаютъ соотвѣтствующее языковое явленіе, то для насъ эта транскрипція имѣетъ то положительное значеніе, что по ней легко можно возстановить греческое письмо оригинала.

Въ 1822 г. Вукъ Ст. Караджичъ предполагалъ „постараться переписать ихъ [„болгарскія фразы“ Дидаскаліи] нашими буквами (какъ слѣдуетъ) и напечатать“ [1]). Но это намѣреніе Вука не было осуществлено.

Въ 1841 г. въ солунской болгарской типографіи архимандрита Ѳеодосія вышла „Книга | за наѹчєніє трихъ ѫзикѡвъ. |

[1]) Додатак. 1822. Стр. 49.

Славѧнско бо́лгарскїи и гре́ческым | и карамали́цкои | напеча́тасѧ во гра́дѣ со́лѹнѣ | со їзнови́ тѵ́пи. | при хаџи папа ѳеодо́сїа | архїмандри́та Сѵнаи́тскаго | лѣта | 1841 [1]).

Какъ уже указалъ М. С. Дриновъ [2]), въ эту „книгу“ вошли тексты изъ четыреязычнаго глоссарія х. Даніила. Изъ Дидаскаліи въ солунскую книжку вошли н.-греческій и болгарскій тексты—Ῥωμαϊϊκα и Βουλγάρικα. Βλάχικα и Ἀλβανίτικα въ солунское изданіе не взяты. Зато къ болгарской и н.-греческой параллелямъ здѣсь добавленъ „карамалицкій“ текстъ. Ῥωμαϊϊκα и Βουλγάρικα вошли почти цѣликомъ изъ изданія 1802 года. Пропуски, вызванные, можетъ быть, недосмотромъ составителя, незначительны. Греческія буквы Дидаскаліи замѣнены въ солунской книгѣ славянскими; славянскими же буквами переданъ и турецкій текстъ. Замѣна греческаго алфавита славянскимъ сдѣлана мало удовлетворительно. Въ особенности неудовлетворительна въ этомъ отношеніи болгарская параллель: постоянное смѣшеніе въ употребленіи т и д (въ греч. одно τ), к и г (въ греч. χ или γ—γκ), ч и ц (въ греч. τζ), ж и з (въ греч. ζ), п и в (въ греч. π), непониманіе звукового значенія нѣкоторыхъ знаковъ, напр. γ въ сочетаніи съ ι (γιετ—гѣетъ, гет, γιάχη—гиа́ки и т. п.), часто наблюдающееся непониманіе текста и искаженная передача его—все это отражается на каждой страницѣ солунской книжки. Въ результатѣ неумѣло проведенной замѣны греческой транскрипціи славянской текстъ Дидаскаліи х. Даніила во многихъ мѣстахъ искаженъ до куріозовъ. Напр.: и вете́лотъ кога́ ви́катъ на́ полносъ (Зоб.). Оказывается, этотъ „полносъ“ соотвѣтствуетъ греческому τὰ μεσάνυκτα. Въ Дидаскаліи—νὰ πῶλ νόσσ.

Слѣдуя за греческими буквами оригинала безъ надлежащаго пониманія самаго текста, составитель солунской книжки не удержался и отъ слѣдующаго написанія на 8-ой стр.: Крѵ́мите пра́сите оме́кнаетъ ка́лѡтъ [!] и тѡпликатъ сна́гата. Греческій текстъ указываетъ, что лукъ и порей дѣйствуютъ на—то́н ла́рингка (Дид. τὸν λάρυγκα, горло). У Да-

[1]) Мнѣ извѣстны слѣдующіе экземпляры этого изданія: 1) въ библіотекѣ Румянц. Музея, въ собр. В. И. Григоровича; 2) въ Славянскомъ отд. б-ки Академіи Наукъ въ Петроградѣ; шифра: 1309.6.750; 3) въ б-кѣ Казанской Духовной Академіи; шифра: С.4.20; 4) въ б-кѣ софійскаго университета; шифра: 88 и 39.

[2]) Съчин. II, 483.

ніила—γχαλωτ, съ пропускомъ ρ передъ λ.

со тéсната рѫ́ка (8) вм. со дéсната рáка.

Совѣтуется не ходить на свáдбите прáгоите (18 об.), т. е. бráконте.

дà не клáнает (21) вм. дà не кѫлнаетъ. У Дан.—τά νέ χάλναετ.

плáтиш (12 об., 13 об.) вм. пáтиш. У Дан. πάτησσ.

вíеш (20 об.) вм. пíеш. У Дан.—πίεσσ, Ῥωμ. πίνῃς.

дà дерзишъ (8 об.) вм. дà дѣ́ржишъ.

Подобныя искаженія испещряютъ каждую страницу солунскаго изданія.

Церковно-славянская грамотность составителя солунской книжки также отразилась въ измѣненіи болгарскаго текста Дидаскаліи Даніила. рѫ́ка, зéмлѧ, дéржитъ (τάρζητ)...

Имѣя въ виду совсѣмъ неудовлетворительную передачу болгарской параллели въ солунскомъ изданіи, нельзя согласиться съ заявленіемъ Дринова: „не се съмнѣваме, че такъвъ филологъ при тая си работа [при изученіи Дидаскаліи Даніила] съ благодарение ще се възползува и отъ триезичната солунска книжка“ [1]).

Ф. Миклошичъ въ своей статьѣ: „Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen“ (Denkschr. XXXIV. 1884) сообщилъ нѣсколько начальныхъ строчекъ болгарской параллели Дидаскаліи (по изд. 1802 г.), стр. 131.

Въ 1891 г. въ солунскомъ журналѣ: „Книжици за прочитъ“, кн. VIII—X, помѣщена была статья Д. (М. С. Дринова): „Нѣколко белѣжки за триезичната солунска книга“ (стр. 195—201. Перепеч. въ Съчин. II, стр. 483—489). Въ этой статьѣ Дриновъ далъ коротенькія выписки изъ Дидаскаліи (по выдержкѣ, находящейся въ статьѣ Миклошича, и по изданію Лика), снабдивъ ихъ параллелями изъ солунскаго изданія [2]).

Въ 1905 г. появилась статья П. Драганова: „Юго-славянскія книги и статьи, напеч. греческими буквами“ (въ „Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н.“, т. X, кн. I). Драгановъ опредѣленно указываетъ годъ и мѣсто перваго изданія Дидаскаліи: въ Москополѣ, въ 1762 г. „Изъ Москопольскаго Тетраглосса“ онъ перепечаталъ нѣсколько начальныхъ строчекъ. Въ примѣчаніи дано заглавіе этого „тетраглосса“, съ

[1]) Съчин. II, 489.

[2]) Въ двухъ случаяхъ имъ употреблено ц вм. ц̧ и разъ ж вм. ц̧.

тѣми сокращеніями, какъ въ „Книгописѣ“ К. Иречка (№ 150) и въ статьѣ М. Дринова.

Въ заглавіи фигурируетъ между прочимъ выраженіе—τῆς ἐν Μόσχᾳ Βλαχικῆς, вм. τῆς ἐν Μοισίᾳ Βλαχικῆς. — У Иречка—правильно. Пропустилъ г. Драгановъ и предлогъ ἐκ: ἐκ Μοσχοπόλεως. Да не подумаетъ кто-нибудь, что г. Драгановъ пользовался подлиннымъ экземпляромъ Дидаскаліи. Нѣтъ. Онъ перепечаталъ нѣсколько строчекъ изъ выдержки, находящейся въ статьѣ Миклошича: „Geschichte d. Lautbezeich“, но перепечаталъ съ и с к а ж е н і я м и.

Драг. σφέστη-τε.	Микл. σβέστη τε.
Др. ρηπη-το, ιάγκουλη-τε.	М. ρήπη τε, ιαγκούλη τε.
Др. Пах ρετζεὴ, ιζλέκωα.	М. πάκ ρέτζε. ἠ ιζλέκωα.
Др. οτ τοπολίγα (ιασικα).	М. οτ τοπόλικα (ιάσικα).
Др. οτ σέλφεια.	М. οτ σέλβεια.

Др. ἠ τρούζη (στὸ) σε ναϊτοατ[1]) βῶ ορμάνοτ. τρούζη σε να πλανήγε-τα.

М. ἠ τρούζη σε νάϊτουατ βῶ όρμανο τ, τρούτζη σέ νὰ πλανήγνε τα.

Др. νὰ τρούζη μέστα.	М. νὰ τρούτζη μέστα.
Др. τρέφα-τα.	М. τρέβα τα.
Др. κοπρηβη.	М. κόπρηβ(η).

Отступленія отъ образца, напечатаннаго Миклошичемъ,—отступленія, искажающія значеніе текста Дидаскаліи, нельзя объяснять тѣмъ, что г. Драгановъ пользовался инымъ, именно первымъ изданіемъ, какъ опредѣленно заявляетъ онъ заглавіемъ своего приложенія: въ перепечатанномъ г. Драгановымъ отрывкѣ находятся такія особенности, какія свойственны изданію 1802 г. Ср. присутствіе слова ιαγκούλητε, котораго не было въ 1-мъ изданіи, написаніе τρούζη съ однимъ ζ. То, что Драгановъ выдалъ текстъ изд. 1802 г., находящійся въ статьѣ М и к л о ш и ч а, за 1-е изд., ясно изъ слѣдующаго: у Микл. πλαννήγνετα, у Др. тоже съ—τα; у Микл. κόπρηβ(η); Др. пошелъ дальше и раскрылъ скобки: если бы у него было оригинальное изданіе Дидаскаліи, онъ увидѣлъ бы, что въ первомъ словѣ членнымъ окончаніемъ

[1]) Это не опечатка: въ параллельной транскрипціи дано—найдоатъ—.

является—τὸ. а во второмъ η служитъ въ качествѣ союза [!]. Зависимость отъ текста Миклошича изобличается и постановкой запятыхъ и скобокъ, отсутствовавшихъ въ оригиналѣ. Отступленія же отъ миклошичевской перепечатки вызваны небрежнымъ отношеніемъ г-на Драганова къ тексту и только этимъ.

Транскрипція текста русской гражданкой сдѣлана еще хуже.

Итакъ, до послѣдняго времени Βουλγάρικα Дидаскаліи оставалась неизученной и неизданной въ полномъ и точномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма значительная цѣнность этого рѣдкаго памятника давно бы заслуживала и точнаго изданія и внимательнаго изученія. Справедливо писалъ G. Meyer: „Ein genauer, vollständiger Abdruck des ganzen, jedenfalls ungemein seltenen Buches wäre in hohem Grade erwünscht“ (Alban. Stud. IV. Sitzber. Bd. 132. Стр. 1).

Въ 1909 г. въ Бухарестѣ вышла книга Перикла Папахаджи, родомъ македонскаго влаха: Scriitori aromâni in secolul al XVIII (Cavalioti, Ucuta, Daniil). De Per. Papahagi. Bucureşti. 1909. Стр. 1—52 занимаетъ introducere, въ которомъ сдѣланы замѣчанія, не вполнѣ объективныя, о возродительномъ движеніи у македонскихъ влаховъ (аромунъ). Затѣмъ идутъ тексты: 1) Νέα Παιδαγωγία (Вѣна 1797) Константина Укуты (57—101) и 2) Εἰσαγωγικὴ Διδασκαλία (105—182). Четыреязычные тексты Дидаскаліи занимаютъ 116—182 стр. Столбцы Βλάχικα. Βουλγάρικα. Ἀλβανίτικα имѣютъ при себѣ параллели, переданныя румынской абецедой. Перепечатка Дидаскаліи сдѣлана по изданію 1802 г., по экземпляру Румынской Академіи наукъ (după exemplarul aflător în biblioteka Akademiei Române. 43). Къ текстамъ присоединены 3 словаря: 1) Vocabular Aromân (187—261) куда вошелъ и влашскій словарь изъ Πρωτοπειρία Каваллioти, 2) Vocabular Albanez (263—291 и 3) Vocabular Bulgăresc (293—314). На стр. 315—324 сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о названіи „Aromân“ и алфавитахъ, принятыхъ Папахаджи, Мейромъ, Даніиломъ, Каваллioти, въ кодексѣ Димонія, Укутой. На стр. 327—328 помѣщены Indreptări.

При изученіи языка Дидаскаліи, въ частности болгарской параллели ея по изданію Папахаджи слѣдуетъ пользоваться только греческими столбцами, но отнюдь не латинскими,—транскрипціей Папахаджи. Много неточностей въ

замѣнахъ греческихъ знаковъ латинскими, ошибочное чтеніе текста, нѣкоторая произвольность и непослѣдовательность въ передачѣ звуковъ и формъ допущено имъ въ параллельныхъ столбцахъ, напечатанныхъ румынской абецедой. Я говорю лишь о болгарской параллели, не касаясь другихъ частей глоссарія. Текстъ же въ греческой транскрипціи, какъ показываетъ сравненіе его съ соотвѣтствующими параллелями по изданію Лика и Миклошича, перепечатанъ точно. О своей точности въ передачѣ греческихъ написаній говоритъ и самъ Папахаджи. „Я желаю подчеркнуть, что подлинный текстъ переданъ точно, слова переписаны такъ, какъ они встрѣчаются у Даніила, при чемъ мы не позволили себѣ измѣнить даже самаго малаго“ (293).

Рядъ ошибокъ и неточностей въ румынско-латинской транскрипціи былъ указанъ Ст. Романскимъ, въ Период. Спис. LXX, св. 5—6, стр. 464—467 [1]). Но много недосмотровъ въ транскрипціи Папахаджи осталось неотмѣченнымъ и послѣ рецензіи Романскаго. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе важные.

eagnécata (употребляемъ c вм. ţ) вм. jagъncata—ιαγαντζατα (119), napraš (š вм. s) вм. nápraiš—νάπραηϛ (120), ierš вм. ъrš—ἔρϛ (120), óstavit вм. óstanvit—ὄσταγβιτ (123), gáskʻite вм. gúskʻite—γούσκητε (124), vlezat вм. vlézaat—βλέζαατ (126), sákaat вм. sákaet—σάκαετ (130), imám вм. ímam ἠμαμ (133), práznicite вм. praznícite—πραζνήτζητε (133), sfátbite вм. sfádbite—σφάτπητε (135), edna gémia вм. éden gemía—ἔτεν γκεμία (136), skáršina вм. skáršena—σκάρϛεγα (136), zabra вм. zápra—ζάπρα (140), pápukot вм. pápokot—πάπωκοτ (141), nega вм. neká (143, 145), ovaï вм. óvoi—ὄβοη (144), róbite вм. rúbite—ρούμπητε (151), čataet вм. čádaet τζάταετ (154), sfekar вм. sfékor—σφέκαρ (159), skáršina вм. skáršini—σκάρϛινη (161), sini вм. sínoi(i)—σίνοη (162), cirévata вм. čirévata—τζηρέβατα (167), óstineš вм. óstiniš—ὄστηνηϛ (169), smía вм. zmía—σμία (173; ср. въ новогреческомъ письмѣ σ z передъ звонкими согласн. и плавными); ísusiš вм. ísušiš—ἴσουσηϛ (175), se červenit, červeneta вм. se cărvánit—σε τζάρβάνητ, cărvéneta—τζαρβένετα (175, 177), nózite вм. nódzite νότζητε (176, 177);

[1]) Конечно, ошибочна транскрипція Папахаджи нарѣчія ὀτβά посредствомъ otvá. Но не точно и edva,—исправленіе г. Романскаго: въ македонскихъ говорахъ это нарѣчіе имѣетъ видъ odvá—odváj. См. ниже.

σέτνε во всѣхъ случаяхъ передано посредствомъ setne; но вѣроятнѣе, что въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи было sedne, какъ это извѣстно многимъ македонскимъ говорамъ. Много путаницы въ передачѣ мягкихъ согласныхъ и ia (ja).

Въ словарѣ повторяются ошибки и неточности текста. Къ этому присоединены новыя при возстановленіи формы именит. ед. въ именахъ и 1 ед. наст. вѣ глаголахъ.

Въ дальнѣйшемъ мы руководствуемся только греческой транскрипціей текста Дидаскаліи. Ссылки помѣчаемъ страницами не Дидаскаліи, а для удобства справокъ страницами изданія Папахаджи.

*ъ, *ь.

ъ. Для передачи гласнаго ъ въ Дидаскаліи принятъ знакъ ą. Тотъ же знакъ употребляется для передачи албанскаго „глухого" гласнаго ë (ё въ обозначеніи Вейганда: Alb. Grammatik, Leipz. 1913). и аромунскаго â или ă: τą. κάπą δέντą (алб.); κąντου. ἀράντą μοῦλτε ζąμανε, λąνą κάντιτζε (аром.).

Гласный ъ употребляется въ извѣстныхъ случаяхъ передъ плавнымъ: зъ̀рна, въ̀лна и др. (см. ниже). Въ одномъ случаѣ онъ находится вм. коренного *ǫ въ словѣ кѣ̀тник κάτνης. 140; τ по ошибкѣ вм χ) и разъ въ суф.: јагънцата—ἰαγąντζατα 119.

Затѣмъ въ заимствованномъ словѣ *хъ̀ндек*: два хъ̀ндека 139; но въ другомъ случаѣ для того же слова употреблено *е*: хе́ндек 157. Замѣтимъ, что въ албанской параллели соотвѣтствующее слово передано въ обоихъ случаяхъ съ гласнымъ *е*: χεντέχ.—Въ греч. и аромун. параллеляхъ нѣтъ этого заимствованнаго слова; ему соотвѣтствуетъ τὸ αὐλάκι, ὁ λάκκος въ греч. и tsapu въ аромунской.

Въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи отражаются элементы двухъ звуковыхъ варіантовъ этого заимствованнаго слова: турец. χendek и χandak. Въ однихъ болгарскихъ говорахъ отражается hendek, въ другихъ handak, въ третьихъ сочетаніе съ элементами того и другого варіанта. Такъ, *ендек* употребляется въ Охридѣ (Шапк. VIII, 128, 125), въ Рѣсенѣ (Сбм. VIII, 230), въ Галичникѣ (Сбм. XI, 147), въ Прилѣпѣ (Сбм. XVI—XVII, 242). Также въ сѣверо-восточной Болгаріи: hẽndẽk (Miletič. D. Ostb. 131).

а́ндак—въ Леринѣ (Шапк. IX, 327), въ Дупницѣ (Сбм. X, 186).

е́ндак отмѣчено для самоковскаго говора (Сбм. X, 157). Наконецъ, въ болгарскихъ говорахъ отражается и образованіе съ гласнымъ і въ суф., указывающее на *ç*endik. Такъ было въ говорѣ солунской „Книги за наученіе трихъ ѧзиковъ“. Въ ней въ соотвѣтствіи χέντεχ Дидаскаліи читается ѥ҃ндикъ въ болгар. и ѥ҃ндикъ въ карамалицкой параллеляхъ (16).

Въ ограниченномъ числѣ случаевъ ъ (ᵃ) употребленъ вм. а (ᵃ). Въ 5 случаяхъ это относится къ союзу *da*, переданному посредствомъ τᵃ (112, 147, 149, 171, 181). Затѣмъ: τόᵃρηᵢ—тóъриш 175; γᵃήτε—нъ́йде 144,—аор. 2 ед.

Въ 1-мъ изданіи также были примѣры употребленія ᵃ вм. ᵃ, какъ это обнаруживается изъ перепечатки Лика, передававшаго ᵃ оригинала посредствомъ курсивнаго *е*. Но они не вполнѣ совпадаютъ съ примѣрами 2-го изд.: t*е* вм. ta [da] употреблено въ 3 случаяхъ; но зато въ одномъ случаѣ имѣется *е* тамъ, гдѣ во 2-мъ изд. находится ᵃ: ta póstis (курс. s соотвѣт. š) étn*е* nétela (387). Въ Дидаскаліи 1802 г. ἔτνα νέτελλα.

Всѣ эти случаи употребленія ᵃ вм. ᵃ вызываютъ большое подозрѣніе въ ихъ фонетическомъ значеніи. Съ несомнѣнностью надо исключить τᵃ вм. *da*. Въ этой передачѣ вм. обычной τᵃ (=da) отражается ясная зависимость отъ алб. τᵃ (=tɛ(ë)), такъ часто употребляемаго въ албанскомъ текстѣ соотвѣтственно союзу *da* болгарской параллели.

ъ→*о*. Вмѣсто гласнаго ъ, бывшаго въ „сильномъ“ положеніи, говоръ Дидаскаліи имѣетъ опредѣленную замѣну, одну и ту же въ корнѣ и суффиксѣ: *о*.

1) сóн 156, вóшк'и 156, бóчфа 132, бóш[ч?]фите—μπόσφητε 131.

2) лáкот 141.

3)—*ок*: чéтфорток 127, пéтокот 127, пáпокот 141, пéсок 173.

ок и въ словахъ: вóсок 138, мóзок 147.

4)—*от* членной формы муж. ед.: óрманот 117, чóекот 118, 110, áрсланот, вóлкот 118, кóренот 153, пéтелот 121; брелот 124, сфéтецу[о]т 142, пéтокот 127, пáпокот 141

κράιοτ 136, λώσσιοτ — лошіот 150. μάτρηοτ — мáдриот 137, σφιοτ—сфúот 127. Какъ видно, сочетанія нечленныхъ формъ съ ихъ суффиксами *ец* изъ *ьц* и *ок* изъ *ък* входятъ и въ членныя формы. Такъ во всѣхъ македонскихъ говорахъ, такъ и въ болгарскомъ языкѣ вообще.

Примѣровъ членной формы съ—*о* Дидаскалія не имѣетъ.

5) Въ предлогахъ *ᵘъ и *ᵘsъ: *во* 117, 125, 127, 130 и др. *со* 128, 130, 133, 134 и много разъ затѣмъ. Вообще эти предлоги употребляются въ видѣ *во* и *со*.

ъ→а. снáата 160.—сна[х]а съ *а* послѣ *н* знаютъ и тѣ говоры Македоніи, гдѣ вообще отсутствуетъ вторичное *ъ→а* (Охридъ, Струга, Рѣсенъ, Костуръ). сна[х]а извѣстна и Западной Болгаріи. Съ тѣмъ же гласнымъ это слово употребляется и во многихъ говорахъ восточнаго нарѣчія (въ связи съ ъ→а). Изъ македонскихъ говоровъ лишь въ солунскихъ (Oblak. Mac. St. 14), охридскомъ (при „снáа“) и дебърскомъ наблюдаются отклоненія: снѣа въ Охридѣ (Изв. на сем. III, 234), снóа изъ снъ́[х]а въ дебърскомъ краѣ (Сбм. XI, 585).

2) мáскʻите—μάσκητε 120. Ῥωμ. τὰ μουλάρια. Βλάχ. μουλάρλε. Ἀλβ. μού[ŋ]κατα.

Въ этомъ примѣрѣ отражается вторичное измѣненіе *ѧ*, развившагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ вм. прежнихъ „слабыхъ“ *ъ*, *ь*, а также и при другихъ условіяхъ. Въ это время переходило въ *а* и *ъ*, замѣнявшее до этого прежній носовой гласный *ǫ.

3) Такимъ же образомъ объясняется *а* (или ā) въ турецкомъ суффиксѣ lък: кýрвалак 163. Но отсутствіе другихъ примѣровъ съ этимъ суффиксомъ вынуждаетъ ограничить это объясненіе лишь даннымъ и ему подобными (съ гласнымъ *а* въ предшествующемъ слогѣ) случаями. Былъ ли тотъ же гласный въ суф. (—lak) и въ другихъ словахъ на—lък, неизвѣстно. По всей вѣроятности, въ тѣхъ сочетаніяхъ, когда этому суффиксу предшествовалъ слогъ съ гласнымъ *и(у)*, произносилось—luk: [ch]ajdutluk, arnautluk и т. под. На возможность такого вида суффикса указываютъ всѣ современные македонскіе говоры.

ь. Одновременно съ *ъ* въ „сильномъ“ положеніи измѣнялось и *ь*, находясь въ тѣхъ же условіяхъ: ь→е и въ корнѣ и въ суффиксѣ.

1) лéнот 148, дéн 156, вéлигден 178, дéн'а—днемъ 146, тéстот 159, отъ—тест—пошла и—тéста[та] 160; чéсна.

2)—*ен*: чéстен 128, ýмен 149, тéсен 156, рáдосен 176, хáрен 146, 148, 161.

éден 136 (2 р.), 138 и др.

3)—*ец* сфéтец[от] 142.

4)—*ыо—: *отыъ—óрел[от] 124.

По судьбѣ *ъ, *ь Вострухина принадлежитъ Македоніи. При обозрѣніи судьбы „сильнаго“ *ъ, а также „сильнаго“ *ь необходимо имѣть въ виду положеніе ихъ въ словѣ: судьба *ъ (ь) въ корнѣ была въ нѣкоторыхъ говорахъ не тожественна съ судьбой *ъ (ь) въ суффиксѣ или префиксѣ. Въ корнѣ вм. *ъ развилось *о* почти во всѣхъ говорахъ Македоніи, кромѣ сѣверной полосы ея, и въ сосѣднихъ съ Македоніей юго-западныхъ говорахъ Болгаріи. Пограничными областями *ъ—о* являются слѣдующіе края. На югѣ и юго-западѣ: Костурскій край, Корча, Леринъ, Рѣсенъ, Охридъ, Струга. На западѣ и с.-западѣ: Дебърская область, южные склоны Шаръ-планины, мѣстности у истоковъ Вардара, Гостиваръ; немного сѣвернѣе Гостивара, приблизительно на полпути между нимъ и Тетовомъ пограничныя области говоровъ *ъ—→о* продолжаются въ сѣверо-восточномъ направленіи, къ р. Трескѣ, къ Каршіяку, къ Вардару въ юго-восточной части Скопскаго округа. Въ юго-восточномъ направленіи области *ъ—→о* говоровъ идутъ далѣе къ Велесу, Штипу, Радовишту. Отъ верховьевъ Брѣгальницы, черезъ Піянецъ, эти говоры распространяются на сѣверо-востокъ, занимая полосу юго-западной Болгаріи,—области Г. Джумаи, Разлога, Самокова, Дупницы, Кюстендила. Черезъ Малешово *ъ—→о* говоры спускаются къ югу, къ Струмицѣ, къ Кукушу, идутъ далѣе къ солунскимъ селамъ и отсюда поворачиваютъ къ юго-западу, къ Водену, къ Острову, Лерину. При этомъ надо замѣтить, что въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ очерченной территоріи можно наблюдать и другія замѣны *ъ,—замѣны, свойственныя сосѣднимъ говорамъ: *ъ* и *а*.—Записи и описанія.

*ъ въ суффиксѣ. Говоры, въ которыхъ употребляется вм. суффиксальнаго *ъ* гласный *о*, занимаютъ бóльшую территорію сравнительно съ намѣченной выше. Такъ обстоитъ

дѣло съ суффиксомъ—*ок*—вм. **ък* (точнѣе *ъ-ко).-*ок*-наблюдается не только тамъ, гдѣ *ъ→о*, но и во многихъ такихъ говорахъ, въ которыхъ замѣна *ъ* въ корнѣ не *о*, а *ъ* или *а*. Таковы говоры къ сѣверу отъ области *ъ→о* коренного: въ областяхъ Дольняго Полога, Скопья, Овчаго поля.—*ок*—употребляется, хотя и непослѣдовательно, въ западной Болгаріи, въ округахъ Босилоградскомъ, Радомирскомъ, Софійскомъ, Берковичскомъ. Не чуждо—*ок*—и нѣкоторымъ говорамъ восточной Болгаріи.

Условія возникновенія *о* въ суф. *-ок-* не для всѣхъ говоровъ были одинаковы. Если въ говорахъ Македоніи (за исключеніемъ ея сѣверной полосы) и юго-западной Болгаріи *-ок-**вм. *-ък-* развилось фонетически, въ связи съ общимъ измѣненіемъ „сильнаго“ *ъ* въ *о*, то въ говорахъ сѣверномакедонскихъ, западно-болгарскихъ (срединныхъ и сѣверныхъ) и восточно-болгарскихъ причина возникновенія *-ок-* вм. *-ък-* была иная; съ общимъ характеромъ измѣненія „сильнаго“ **ь* суффиксальное *ъ* не находилось, ибо результатъ, достигнутый въ фонетическомъ измѣненіи „сильнаго“ *ъ*, характеризуется гласными типа *ъ* и *а*, а не *о*. Не можемъ принять въ качествѣ исключительнаго объясненія и то, по которому *-ок-* является элементомъ заимствованнымъ изъ діалектовъ *ъ→о*. Если это объясненіе можно примѣнить къ сѣверно-македонскимъ говорамъ или къ говору радомирскому, ближайшему къ кюстендилскому, то какъ проникли эти суффиксальные элементы въ видѣ *-ок-* въ сѣверозападные и сѣверо-восточные болгарскіе говоры? Слѣдуетъ признать, что *-ок-* въ діалектахъ, незнающихъ *ъ→о*, развилось по аналогіи съ формами, гдѣ находился исконный суффиксъ-*ок*-(Сбм. XX, 25, Б. Цонєвъ): отъ образованій *висок*, *широк*, *дл̥[ъл]бок*, *слепок* выдѣлился суффиксъ *-ок-* и перешелъ въ другія образованія, вытѣснивъ *-ък-* (или-*ък*,-*ек*-, вм. *ьк:-*tęžьko-; tež'ъk или teżek→težok). Какъ суффиксъ, стало восприниматься прежнее коренное *-ок-* въ такихъ образованіяхъ, какъ *поток*. Да и въ македонскихъ *ъ→о* говорахъ употребленіе *-ок-* не обошлось безъ вліянія фактора психологическаго: присутствіе этихъ суф. элементовъ мы наблюдаемъ и послѣ прежнихъ палатальныхъ согласныхъ вм. ожидаемаго сочетанія *-ек-*; težok, žežok, tučok—обычныя звуковыя сочетанія во многихъ говорахъ Македоніи. На широкое распространеніе суф.—*ок*—указыва-

ютъ такія новообразованія, какъ ти[х]-ок: тіокъ ветаръ (Струга. Сбор. Миладин. 1861. 2), го́рок сон (Самоковъ. Сбм. II, 108). О развитіи *-ок-* путемъ аналогіи свидѣтельствуетъ употребленіе *—ок—* и въ такомъ заимствованномъ словѣ, какъ bosil'ok: ср. греч. βασιλικόν, лат. basilikum.

Въ говорахъ, пограничныхъ съ говорами *ъ→о*, суффикс. *ок* могло появиться и подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ говоровъ.

*-ок-*находится уже въ раннихъ среднеболгарскихъ памятникахъ съ разной діалектической окраской, западной (южной и сѣверной) и восточной. Ср. указанія П. А. Лаврова (Обзоръ. 36), В. Н. Щепкина („Болон. Псалтырь", 87), С. М. Кульбакина („Охридская рукопись Апостола", LXXXVIII; „Матеріалы и замѣтки", Ж. М. Н. Пр. 1904, іюль, стр. 24—25; 1905, май, 7, 14, 16, 24), Г. А. Ильинскаго (Слѣпченскій Апостолъ, XXIX — XXX). *-ок-* находится и въ вирпинской грамотѣ царя Константина Асѣня (бирокъ, доходокъ 3 р. при двухкратномъ дохо́дѣ, Ильинскій. Грамоты, 63) и въ Добрѣйшовомъ Евангеліи (простокъ 3 р., пѣтокъ 5 р., избитокъ, шпѣсокъ 3 р. Цоневъ. Добрѣйшово Четвероевангеле, 47),—въ памятникахъ, въ которыхъ отразились черты говоровъ сѣверной Македоніи или ближайшихъ областей западной Болгаріи.

Изъ современныхъ говоровъ отмѣтимъ лишь говоры сѣверной и сѣверо-восточной Македоніи, западной и восточной Болгаріи.

Д. Пологъ: прѐвързок, пѐток, чѐтворток—чѐтвърток, подàрок (Селищевъ. Отчетъ (цит. „Отчетъ"), 31, 6), ббсил'ок (Минало I 1, 74), сладок (Стояновъ, III, но и—песак, 86). Скопье: бòсил'ок (Минало I 1, 66—67). Велесъ: чѐтворток (сбм. VII, 126), пѐсок, тежок (Сбм. XII, 214, 163), ру́чок (Сбм. V, 147, XII, 183), ббсилок (Сбм. XIII, 173). Штипъ: пѐсок, почѐток (Сбм. XI, 588), тѐжок, ручо́к (Сбм. IX, 162, 211; Книжици III, 57). Кратово: да́ноко—чл. (Лесново. Минало, I 1, 77). Кочани: сладо́к ручок (Сбм. XVI—XVII, 185). Радовиштъ: попок (Караџић", I, № 11), Тиквешъ: ру́чок (Шапк. I, 139). Въ с. Сухо при *ъ→ъ* въ корнѣ произносится въ суф. *ок* (*йк*): pèntok (Oblak. Mac. St. 12), Киречк'ой: ručòk (Rad, knj. 145, стр. 154). Г. Джумая: песòк, добѝток, четфрътòк (Сбм. XX, 3). Самоковъ: добитоко — чл. Дупница: слàток, ручòк (Сбм. X, 183, 164), Кюстендилъ: денок, боси́л'ок (Сб. Любенова, 51, 27). Софійская область: пу̀пок, мутòк, ја̀ток (с. Петръчъ.

Цоневъ. Изв. за команд. I. 138—139; душóк, мечóк, ручóк, наj-мънечок (сс. Гурмазово и [illegible]. Сбм. III, 15. 203, IV, 168). пýпок, мутóк отмѣнены и въ Берковическомъ округѣ (с. Черешовица; пупок—въ сс. [illegible] и Говежда. Цоневъ. Изв. за команд. I. [illegible] въ нѣкоторыхъ босилоградскихъ селахъ слышится вапок (ib. 144).

Въ сѣверо-восточной Болгаріи: [illegible], pètok, mómok (Milcliè, Das Osib. 7), дубúтук, съмúчук, ninúчук (Цоневъ. Сбм. XX, 46). *-ок-* и въ словахъ: млечóк, прашóк, барчóк (Цоневъ. Сбм. XX, 25).

Во всѣхъ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи *-ож-* находится и въ словахъ „воскъ", „мозгъ".

мóзок—и въ Чиц[о]провцахъ (Сбм. XVI—XVII, 259), но момѣк, пупак, бöсилак (ib. 261, 259, 132).

О давности суф. *ок*, а также *ец* и ихъ продуктивности, интенсивности свидѣтельствуютъ общеалбанскія заимствованія у славянъ образованій съ этими суффиксами. Эти заимствованія, представляемыя говорами и тосковъ и геговъ, идутъ отъ славянъ, сосѣдившихъ съ албанцами на востокѣ и юго-востокѣ (въ Македоніи), а не отъ славянъ, сосѣдей на сѣверѣ и с.-западѣ.—patòk, macòk;—ок и въ bosilòk, kastravèc и krastavèc, mbodèc, kotèc, pjanèc, skopèc и др. (Miklosich. Alb. Forschungen. I. Denkschr. XIX. Dozon. Manuel de la langue chkipe. 275. Pekmezi. Gram. 220. Weigand. Alb. Gram. 42).

Членная форма м. ед. Употребленіе гласнаго *о* въ членной формѣ муж. ед. также не ограничивается предѣлами говоровъ *ъ→о*, а выходитъ за нихъ къ сѣверу, и къ востоку: говоры положскіе, скопскіе, кратовскіе и значительная часть западно-болгарскихъ имѣютъ—*о*[*т*], какъ окончаніе членной формы муж. ед. При этомъ, въ однихъ говорахъ эта форма оканчивается только гласнымъ—*о*, а въ другихъ за гласнымъ *о* слѣдуетъ согласный *т*. Въ нѣкоторыхъ областяхъ употребительны и въ томъ и въ другомъ видѣ членныя формы.

1) область—*от*; 2) область—*от-о*; 3) область—*о*. Области эти слѣдующія. 1)—*от*: къ западу отъ Битоли, въ области Прѣспанскаго и Охридскаго озеръ; далѣе эти говоры простираются въ сѣверо-западномъ направленіи, на

Крушово, Кичево, Порѣчье, Дебъръ, къ Тетову.—Записи и описанія.

Общность въ членной формѣ м. ед. не случайность въ этихъ говорахъ. Они и въ другихъ отношеніяхъ представляютъ черты, свидѣтельствующія о ближайшемъ взаимоотношеніи ихъ. Отмѣтимъ, что въ тѣхъ же говорахъ форма наст. 3 ед. имѣетъ—*т* (ср. ниже). Лишь говоры положскіе, въ частности говоры Тетова и ближайшихъ къ нему селъ на югѣ и сѣверѣ, нѣсколько уклоняются отъ прочихъ говоровъ охридско-дебърско-кичевскихъ. Въ нѣкоторыхъ тетовскихъ селахъ членная форма оканчивается на *о*, напр.; въ с. Стенче, находящемся по правую сторону Вардара. Въ этомъ отношеніи тетовскіе говоры приближаются къ говорамъ велесско-скопскимъ, гдѣ членная форма—*от -о*.

На югѣ Македоніи, въ предѣлахъ Воденa-Меглена [1])—Кукуша и Солуня также употребительна членная форма на—*от* (—*ŏт—ут*); но изрѣдка встрѣчается и форма на—*о* (Воденъ-Кукушъ).

2)—*от -о*. Къ востоку отъ Рѣсенско-Охридско-Кичевской —*от* области и къ сѣверу отъ Меглена и линіи Воденъ-Кукушъ находится область говоровъ съ безразличнымъ употребленіемъ звуковыхъ элементовъ членной формы м. ед.—*от* и-*о*. Это говоры въ слѣдующихъ краяхъ: въ битольскомъ, прилѣпскомъ, маріовскомъ, велесскомъ, скопскомъ, гевгелійскомъ и дойранскомъ. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. (Птгр. Публ. б-ка, F. IV. 561) съ чертами прилѣпскихъ говоровъ, членная форма передана съ оконч. о отъ: на чивликотъ, на воло 46 об. и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ чаще употребительной является форма на--*от*. Такъ въ области Гевгели и Дойрана, если вѣрно переданы член. ф. въ зап. Сборника Шапкарева (кн. IX).

Такъ и въ Скопьѣ и Прешевѣ,--селѣ, находящемся рядомъ съ селами Скопской Черной Горы, въ діалектическомъ отношеніи примыкающихъ къ кумановско-прешевской области, членная форма оканчивается чаще на—*от* (Минало I 1, 66 –69).

Но въ говорахъ Черной Горы эта форма имѣетъ окончаніе—*ат*: човекат (Етн. Зб. VII, 508), најмладијат (Насеља, III, 483, 497).

[1]) Передаемъ названіе этой мѣстности посредствомъ М е г л е н ъ, а не М ъ г л е н ъ: съ м е оно произносится тамошними жителями: „Мéглинут, мигленíц... (*и* вм. неуд. *е*). Сбм. III, 190.

Изъ отмѣченныхъ—*от -о* говоровъ въ ближайшемъ родствѣ между собою находятся говоры центральные,—битольско-прилѣпско-велесскіе.

По отношенію къ—*от* говорамъ было отмѣчено, что членной формѣ соотвѣтствуетъ и форма наст. 3 ед. на—*т*. Та же параллель наблюдается и въ говорахъ—*от-о*: въ битольской, прилѣпской и маріовской областяхъ на-ряду съ формой наст. 3 ед. на *т* употребляется и форма безъ *т* (Ср. ниже въ отдѣлѣ о глаголѣ).

3) *о*. Говоры, имѣющіе членную форму на *-о*, занимаютъ области, расположенныя къ югу, востоку и сѣверо-востоку отъ области—*о -от*. Это говоры а) южной части Македоніи: Костура и Лерина; b) сѣверо-восточнаго угла Македоніи: Штипа, Радовишта, Кратова; с) западной Болгаріи. Одни западно-болгарскіе говоры находятся въ областяхъ, сосѣднихъ съ Македоніей, и имѣютъ много чертъ общихъ съ ближайшими македонскими говорами, въ частности съ говорами, имѣющими членную форму на *-о*: другіе значительно удалены отъ нея. Къ первымъ относятся говоры Г. Джумаи, Разлога, Самокова, Дупницы, Кюстендила.—Записи и описанія.

Прочіе—*о* говоры западной Болгаріи занимаютъ области между Искъромъ и Огостой (Мариновъ Ж. Стар. II. 84, 85) и отчасти южнѣе, въ области Брезника (Сбм. X, 151), Босилограда (напр. въ юго-зап. селѣ Назарища; въ сс. Тлъмино и Бистъръ—*от*, въ с. Дукатъ—*ът*. Сбм. XIX, 3. Цоневъ), Софіи (напр., въ двухъ махалахъ с. Шума; въ 2-хъ другихъ махалахъ того же села—*ът*. Изв. за команд. I, 139).

Не во всѣхъ говорахъ этихъ трехъ группъ гласный *о* членной формы былъ одинаковаго происхожденія. Безъ сомнѣнія, во всей 1-ой группѣ, кромѣ говоровъ дольне-положскихъ, гласный *о* членной формы находится въ связи съ судьбой „сильнаго“ *ъ*, съ его замѣной гласнымъ *о*, отразившейся уже въ памятникахъ староболгарскихъ.

Такъ же обстояло дѣло и на югѣ, въ области Костура—Лерина и въ прочихъ говорахъ Македоніи, за исключеніемъ сѣверной полосы: нѣкоторыхъ говоровъ скопскихъ и кратовскихъ, не знающихъ *ъ→о* въ прочихъ положеніяхъ. Если же наблюдается здѣсь и въ д.-положскихъ присутствіе *о* въ членной ф., то появленіе этого гласнаго въ данномъ случаѣ

обязано говорамъ, подходившимъ къ положскимъ, скопскимъ и кратовскимъ съ юга, запада и востока.

Для говоровъ юго-западной Болгаріи слѣдуетъ признать развитіе *о* внутри самихъ діалектовъ въ связи съ фонетическимъ измѣненіемъ „сильнаго“ *ъ*: *ъ*→*о* (*а* вм. „сильнаго“ *ъ*—инодіалектическое, сѣверо-западное наслоеніе). Но въ говорахъ между Искъромъ и Огостой, Брезника и софійскихъ селъ происхожденіе *о* членной формы было аналогично появленію того же гласнаго въ той же категоріи въ нѣкоторыхъ сѣверно-македонскихъ говорахъ: оно пришло со стороны, съ юго-запада. Оттуда проникали и нѣкоторыя другія черты.

**sъ*. Мы видѣли, что употребленіе гласнаго *о* въ членной формѣ м. ед. выходитъ далеко за предѣлы діалектовъ съ *о* вм. „сильнаго“ *ъ* въ корнѣ слова. Не такъ велика территорія, занятая говорами, имѣющими гласный *о* въ замѣнѣ предлога и префикса **sъ*. При этомъ, въ качествѣ предлога употребляется многими говорами удвоенная форма **sъsъ*. Въ префиксѣ же является только замѣна **sъ*.

сос и *со* развились естественно прежде всего въ тѣхъ діалектическихъ группахъ, въ которыхъ вообще „сильный“ *ъ* замѣнялся гласнымъ *о*: та же, конечно, судьба постигла и *ъ* въ предлогѣ и префиксѣ **sъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда *ъ* находился въ „сильномъ“ положеніи. Въ „сильномъ“ положеніи *ъ* былъ и въ сочетаніи **sъsъ*, откуда *sos*. Въ видѣ so этотъ предлогъ и префиксъ обобщаются въ употребленіи, распространяясь и на тѣ сочетанія, гдѣ *ъ* въ **sъ* былъ въ „слабомъ“ положеніи и долженъ былъ фонетически подвергнуться утратѣ. Но такое обобщеніе произошло не во всѣхъ діалектахъ: на ряду съ sos (sъs) употребляется и s.

sos или so извѣстны всѣмъ говорамъ Македоніи. sos и so свойственны также говорамъ юго-западной Болгаріи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ они употребляются и въ другихъ областяхъ. Но по происхожденію это *о* кромѣ Македоніи, развилось фонетически лишь въ юго-западной Болгаріи, гдѣ „сильное“ *ъ*→*о*. Въ другихъ діалектическихъ группахъ so и sos основаны на заимствованіи со стороны, какъ видно, отъ діалектовъ Македоніи и юго-западной Болгаріи.

Въ нѣкоторыхъ діалектахъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Македоніи въ префиксѣ исходится so, а въ предлогѣ sъs.

Въ южной и юго-западной Македоніи *со* употребляется въ качествѣ предлога и префикса. Въ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается и *с* (М. Рѣка: Изв. на сем. II, 277; Охридъ, ib. III, 245) или *сос* (Крушово: Сбм. XV, 163, 164). Именно, *со* свойственно говоромъ въ слѣдующихъ областяхъ: въ Кайлярѣ, Костурѣ, Леринѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ, Тиквишѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, Стругѣ, Кичевѣ, Порѣчьѣ, М. Рѣкѣ, Крушовѣ, Г. и Д. Пологахъ.—Записи и описанія.

Какъ видно, говоры, имѣющіе so, занимаютъ сплошь югозападную и ближайшую центральную часть Македоніи. Начиная отъ самыхъ южныхъ предѣловъ славянской Македоніи, эти діалекты простираются до нижняго теченія р. Църны; оттуда они идутъ на западъ, до западныхъ границъ Македоніи. У Крушова они поднимаются дальше къ сѣверу и достигаютъ Тетова и тетовскихъ селъ.

На востокъ отъ очерченной области находятся діалекты, въ которыхъ въ качествѣ предлога извѣстно sos (въ чередованіи съ so или s), а въ качествѣ префикса—so. Это говоры прочихъ частей Македоніи (за исключеніемъ Скопской Черной Горы и Кратова) и юго-западной Болгаріи. Но между говорами восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи наблюдается различіе въ употребленіи этого предлога: въ македонскихъ говорахъ обычно чередованіе sos и so; въ юго-западной же Болгаріи чаще употребляется sos; его чередованіе бываетъ только съ s, но не съ so. Въ этомъ отношеніи говоры юго-западной Болгаріи по образованію предлога, соотвѣтствующаго *sъ [*sъsъ], находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ восточнаго и сѣв.-западнаго нарѣчій и къ говорамъ юго-восточной Сербіи.

Діалектическая область, гдѣ употребляется sos (съ возможной его замѣной предлогомъ so или s), отъ Островскаго озера на юго-западѣ направляется къ востоку, къ солунскимъ говорамъ. Въ сѣверномъ направленіи эта область достигаетъ Велеса, Скопья, Кратова, Кочани въ Македоніи и Г. Джумаи, Разлога, Самокова, Дупницы, Кюстендила въ зап. Болгаріи.

Островo (зап. Григоровича. Рум. Муз. № 1858), Воденъ (Сбм. II, 188, XVIII, 469), Кукушъ (Сбм. XVIII, 460, II, 110); ю.-вост. солун. село Киречк'ой (Книжици II, 40—44; Rad, knj. 145, стр. 155, 157); въ сѣв. солунскихъ селахъ встрѣчается и sъs (Oblak. Mac. St. 15); Гевгели (Шапк. IX, 339—346);

Дойранъ (ib. 370—376); Радовиштъ („Карапић“, I, № 11; III, № 5); Малешово (с. Пехчово: „Новини“, II, № 48); Штипъ (Сбм. XI, 588); Велесъ (б.Псп. I, кн. IX—X, 92; Сбм. III, 217—219; V, 148 и др.). Скопье (не Скоп. Черная Гора!— Минало I 1, 56—67, 70 71; Сбм. XI, 110, 111); Кратово (с. Лесново. Минало I 1, 77); Кочани (Сбм. XVI XVII, 185), Криво-р. Паланка (Сбм. IX, 71; ср. и въ записи сотрудника х. Іоакима Кърчовскаго—Димитрія Филипповича изъ Кр.-Паланки, но кратовскаго жителя: сосъ, сось; ниже о х. Іоакимѣ). Г. Джумая (Сбм. XX, 20); Разлогъ („Додатак“): Самоковъ (Сбм. X, 179; Шапк. IX, 380; въ письмѣ 1828 г.: сосъ здраве: Сбм. XI, 609); Дупница (Сбм. X, 162); Кюстендилъ (Сб. Любенова).

Этими областями ограничивается территорія, занятая говорами, имѣющими предлогъ sos, вмѣсто котораго по діалектамъ употребительны и so или s; въ качествѣ префикса служитъ всегда so. Далѣе къ сѣверу идутъ говоры, въ которыхъ уже не встрѣчается sos (кромѣ, м. б., спорадическаго употребленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ): обычнымъ сочетаніемъ для этого предлога является sъs. Эти говоры начинаются уже въ областяхъ Скопской и Кратовской. Скопская Черная Гора (Насеља, III, 475—495; Етногр. Зб. VII.: с'с, т. е. със) и Кратово (б. Псп. XI XII, 170, с. Псп. V, 116) знаютъ sъs. Въ такомъ же видѣ этотъ предлогъ извѣстенъ и въ дальнѣйшихъ областяхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку: въ Кумановѣ (Хц. Васиљ. J. Ст. Срб. I, зап. 337—350; Книжици I, 41); въ Прещевѣ (Хц. Васиљ. ib. II, зап. 287—301); въ юго-восточной Сербіи,—въ областяхъ южной Моравы, Нишавы, Трговижскаго и Сврлижскаго Тимока, т. е. въ областяхъ діалектовъ тимочско - лужничскаго, запланьско-сврлижскаго и южно-моравскаго, (по терминологіи А. Белича. См. его Дијал. 64—65. См. также O. Broch. Dial. 91, 133, 158, 213, 240, 247, 267; для Пирота кромѣ того въ Сбм. I, 43). Въ говорахъ Зайчара (Псп. XIX XX, 211) и средняго Тимока (Дијал. Зб. II, 435) также sъs. Въ удвоенномъ видѣ этотъ предлогъ извѣстенъ и на Косовомъ полѣ (Етногр. Зб. VII, 203, 204: сас кога, сас несме и с наше смејање; Књиге Матице Срп. № 6, стр. 150: сас Петра, сас конопац...).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юго-восточной Сербіи произносятъ въ предлогѣ sъs вм. *ъ* гласный *а* и рѣже *о*. Возможно, что *а* не во всѣхъ этихъ говорахъ одинаковаго про-

исхожденія: въ однихъ онъ представляетъ дальнѣйшую стадію въ измѣненіи *ъ*, имѣвшаго въ данномъ говорѣ широкое образованіе, съ пониженнымъ положеніемъ языка: $\frac{ъ}{a}$; въ другихъ говорахъ это *а* проникло подъ вліяніемъ прочихъ говоровъ Сербіи (sa) и подъ вліяніемъ литературнаго и государственнаго языка. Съ гласнымъ *о* вм. *ъ* предлогъ sъs отмѣченъ А. Беличемъ только одинъ примѣръ, въ с. Прибой, къ сѣверу отъ Враньи (Дијал. 82). На основаніи единичнаго примѣра трудно судить о появленіи здѣсь гласнаго *о* [1]).

Въ зап. Болгаріи въ качествѣ предлога „съ“ употребляется sъs, съ діалектической замѣной *ъ* посредствомъ *а*, напр., въ говорѣ Брезника (Сбм. X, 161), Чип|о|ровцевъ (Сбм. XVI—XVII, 259) и въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ мѣстностей на западъ отъ Искъра (Мариновъ. Ж. Стар. II, 73, 79). sъs—въ видинскомъ Н. Селѣ (Сбм. XVIII, 500), въ области Кутловицы (Мариновъ. Ж. Стар. II, 146—150), Царибродѣ (Сбм. X. 155), въ Търнѣ (Псп. XI, 137) и въ др.

sъs(s) свойственво и говорамъ восточнаго болгарскаго нарѣчія.

Что касается судьбы гласнаго въ *sъ,— какъ *префикса*, то она не во всѣхъ говорахъ областей къ сѣверу отъ Македоніи была тожественна съ судьбой *ъ* въ *предлогѣ* sъs: въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ въ префиксѣ является, хотя и рѣдко, *о*, въ то время какъ въ предлогѣ произносится *ъ*. Такъ, въ Кумановской области при sъs находится so въ sobor (Хц. Василъ. J. Ст. Срб. I, 351, 345...); то же слово съ so—произносится и въ Прешевскомъ краѣ (Хц. Василъ. ib. II, 301, 336...), хотя въ другихъ словахъ вм. префикса *sъ—является sъ- →sa-: сашијеш (ib. II, 280). Въ образованіяхъ глагола *bьr,— *ber,— *bor— съ префиксомъ *sъ— послѣдній является въ видѣ so— и въ нѣкоторыхъ

[1]) А. Гильдфердингъ указывалъ на sos, какъ на обычный видъ этого предлога въ призрѣнскомъ говорѣ: „удвоеніе предлога *съ*, образовавшее форму *сосъ*, есть тоже чистый Болгаризмъ, безпрестанно употребляемый Призрѣнцами“ (Собр. соч. III, 142). Но И. Ястребовъ по поводу указанія Гильфердинга замѣчаетъ: „Прежде всего нужно замѣтить, что призрѣнцы не говорятъ со, сосъ, а произносятъ этотъ предлогъ такъ: с'с, сьсь („Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ“. 2-е изд. СПб. 1889, XXI).—А. Беличъ также не видитъ сербизма въ предлогѣ sъs: „У другим се дијаликтима српским *сьс* не употребљава, те је, несумњиво, странога порекла“ (Дијал. 654).

другихъ діалектахъ ю.-восточной Сербіи (см. А. Беличъ. Дијал. 82; Дијал. Зб. II, 368) [1]).

*ѫъ. Въ измѣненіи *ѫъ и *ѫь славянскіе діалекты Македоніи такъ же, какъ и діалекты сосѣднихъ съ нею областей, въ особенности болгарскихъ, достигли неодинаковыхъ результатовъ. Разнообразіе въ замѣнахъ *ѫъ и *ѫь зависѣло отъ общихъ измѣненій *ѫ, переживавшихся той или иной діалектической группой; въ измѣненіи начальнаго (ѫ въ сочетаніи съ ъ, ь имѣло значеніе и дѣйствіе аналогіи и вліяніе однихъ діалектовъ на другіе.

Направленія въ измѣненіи *ѫ въ македонскихъ говорахъ будутъ опредѣлены ниже. Теперь же отмѣтимъ лишь замѣны предлога *ѫъ.

Въ западной части Македоніи въ предлогѣ *ѫъ ѫ замѣнилось согласнымъ v. Такая замѣна произошла независимо отъ того, въ какомъ положеніи находился ъ: въ „слабомъ“ или „сильномъ“, т. е. во всѣхъ случаяхъ *ѫъ→vъ. Въ сочетаніи съ „сильнымъ“ ъ vъ измѣнилось въ vo (при общемъ измѣненіи „сильнаго“ ъ въ о), а въ сочетаніи съ ъ „слабымъ“ vъ утрачивало ъ: vъ→v. Въ дальнѣйшемъ происходило обобщеніе въ употребленіи одного изъ видовъ предлога, соотвѣтствовавшаго *ѫъ,—явленіе, пережитое и многими другими славянскими діалектами. Въ этихъ македонскихъ говорахъ общеупотребительнымъ сталъ предлогъ vo, хотя неутраченъ совсѣмъ и v. Употребленіе въ томъ или иномъ видѣ этого предлога обычно независитъ отъ слѣдующаго слога: в деснавà рока—и—во деснавà—, в òрман—и—во òрман: М. Рѣка (Изв. на сем. II, 276, 277). Но въ нѣкото-

---

[1]) Объясненіе сочетаній *соберем, собор*, предложенное М. Станоевичемъ (Дијал. Зб. II, 368), по которому эти сочетанія состоятъ изъ морфологическихъ принадлежностей *с+оберем с+обор*, неудовлетворительно, такъ какъ *оберем, обор* говорамъ неизвѣстны. По мнѣнію А. Белича, *о* вм. *ъ* зависитъ отъ окружающихъ согласныхъ, лабіальныхъ и *л, к* (Дијал. 73). Но и это объясненіе не приложимо ко всѣмъ примѣрамъ съ *о* вм. ъ. Беличъ самъ замѣчаетъ, что „*у сочувам* I. Н. Кор. и *сос* њéга III Приб. продрло је *о* из оних облика у којима је био оправдано“ (ib. 82).—Но изъ какихъ же формъ?

Нѣкоторыя слова съ so—несомнѣнно представляютъ собою церк.-славянизмы. Таковы слова—сóвет, сотвóрити (на-ряду—ствóрити) (Дијал. Зб. II, 367, 368).

рыхъ говорахъ употребленіе v нормировано извѣстными условіями, напр., нахожденіемъ передъ гласнымъ. Такъ, напр., въ охридскомъ говорѣ („Изв. на сем. III, 254). Съ другой стороны, vo въ нѣкоторыхъ говорахъ обязательно употребляется въ сочетаніи съ именемъ, когда на этомъ сочетаніи дѣлается особое логическое удареніе: „во Со̀фиа̀ су сѐдел“, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 276). кѣ́й-ойде Па́вле?—в-ло́зје (т. е. въ извѣстное тебѣ лозье); во-що́-влегле о́вците?—во ло́зје (а не—во ни́ва, во ли́вада и др.). Такъ въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 910—911). Передъ глухимъ согласнымъ вм. v произносится f.

Что касается областей діалектовъ, въ которыхъ развились предлоги vo и v(f), то здѣсь важно замѣтить, что онѣ тѣ самыя, гдѣ вм. *sъ находится so и s. Лишь въ пограничномъ сѣверо-западномъ краѣ, въ нѣкоторыхъ (не во всѣхъ) говорахъ Полога, этотъ параллелизмъ въ судьбѣ предлоговъ *u̯ъ и *sъ нарушается. Въ Горнемъ Пологѣ со|во. Такъ въ одномъ изъ сѣверныхъ селъ этой мѣстности—Стенче. Но уже въ близкомъ с. Челопекъ (немного сѣвернѣе отъ Стенче)—*у* (и по другимъ чертамъ это село примыкаетъ къ д.-положскимъ говорамъ).

Костуръ: во една голе́ма ода̀ја (Шапк. IX, 334); Леринъ: во два̀јсе, во то́уку време, во уба́ви али́шта (Сбм. VII 160); Битоля: во зелено („Караџиќ“, II, № 5), в у́стата (Шапк. IX, 306); Прилѣпъ: во раі, ф цѫ́рква, в цеп (Сбм. XI, 97, 99; XX, 31, Мирч.); Рѣсенъ: во градина, во виното (Книжици, IV—VII, 270, 271; Сбм. VI, 139), ф планина (Сбм. VIII, 231, см. и въ Псп. XLI—XLII, 910—911); Охридъ (Изв. на сем. III, 254); Струга: во клисура, въ кула (Сбм. IV, 255); М. Рѣка (см. выше; также „Браство“, IX—X); Кичево: во една го́дина, в го́дина (Сбм. II, 186), въ кралей дворои (Сб. Икономова, 106), во него, во азното, во одаіата, в раце (Сбм. XIX, 1); Порѣчье: отишле в лепа црква во Матјанци („Караџиќ“, III, № 5); Крушово: во ја́слите, в ја́сли, во село, во о́шчо, во но́зите (Сбм. XVI—XVII, 301, 302; XV, 165, 166); въ горнеположскомъ селѣ Стенче: во те́мнината, во град, в у́ста, ф море (Минало I 1, 72; въ Тетовѣ и къ сѣверу отъ него—*у*); Маріово: ф се́ло (Псп. XLVII, 811), во веленце, во сокако, во кук'ата (Сбм. XVI—XVII, 287); Тиквешъ: ф стре́де езе́ро (Шапк. I, 139).

Таковы области, гдѣ употребляются предлоги vo(v) и so(s).

Въ восточной части Македоніи и юго-западной Болгаріи въ соотвѣтствіи предлогу *sъ употребляется sos изъ *sъsъ. Области діалектовъ, знающихъ sos, очерчены выше. Въ прочихъ областяхъ западной и восточной Болгаріи и восточной Сербіи также употребительно сочетаніе удвоеннаго *sъ: sъs. Наблюдается ли во всѣхъ этихъ діалектическихъ группахъ параллелизмъ съ предлогомъ, замѣняющимъ *ц̑ъ?—Наблюдается, но не во всѣхъ: въ восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи этотъ параллелизмъ или отсутствуетъ или выраженъ не ясно. Этого параллелизма не знаютъ говоры юго-восточной Сербіи.

Для говоровъ восточной Македоніи замѣна *ц̑ъц̑ъ въ видѣ vъv отмѣчена въ Гевгели, хотя она возбуждаетъ сомнѣніе своимъ гласнымъ: *въф*-въф кжщата (Шапк. IX, 339). Чаще замѣна удвоеннаго предлога *ц̑ъ съ согласными v(f) встрѣчается въ говорахъ юго-западной Болгаріи и прочихъ ея областей [1]). Изъ юго-западныхъ говоровъ сюда относится г.-джумайскій: фоф сарáето, фоф водáта... (Сбм. XX, 21). Изрѣдка встрѣчается *фоф*, *вов* въ Разлогѣ (Сбм. XI, 553, Лавровъ. Обзоръ, 37; Сбм. XX, 13: фуф; чаще здѣсь *ф*—Сбм. VIII и „Додатак“). Такъ и въ Кюстендилѣ (въ языкѣ пѣсенъ; Сб. Любенова, 31..).

Въ Г. Джумаѣ предлогъ *фоф* чередуется съ *ф* и *у*. Послѣдній варіантъ предлога появился подъ вліяніемъ другихъ діалектовъ. фоф устáта, фоф образéто, фоф трéтата; фоф палáто, фоф них; ф тáја, ф палáто, у палáто, у горáта, у нéјната (Сбм. XX, 21—29).

Въ Кюстендилѣ и Дупницѣ замѣною *ц̑ъ служитъ *у* не только въ качествѣ предлога, но и префикса: улезне у нетра (Сб. Македонскаго-Г. 18) Въ Г. Джумаѣ—флезне.

Въ Самоковѣ также *у*: у кáщи, у гора (Сбм. X, 147); сега сме у голема теснота (письмо 1829 г., Сбм. XI, 606).—Въ префиксѣ—*ф*: флезна (Сбм. X, 147).—Рѣже употребляется другой видъ этого предлога—*ув*: ув одајата... (Сбм. X. 147).

---

[1]) Въ проскользнувшемъ „вовь“: вовь вѣкъ—Син. Псалт. отражается повидимому черта одного изъ говоровъ юго-западной Болгаріи или ближайшей восточной Македоніи.

Образованіе uv не ясно. Возможно, что при обобщеніи предлога „въ“ видѣ u (y) вм. *ŭъ u могло проникнуть и въ vъv, вытѣснивъ vъ—: вм. vъv стало произноситься uv. u могло замѣнить не vъ—, а слабый ъ, какъ, напр., въ Мельникѣ: ъфъ тая гора зе́лена; тамъ же и *уф*: уф мельничке эргéне. (Зап. В. И. Григоровича. Румянц. Муз. № 1858). Ср. въ другихъ записяхъ изъ Мельника: уф, фув (Сбм. VIII, 31). Но дѣло могло обстоять и иначе. Вм. *ŭъ обобщается его замѣна u. Но въ сочетаніи съ словомъ, начинавшимся гласнымъ, за u развился u̯-v (напр.: у-ўи́зба—отмѣчено мною въ Тетовѣ). Съ теченіемъ времени uv стало употребляться въ качествѣ предлога и въ другихъ случаяхъ вм u. А если въ самоковскомъ говорѣ и другихъ, знающихъ uv(f), u появилось подъ вліяніемъ другихъ діалектовъ, то развитію uv могъ содѣйствовать и свой варіантъ предлога—v, долѣе сохранявшійся передъ гласными.

uv служитъ обычнымъ видомъ предлога въ неширокой полосѣ юго-восточной Македоніи: въ говорахъ Кукуша, солунскихъ селъ, Гевгели, Дойрана.

Кукушъ: уф тимни́цъта, уф лѐтин дѐн, уф вас, уф два реда (Сбм. XVIII, 433). Солун. село Бугаріево: ŭf gradina (Oblak. Mac. St. 14. Въ с. Киречко́й вм. предлога „въ“ употребляется предлогъ „на“: см. записи въ „Книжици“ II, 40—44). Гевгели: ув е́дна къ́ща, уф къ́щи (Шапк. IX, 339). Дойранъ: уф таја къ́шча (Шапк. IX, 373). Какъ въ Гевгели, такъ и въ Дойранѣ *уф(в)* чередуется съ *ф(в)*: ф наше село (Гевг., Сбм. II, 151); в голе́мата, ф фу́рнѣжтж, ф у́стата (Шапк. IX, 373, 375). Въ дойранскихъ записяхъ встрѣчается и *во*: во ре́ката (Шапк. IX, 371). *во* отмѣчено и сѣвернѣе, въ Струмицѣ (Сбм. XI, 553).

Въ отмѣченныхъ говорахъ находится f не только передъ глухимъ согласнымъ, но и передъ звонкимъ и передъ гласнымъ. Такъ и въ Разлогѣ и въ Г. Джумаѣ. Въ г.-джумайскомъ говорѣ и въ началѣ предлога f: foi. Появленіе f вм. ожидаемаго v вызвано не только вліяніемъ сочетаній, въ которыхъ v находился передъ глухимъ согласнымъ и замѣнялся f, но и самой природой u̯-w данныхъ діалектовъ, поведшей въ рядѣ случаевъ къ прекращенію звучащей струи воздуха при производствѣ этихъ звуковъ. f вм. w-v находится и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (ср. ниже, о судьбѣ u̯).

До сихъ поръ указаны были изъ говоровъ Македоніи говоры западной и центральной съ одной стороны, и юго-

восточные—съ другой. Прочіе говоры восточной Македоніи по замѣнѣ *ѫъ имѣютъ общія черты съ говорами окружающихъ областей. Къ западно-центральнымъ македонскимъ говорамъ въ особенности близки говоры Велеса, знающіе также vo-v(f). Въ говорахъ Штипа и Радовишта vo встрѣчается рѣдко, главнымъ образомъ, въ языкѣ пѣсенъ. Обычной замѣной *ѫъ въ этихъ говорахъ является u. Извѣстно u (на-ряду съ vo-v) и велесскимъ говорамъ.

Велесъ: во́ мене, во огледа́лото (Сбм. III, 219, 220); во го́рата, во книжи́чето (Сбм. V, 148, 171); в ра́ци, в у́ста, ф църква (Сбм. V, 148, 170, 171), ф у́ста и—у у́ста, у ушите, у но́сот (Сбм. XII, 130, 132); у гра́дот (Сбм. 148), у се́лото (Сбм. VIII, 189). Штипъ: не улезеш у на́тре (Сбм. IX, 155).

Радов.: влезел му у гаѣите („Карац.“ III, № 5); во чело(въ пѣснѣ, Сбм. XI, 63).

Къ востоку отъ Островскаго озера, въ области Водена и Меглена, замѣна *ѫъ одна—гласный u. Для Водена: Сбм. XVIII, 469; II, 188. Для Меглена: Сбм. III, 190.

Другая македонская область употребленія u(y) въ качествѣ единственной замѣны предлога *ѫъ находится въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ Македоніи. Это говоры Тетова и Д. Полога (Отчетъ, 15, Минало I 1, 74), Скопья вмѣстѣ съ Черной Горой (Минало I 1, 56—67; Сбм. XI, 110—111; Насеља III, 475—495), Кратова (бПсп. XI—XII, 173; Минало I 1, 76), Куманова (Хџ. Василь. J. Ст. Срб. I, зап.). Въ кумановской области и въ XIV в. было у вм. *ѫъ: ꙋ соушици —въ записи Радина Нагоричанина изъ Жеглигова (Кумановской области. Отч. Рум. Муз. за 1876—78 г. 9). Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Македоніи, въ областяхъ Сербіи и западной Болгаріи, находится также одинъ гласный u, какъ замѣнитель предлога *ѫъ. Для вост. Сербіи см. у Белича: Дијал. 654; затѣмъ въ Дијал. Зб. II, 431; у O. Broch'a: Dialekte. Но въ сѣверо-восточной Сербіи находятся и діалектическія группы, которымъ извѣстенъ предлогъ vъv. Таковъ говоръ Зайчара (Псп. XIX—XX, 931—937). Для зап. Болгаріи см. записи, указанныя выше.

ь. Замѣна „сильнаго“ *ь* въ говорахъ Македоніи и югозападной Болгаріи—гласный *е*. Границы діалектическихъ областей *ь→е* на сѣверѣ Македоніи совпадаютъ съ границами *ъ→о*. Но употребленіе суффиксовъ *-ен, -ец* выходитъ за эти

предѣлы, подобно суффиксу *-ок*. Подробнѣе о замѣнахъ *ъ см. ниже, въ характеристикѣ дольне-положскихъ говоровъ.

*ǫ.

Вмѣсто носового гласнаго *ǫ въ говорѣ Дидаскаліи находится гласный *а* и въ корнѣ и въ суффиксѣ.

гулáбите 123, дáбои[і]—ντάπωη 117, зáп 140, зáбите 169, капúната 178, мадриот[-іот?] 137, мáжите 121, мáчит 146, нáтре 153, пáпокот 141, пáт 127, 144, 164, пáти 123, 125, рáка 134, саботата 127, садóіте 158, скáпиа 130, кáде 126, 153, 162, 181 (4 р.), сéкаде, Ῥωμ. παντοῦ 129, 128.

стáнах 158.

Форма „общаго падежа“ въ основахъ на—*а* оканчивается на—*а*.

Одна изъ формъ мѣстоим. вин. ед. ж. ѣж является въ видѣ *а* (съ утратой і между гласными): да а слýшает 123.

Окончаніе формы наст. 1 ед. *ам*. Появленіе *а* въ этомъ окончаніи могло быть вызвано въ глаголахъ съ основой на $^{e}/_{o}$ ($^{ne}/_{no}$), і и $^{je}/_{jo}$ (вида бикѣши) не только измѣненіемъ ǫ въ *а* (черезъ ъ), но и вліяніемъ формъ на *ам* глаголовъ—дам, имам; питам...

Одно изъ окончаній формы наст. 3 мн. *-ат* (см. ниже отдѣлъ о глаголѣ).

-ѣж-→ja [ја]: пáјакот-πάϊαχωτ 125.

ъ вм. *ǫ. Въ Дидаскаліи имѣется одинъ примѣръ съ ъ вм. *ǫ: кътник 140 (см. выше), Ῥωμ. δοντοῦρα.

Если въ написаніе χάτνητ ą попала не по недосмотру (вм. ą), а какъ выраженіе соотвѣтствующаго произношенія гласнаго, то, несомнѣнно, это слово занесено изъ другой недалекой діалектической области, напр., охридской.

у вм. *ǫ. Гласный *у* находится въ—кýк'а 144, 149, 154,—въ словѣ, общераспространенномъ въ Македоніи и въ части западной Болгаріи.

Кромѣ того, *у* имѣется въ слѣдующихъ двухъ словахъ: гýск'ите 124, судни́ците 146. Съ гласнымъ *у* эти слова, въ особенности послѣднее, извѣстны и другимъ говорамъ Македоніи. Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ говорахъ сохранено гъ]а]ска.

Вѣроятно, количество словъ съ *у* вм. *ǫ въ говорѣ Дидаскаліи было больше. Въ прочихъ македонскихъ говорахъ употребляются и нѣкоторыя другія слова съ *у*. См. ниже.

Итакъ, Βουλγάρικα Дидаскаліи относится къ той діалектической области, гдѣ вторичное измѣневіе *ѣ* характеризуется гласнымъ *а*. *ǫ→ъ→а. Въ нѣкоторыхъ словахъ произносился гласный *у* (вм. *ǫ). Это слова, попавшія въ обиходъ подъ вліяніемъ иноязычнымъ.

Общій характеръ измѣненій *ǫ и результатъ ихъ представленъ македонскими говорами въ слѣдующемъ видѣ.

Измѣненіе въ гласномъ *ǫ, пережитое македонскими говорами, заключалось въ утратѣ носового произношенія съ одной стороны и въ качественномъ измѣненіи по направленію къ *ѣ*—съ другой. Лишь въ отдѣльныхъ словахъ нѣкоторыми діалектическими группами, преимущественно юго-западными (Корча) и юго-восточными (Солунь) измѣненіе относительно небной зановѣски происходило въ иномъ направленіи, именно: она продолжала опускаться, но не въ моментъ артикуляціи гласнаго, замѣнявшаго *ǫ, а послѣ этой артикуляціи: развивался переходный согласный ⁿ или ᵐ (передъ губ. согл.). Въ дальнѣйшемъ развивались согласные полнаго образованія. Такова была судьба коренного *ǫ въ отдѣльныхъ словахъ. Въ суффиксальномъ же слогѣ во всѣхъ діалектическихъ группахъ слѣдовъ прежняго носового образованія гласнаго, соотвѣтствующаго *ǫ, не представлено: *ǫ→ъ→а.

Въ сѣверной полосѣ Македоніи наблюдается въ настоящее время иной результатъ качественнаго измѣненія *ǫ: и (у). Этотъ гласный замѣняетъ собою *ǫ или только въ корнѣ, какъ это свойственно говорамъ Д. Полога (Отчетъ) и Скопской области (на-ряду съ другой замѣной коренного *ǫ—*а*), или и въ корнѣ и въ суффиксѣ; въ послѣднемъ положеніи при чередованіи съ *а*. Такъ въ говорахъ скопско-черно-горскихъ и нѣкоторыхъ кратовскихъ.

„Скоп. Ч. Гора: пут, дуб, муж, куде („гдѣ“ и „къ“: куде је сред зе́мља? Кучевишта. Насеља III, 493); паднала, порасна́ле, почнале, викнала, рекнало, (Насеља III, зап.); с нико́ју стра́ну, се́днала у но́ва гра́дина (въ одномъ и томъ же селѣ —Кучевишта, Насеља III, 493, 479); отишла на планина, набрала трава (Горняни; ib. 478).

То же явленіе въ замѣнахъ *ǫ наблюдается на сѣверѣ Кратовской области (въ прочихъ ея частяхъ говоры находятся въ ближайшемъ отношеніи къ кочанскимъ и овчепольскимъ). При этомъ, форма „общаго падежа“ ед. основъ на —*а* ж. р. оканчивается на *у* обычно для именъ жен. собственныхъ или выражающихъ родство: Стойну, майку, сестру. Для прочихъ именъ эта форма оканчивается на *-а* (Сбм. IV, 314; бПсп. XI—XII; сПсп. V, 117; А. Станојевић. Две недеље у Ст. Србији, 128).

Форма мѣстоименія вин. ед. ж., соотвѣтствующая др.-ц.-сл. ѣж имѣетъ видъ въ Скоп. Ч. Горѣ и Кратовѣ „њум, (нума, нум—Крат.), гу („краткая“ форма).

Было отмѣчено, что скопско-черногорскіе и кратовскіе говоры имѣютъ много чертъ, общихъ съ говорами кумановскими, прешевскими, а эти послѣдніе раздѣляютъ особенности говоровъ южной Моравы и отчасти Запланья. Въ замѣнѣ *ǫ говоры всѣхъ этихъ областей также представляютъ много общихъ чертъ. *у* въ корнѣ и въ оконч. формы „общ. падежа“ основъ на *-а*; при этомъ, въ Кумановѣ, Прешевѣ и дальше къ сѣверу двойственности въ окончаніи этой формы не наблюдается: извѣстно только оконч. *-у* (въ пѣсняхъ можетъ встрѣтиться и *-а*: ја сам даја бурма позлаћена. с. Довезенци, А. Станојевић Две недеље у Ст. Срб. 128). Форма мѣстоим. вин. ед. жен. также имѣетъ *у* (њум[а], њу, гу, г'у, ћу), Лишь въ одной категоріи употребляется вм. *ǫ не *у*, но *а*: въ замѣнѣ глагольнаго суффикса *-nǫ-. *-на* извѣстно какъ говорамъ Скоп. Ч. Горы и Кратова, такъ и говорамъ Куманова, Прешева (Хц. Васиљ. I, II, зап.) и области Врани (Broch. Dial. 90—91; Белић. Дијал. 484) и Лукова (Broch. Dial. 129).—Въ говорахъ прочихъ мѣстностей ю. Моравы, Запланья и сѣв.-западной Болгаріи *-ну*.

Несомнѣнно, что *-на* вм. *nǫ въ указанныхъ діалектическихъ группахъ не явилось въ результатѣ фонетическаго развитія пъ←*nǫ. Это *-на* утвердилось здѣсь въ такомъ именно видѣ (*на*) и не зависѣло отъ фонетическаго процесса въ измѣненіи *ǫ. Фонетически *-на* развилось въ діалектахъ со вторичнымъ измѣненіемъ *ъ* въ *а*. Такіе говоры занимаютъ большую часть Македоніи и юго-западной Болгаріи (см. ниже). Съ юга, но не съ востока, гдѣ простирается широкій поясъ *ну*-говоровъ, пришелъ глагольный суф. *-на*

въ сѣверную Македонію, въ Куманово, Прешево, Враню и Луково.

Въ говорахъ южно-моравскихъ, запланьскихъ и сосѣднихъ говорахъ зап. Болгаріи фонетическая замѣна *ǫ выражена гласнымъ *у*. То же свойственно и говорамъ прешевскимъ и кумановскимъ (кромѣ кумановско-овчепольскихъ, раздѣляющихъ особенности южныхъ говоровъ). Въ кумановской области *у* вм. *ǫ находилось и въ XIV в.: въ записи оу̀хильнаго а̀нагноста радина нагоричанина ѝзь жеглигова находится роу̀ка, дойдоу̀ (Отч. Рум. Муз. за 1876—78 г., 9). Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаютъ говоры Скоп. Черногорья и Кратова своею двойственностью окончанія въ формѣ „общаго пад.“ основъ на *-а*: *а* и *у*. Надо полагать, что основная форма и въ этихъ говорахъ оканчивалась на *у*; манера же употреблять эту форму съ ок. *-а* пришла со стороны,—оттуда же, откуда направлялся и глагольный суф. *-на*. Въ пользу исконности (относительной) формъ на-*у* указываетъ и параллелизмъ съ формой мѣстоименія, соотвѣтствующаго др.-ц.-сл. ѣ: она оканчивается въ этихъ говорахъ на-*у*. А обычно окончаніе этой формы соотвѣтствуетъ окончанію формы „общ. падежа“ для имени.

Элементъ заимствованный представляетъ собою и оконч. формы имперф. 3 мн. на -[*х*]*а*,—окончаніе, употребляющееся не только въ южной части кратовскаго округа, но и въ самомъ Кратовѣ и въ селахъ къ сѣв.-востоку отъ него, напр. въ с. Нежиловѣ (сПсп. V, зап.; Сбм. XVIII, 419).

Въ областяхъ Скопья и Д. Полога также извѣстно *у* вм. *ǫ. Но условія его употребленія ограничены лишь к о р н е в ы м ъ слогомъ. Въ с у ф ф и к с а х ъ уже находится *а*. Въ скопскихъ говорахъ и въ корнѣ извѣстно *а*. Такъ въ Скопьѣ: у руки, но—ка́де е? каде не́го (Минало I 1, 66), въ Н.-Селѣ: у ру́к'и, но -пат, три́ пата, со ја́же (Сбм. XI, 110, 111); въ Г. Солне-Карш.: напу́диме, но -па́т, ка́де (Минало I 1, 70).

Не въ корнѣ употребляется послѣдовательно *а*. Формы мѣстоим. ж. вин. ед.—ја(ја) или *га*. Окончаніе формы наст. 3 мн. *-ат*.

Что касается двойственности замѣны *ǫ въ корнѣ, то это зависѣло отъ того, что скопскіе говоры примыкаютъ на югѣ и юго-востокѣ къ говорамъ, имѣющимъ *а* вм. ǫ, а съ сѣвера и сѣверо-востока къ нимъ подходятъ говоры съ *у*

вм. *ǫ. Элементы тѣхъ и другихъ говоровъ въ замѣнѣ *ǫ и отразились въ скопскихъ говорахъ.

Какой гласный развивался въ скопскихъ говорахъ непосредственно послѣ утраты носового произношенія, опредѣлить съ увѣренностью затруднительно.

1) Можетъ быть, это былъ гласный *у*, какъ и въ говорахъ къ сѣверу отъ Скопья. Затѣмъ это *у* сохранилось въ корнѣ, какъ въ болѣе устойчивомъ положеніи, и вытѣснялось подъ вліяніемъ прочихъ говоровъ Македоніи гласнымъ *ъ* въ суффиксахъ, а съ теченіемъ времени и въ коренныхъ слогахъ нѣкоторыхъ словъ. Это вліяніе могло отражаться и позднѣе, послѣ эпохи вторичнаго измѣненія *ъ* въ *а*. Это *а* или, м. б. точнѣе, $ъ_{а}$ было извѣстно въ Скопьѣ уже въ первой половинѣ XIV в. Въ послѣсловіи къ пантелеймоновскому Апостолу, написанному въ Скопьѣ въ самомъ началѣ XIV в., читается: ѥмоу сa писа [1]). Здѣсь сa вм. обычнаго сѫ (=сѧ) оригинала. Но все же появленіе *а* (не $ъ_{а}$) для скопскаго говора считать фонетическимъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Если бы *ъ* вм. *ǫ измѣнялось въ *а*, то естественно этотъ фонетическій процессъ охватилъ бы *ъ* и другого происхожденія (вм. прежнихъ „слабыхъ“ *ъ, *ь). Однако результата вторичнаго измѣненія *ъ* скопскіе говоры не представляютъ: тънко. Разумѣется, отсутствіе указаній на процессъ вторичнаго фонетическаго измѣненія *ъ* (вм. *ъ, *ъ „слабыхъ“ и *ǫ) еще не рѣшаетъ вопроса объ исконности *у* вм. *ǫ въ этихъ говорахъ.

2) Первичной замѣной могло быть *ъ*, а не *у*. Съ *у* сочетанія появились подъ вліяніемъ говоровъ, сосѣдящихъ съ скопскими на сѣверѣ и с.-востокѣ. Болѣе вѣроятно считать именно *ъ* фонетической замѣной *ǫ: скопскіе говоры, къ югу отъ Скопья, объединяются съ велесско-прилѣпскими говорами чертами и звуковыхъ и формальныхъ явленій. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то, что слова съ *у* южно-скопскихъ говоровъ совпадаютъ (обычно?) съ словами такого же образованія говоровъ велесскихъ и штипскихъ,— говоровъ уже несомнѣнно съ *ъ→а* вм. коренного *ǫ. Такъ, во всѣхъ этихъ говорахъ *у* находится въ образованіяхъ съ —пуд—: напудиме, испудиме, испудил... (Для Велеса и Штипа ср. ниже).

[1]) Сообщено П. А. Лавровымъ въ „Древностяхъ. Труды Слав. Ком. И. Москов. Археол. Общ.“, т. I. Добавленіе къ стр. 272.

Въ говорахъ Д. Пологa въ корнѣ послѣдовательно употребляется *у*, въ суф. *-а*: оконч. формы „общ. пад." основъ на *-а*, форма мѣстоим. ж. вин. *нега—га*; глагольный суф. *-на*; форма наст. 3 мн. *-ат*, *-а*; оконч. имперф.-аор. 3 мн. [*х*]*а* (Отчетъ 9).

Послѣдовательно проведенная замѣна коренного *ǫ посредствомъ *у*, отсутствіе другихъ замѣнъ этого гласнаго указываетъ на то, что въ этихъ говорахъ *у*—первичная замѣна *ǫ. Предполагать здѣсь стадію коренного ъ нѣтъ, повидимому, возможности.

Употребленіе *а* (вм. *ǫ) въ суф. элементахъ было очень интенсивно, распространившись далеко за предѣлы вторичнаго измѣненія ъ→*а*. Такъ, суф. *-на* перешелъ изъ средней Македоніи на западъ, въ Дебърскую область; но въ 70-хъ г.г. тамъ изрѣдка (только въ пѣсняхъ?) употреблялось еще и *но-*. Такъ въ записяхъ изъ с. Галичника (Жив. Старина, 1905, I—II): падно, повеноле, легноф (182, 185).

Проникло *-на-* и на сѣверъ и въ области, близкія къ Македоніи,—въ Враню—Луково, гдѣ этотъ суффиксъ въ видѣ *-на*, внѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ собою элементъ заносный. Хотя и не такъ далеко на сѣверъ, но все же за предѣлы ъ→*а* говоровъ распространилось окончаніе глагольной формы наст. 3 мн.-*ат*. (Въ Д. Пологѣ, какъ и въ Скопьѣ, вторичное измѣненіе ъ въ *а* неизвѣстно). *-ат* спорадически употребляется даже въ говорахъ, которые знаютъ форму наст. 3 мн. на *-у* (или *-ев*). Такъ, Беличемъ отмѣченъ, какъ единичный примѣръ, въ Кривой Феѣ (къ востоку отъ Врани, у границы съ Болгаріей): да ча́тат дори лајат (Дијал. 515). Изъ тѣхъ же діалектическихъ ъ→*а* областей распространилось въ Д. Пологѣ окончаніе формы имп.—аор. 3 мн. -[*х*]*а*.

Того же происхожденія и *а* въ окончаніи формы „общ. падежа" основъ на-*а* и въ формѣ мѣстоим. жен. ед. вин. *га*, ја (ја).

Въ сѣверной части Д. Пологa въ отдѣльныхъ случаяхъ употребляется въ формѣ наст. 3 мн. на-ряду съ окончаніемъ *-а*[*т*] и *у*, присоединяемое къ основѣ наст. вр.: береу, ореу, пиеу (с. Теарце. Отчетъ 22).—*у* очевидно отъ говоровъ, находящихся дальше на сѣверѣ.

Что касается Горняго Пологa, то тамошніе говоры сохраняютъ старую стадію въ замѣнѣ корневого *ǫ, а также отчасти и суффиксальнаго. Именно, вм. *ǫ въ корнѣ нахо-

дится ъ. Такъ, ъ въ этомъ положеніи отмѣчено въ с. Стенче (Минало I 1, 72), въ Горняни (Отчетъ 31), Гостиварѣ (Книжици I, 40), Врутокѣ (Стояновъ, 80).

Въ суф. *-а* и въ Г. Пологѣ: и́згорат, све́тат, сат, ста́нал и др. (с. Стенче).

Въ формѣ наст. 3 мн. по говорамъ встрѣчается и старое—*ѫт*: несъ́т (Отчетъ 31).

На югѣ и юго-западѣ отъ Г. Полога находится Дебърская область. Здѣсь вторичной замѣной ъ является *о*. Тотъ же гласный произносится и вм. ъ, прежняго замѣнителя *ǫ. Но такой результатъ фонетическаго процесса въ измѣненіи *ǫ и вторичнаго ъ представленъ дебърскими говорами только въ корневыхъ сочетаніяхъ: доп, гно́сно, кот, мо́дор (мѫдръ), мо́ка (Изв. на сем. II, 232. Oblak. Mac. St. 23. Сбм. XI зап; Браство IX—X).

Не безынтересно отмѣтить, что въ языкѣ албанцевъ (геговъ) дебърскаго края (ихъ здѣсь ок. 40% всего населенія) гласный ɛ (средне-язычный ъ) замѣненъ гласнымъ *о* (*ŏ*). Гласный типа *о* (ǫ) развился здѣсь и вмѣсто ą (Pekmezi. Gram. der alb. Spr. 50, 52).

Въ суффиксальныхъ слогахъ утвердился въ славянскихъ говорахъ дебърской области элементъ другихъ славянскихъ говоровъ: *а*. Такъ въ формѣ „общ. пад.“ основъ на *-а*, въ формѣ мѣстоим.—не́ја, ја, въ глаг. суф. *-на* (*седна́ла*; о рѣдкомъ *-но-* см. выше).—Формы 3 мн. наст. и имперф. —аор. имѣютъ особое образованіе.

Та же судьба *ǫ и въ говорѣ крушовскихъ мія́ко́въ, переселенцевъ изъ дебърскаго края (Сбм. XV, 162, 164; XVI—XVII, 301, 321, 324; 72). Но у нихъ уже обнаруживается иногда употребленіе *а* и въ корнѣ; на́рачал (Сбм. XVI—XVII, 302), т. е. та же замѣна, какая свойственна ихъ новымъ сожителямъ—бърсякамъ.

Черты бърсяцкаго говора отражаются въ письмѣ 1637 г., написаннаго въ Крушовѣ: враце, сабота (напечатано въ Минало год. I, кн. 3, стр. 289—293).

Къ югу и юго-востоку отъ дебърскаго края простираются области говоровъ съ ъ вм. *ǫ, что́ находится въ связи съ отсутствіемъ вторичнаго измѣненія вообще гласнаго ъ: мъгла, лъжа, тънок (-тенок,—встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ говорахъ, основано на измѣненіи „сильнаго“ *ь*, т. е. *ь→е* появилось въ формѣ им. муж. ед. по аналогіи съ фор-

мами, гдѣ *ь* въ первомъ слогѣ (*тьмы*) былъ въ „сильномъ“ положеніи, напр., въ ф. им. жен.: тънъка и т. под.); добър.

Области *ǫ→ъ представляютъ собою окраины славянской территоріи Македоніи на юго-западѣ, на югѣ и юго-востокѣ. Именно, это области Струги и Охрида, Рѣсена, Лерина, Костура и Корчи, Водена, Меглена, Кукуша, Дойрана, Гевгели, Солуня. Къ сѣверу отъ Дебърской области, въ говорахъ Горняго Полога также находится *ъ* вм. *ǫ (см. выше). Но только въ областяхъ Солуня (и Меглена?) на юго-востокѣ, и Охрида на юго-западѣ, и въ нѣкоторыхъ селахъ Г. Полога на с.-западѣ *ъ* вм. *ǫ находится и въ корнѣ и отчасти въ суффиксѣ (глагольномъ).

Солун.: zъp, gʹъska, sekʹde; krádъt, zémъt; predéhъ, rečehъ. Но въ формѣ наст. 3 мн. въ тѣхъ же говорахъ употребительно и -at: prédat. (Oblak. Mac. St. 21—22, 110—111). Гласный *а* находится и въ глаг. суф. - па: obrnáhъ (Oblak, ib. 21). На -*а* оканчивается форма „общ. падежа“ основъ на-*а*: gъba, nevésta, kaša. Форма мѣстоим. ж. вин. ед. -ja(i̯a)-a (Oblak. ib. 94, 96).

Также въ восточномъ солунскомъ говорѣ, с. Киречк'ой, въ корнѣ -*ъ*, въ суф. -*а* (Книжици II, 40—42).

Охридъ: гʹъба, гнъс, мʹъка (а̯-„редуциров.“ *а*), път (Изв. на сем. III, 235; Сбм. XVIII, 728). Въ другихъ положеніяхъ вм. *ǫ находится *ъ* или *а̯*: въ окончаніи формы „общ. пад.“ основъ на-*а*, въ глаг. суф.-*нъ*, въ формѣ имперф. 3 мн. [x]а̯-[x]ъ. Но во всѣхъ этихъ положеніяхъ *ъ* или а̯ могло явиться въ результатѣ „редукціи“ гласнаго *а*,—„редукціи“, пережитой охридскимъ говоромъ: а̯ или *ъ* произносятся въ Охридѣ вм. *а* какъ внѣударнаго, такъ въ нѣкоторыхъ словахъ и подъ удареніемъ: мʹъшча̯ (мачеха), снʹъга, кукʹъица (Ср. въ Сбм. XI, 582—585). О Г. Пологѣ см. выше.

Прочіе говоры имѣютъ въ корнѣ *ъ*, а въ суф. *а*: на жена, i̯a (въ нѣкоторыхъ говорахъ i̯e), викнале, падна, несат (нѣкоторые изъ этихъ говоровъ имѣютъ форму наст. 3 мн. иного образованія, на -*eem*, *em*); нарани[i̯]а, к'иниса[i̯]а, дойдо[i̯]а (по говорамъ эта форма оканчивается на [x]*e*).

Въ кукушскомъ и воденскомъ говорахъ, какъ и въ охридскомъ, *ъ* находится не только въ корнѣ, но и въ неударномъ суффиксѣ, кромѣ конечнаго открытаго слога, гдѣ—*а*. *ъ* въ неударномъ суф. не представляетъ собою непосредственной замѣны *ǫ: *ъ* получилось вм. неударнаго *а*,—черта,

свойственная этимъ говорамъ ричéла жéнъта нъ мъ̀икáму.—, Ср. въ приведенномъ примѣрѣ окончаніе формы „общ. пад.“: нъ мъ̀икáму; *а*—подъ удареніемъ. Но—нъ бáбъта, гдѣ вм. *а* является *ъ*,—результатъ измѣненія *а* въ неударномъ слогѣ.

Въ Мегленѣ въ оконч. формы наст. 3 мн. *-ѣт* и *-ат* въ основахъ на *-а* кръстът, питат. *-на*: лизнáле (Сбм. III, 190).

Мы сдѣлали обозрѣніе всѣхъ окраинныхъ говоровъ Македоніи,—на сѣверѣ, западѣ, югѣ и юго-востокѣ. Мы видѣли, что въ корнѣ вм. *ǫ въ нѣкоторыхъ сѣверно-македонскихъ говорахъ находится *у*, ближе къ дебърскому краю—*ъ*, его дальнѣйшая замѣна посредствомъ *о* въ дебърской области, *ъ* далѣе къ югу и юго-востоку. Что же касается суффиксальныхъ слоговъ, то глаг. суф.-*на* употребляется во всѣхъ этихъ областяхъ; проникъ онъ и дальше, за предѣлы Македоніи,—въ Враню—Луково. Также во всѣхъ этихъ македонскихъ говорахъ распространено оконч. *а* формы „общ. пад.“ основъ на *-а* и мѣстоименія жен. вин. ед.—ја (въ нѣкоторыхъ говорахъ је). Лишь въ немногихъ сѣверномакедонскихъ говорахъ эти формы оканчиваются на-*у*. Окончаніе *-ат* формы наст. 3 мн, и [*х*]*а* имперф.-аор. 3 мн. также свойственны многимъ изъ этихъ говоровъ. Лишь опять-таки въ указанныхъ сѣв.-македонскихъ говорахъ эти формы употребляются въ иномъ образованіи. Да въ нѣкоторыхъ западныхъ и юго-западныхъ эти формы имѣютъ окончанія *-еет,-ет,-е*. Въ солунскихъ говорахъ формы наст. 3 мн. и имп.-аор. оканчиваются на *-ѣт,-хѣ*, т. е. въ суф. та же замѣна *ǫ, что́ и въ корнѣ. Но извѣстно и-*ат*. М. б. и въ Мегленѣ *ъ* въ окончаніи-*ѣт* представляетъ первичную замѣну *ǫ.

Какимъ образомъ появилось *а* вм. *ǫ во всѣхъ вышеуказанныхъ діалектахъ? В. Облакъ полагалъ, что въ концѣ слова [въ краесловието, im Auslaute und in Endsilben] ходъ измѣненія гласнаго *ǫ былъ инымъ, по сравненію съ измѣненіемъ того же гласнаго въ корнѣ. Въ корнѣ по утратѣ носового произношенія возникло *ъ*, а въ окончаніи *а*, не проходя стадіи *ъ* [„безъ да прѣмине прѣзъ ъ, „unmittelbar aus ą“]: *ǫ→ą→а. „Что это *а* получилось не изъ *ъ*, указыютъ тѣ говоры, которые въ срединѣ слова измѣнили ж въ *ъ*, такъ какъ они имѣютъ въ вышеуказанныхъ положеніяхъ *а* вм. ж“ (Смб. XI, 537, 538. Arch. XVII, 145). Но положеніе, сдѣланное Облакомъ, не подтверждается фактами македонскихъ говоровъ. Извѣстно и въ суф. *ъ* вм. *ǫ: ср. солунскіе,

г.-положскіе и мегленскіе говоры. Не приложимо это объясненіе и къ сѣверо-македонскимъ говорамъ: нельзя же полагать, что тамъ въ суффиксахъ было ą, а въ корнѣ носовое *у*. А *-на-* въ враньскомъ и луковскомъ говорахъ при общей основной замѣнѣ *у* какъ объяснить? Появленіе во всѣхъ этихъ говорахъ гласнаго *а* въ суф. основано было не на фонетическомъ процессѣ измѣненія *ǫ здѣсь, а на заимствованіи изъ другихъ діалектовъ. По всей вѣроятности, не всѣ говоры съ *ǫ→ъ и *ǫ→*у* въ корнѣ заимствовали *а* въ суф. непосредственно отъ говоровъ, развившихъ *а* вм. ъ; суффикс. *а* могло перейти въ тотъ или иной говоръ при посредствѣ говора съ ранѣе заимствованнымъ суффиксальнымъ *а* (при сохраненіи ъ или *у* въ корнѣ).

Область же говоровъ со вторичнымъ измѣненіемъ ъ въ *а* занимаетъ сплошную и обширную территорію въ Македоніи. Сюда входитъ вся средняя македонская область,—вообще всѣ тѣ македонскіе края, которые не были упомянуты выше: Битоля, Прилѣпъ, Маріово, Кичево, Порѣчье, Велесъ, Штипъ, южная часть кратовскаго округа, Радовиштъ, Малешово, Піянецъ, Тиквешъ.

Важно отмѣтить еще, что въ отдаленномъ пограничномъ юго-западномъ углу славянской Македоніи, въ корчанскомъ селѣ Бобошчицѣ (къ югу отъ Корчи) вм. *ǫ въ корнѣ ъ, а также *а*: внътри; маш, мака, рака; съ *а* и сочетанія съ носовымъ согласнымъ: дамп, замп, гранди (Arch. XV, 45, 46). Въ ближнихъ же славянскихъ говорахъ въ корнѣ ъ: въ костурскомъ и леринскомъ.

Срединные говоры Македоніи по судьбѣ *ǫ вполнѣ тожественны съ сосѣдними говорами юго-западной Болгаріи: г.-джумайскіе, разложскіе, дупническіе, самоковскіе, кюстендилскіе говоры также имѣютъ *а* вм. *ǫ въ корнѣ и суф. Вторичная замѣна ъ посредствомъ *а* является здѣсь и при другихъ условіяхъ: лажа, магла, маска, танок, даска.

Область ъ (изъ *ъ, *ь „слабыхъ“, *ǫ)→*а* продолжается и дальше, въ округа Радомирскій, Ихтиманскій, Т.-Пазарджичскій, Новоселечскій, Пирдопскій, Врачанскій, Искречскій, Орханійскій, хотя и не всѣ эти округа заняты сплошь *а*—говорами (Цоневъ. Изв. за команд. I, 192—143 и карта). *а* находится и въ отдаленныхъ говорахъ, расположенныхъ у Дуная (Мариновъ. Ж. Стар. II, 110).

Процессъ *ъ→а* македонскихъ говоровъ проходилъ повидимому въ связи съ такимъ же процессомъ, переживавшимся указанными говорами Болгаріи, но не подъ вліяніемъ ихъ. Измѣненіе *ъ→а* не чуждо природѣ гласнаго *ъ* македонскихъ говоровъ и могло возникать также позднѣе въ тѣхъ или иныхъ говорахъ, не охваченныхъ ранѣе процессомъ *ъ→а*. Такъ обстояло дѣло съ *ъ* въ корчанскомъ говорѣ с. Бобошчицы (здѣсь *а* вм. *ъ* и въ сочетаніи съ *р*: дарва, четва́рток, но—гръчко; указаніе на позднее происхожденіе *ъ→а*). *а* вм. *ъ* появилось въ этомъ говорѣ безъ вліянія со стороны, ибо ближайшіе говоры, костурскій и леринскій, не испытали такого измѣненія.

и (у). Въ отдѣльныхъ словахъ *у* вм. **ǫ* извѣстно многимъ македонскимъ говорамъ. Это слова слѣдующія: кук'а, суд—, оруж[ј]е, не[ј]к'у,—к'у, утроба, желудок—желудник, гуска[1]), лукав, недугав, мука, мудър, блуд, руг—(ам, а...), сопруг, гусла, преступи(ш...).

Почти повсемѣстно употребляются суд—, оруж[ј]е. Но въ солун. с. Киречк'ой—sъ́dъ, sъ́diš (Rad, knj. 145, стр. 157). Въ нѣкоторыхъ дебърскихъ говорахъ—орожје (Браство IX—X, 395). Широко распространились и кук'а, нек'у—к'у (за исключеніемъ нѣкоторыхъ восточныхъ и окраинныхъ южныхъ говоровъ). Нѣкоторыя другія слова употребляются по говорамъ съ гласнымъ мѣстнаго происхожденія: гъска—гаска, мака, мъдър—мадар, престапиш...

„Къшча"—„къшта" извѣстны говорамъ костурскому (с. Бобишта. Книжици, II, 50), дойранскому, гевгелійскому (Шапк. IX, 371, 373; 339), струмническому (κάστητε въ „Македонія"; III, № 31), кукушскому (Сбм. XVIII, 453). Въ зап. Болгаріи „кашта" произносится въ Г. Джумайскомъ (Сбм. XX, 9) и Дупническомъ (Сбм. X, 172) округахъ.

Далѣе къ сѣверу встрѣчаются и другія слова съ *у*, напр.: въ велесскомъ и штипскомъ округахъ *у* находится въ корнѣ *пуд*—: испу́диле (Штипъ, Сбм. IX, 159); пу́дат (Велесъ, Сбм. XII, 233).

По мнѣнію В. Облака, употребленіе *у* во всѣхъ указанныхъ словахъ—сербизмъ, явившійся въ результатѣ давняго культурнаго вліянія сербовъ, въ частности вліянія сербской администраціи (Сбм. XI, 534; Arch. XVII, 139). Несомнѣнно

[1]) Съ гласнымъ *у* это слово проникло и къ албанцамъ: gus-, -a.

это объясненіе по отношенію къ кук'а, гусла, гуска, суд-, руг-(-ам,-аш...), к'у-не[і]к'у, пуд-(-ил...), желудок-желудник. Впрочемъ, *суд*— могло быть обязано и не одному лишь вліянію „сербскихъ князей". Нельзя ихъ исключительному вліянію приписывать—мука, утроба, блуд, недугав, лукав, мудър.—Былъ и другой источникъ, откуда позаимствовали македонскіе славяне, какъ° и славяне зап. Болгаріи, сочетанія съ гласнымъ *у*: языкъ церкви. Такъ, на церковно-славянизмъ „мука" указываетъ слѣдующее обстоятельство: въ нѣкоторыхъ говорахъ извѣстно „мука" и „мака"; при этомъ „мука" находится обычно въ сочетаніи съ „вечна": во вечна́ мука—Прилѣпъ (Сбм. XX, 7); „вечна мука", при обиходномъ „ма́ка", „ма́чел"—Велесъ (Сбм. XII, 164; XIV, 100, 101); „му́ченица", но „мака", „ма́чим"—Кюстендилъ (Сбм. X, 355); „мука", „мучѐние", но-„мачно"-Дупница (Сбм. X, 173, 174); на церковно-славянизмъ слова „мучение" указываетъ и окончаніе *-ие* вм. *'е*.

Др.-ц.-сл. голѫбь. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-славянскому голѫбь Дидаскалія имѣетъ гулаб(-п), мн. гула́бите 123.

Съ гласнымъ *у* (*гу-*) это слово знаютъ многіе другіе македонскіе говоры. Напр., Кичево (Сбм. II, 186); Прилѣпъ (Сбм. XX, 7). Въ М. Рѣкѣ также гулап (Изв. на сем. I, 274; II, 234),—съ гласнымъ *а*, а не *о*. Но В. И. Григоровичъ слышалъ „отъ Деберянъ" это слово съ го-: го́лобъ (Донесенія В. И. Григоровича. Казань. 1915. 207). го- можетъ представлять собою замѣну гъ-, при ъ→о (могла, доп...). Въ такомъ видѣ это слово извѣстно по говорамъ немалорѣканскимъ дебърскимъ, а западно-и южно-дебърскимъ (Изв. на сем. I, 273). Въ Штипѣ подъ вліяніемъ *у* въ первомъ слогѣ появилось *у* и во второмъ: гулу́би[те] (Сбм. VIII, 248; Лавровъ. Обзоръ, 26).

Въ Охридѣ сохраняется гласный *о*: го-; но во второмъ слогѣ находится не *ъ*, какъ замѣна *ǫ, а *о* (подъ вліяніемъ губного согласнаго или предшеств. *о*): го́лоби (Сбм. XVIII, 528).

Въ видѣ гулап это слово, встрѣчается въ памятникахъ письменности XVIII в.; напр., въ помянникѣ трескавечскаго монастыря (около Прилѣпа), хранящ. въ Публ. б-кѣ въ Петроградѣ (F. IV. № 561), часто упоминается „гулаб[-п]", какъ имя собственное. Сел небрѣгово гоулапа 7об. Сел трѣнь гѫлаба 10. село дрѐновцй гѫлабъ 56...

Такъ же въ записи въ Діоптрѣ, Хлуд. собр., № 66: гл҃апь ѡ҃ село српци.

Но въ трескавечскомъ помянникѣ послѣ *г* находится и иной гласный *-а*: галабъ[-ь], галабица 8, 46об., 62об., 56об...,— изъ сс. Плетворъ и Сенокосъ (въ прилѣпскомъ округѣ, какъ и Небрегово и Дреновци. Сс. Тръни и Сърпци—въ битольскомъ округѣ). Галапь—и въ другомъ сб. XVIII в. (Starine VI, 53).

галаб[и] извѣстно современнымъ говорамъ юго-западной Болгаріи. гáлаби (Кюстендилъ. Сб. Любенова, 64), gálap —къ югу отъ Радомира, въ окрестностяхъ Кюстендила, Дупницы, въ Самоковѣ, Орханіи (Weigand. Jahresber. XV, 159).

Въ этихъ юго-западныхъ говорахъ галап восходитъ къ гълъб(-п),—къ сочетанію, какое представляютъ тѣ восточно-болгарскіе говоры, которые не пережили вторичнаго измѣненія *ъ* въ *а*. См., напр., въ записи Б. Цонева: „два гл҃лъбъ“ (Сбм. IV, 523). Въ Сред. Горѣ также „гълъб[-п]“. Въ тѣхъ же средне-горскихъ говорахъ, гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ *ъ→а*, находится „гáлъб[-п], гâлâби́ца“ (Псп. XLVI, 547).

Появленіе *ъ* въ первомъ слогѣ вызвано, повидимому, вліяніемъ второго слога съ *ъ←ы*.

Сочетанія съ *го-* находятся на сѣверо-западѣ Болгаріи и на юго-западѣ Македоніи. Такъ, въ Бѣлградчикѣ отмѣчено gólup (Weigand. Jahresber. XV, 157).

На западѣ и юго-западѣ дебърской области (въ Дримколѣ, Голо-Бърдѣ, Джупѣ и Полѣ)—„голоп“ (см. выше). Въ томъ же видѣ это слово употребляется въ Охридѣ; но въ пригородной части, въ Месокастро, говорятъ „голоп“ и „гулап“ (Сбм. XVIII, 528). „голáнби“—въ корчанской Бобошчицѣ (Arch. XV, 45).

*rъt-, *lъt-, -*trъ, -*tlъ.

Въ Дидаскаліи имѣется только одинъ примѣръ съ замѣною начальнаго *rъt-: ἔρσα (рожь) 120. ερ- выражаетъ собою—ър-: ърш. Это сочетаніе появилось по аналогіи съ тѣми формами, въ которыхъ второй слогъ былъ съ гласнымъ полнаго образованія.

Для начальнаго *lъt—примѣровъ Дидаскалія не имѣетъ. Но безошибочно можно полагать, что въ ея говорѣ нахо-

дилось сочетаніе lat+глас. полн. обр.: laža. Ср. данныя македонскихъ говоровъ.

Дидаскалія не имѣетъ примѣровъ и для замѣнъ конечныхъ *-trъ, *-tlъ. Замѣну *-tlъ можно опредѣлить почти съ полной увѣренностью: она имѣла видъ -tol: ср. указанія центральныхъ и близкихъ къ нимъ говоровъ, имѣющихъ -tol. Здѣсь гласный *o* вм. *ъ* развился независимо отъ вторичной замѣны *ъ* въ прочихъ положеніяхъ, а въ зависимости отъ конечнаго плавнаго l (см. ниже). Но опредѣлить съ увѣренностью замѣну -*trъ въ говорѣ Дидаскаліи нельзя. Она была или-tar, или-tor. Послѣдняя замѣна находилась бы въ томъ случаѣ, если говоръ Дидаскаліи относился къ области, близкой къ кичевско-дебърской.

Въ Дидаскаліи есть одинъ примѣръ съ-or-: сфе́кор 159; но онъ сюда не относится, восходя къ *svekъrъ (а не *svekrъ). И въ другихъ македонскихъ говорахъ въ этомъ словѣ находится -or, при вторичномъ *ъ* или его замѣнѣ посредствомъ *a* и при -tъr, -tar, замѣнителяхъ *-trъ. Такъ, напр., въ Охридѣ (Сбм. XVIII, 532; Изв. на сем. III, 238); въ Кукушѣ, Воденѣ (Сбм. XVIII, 446). Ср. здѣсь: мъ́дър, ве́тър, мо́кър... Въ Прилѣпѣ: сфе́кор, но—ла́га, ве́тар, добя́р и т. под. Такъ же и въ Самоковѣ: свекор (Сбм. III, 188), но—добар, ветар.

Отмѣтимъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствія сочетаніямъ 1) *rъt-, *lъt- и 2) *-trъ, *-tlъ въ говорахъ Македоніи и ближайшихъ къ ней областей.

Въ измѣненіи *rъt- передъ гласнымъ полнаго образованія всѣми говорами Македоніи была пережита стадія r̥t-. Въ дальнѣйшемъ r̥ въ однихъ діалектахъ раздѣляло судьбу r̥ между согласными, въ другихъ начальное r̥t- испытывало измѣненія, отличныя отъ измѣненій, переживавшихся trt.

Въ западной Болгаріи имѣются говоры, до сихъ поръ еще стоящіе на ступени r̥, какъ въ r̥t-, такъ и въ trt. Таковы нѣкоторые софійскіе говоры: 1) р̥ъ́во, р̥жда́; 2) вр̥ши, тр̥пи (с. Петъръ. Цоневъ. Изв. за команд. I, 138). Такъ же въ Орханіи: r̥š (Weigand. Jahresber. XV, 161). То же наблюдается и въ области Кюстендила: 1) р̥г'аф, 2) зр̥но (Сбм. X, 356). Къ югу отъ Кюстендила, по обѣ стороны Струмы, при плавномъ развился *ъ*, т. е. вм. r̥t- здѣсь находится rъt-. Таковы говоры г.-джумайскій и дупническій. При этомъ, въ

г.-джумайскомъ говорѣ ъ произносится и между согласными; въ Дупницѣ же сохраняется ъ̯т (Сбм. XX, 4; X, 186).

Что касается говоровъ Македоніи, то немногіе изъ нихъ сохраняютъ ъ̯т-. Въ тѣхъ же говорахъ и ъ̯т. Это—на юго-востокѣ, въ солунскихъ говорахъ, и на западѣ, въ М. Рѣкѣ и Малесіи. Солун.: ъ̯ђ́аsa, ъ̯ђ́а—въ Н. Селѣ и Градоб.; но въ другихъ селахъ ъ-: ъ̯ђ́аі, ъ̯ђ́а—въ Бугар., Ватилъкѣ (Oblak. Mac. St. 39). М. Рѣка: ржит, ъ̯ǧа (Изв. на сем. II, 239; Oblak. Mac. St. 40). Но въ зап. П. Дьиновскаго изъ Галичника—арш (Жив. Старина. 1899, II, 244, 245). Малесія (с. Обоки): ъ̯š (Oblak. Mac. St. 40)—по аналогіи съ формами, гдѣ ъ̯ находился передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія.

Раньше область говоровъ, имѣвшихъ ъ̯т—была обширнѣе. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. (Птгр. Публ. б-ка, F. IV. 561) находится: и едно кило рьшь. ă кило решъ (58 об.). рьшь и решъ передаютъ повидимому ъ̯š.

Большинство же прочихъ говоровъ Македоніи объединяются одинаковымъ измѣненіемъ начальнаго ъ̯: развитіемъ гласнаго ъ передъ плавнымъ: ъ̯т—>ърт-. Такова же судьба и ъ̯ между согласными въ большинствѣ македонскихъ говоровъ (за исключеніемъ говоровъ на сѣверѣ).

ърт-отмѣчено въ слѣдующихъ говорахъ: Лерина (Псп. LXI, 358), Битоли (Сбм. XV, 27), Прилѣпа (Сбм. XX, 6), Рѣсена (Книжици IV—VII, 267), Охрида (Изв. на сем. III, 238; Сбм. XVIII, 532), Кичева (Сбм. XIX, 128; Шапк. VIII, 250, 254), Тетова (Отчетъ, 8), Штипа (Сбм. XI, 589), Кратова (Сбм. IV, 316). Во всѣхъ этихъ говорахъ ър-находятся не только передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія (ържи[т], ърг'а, ържаник), но по аналогіи и въ формахъ, гдѣ *ъ—имѣло нѣкогда ъ „сильное“: ърš. Въ тетовскомъ с. Лешокъ мною отмѣчено комбинаторное сочетаніе: ъръš (Отчетъ, 8).

ърт—свойственно и говорамъ областей, находящихся къ сѣверу отъ Македоніи: кумановскому и прешевскому: 'рж=ърж (Хц.-Васиљ. J. Ст. Срб. I, 336, II, 83).—Въ записяхъ сербовъ обычно имѣется ' вм. ъ. Ср. написанія *'pm*, т. е. ърт (ib.)—. ърг'а (въ Кумановѣ. Материали по изучването на Македония. София. 1896. Стр. 546).

Далѣе къ сѣверо-востоку употребляется ъ̯т- (Белић. Дијал. 70, 181; Дијал. Зб. II, 370). На Косовѣ—р'ж=ръж (Књиге Матице Срп. № 6, 157).

Если начальныя стадіи процесса, пережитаго македонскими говорами въ судьбѣ праславянскаго сочетанія ĭъt— передъ гласнымъ полнаго образованія, проходили въ томъ же направленіи, какъ въ измѣненіи *гъt- +гласн. полн. образ., то и вм. *ĭъt- въ указанномъ положеніи развивалось ĭt-. Но прямыхъ указаній на стадію ĭt- для этихъ говоровъ не имѣется. Дальнѣйшее измѣненіе ĭt- заключалось въ развитіи при плавномъ гласнаго ъ, становившагося слоговымъ. Въ говорахъ Македоніи находится ъrt-, при рѣдкомъ ĭt-. Въ замѣнѣ же праславянскаго ĭъt- +глас. п. образ. не представлено не только ĭt-, но и ъlt-. Единственный примѣръ приводится для охридскаго говора: олцица,—съ *ол-*, какъ результатомъ измѣненія предполагаемаго ĭ—ъl. Такое значеніе придаетъ этому примѣру В. Н. Щепкинъ (Болон. Пс. 117). Этотъ примѣръ можно дополнить аналогичнымъ (о́лджица, о́лджичка, о́лджичник) изъ дебърскихъ говоровъ Дримкола (Сб. въ честь на Милетичъ. 151). Но охридскому говору извѣстно и—лàĭца (Сбм. XVIII, 529), дебърскому мало-рѣканскому—лòĭца, лòжица, ложи́чарник (Изв. на сем. II, 297). Происхожденіе охридско-дебърскаго „олцица" для насъ не ясно; разсматривать это сочетаніе въ связи съ tolt вм. tĭt (т. е. *ĭъ·→ĭ→ъl·→ol) мы не рѣшаемся. Можетъ быть, *ол-* въ—олцица—не вм. *ĭъ-.

Съ гласнымъ *о* (но за плавнымъ,—lo-) это слово извѣстно и многимъ такимъ говорамъ, гдѣ ни *о* вм. ъ, ни ol, lo вм. ъl, lъ не извѣстны. Такъ, *ложица* произносится въ областяхъ Кумановской и Прешевской (Хц.-Василь. J. Ст. Срб. I, II), юго-восточной Сербіи (Белић. Дијал. 65, 82; Дијал. Зб. II, 371; для Пирота въ Сбм. I, 144).

Въ книгѣ Белича отмѣчено въ одномъ случаѣ лжи́ца (96). Но и этотъ единичный примѣръ, при этомъ слова, не яснаго по своему происхожденію, на-ряду съ обычной замѣной *ĭъ- посредствомъ lъ- (Дијал. 52, 69, 74) мало способствуетъ утвержденію положенія о стадіи ĭt- вм. *ĭъt- передъ глас. полн. образ.

Въ македонскихъ говорахъ, какъ и въ сосѣднихъ славянскихъ говорахъ, болгарскихъ и сербскихъ, за l находится гласный ъ или его вторичная замѣна. Такъ, lъt- отмѣчены въ говорахъ Лерина (Сбм. XI, 561), солунскихъ селъ (Oblak. Mac. St. 14), Кукуша и Водена (Сбм. XVIII, II, 168), Кратова (Сбм. IV, 315), Тетова (Отчетъ 8).

Въ Кукушѣ и Воденѣ lъ находится и между согласными. Но въ прочихъ говорахъ судьба tl̥t была иная: tl̥t (солунскіе говоры), tolt (лерин.), tъt, tut, tĭъt (Штипъ, Кратово), tlъt и toųt (Тетово).

Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ вм. lъt- находится за l вторичная замѣна ъ. Въ говорахъ дебърской области (а также крушовскихъ міяковъ, переселенцевъ изъ дебърскаго края) вм. ъ произносится *о*. Это обычная замѣна, первичная и вторичная, гласнаго ъ,—замѣна, не зависѣвшая отъ природы сосѣдняго согласнаго, а развившаяся въ результатѣ измѣненія въ артикуляціи дебърскаго ъ, произносившагося съ небольшимъ округленіемъ губъ: ъ̯.—лʊ̯дожеш (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 232); ложет (Круш. Сбм. XVI—XVII, 75).

Обычно же вм. lъt- развивалось lat-. Такъ въ говорахъ Битоли, Прилѣпа, Велеса, Тиквеша, Кичева, Штипа; такъ же въ юго-западной Болгаріи (въ Кюстенд., Дупницѣ, Самок., Г. Джумаѣ). Появленіе здѣсь la происходило независимо отъ судьбы l̥ между согласными: при lat- можетъ быть tъlt, tolt, tĭъt, tъt, tot, tut. Не зависѣло развитіе lat- и отъ первичной замѣны „сильнаго“ ъ: въ македонскихъ говорахъ эта замѣна —*о*. Появленіе *а* въ lat—находилось въ связи именно съ вторичной замѣной ъ. Въ этихъ говорахъ эта замѣна представлена гласнымъ *а*:—лажиш, лага—и—рака, пат.

Въ связи съ судьбой ъ въ lъt +глас. и ъ, замѣнившаго *ǫ, находится судьба ъ (вм. „слабыхъ“ *ъ, *ь) въ начальномъ слогѣ: въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ не произошло фонетическаго вторичнаго измѣненія ъ въ *а*, *о*, тамъ произносится ъ и въ начальномъ открытомъ слогѣ. Таковы говоры Костура, Лерина, Охрида, солунской области, Водена, Кукуша, Скопья, Кратова, Криво-Р. Паланки, Тетова.

Леринъ: мъгла, тънка (по аналогіи—тънок; такъ во многихъ говорахъ; но въ нѣкоторыхъ аналогія дѣйствовала въ другомъ направленіи, исходя отъ формъ, въ которыхъ *ь въ начальномъ слогѣ былъ въ „сильномъ“ положеніи и замѣнялся рано гласнымъ *е* (первичная замѣна): тенка и т. п.).

Рѣсенъ: мъска (Сбм. VIII, 130). Охридъ: мъ́гла, мъ̀ска (Изв. на сем. III, 237). Кукушъ, Воденъ: мъгла, мъска, тънук (Сбм. XVIII, 450). Скопье: тънко (Минало 1 1). Кратово: мъгла (Сбм. II, 61). Криво-Р. Паланка (Сбм. IX, 29). Тетово (Отчетъ 6). Солун.: mъgla, tъmnica (Oblak. Mac. St. 14).

Тѣ же македонскіе говоры, которые во вторичномъ измѣненіи *ъ* достигли стадіи *а* (или *о*—въ дебър. краѣ), имѣютъ *а* и въ начальномъ (открытомъ) слогѣ. Какъ видно, процессъ *ъ*→*а* (или *ъ*→*о*) захватывалъ и lъt-, и mъt-, и dъt-, и tъt-. Слѣдовательно, къ этому времени *ъ* въ lъt-, mъt- былъ того же образованія (качества и количества), какъ и въ dъt-, tъt- и въ rъka, dъb.

Битоля: маска (Шапк. IX, 311). Прилѣпъ: магла, маск'и, такнам (Сбм. XI, 561; XVI—XVII, 113; XX, 4). Велесъ: магла, та́нко (Сбм. VIII, 256, 189; VII, 128; XIII, 172). Кичево (Сбм. II, 186; XIX зап.; Сб. Иконом. 114, 115, 131). Тиквешъ (Шапк. I, 139). Штипъ (Сбм. XI, 587). Піянецъ (Псп. XII, 117). Кочани (Сбм. XVI—XVII, 185).

Въ говорѣ Дидаскаліи также—*маск'и*.

а- въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ представляютъ и говоры юго-западной Болгаріи.

Вторичное *ъ*→*о*: Дебърскіе говоры: мо̀гла, моска (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 233. Oblak. Mac. St. 16).

*-trъ, *-tlъ. Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и южно-славянскихъ, развивался гласный *ъ* передъ плавнымъ въ замѣнѣ *-tr(l)ъ въ концѣ слова, по утратѣ конечнаго *ъ*. До развитія новаго слогового гласнаго *ъ* передъ плавнымъ южно-славянскими языками могла быть пройдена стадія съ слоговымъ r̥(l̥): ср. у А. А. Шахматова: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка". СПб. 1903. Гл. VI. „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка". Птр. 1915. §§ 78, 367—369. Въ говорахъ юго-восточной Сербіи отмѣчены сочетанія bistr̥, mokr̥... рядомъ съ bistᵇr̥, mokᵇr̥... (Broch. Dial. 156, 286. Белић. Дијал. 124—125). Но r̥ въ этихъ сочетаніяхъ не представляетъ ранней стадіи измѣненія въ конечномъ *-trъ. Это r̥ развилось вмѣсто предшествовавшаго *ъ*, ᵉ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ при -tъr слышится и ᵇr̥, т. е. слоговое r при слабомъ приступѣ гласнаго [1]).

Параллельное явленіе представляютъ и нѣкоторые македонскіе говоры, напр., дебърскіе (см. ниже).

[1]) Такъ, о пиротскомъ говорѣ Broch замѣчаетъ: Zum Theil war *dóbъr*, *mókъr* u. ä. mit deutlich entwickeltem *ъ* zu hören; ebenso im Substantiv *vépъr*. Daneben liefen aber Formen „dóbъr", „bístъr", „ostъr", „vèdъr", in denen *ъ*, falls überhaupt anzusetzen, in einen kurzen vokalischen Vorschlag vor dem *r* (r̥) reducirt ist. Dial. 286. Редукція гласнаго элемента передъ *r* отмѣчена имъ и по отношенію къ *а*. ib. 98.

Измѣненія конечныхъ сочетаній ъr, ъl въ македонскихъ говорахъ заключались въ діалектическомъ измѣненіи гласнаго ъ. Это измѣненіе зависѣло отъ вторичнаго измѣненія ъ, отчасти отъ предшествующаго слога и въ особенности отъ слѣдующаго плавнаго l. Наиболѣе широко распространено -tъl→-tol. -tol свойственно говорамъ не только дебърскимъ, гдѣ можно бы объяснить -tol вм. tъl въ связи съ общимъ измѣненіемъ вторичнаго ъ въ *о* (могла, ложа...), но и говорамъ многихъ другихъ областей Македоніи, на югѣ, въ центрѣ и на сѣверѣ, гдѣ судьба вторичнаго ъ была иная сравнительно съ дебърской: 1) ъ→*а*, 2) ъ. Появленіе здѣсь *о* вызвано вліяніемъ артикуляціи слѣдующаго плавнаго *l*. Тоже явленіе наблюдается и въ замѣнѣ болѣе ранней группы t̥l̥t: въ то время, какъ вм. t̥r̥t произносится tъrt, t̥l̥t замѣнилось сочетаніемъ tolt (діалектически toųt). Если же въ томъ или иномъ говорѣ или въ отдѣльныхъ случаяхъ одного и того же говора положеніе гласнаго ъ было за плавнымъ (l), то измѣненіе его по направленію къ *о* не происходило, въ чемъ ясно обнаруживается вліяніе артикуляціи l на артикуляцію предшествующаго гласнаго типа ъ. То же безъ сомнѣнія подтверждается и такими дублетами въ замѣнѣ t̥l̥t, какіе отмѣчены мною въ дольне-положскихъ говорахъ: 1) slъ́za, dlъga, slъnce; 2) voųk, žoųt, prokoųne (Отчетъ, 7—8).

На измѣненіе гласнаго типа ъ въ сочетаніи съ *r* въ конечномъ слогѣ могъ вліять предшествующій слогъ: е̋сли въ этомъ слогѣ былъ гласный *о*, то и въ -tъr вм. ъ могъ развиться гласный *о*; послѣ же слога съ гласнымъ *е*(*i*), въ слѣдующемъ слогѣ вм. tъr могло съ теченіемъ времени развиваться—ter. То и другое измѣненіе въ конечномъ -tъr не распространялись на всѣ македонскіе говоры, а лишь на нѣкоторые изъ нихъ. Кромѣ того, -tor, -ter въ томъ или иномъ говорѣ и не охватывали всѣхъ случаевъ съ -tъr, относящихся сюда.

Въ связи съ общимъ измѣненіемъ вторичнаго ъ сочетаніе -tъr→-tar.

Безъ вторичнаго измѣненія ъ сочетанія -tъr, tъl извѣстны отдѣльнымъ говорамъ южной и сѣверной Македоніи. Костуръ: рѐкъл (Книжици II, 50; Шапк. IX, 334). Кукушъ и Воденъ: вѐтър, ѐстър, сѐкъл, тѐпъл (Сбм. XVIII, 449). Мегленъ: рѐкъл (Сбм. III, 190). Кратово: добър, рекъл (Минало I 1, 77; Сбм. IV, 316). Тетово (Отчетъ 8).

Къ діалектическимъ областямъ, въ которыхъ при -tъr или -tar произносится -tol принадлежатъ многіе говоры Македоніи.

Охридъ: рéкол, секол (Изв. на сем. III, 237); и́тър, Петър; заимств.—нéкадър, кадър (Шапк. VIII, 43, 98, 186, 131),—заимств. тур. قدر; вéтер (Шапк. VIII, 111). Рѣсенъ (Сбм. VI, 140; VIII, 229). Битоля (Сбм. XV, 127. Шапк. IX, 298, 309, 311); вéтер (въ пѣснѣ; Сбм. XV, 25). Прилѣпъ (Сбм. XX, 4, Мирчевъ. Сбм. XI, 96, 112). Маріово: рекол, излегол, отнесол (Сбм. XVI—XVII, 286, 287). Велесъ (Сбм. V, 161, VIII, 189); вéтер (Сбм. VIII, 125; XII, 163), также—дóбер іýнак (пѣсня; Сбм. XIV, 6). Скопье: при -tol находится заимств. сúктър (въ Рѣсенѣ—сúктер: сúктер óттука. Сбм. IX, 158); вéтер (Минало I 1, 66, 70. Сбм. XI, 110). Штипъ (Сбм. XI, 588). Малешово: пàсол (Новини, II, № 48).

Въ говорахъ дебърскихъ и кичевскихъ вмѣстѣ съ порѣчскими употребляются -tol и -tor. Въ дебърскихъ говорахъ появленіе *o* въ -tor находится въ связи съ общимъ направленіемъ въ измѣненіи вторичнаго *ъ*. Въ кичевскихъ и порѣчскихъ говорахъ -tor вм. ожидаемаго -tar обязано вліянію сосѣднихъ, дебърскихъ говоровъ. Въ рядѣ случаевъ -tor могло развиться и внутри самихъ кичевскихъ говоровъ: послѣ слога съ лабіализованнымъ гласнымъ.

Кичево: добор, Петор (Сб. Иконом. 111, 132. Новини III, № 40. Шапк. VIII). Порѣчье: добор, ветор („Караџић“ III, № 5).

М. Рѣка (Изв. на сем. II, 232—233, 289; Oblak. Mac. St. 16). Въ XVIII-мъ в. тоже было -tor: Попъ лазоръ ӱ деборъ—въ зап. 1782 г., въ Діоптрѣ, Хлуд. собр., № 66.

Крушово (у міяковъ. Сбм. XVI—XVII, 301, 303).

Нѣкоторые дебърскіе говоры имѣютъ -tr̥ вм. -tъr. mą̊dr̥ (ą̊ — редуц. *a*; с. Обоки. Oblak. Mac. St. 23). Но этому—tr̥ несомнѣнно предшествовала стадія съ *ъ* передъ плавнымъ,—съ *ъ*, подвергшимся въ результатѣ редукціи полной утратѣ, вслѣдствіе чего развилось r̥. Подобное явленіе наблюдается и вм. группы ъm: sm̥ (с. Обоки. Oblak. Mac. St. 17); въ томъ же селѣ и -èdn̥. (ib. 16). Но въ данномъ образованіи n̥ обязано не утратѣ *ъ*: онъ уже ранѣе, находясь въ положеніи „сильнаго“, замѣнился гласнымъ *e*. На форму муж. ед. дѣйствовали въ этомъ говорѣ прочія формы, въ которыхъ нѣкогда находился **ъ* „слабый“: формы (j)ed[ъ]na, (j)ed[ъ]no... вызвали и форму (j)edn→(j)edn̥. Могло быть пережито такое

же направленіе и въ измѣненіи той или иной формы причастія или прилаг.: подъ вліяніемъ mъdra... появилось и mъdr→mъd̥r.

Въ говорахъ юго-западной Болгаріи отражаются тѣ же измѣненія въ -tъr(l), какія отмѣчены для македонскихъ говоровъ.

Въ Г. Джумаѣ при -tol произносится -tar (бдар); но въ другихъ случаяхъ—ter: би́стер, до́бер, ветер (Сбм. XX, 5).

Въ говорахъ областей, расположенныхъ къ сѣверу отъ Г. Джумаи, судьба -tъr и tъl проходила въ одинаковомъ направленіи: въ нихъ ъ замѣненъ гласнымъ *а* или ъ̯: говоры кюстендилскіе (Сбм. X, 350. Й. Ивановъ), дупническіе (Сбм. X, 162, 186), самоковскіе (Сбм. V, 184; X, 148, 152).

Какъ видно, результатъ, достигнутый говорами Македоніи и зап. Болгаріи въ измѣненіи -tъr(l), не одинаковъ для разныхъ діалектическихъ группъ. Обнаруживается одна тенденція, широко распространенная въ нихъ,—лабіализующее вліяніе плавнаго l на артикуляцію предшествующаго гласнаго типа ъ: ъ̯—ъ̯—o. То же происходило и въ группѣ tl̥t. Но эта тенденція къ ol (tol) не охватила всѣхъ македонскихъ и южно-зап. болгарскихъ діалектическихъ группъ: извѣстны говоры, знающіе -tъr, -tъl, а также -tar, -tal. Но -tal въ македонскихъ говорахъ встрѣчается рѣдко. -tal отмѣчено въ нѣкоторыхъ леринскихъ говорахъ (въ сс. Цѣрово, Урвово): рѐкал, занѐсал, Пѐтар (Сбм. VIII, 161, 174, 205, 173). Также въ дойранскомъ селѣ Владоя: ре́кал (Шапк. IX, 371).

Выше указано, что измѣненіе ъ въ -tъr(l) проходило въ связи со вторичнымъ измѣненіемъ ъ, если только не вліяли сосѣдніе звуки, въ особенности слѣдующій l. Если же въ леринскомъ и дойранскомъ говорахъ находится -tal(r) при отсутствіи вторичнаго измѣненія ъ въ прочихъ положеніяхъ, то появленіе *а* въ этомъ слогѣ могло зависѣть отъ положенія въ конечномъ заударномъ слогѣ. Измѣненіе ъ по направленію къ *а* при такомъ условіи извѣстно нѣкоторымъ говорамъ Македоніи, Болгаріи и юго-восточной Сербіи.

Наконецъ, отмѣтимъ, что въ Македоніи и юго-западной Болгаріи въ одномъ случаѣ широко распространилось -ter: въ словѣ—véter. Въ такомъ звуковомъ видѣ это слово знаютъ говоры, имѣющіе въ другихъ случаяхъ -tъr, -tor, -tar (-tăr).

*-tmь.

Въ замѣнѣ праславянскаго сочетанія въ конечномъ слогѣ *-tmь Βουλγάρικα Дидаскаліи имѣетъ обычные македонскіе звуковые элементы: -tum: сум 140; сéдум, óсум 179, 180.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи, за исключеніемъ немногихъ на сѣверѣ и юго-востокѣ, произошла замѣна вторичнаго *ъ* передъ конечнымъ *т* посредствомъ *о* и чаще *и(у)*. Такое измѣненіе *ъ* въ—*ът* проходило независимо отъ вторичнаго измѣненія *ъ*, находившагося въ другихъ положеніяхъ. -от, -ит развились не только въ дебърскихъ говорахъ (при вторичномъ *ъ*→*о*), но и въ охридскихъ (при вторич. *ъ*), и въ битольскихъ (при *ъ*→*а*), и въ д.-положскихъ (при *ъ*) и др. Измѣненію вторичнаго *ъ* передъ конечнымъ *т* благопріятствовало не только неударенное положеніе (-ът—обычно находится внѣ ударенія); въ нѣкоторыхъ говорахъ съ -от, -ит все же сохраняются -ът (Костуръ, Кукушъ). Рѣшающее значеніе въ этомъ измѣненіи имѣлъ сосѣдній согласный *т*: въ зависимости отъ него *ъ* утрачивалъ свойственную ему типическую артикуляцію и постепенно развивалъ артикуляцію гласнаго *о*, *и*: $ъ^{o}$→о→$о^{u}$; $ъ^{u}$→и. Въ говорахъ можно и въ настоящее время наблюдать не только *-от*, *-ит*, но и переходную стадію *$о^{u}$т*. Таковая отмѣчена мною въ говорахъ Д. Полога. По всей вѣроятности можно найти и стадіи $ъ^{o}$, $ъ^{u}$.

Что касается измѣненія -ът въ -от, то его физіологическій характеръ ясенъ: при развившейся работѣ губъ и при обычномъ для образованія гласныхъ положеніи голосовыхъ связокъ -ът→от. Но при процессѣ -ът→-ит возможно, что послѣдній результатъ былъ достигнутъ черезъ стадію -от, какъ полагалъ еще М. С. Дриновъ[1]): -от→-$о^{u}$т→→ит. Ср. говоры д.-положскіе, гдѣ извѣстны какъ -от, такъ и -$о^{u}$т и -ит (Отчетъ). Ср. и говоры костурскіе и леринскіе, знающіе -от и -ит (по всей вѣроятности, есть и -$о^{u}$т). Ср. также нарѣчія на—ит (изъ от): ti[ch]ит, redит, zbogит, ničkит, nazorит, gre[ch]ит—по ошибкѣ. Но измѣненіе -ът въ -ит черезъ стадію -от могло быть пройдено не всѣми говорами: и въ -ит могло развиться и непосредственно изъ $ъ^{u}$, т. е. изъ гласнаго *ъ*, произносившагося съ лабіализаціей типа

1) Arch. V, 376. „Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебърскихъ славянъ“. Сѣчин. II, 377.

и. Такой ходъ измѣненія -ъm былъ пережитъ говоромъ Кукуша: ср. окончаніе формы наст. 1 ед. -ъm (lъ́žъm, dónesъm), замѣняющееся иногда посредствомъ ᵘm (съ *и* неполнаго образованія); raboᵗᵘm, prédᵘm (Oblak. Mac. St. 105). Въ замѣнѣ -tъm въ этомъ говорѣ находится -tum. Различіе между этимъ -tum и -tᵘm въ глаг. формѣ объясняется тѣмъ, что эти сочетанія возникли въ разное время (tᵘm глагольной ф.—явленіе, еще развивающееся въ говорѣ).

На переходъ -ъm въ -um черезъ стадію -ъᵘm могутъ указывать и нѣкоторые другіе говоры, знающіе -ъm при -um, если только это не элементы двухъ разныхъ діалектическихъ группъ. -um и -ъm находятся въ говорахъ солунскихъ и воденскомъ на юго-востокѣ и въ д.-положскихъ и нѣкоторыхъ скопскихъ на сѣверѣ.

Говоры съ -um занимаютъ почти всю Македонію. -сумъ- и въ письмѣ крушованина 1637 г. (Минало I 3, 291).

Въ окраинныхъ македонскихъ областяхъ имѣются варіанты въ замѣнѣ -ъm. На югѣ и западѣ (въ Костурѣ, Леринѣ, Рѣсенѣ) употребляютъ -um и -om: som | sum(su), osom | osum, sedom | sedum. Костуръ (Книжици I, 36; II, 56), Кайляръ (Сбм. XVI—XVII, 63, 66, 68). Леринъ: Сбм. VIII, 161; Шапк. IX, 319, 320, 325). Рѣсенъ (Псп. XLI—XLII, 880—882, 886). Въ М. Рѣкѣ -um только въ сочетаніи sum(su). Въ сочетаніяхъ для передачи „7“, „8“ произносится -om: sedom, osom, хотя въ такихъ нарѣчіяхъ, какъ istum, pròstum имѣется результатъ измѣненія -om въ -um (Изв. на сем. II, 235; Браство, IX—X, 397, 391). Если это различіе въ гласномъ конечнаго слога указанныхъ числительныхъ и нарѣчій не зависѣло отъ времени лабіализующаго дѣйствія конечнаго m на предшествовавшій гласный *о*, прекратившагося ко времени развитія -om изъ -ъm, то оно было вызвано слѣдующимъ. -om въ числительномъ osom подъ вліяніемъ гласнаго *о* въ предшествующемъ слогѣ не испытало измѣненія въ -um. Подъ вліяніемъ же числительнаго osom стали произносить съ -om и числительное sedom. Въ восточномъ углу Македоніи, въ Малешовѣ, отмѣчено sam, osem („Новини“, II № 48). То же и въ близкомъ къ малешовскому говорѣ г.-джумайскомъ (въ юго-зап. Болгаріи): sam, osem, sedem (Сбм. XX, 5, 18). -am въ sam находится въ связи съ окончаніемъ формы наст. ед. -a, -am. Полагаемъ, что появленіе -em въ числительныхъ вызвано вліяніемъ предшествую-

щаго гласнаго *е* въ числительномъ „7“ и отсюда перенесено и въ „8“ (а не природою гласнаго ъ). На зависимость гласнаго *е* въ -em (sedem) отъ предшествующаго слога указываютъ нѣкоторые говоры сѣверо-восточной Болгаріи: тамъ при сохраненіи -ъm въ -osъm находится sedem (Miletič. D. Ostb. 72).

На юго-востокѣ, въ Воденѣ и солунскихъ селахъ, произносится sъm, но -sedum, osum. -ъm въ sъm съ окончаніемъ формы наст. 1 ед. на -ъm: nòsъm, jàdъm, mòžъm.

Въ сѣверо-македонскихъ областяхъ, въ Д. Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ, Кр.-Р. Паланкѣ употребительны сочетанія съ -um и -ъm. Кратово: sъm | sum(su), sedъm | sedum, osъm | osum (бПсп. XI—XII, 175, Сбм. II, 62; IV, 317; Минало I 1, 76, 78); Црешево (къ с.-вост. отъ Скопья); sъm, sedъm, osum (Минало I 1, 68); Кр.-Р. Паланка: sъm, sédъm, ósum (Сбм. IX, 29, 60, 74). Въ Д. Пологѣ извѣстны не только sъm, но и som, so^{u}m, sum (Отчетъ).

Итакъ, во всѣхъ македонскихъ говорахъ обнаруживается результатъ пережитой ими общей тенденціи воздѣйствія артикуляціи конечнаго *m* на образованіе предшествующаго ему гласнаго ъ, становившагося лабіализованнымъ и переходившаго въ *о* и *и*. Послѣдній результатъ является общераспространеннымъ въ Македоніи. Лишь на юго-востокѣ и востокѣ въ глагольной формѣ sъm -ъm появился въ связи съ общимъ (позднимъ) окончаніемъ формы наст. ед. ъ+m.

На сѣверѣ наблюдается -ъm въ чередованіи съ -um(-om). При этомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ появленію -um благопріятствовалъ предшествующій слогъ съ гласнымъ *о*: osum при sedъm.

Не представляютъ ли сѣверно-македонскіе говоры своимъ -um элементовъ заносныхъ, заимствованныхъ отъ прочихъ македонскихъ діалектовъ?—Нѣтъ. И на сѣверѣ Македоніи -um является результатомъ фонетическаго измѣненія -ъm. Вліяніе согласнаго *m* на предшествующій гласный дѣйствовало не только въ прошломъ сѣверно-македонскихъ говоровъ, но дѣйствуетъ и въ настоящее время, подобно тому, какъ это обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., кукушскомъ. Кромѣ того, сочетанія съ -ъm въ сѣверно-македонскихъ говорахъ представляютъ собою рѣдкіе варіанты сравнительно съ -um-om (насколько могу судить по д.-положскимъ говорамъ). Отсут-

ствіе въ рѣдкихъ случаяхъ результата лабіализаціи гласнаго *ъ* въ сочетаніи *-ъm* объясняется или тѣмъ, что процессъ лабіализаціи въ этихъ говорахъ не былъ такъ интенсивенъ, какъ въ прочихъ діалектахъ, или, что̀ вѣроятнѣе, эти *-ъm* являются въ зависимости отъ сосѣднихъ діалектическихъ группъ въ областяхъ къ сѣверу и сѣв.-востоку отъ Македоніи, гдѣ общераспространено сочетаніе -ъm или -ъ̯m-am, т. е. результатъ вторичнаго измѣненія *ъ* не зависитъ отъ воздѣйствія слѣдующаго *m*. Такъ въ говорахъ западной Болгаріи (-ъm и -am). *-am* въ Самоковѣ (Сбм. V—IX, 179), Дупницѣ (Сбм. X, 163), Разлогѣ („Додатак“ 34) въ области между Искъромъ и Огостой (Мариновъ. Ж. Стар. II, 93). Далѣе къ сѣверу *-ъm*, напр., въ Видинѣ (Сбм. XIX, 4, 27), Врацѣ (Сбм. XXV, 1, 2, 9...), Търнѣ (Псп. XII, 123).

Въ Скоп. Ч. Горѣ указаны сочетанія съ -am (Насеља III). Извѣстны, по всей вѣроятности, и съ -ъ̯m.

Въ Кумановѣ и Прешевѣ -ъm (Хц.-Васиљ. J. Ст. Срб. I, II).

Въ юго-восточной Сербіи также общеупотребительно -ъm(-am) (Белић. Дијал. 66, 81).

Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ сочетанія съ конечными ъ°m-om, ъᵘm-um можно наблюдать и въ западной Болгаріи и въ юго-восточной Сербіи. Но существенное различіе въ этомъ отношеніи по сравненію съ македонскими говорами заключается въ томъ, что эти -om, -um тамъ, на юго-востокѣ Сербіи и на западѣ Болгаріи, не являются результатомъ общераспространенной тенденціи къ лабіализаціи *ъ* въ зависимости отъ слѣдующаго *m*,—лабіализаціи, которая была бы пережита въ прошломъ или переживалась бы въ настоящемъ. -om, -um въ отдѣльныхъ говорахъ указанныхъ областей употребляются лишь спорадически. Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующій фактъ: ъ°m-om, ъᵘm-um въ глаголѣ sъm на юго-востокѣ Сербіи употребляются весьма рѣдко. А. Беличъ отмѣтилъ всего 6 случаевъ съ измѣненіемъ въ этомъ сочетаніи гласнаго *ъ*: ъ°, ъᵘ, o, u. Изъ этихъ примѣровъ 3 приходятся на Враню (въ записи Брока -sam. Dial. 102), 1 на Нишъ и 2 на тимочско-лужническую группу (Дијал. 74, 83). Въ говорахъ Средняго Тимока—только sъm (Дијал. Зб. II, 440). Иное представляется въ передачахъ числительныхъ „7“, „8“. Въ этихъ словахъ многимъ говорамъ извѣстно -om, -um вм. -ъm. Ср. данныя въ описаніи

Брока (Dial. 110, 131, 141, 254, 287, 293, 303, 321), Белича (Дијал. 74, 82—83), Станоевича (Дијал. Зб. II, 371). То же можно наблюдать и въ западной Болгаріи. Такъ, въ Чип[о]ровцахъ при sam говорятъ sedomdesé і sédom, osomdesé (Сбм. (XVI—XVII, 260, 262).

-om развилось фонетически въ словѣ „8“ и было вызвано вліяніемъ предшествующаго слога съ гласнымъ *о*. Отъ osom -om перенесено и на сосѣднее числительное „7“: sedom. Конечное *m* благопріятствовало дальнѣйшему процессу лабіализаціи,—появленію *u*: osum.

Процессъ образованія m̥, n̥, r̥, l̥ по утратѣ гласнаго, находившагося при согласныхъ m, n, r, l, а затѣмъ развитія вторичныхъ гласныхъ при слоговыхъ m, n, r, l, извѣстенъ и неславянскимъ балканскимъ языкамъ. Такъ, въ греческихъ говорахъ слоговые m, n, r, l въ заударномъ положеніи измѣнялись въ сочетанія i+m(n, r, l) или u+m(n, r, l). Въ македонскихъ говорахъ передъ m̥ развивался гласный u: -m̥→ um; σύ γαμβρόζουμ—ὁ γαμβρός μου (P. Ktetschmer. Der heutige lesb. Dialekt. Schriften d. Balkankommission. VI. Wien. 1905. 105—110). Соотвѣтствующее явленіе развитія вторичнаго гласнаго при указанныхъ условіяхъ знаютъ и албанскіе говоры; ɛmbɛr[ɛmɛr]-имя, nesɛr-завтра (Pedersen. Texte 9), akuĭ-ледъ, avuĭ-чадъ. (G. Meyer. Alban. Studien. III. 80. Sitzber. Wien Bd. 125).

*tъr(l)t, *tьr(l)t, *tr(l)ъt, *tr(l)ьt.

Данныя Дидаскаліи свидѣтельствуетъ ясно о томъ, что въ ея болгарскомъ говорѣ находились между согласными сочетанія гласнаго ъ съ слѣдующимъ за нимъ плавнымъ *r*. Эти сочетанія замѣняли болѣе ранее tr̥t, развившееся у южныхъ славянъ вм. *tъrt, *tьrt, *trъt, *trьt. Въ Дидаскаліи это сочетаніе обычно передается посредствомъ -ар-[ър]. Правда, на-ряду съ такой передачей встрѣчаются и написанія съ -ар-[ар] и -ɛр-[ер]. Что касается -ар-, то это лишь орѳографическій варіантъ передачи -ър-, обычно употреблявшійся въ новоболгарской письменности для выраженія сочетанія -ър- между согласными. Что дѣйствительно -ар-=-ар-, то на это указываетъ и то обстоятельство, что одни и тѣ же звуковыя сочетанія въ одинаковыхъ корняхъ передаются двумя указанными способами. Распространена была въ новоболгар-

ской письменности и русско-церковно-славянская передача сочетанія *-ър-* между согласными посредствомъ *-ер-*. Въ Дидаскаліи отражается и эта орѳографическая манера, свидѣтельствуя, что лицо, писавшее болгарскую параллель, было знакомо съ славянской письменностью (разумѣется, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она была извѣстна въ сосѣднихъ балканскихъ областяхъ, преимущественно македонскихъ). При этомъ, и въ данныхъ случаяхъ на-ряду съ *-ер-* употребляется и *-ар-* въ передачѣ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ сочетаній. Написаніе ἔρσσ=ърш такъ же опредѣляетъ значеніе написанія ερ-.

Примѣры. *-ър-*. вѣ́рба 117, вѣ́рнит 164, гѣ́рнето 159, гъ[р]лот-γχά[ρ]λωτ 134, зѣ́рното 165, зѣ́рна 147, кѣ́рф 139, кѣ́рфот 140, 146, пѣ́рвато 132, пѣ́рстите 140, пѣрстен[н'?]и *-πάρστεννη* 166, *σμάρτ*[=d] 148. (Ῥωμ. ἡ βρόμα, Ἀλβ. χελπ [=b]*ασίρα*), сфърдѐлото 149, тѣ́рн'е 148, тѣ́ргаа 157, штѣ́ркоите 124, се цѣ́рванит 175, цѣ́рвѐнета 177, цѣ́ркфата 141, цѣ́рно 125.

-ар-. ба́рго *-πάργω* 152, га́рмит 164, зага́рниш 176, ска́ршена 136, ска́ршини 161, се ска́ршит 167.

-ар- | *-ър-* | *-ер-*. дарва *-ταρβα* 153, дърва *ταρβα* 117, дървата 154, дѐрв[i]а *-ντέρβ*[ι]*α* 116; фа́рл'ам *-φάρλιαμ* 132, фа́рлиш 155; но въ прочихъ примѣрахъ съ *-ър-*: фърл'ам *-φάρλιαμ* 136, фѣ́рлиш 153, 173, фърл'ат 157; сфа́ршит 162, сфършѐниот и сфаршѐната *-σφάρσσένιοτ ἡ σφαρσένατα* 163; вѐ́ржиш *-βέρζησσ* 174, извѣ́ржиш *-ἰζβαρζησσ* 175, вѐ́рзен 157; вѐ́ршиш 164; да́ржит 124, да́ржиш 158, дѐ́ржиш 135, дѐ́ржиме 181, тѐ́рпам 140.

Въ одномъ случаѣ Дидаскалія представляетъ *-ор-*: *τζέτφορτοχ-* чѐ́тфорток 127. Такъ же передается „четвергъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., въ охридскомъ (Сбм. XVIII, 532 и-четворти), въ Тетовѣ (Отчетъ 7). Это *-ор-* вм. *-ър-* нельзя объяснять зависимостью отъ предшествующаго губного согласнаго: *-ър-* не замѣнено посредствомъ *-ор-* въ другихъ случаяхъ послѣ губного согл. или даже между губными согласными (първ-а, върф...). *-ор-* въ четфорток, четфорти появилось не фонетически, а перенесено отъ сочетаній четфорица...

Судьба прежняго ѣ между согласными въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи была неодинакова во всѣхъ случаяхъ. Результатъ измѣненія ѣ былъ различенъ въ зависимости,

главнымъ образомъ, отъ окружающихъ согласныхъ, а затѣмъ, можетъ быть, и отъ вліянія со стороны. Одна изъ замѣнъ -l̥- въ Дидаскаліи—сочетаніе, подобное замѣнѣ -r̥-: ъl-. Это сочетаніе передается посредствомъ -ạλ- или -ạλ-: кѣлнает -χάλναετ 172, гáлташ 169, дáлга [кóшул'а] 152, йсталчиш 170.

Въ Дидаскаліи сочетаніе -ъл- (-ạλ-) находится въ двухъ примѣрахъ и послѣ губ. согласнаго: μπαλλι -бъл'и (=блохи, -л' вм. lį изъ lch') 157; βαλνα -вълна 119. Въ другихъ примѣрахъ послѣ губного согл. употреблено -ол- (-ολ-): [пójас] вóлнен -βόλνεν 156, вóлкот 118, вóлците 168, jáболка 138, jáболк'и 134, пóлна 117, 130; пóлнам 131, пóлнит 176.

При выясненіи сочетанія -ол- естественно возникаетъ вопросъ, не отражается ли въ этихъ написаніяхъ съ -ол- вліяніе рус.-церковно-славянскихъ сочетаній съ -ол-. Сомнѣніе въ точности отраженія живого говора Дидаскаліи въ этихъ написаніяхъ съ -ол- усиливается вышеуказанными словами съ -ъл- послѣ губныхъ, въ особенности первымъ словомъ -μπαλλι-, которому не было соотвѣтствующаго слова съ -ол- въ рус.-церк.-славянскомъ. Но тѣмъ не менѣе и и въ написаніяхъ съ -ол- слѣдуетъ видѣть отраженіе живого говора, а не одной орѳографической манеры. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи, напр., въ кичевскомъ, дебърскихъ при -ъл- употребляется и -ол- (ср. ниже). А относительно μπαλλι замѣтимъ, что при этомъ словѣ находится и глосса: μπόλχητε: τά νε ἴμαμε μπόλχητε μπαλλι; Ῥωμ.: νὰ μὴ ἔχωμεν ψύλλους; Βλάχ.: σε νοῦ ἀβέμου πούριτζι, Ἀλβ.: κὴ τᾶ μός κκεμη πλέστα.- Какъ видно, Βουλγ. имѣетъ два слова для названія „блохъ". На основаніи того, что μπόλχητε поставлено сначала, а за нимъ μπαλλι, еще нельзя съ увѣренностью считать первое заноснымъ, а второе, какъ толкованіе перваго, свойственнымъ живому говору Дидаскаліи. Употреблять рядомъ два слова, отличающіяся лишь діалектическими особенностями въ звуковыхъ явленіяхъ, было въ ходу у болгарскихъ книжниковъ. Къ такому пріему для лучшаго вразумленія читателей нерѣдко прибѣгалъ, напр., х. Іоакимъ Кърчовскій въ своихъ писаніяхъ. Опредѣленнаго же порядка въ расположеніи этихъ словъ не наблюдается. Иное вызываетъ на подозрѣніе въ исконности для болгарскаго говора Дидаскаліи сочетанія μπόλχητε:—согласный *к* вм. *х*.

Третьимъ видомъ замѣны ļ̥ является ъ̄, именно въ словѣ—сънце[то]—σάντζετω 116, 147, 148.

Съ гласнымъ ъ̄ это слово широко распространено въ въ Македоніи (см. ниже).

Наконецъ, вм. ļ̥ находится *у*, въ словѣ—чун—τζούγγ 136. То же и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ, напр., охридскомъ, при *-ол-* въ другихъ случаяхъ (Изв. на сем. III, 238).

Въ измѣненіи праславянскихъ сочетаній tъ(ь)rt, tъ(ь)lt и trъ(ь)t, tlъ(ь)t южно-славянскіе языки въ отдѣльной своей жизни достигли стадіи tr̥t, tl̥t. По діалектамъ происходили дальнѣйшія измѣненія, характеризующіяся стремленіемъ къ развитію гласнаго элемента при плавномъ и утратѣ послѣднимъ свойства слогообразующаго звука.

Нѣкоторые македонскіе говоры до сихъ поръ сохраняютъ слоговые r, l. Но образованіе r̥, какъ вѣрно замѣчено В. Облакомъ, не тожественно съ образованіемъ сербскихъ или чешскихъ r̥. Македонское r̥ отличается меньшей энергіей въ артикуляціи, меньшимъ количествомъ вибрацій и произносится при бо̀льшемъ растворѣ губъ по сравненію съ образованіемъ сербскаго r̥ (Сбм. XI, 567; Arch. XVII, 437; Mac. St. 41). При такомъ образованіи r̥ легко можетъ развиться гласный переходный элементъ, что̀ дѣйствительно и наблюдается въ македонскихъ говорахъ: ъr̥.

Почти во всѣхъ македонскихъ говорахъ, въ которыхъ находятся tr̥t, tl̥t, имѣются и результаты дальнѣйшихъ измѣненій r̥, l̥. Въ особенности это происходило съ l̥: во многихъ говорахъ при существованіи r̥ отсутствуетъ l̥: оно замѣнилось посредствомъ 1) ol(ou), 2) ъ (u—послѣ губ. с.), 3) lъ.

1) l̥→ъl (или ъl̥)→ol—ou. То же происходило и въ конечныхъ сочетаніяхъ—tъl, какъ на это было указано раньше. Въ дебърскихъ говорахъ ъl (если не ъl̥) измѣнялось въ ol въ зависимости отъ общей вторичной замѣны гласнаго ъ посредствомъ *о*. Въ другихъ говорахъ ъ→*о* обусловливалось вліяніемъ слѣдующаго плавнаго *l*.

2) l̥→ъl̥→ъ̄. Ходъ развитія ъ̄ вм. l̥ происходилъ такимъ образомъ, что при слабомъ гласномъ приступѣ l вокализовалось и, уподобившись по качеству предшествующему гласному ъ, оно ассимилировалось съ нимъ въ одинъ гласный ъ̄

обычнаго образованія для этого звука. Въ зависимости отъ предшествующаго губн. согласнаго могло развиваться *и.* Такой переходъ (l̥→ъ) вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что и въ другихъ случаяхъ l (бывшее близкимъ къ ł) въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ утрачиваетъ типическое образованіе плавнаго и переходитъ въ u̯. И въ настоящее время l̥ близко къ ł̥. Замѣчаніе Вейганда о зап. болгарскомъ l̥ примѣнимо и къ македонскому l̥: Die silbigen l̥ sind allemal ł, nie mittleres l (Jahresber. XV, 157). Этотъ слоговой плавный имѣетъ слабую артикуляцію плавнаго и легко можетъ замѣниться артикуляціей гласнаго. „Въ дебърскомъ діалектѣ я замѣтилъ, говорилъ Облакъ, весьма слабое произношеніе слогообразующаго *л*; въ нѣкоторыхъ примѣрахъ при обыкновенномъ разговорѣ оно едва слышно“ (Сбм. XI, 574). То же замѣчаетъ и Григоровъ относительно своего родного мало-рѣканскаго говора (Изв. на сем. II, 239). Ср. также передачу l̥ въ дебърскихъ записяхъ С. Томича: жл̥ти. Поправка Веселиновича: „жьлти“ (Браство, IX—X, 460) не подрываетъ значенія записи Томича.

Нѣтъ достаточнаго основанія полагать, подобно В. Облаку (Сбм. XI, 574), что ъ получилось черезъ стадію *ъl*, по утратѣ плавнаго. Если бы въ говорѣ, знающемъ ъ вм. l̥, раньше было сочетаніе *ъl* (съ обычнымъ гласнымъ ъ), то слѣдовало бы ожидать *ol* (*оu̯*), т. е. тотъ же результатъ измѣненія, какой былъ развитъ и конечнымъ ъl. Считать же, что ъlt→ъ̊t произошло раньше, чѣмъ ъl→tol и ъlt→tolt, также не приходится. Единственнымъ основаніемъ для положенія, что въ *ъl* произошла утрата l, Облаку служили слова съ двойственной замѣной l̥: ъ и *ъl*. Единичные примѣры изъ записей имъ отмѣчены для областей Штипа, Тиквеша и Велеса (Сбм. XI, 573.—Изъ какихъ именно записей взяты 4 приведенныхъ имъ примѣра не указано). Не зная, откуда взятъ примѣръ для Тиквеша (дълг'и), нельзя опредѣлить, насколько этотъ примѣръ соотвѣтствуетъ говору. Для Штипа Облакъ отмѣчаетъ -съlsu-. Но въ описаніи штипскаго говора указано *съза*. (Сбм. XI, 589, Шандаровъ). Въ Велесѣ несомнѣнно встрѣчаются нерѣдко ъ и *ъl*. Но все же ъlt въ Велесѣ не представляетъ собою сравнительно съ ъ̊t болѣе раннихъ элементовъ, развивавшихся непосредственно изъ tl̥t. Почему бы этому ъlt не измѣниться въ tolt, какъ это имѣло мѣсто въ конечномъ-ъl? Сочетанія съ ъlt въ ъ̊t—говорахъ

получились вслѣдствіе контаминаціи двухъ разныхъ замѣнъ tl̥t. А эта контаминація могла произойти внутри самихъ tl̥t-говоровъ, при существованіи двухъ замѣнъ tl̥t: tъt и tlъt. Нельзя отрицать и другой возможности возникновенія: вліянія сосѣднихъ говоровъ, не утратившихъ l въ замѣнѣ tl̥t. Такіе говоры подходятъ къ tъt-говорамъ и съ юга, и съ запада, и съ сѣвера.

Говоры съ tr̥t отмѣчены въ разныхъ областяхъ Македоніи: въ дебърскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 40; Изв. на сем. II, 239); въ Охридѣ (о существованіи здѣсь r̥ заявляетъ Облакъ на основаніи собственнаго наблюденія. Сбм. XI; 569; но болгарскіе описатели охридскаго говора отрицаютъ существованіе r̥. Сбм. XVIII, 532; Изв. на сем. III, 237: „ясно се слуша еровиятъ вокалъ“).

То же разногласіе и относительно замѣны tr̥t въ прилѣпскомъ говорѣ (Облакъ. Сбм. XI, 569. Мирчевъ. Сбм. XX, 6). r̥ отмѣчено затѣмъ въ говорахъ Рѣсена, Битоли, Велеса, Штипа (Сбм. XI, 569), въ солунскихъ говорахъ (Oblak. Mac. St. 39), въ скопскихъ (с. Г. Солне. Минало I 1, 70—71), Полога (с. Челопекъ. Минало I 1), кратовскихъ (Минало I 1, 77; бПсп. XI-XII, 171—174; Сбм. XVIII, 419).

При существованіи въ этихъ говорахъ tr̥t, въ немногихъ изъ нихъ произносится tl̥t. Послѣднее извѣстно нѣкоторымъ дебърскимъ говорамъ (М. Рѣка: Изв. на сем. II, 239; Oblak. Mac. St. 40), солунскимъ (Oblak. Mac. St. 39) и кратовскимъ (бПсп. XI—XII, 175). Въ прочихъ говорахъ при tr̥t находится ol (оц), ъ(и),ъl и lъ.

оц—въ рѣсенскомъ говорѣ, ol—въ охридскомъ, битольскомъ, прилѣпскомъ, нѣкоторыхъ дебърскихъ, скопскихъ. ol и въ другихъ говорахъ, представляющихъ замѣну tr̥t.

tъt вм. tl̥t—это въ говорахъ Велеса, Штипа (здѣсь послѣ губного произносится *и*), а также Тиквеша (Сбм. XI, 573), Малешова (Новини, 1892, № 48; „Караџиќ“ II, № 11-12), Піянца (Псп. XII, 120) и сѣв. части Маріова (јабъко, вък, съза... с. Витолища. Псп. XLVII, 809; въ прочихъ маріовскихъ говорахъ-ol, какъ въ сосѣднихъ областяхъ прилѣпской и битольской. См. записи въ Сбм. V, 26; XVI—XVII. 286, 286).

lъ—въ Штипѣ (Сбм. IX, зап.), Кратовѣ (Минало I 1, 78; Сбм. IV, 315, XVIII, 419) и въ дольне-положскихъ говорахъ (при toųt).

Природа македонскихъ r̥, l̥ такова, что при нихъ легко можетъ развиться гласный ъ, который затѣмъ можетъ стать

слоговымъ звукомъ: ъr̥→ър, ъl̥→ъl. Такъ это дѣйствительно было во многихъ македонскихъ говорахъ; при этомъ, чаще утрачивалъ слоговое качество l, чѣмъ r (ср. выше). Болѣе послѣдовательно tr̥t, tl̥t употребляются въ дебърскихъ говорахъ. Но tъlt знаютъ сравнительно немногіе говоры. Это сочетаніе находится въ говорахъ костурскихъ (Arch. XV, 42;—запись Новаковича; Книжици II, 49; Сбм. VIII, 174), воденскихъ, кукушскихъ (Сбм. XVIII, 450), мегленскихъ (Сбм. IV, 188) и отчасти въ леринскихъ (-полна су жълтици—и др. Сбм. VIII, 174), кичевскихъ (напр. въ с. Ластово: Сбм. XVIII, 420; въ с. Църско: Сбм. XIX зап.), порѣчскихъ („Карацић“, III, № 5), г.-положскихъ (Гостиваръ: Книжици, I, 42).

Наиболѣе распространено въ tъrt-говорахъ сочетаніе tolt. Говоры, знающіе tolt (toųt) при tr̥t—tъrt были указаны выше: Рѣсенъ (toųt), Охридъ, Битоля, Прилѣпъ, Скопье, Д. Пологъ (toųt). Затѣмъ tolt извѣстно говоромъ леринскимъ, стружскимъ, кичевскимъ, маріовскимъ. Спорадически (послѣ губного согл.) tolt употребляется и въ другихъ говорахъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ разныхъ македонскихъ говорахъ употребляется tlъt. Наиболѣе часто tlъt въ говорахъ Д. Полога.

Въ словѣ -slъnce- -lъ извѣстно многимъ говорамъ Македоніи. *ъ*, развившійся за плавнымъ, содѣйствовалъ сохраненію плавнаго l. Если же *ъ* не слѣдовалъ за плавнымъ, то l утрачивался въ зависимости отъ сосѣднихъ согласныхъ; или же до возникновенія -ъl-вм.-l̥-послѣднее измѣнилось въ *ъ*. По говорамъ произносятъ sъnce и sonce. sъnce: Костуръ (и slъnce. Сбм. VIII, 258), Кукушъ, Воденъ (Сбм. XVIII, 450), Солунская область (Oblak. Mac. St. 39, и slonce: Rad. knj, 145, стр. 130), Битоля („Карацић,“ II, № 5; Шапк. IX, 301;—въ той же области есть говоры, въ которыхъ произносится sonce. Сбм. XV, 26), Струга (Сбм. IV, 155; Миладиновци, 15), Велесъ (Сбм. XI, 576), Штипъ (Сбм. XI, 573), Піянецъ (Псп. XII, 120). sonce: Охридъ (Сбм. XVIII, 532), Прилѣпъ (Сбм. XX, 6), Маріово (Сбм. XI, 569), Крушово (Сбм. XV, 163).—При sъnce произносится въ однихъ говорахъ tъlt въ прочихъ случаяхъ (sъlza, dъlga: Костуръ, Кукушъ, Воденъ), и tolt въ другихъ (solza, dolga: Битоля, Струга). При sonce употребляется tolt: Охридъ, Прилѣпъ, Маріово, Крушово.

Появленіе *o* въ sonce однихъ говоровъ при sъnce другихъ находилось въ зависимости отъ того, что въ первой

группѣ говоровъ позднѣе утратился плавный l (ĺ) и болѣе сильной была лабіализація гласнаго ᵊ или ъ, развившаяся въ данномъ сочетаніи (sᵊl̥псе).—Утрата ĺ, l̥, его ассимиляція съ предшествовавшимъ гласнымъ лабіализованнымъ, получившимъ лабіализацію какъ подъ вліяніемъ ĺ, l̥ до его утраты, такъ и въ зависимости отъ предшествующаго согласнаго, представлена и въ далекомъ плевенскомъ говорѣ, въ произношеніи П. Цвѣткова, тщательно описанномъ Я. Розвадовскимъ (Rocz. sl. IV). Послѣдній отмѣтилъ сочетаніе mo̯ᵘn̓i̯-te при mъln̓i̯ə (стр. 35; o̯ᵘ—*o* напряженное, высокое, близкое къ *u*).—

Гласный ъ, образовавшійся при плавномъ, замѣнялся во многихъ македонскихъ говорахъ посредствомъ *o* подъ вліяніемъ слѣдующаго l. Независимо же отъ этого вліянія ъ→*o* при *l* и при *r* въ нѣкоторыхъ дебърскихъ говорахъ. Такъ, tort, tolt извѣстны на югѣ дебърскаго края (въ с.с. Джупы, Поля, Дримкола и Гола-Бърда. Сбм. XI, 572. Облакъ. Димитровъ въ Изв. на сем. I, 269, въ его же статьѣ: „Приносъ къмъ бълг. рѣчникъ“. Сб. въ честь на Милетичъ). Въ бывшей Рѣканской казѣ, именно въ Малой Рѣкѣ, —tr̥t, tl̥t (встрѣчаются и tъlt, tolt. Изв. на сем. II; Браство IX—X). Что же касается области Голѣма Рѣка, то свѣдѣнія о ней весьма скудны, вслѣдствіе малой доступности этого края. Кънчовъ въ своей статистикѣ представляетъ этотъ край чисто арнаутскимъ (Кънчовъ. Македония. 263—264): арнаутское засиліе вынудило славянъ оставить свои родныя мѣста и искать убѣжища въ другихъ краяхъ Македоніи. Но по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ велесско-дебърскимъ епископомъ преосв. Варнаввой, посѣтившимъ Г. Рѣку, въ нѣкоторыхъ селахъ еще имѣются славянскія семьи. Держалось тамъ славянское населеніе и въ первой половинѣ XIX вѣка. Такъ, изъ с. Нивища происходилъ игуменъ Маркова монастыря св. Димитрія близъ Скопья о. Герасимъ. Въ Уставѣ Хлуд. собр., № 122, имѣется его запись, сдѣланная въ 1840 г. Запись важна въ томъ отношеніи, что указываетъ на нѣкоторыя черты говора бывшаго славянскаго населенія с. Нивища. Въ этомъ говорѣ, какъ и на югѣ дебърскаго края, было tort: порво.

l̥→u. Въ сѣверномъ Маріовѣ (Псп. XLVI, 809) и въ Тиквешѣ (Шапк. 139 I, V—VI, 462), какъ указано выше, вм. l̥

употребляется ъ. Тотъ же гласный вм. ̯ слышится и по ту сторону Вардара, въ штипской области. Но здѣсь уже нѣтъ однообразія въ замѣнѣ ̯: кромѣ ъ, извѣстны и *и* и *lъ*. Можно замѣтить, что употребленіе *и* въ Штипѣ ограничено случаями послѣ губного согласнаго: бу́а, ву́к; но—съ́за, жъ́т, гъ́там, прокъ́не (Сбм. IX, зап.; XI, 589, Шандар.).

lъ—въ словѣ dlъg—(dlък, dlъga).—Въ этомъ словѣ и во многихъ другихъ говорахъ сѣв.-восточной Македоніи и юго-восточной Сербіи также -lъ-.

Для штипскаго говора можно полагать, что всѣ замѣны ̯ развились внѣ вліянія со стороны. О возникновеніи ъ говорилось выше. *и*, ограниченное случаями съ предшествующимъ губнымъ согласнымъ, возникло естественно подъ вліяніемъ этого согласнаго: губ. с.+ъ лаб. ̯+согл.→губ. с.+*и*+согл.—Ср. mö^{u}ńï̯-te въ плевенскомъ говорѣ Цвѣткова.

Развитіе гласнаго ъ послѣ *l* въ сочетаніи dlъg—опять таки могло произойти внутри самого того или иного говора, находясь въ зависимости отъ зубного *d*.

Еще болѣе пеструю картину представляетъ Кратовская область [1]). На востокѣ и югѣ находятся замѣны, сходныя съ тѣми, какія свойственны сосѣднимъ говорамъ штипскимъ и кочанскимъ. Иное въ сѣверной части. Какъ въ этнографическомъ, такъ и въ діалектическомъ отношеніи говоры этой части кратовской области находятся въ ближайшемъ отно-

---

[1]) Въ этнографическомъ отношеніи Кратовская область представляетъ 3 группы: 1) населеніе горныхъ мѣстностей, 2) населеніе равнинъ „полей“, 3) населеніе сѣверной части области, до Злетовской рѣки на югѣ. Эти группы отличаются одна отъ другой и въ жизненномъ укладѣ, и въ соматическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, и въ костюмѣ. Этой группировкѣ соотвѣтствуетъ и группировка діалектическая. Говоры гористыхъ мѣстностей находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ сосѣднихъ восточныхъ областей,—къ кюстендилскимъ, кочанскимъ, піянечскимъ. Говоры населенія равнинныхъ мѣстностей близко подходятъ къ овчепольскимъ, а говоры сѣверныхъ кратовскихъ мѣстностей, отъ Злетовской рѣки къ сѣверу, включая и говоръ г. Кратова, имѣютъ много чертъ южно-моравскихъ говоровъ. По этнографіи Кратовской области см. Ст. Симић. Из Кратовске области.—„Срп. књиж. Гласник“, № 133. 1906 г. Ј. Хц.-Васиљевић. Јужна Стара Србија. I, стр. 296, 334. Е. Карановъ. Материали по Етнографията на нѣкои мѣстности въ Сѣверна Македония, които сж смежни съ България и Сърбия „Сбм.“ IV, 314—319. Записи говоровъ и замѣчанія о нихъ, сдѣланныя тѣмъ же лицомъ (кратовскимъ уроженцемъ): Сбм. II, 60—64; бПсп. XI—XII, 1876, 169—178. сПсп. V, 116—123. Й. Ивановъ: 2 записи изъ с. Леснова. Минало I 1, 76—78.

шеніи къ кумановскому планинскому говору (не польскому и овчепольскому кумановскому). Именно, въ Кратовѣ находятся вм. ļ слѣдующія замѣны: u, ļ, ъ—lъ. *u (y)* не только послѣ губныхъ, но и въ другихъ случаяхъ: вук, јабука, жут (Сбм. IV, 315); съ *y* и—цуна—цѣлуетъ (бПсп. XI—XII, 175).

ļ—послѣ *k* въ словѣ—klne (бПсп. XI—XII, 177).

lъ—въ словахъ dlъg, dlъžen (Смб. IV, 315; также и въ Лесновѣ. Минало I 1, 78); глътам, слънце (Сбм. IV, 315), слъза (сПсп. V, 120), но въ первыхъ двухъ словахъ и ъ: гъта, сънце (сПсп. V, 120).

Сѣверные кратовскіе говоры отличаются отъ говоровъ юго-восточныхъ (кратовской же области) и штипскихъ болѣе широкимъ употребленіемъ *u* вм. ļ съ одной стороны и присутствіемъ ļ послѣ задненебнаго *k*—съ другой.

По замѣнѣ ļ сѣв.-кратовскіе говоры находятся въ тѣсной связи съ говорами кумановской области. Въ кумановской области (кромѣ кумановскаго Овчаго поля) извѣстно *u* вм. ļ не только послѣ губныхъ: vuk, pun, žut (Хц.-Василь. J. Ст. Срб. I зап.; Книжици I, 41), se kune (Карловце. Хц.-Василь. ib. I, 339). Но, какъ и въ Кратовѣ, въ рядѣ случаевъ употребляется и—*lъ*: dlъg, -a, -o; slъze, slъnce, glъtam, klъču (Хц.-Василь. ib. I, Минало I 1, 75, Книжици I, 41). Въ нѣкоторыхъ планинскихъ селахъ употребляются сочетанія съ *lu*: slunce, sluze (Хц.-Василь ib. I, 335, 362).

Кумановскіе говоры, кромѣ овчепольскихъ, стоящихъ ближе къ велесско-скопскимъ говорамъ, имѣютъ замѣны ļ, общія съ ближайшими къ нимъ говорами скопско-черногорскими и прешевскими: и въ этихъ двухъ группахъ вм. ļ находятся *u*, *lъ*. Ск. Ч. Гора: jabuka, papunilo; dlъg, но уже—dužan, sunce; *lu*: slunce (и sunce изъ одного села Горняни.—Насеља III, зап.); слунце, слузе (Етн. Зб. VII, 491, 378). Прешево: obučeš, puna, vuci; также—cúnete mi rúku (Хц.-Василь. ib. II, зап,). Dlъgi Rid (Хц.-Василь. ib. II, 153), dlъgu (ib. 300). lu: slunce, sluba (ib. 340, 295, 297). Замѣна ļ посредствомъ lu (въ указанныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ) свойственна южно-моравской діалектической группѣ и нѣкоторымъ говорамъ Старой Сербіи (Белић. Дијал. 114—116; Broch. Dial. 89; Дијал. Зб. II, 471). Оттуда, изъ южнаго Поморавья, перешло lu и въ прешевско-кумановскую область и въ Скопскую Черную Гору. Но до кратовскихъ говоровъ (насколько позволяютъ судить имѣющіяся записи),

slunce, sluze... еще не дошли. Наиболѣе же часто употребляемой замѣной ļ̥ въ южно-моравскихъ говорахъ является *и*. Вполнѣ вѣроятно будетъ положеніе, что вліянію этихъ говоровъ обязано было и появленіе *и* въ прешевско-кумановскихъ и скоп.-черногорскихъ говорахъ. Изъ этихъ областей, именно изъ кумановской, *и* проникло и въ ближайшіе говоры кратовскіе, въ которыхъ, можетъ быть, уже употреблялось сочетаніе tut, развившееся при извѣстныхъ условіяхъ внутри этого говора: послѣ губного согл. Кратовскіе говоры представляютъ и другія черты, заимствованныя отъ южно-моравскихъ говоровъ (черезъ посредство кумановскаго). Такъ, напр., общераспространенная въ южно-моравской области форма прич. прош. муж. ед. на—ја извѣстна и прешевско-кумановскимъ и сѣверно-кратовскимъ говорамъ. Но въ послѣднихъ наблюдается еще колебаніе между—l(-ļ̥) и -ја: vikal (vikaļ̥) и vikaja. Ясно, что форма прич. на—ја идетъ съ сѣверо-запада. (Въ скопско-черногорскихъ говорахъ это причастіе оканчивается на—l). Что касается lъ, какъ замѣны ļ̥, то этимъ сочетаніемъ говоры скоп.-черногорскіе, прешевскіе, кумановскіе и сѣв.-кратовскіе находятся въ ближайшемъ отношеніи къ діалектической группѣ запланьской и лужнической, гдѣ также ļ̥→lъ (вм. lъ извѣстно также u).

Въ говорахъ западной Болгаріи, ближайшихъ къ Македоніи, въ замѣнахъ ļ̥ отражаются тѣ же явленія, какія отмѣчены были для сѣверо-восточныхъ македонскихъ говоровъ. 1) ъ, 2) u, 3) lъ. *и* употребляется послѣ губ. согласнаго (ср. штипскіе говоры). lъ находится въ словѣ dlъg—(ср. соотвѣтствующее явленіе и въ македонскихъ говорахъ).

Въ восточномъ нарѣчіи представлены въ общемъ сочетанія плавныхъ съ ъ, съ возможной вторичной замѣной гласнаго ъ. l въ этихъ сочетаніяхъ близко подходитъ къ ł. Въ пирдопскомъ говорѣ постоянно łъ—mit starkgutturalem l (Miletič. D. OstD. 161). Въ одномъ изъ говоровъ Чепинской долины замѣна ранняго tļ̥t представлена посредствомъ tъt: vъk, dъk, dъga, kъnа, žъto, sъnce (Miletič. D. Rhodopm. 205).

*-iję(-a).

Результатъ измѣненія въ раннихъ праславянскихъ сочетаніяхъ -iję(a)[1]) былъ неодинаковъ во всѣхъ положеніяхъ.

[1]) Оставляемъ не отмѣченнымъ особымъ знакомъ тотъ редуцированный гласный, который развивался въ праславянскомъ языкѣ вм. i передъ į̯.

Онъ зависѣлъ отъ согласнаго, который предшествовалъ указанному сочетанію. *-піје. Послѣ *n* вм. *іје(а.) сохранилось только *е(а)*. Но утрата предшествующихъ элементовъ, именно утрата въ ея послѣдней стадіи [і], не прошла безслѣдно: і(j), ассимилировавшійся съ предшествующимъ ему согласнымъ, измѣнилъ этотъ согласный въ палатальный или палатализованный *n'*:*піје(а)→ -п'е(а).

τἀρνιε- тѣрн'е 48, ῥάνεννιε- ра́нен'е 130, ῥέμμεννια- ре́мен'а 157, χάμμιννιε- ка́мин'е 121; σφίννητε- сфин'ите 167, ср. и -πιλήννιατα- пили́н'ата 121.

Посредствомъ ιε-ιε, ια послѣ согласныхъ передаются иногда въ Дидаскаліи је(а)-ie(a...): ῥάχια 176, μιλιούν 181. Но въ передачѣ сочетаній, замѣняющихъ *-піје, написанія -νιε-νιε выражаютъ только п'е(а). Въ рядѣ другихъ примѣровъ вовсе не пишется знака ι, а ограничивается лишь употребленіемъ νν: πώζναννε 147, καζαντισέννετο -казандисе́н'ето 144, σὐμίραννε 147, σπάννετο- спа́н'ето 158, σίρηννεси́рин'е 169 и др.—Двойнымъ ν (νν) или ννι, νι передается п' и у Кавалліоти (Πρωτοπειρία. Sitzber. Bd. 132), а также въ кодексѣ Dimonie, найденномъ въ Охридѣ (Die Predigt vom hl. Antonius. „Jahresber. d. Instit. f. rum. Spr. I, 5). l' передается посредствомъ λι, λλ.—

*-liје(а). Для замѣны *-іје(а) съ предшествующимъ l въ Дидаскаліи представлены слѣдующіе примѣры: ζέλιεταзе́л'іета или зе́л'ета 117, κρύλλιετω- кри́л'іето или кри́л'ето 124.—Возможно, что въ этихъ случаяхъ произносились сочетанія съ је. Написаній съ -λλε не имѣется. Прочіе македонскіе говоры при -п'е представляютъ l'е и -l'је(а). -См. ниже.

*-tiје(а), *-diје(а). t и d въ замѣнахъ этихъ сочетаній также измѣнялись подъ вліяніемъ і по направленію къ ряду палатальныхъ согласныхъ, переходя въ k' и g' особаго палатальнаго образованія, не отграниченные и отъ t', d' палатальныхъ, — явленіе, извѣстное вообще говорамъ Македоніи и областей, ближайшихъ къ ней. і(j) затѣмъ ассимилировалось съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

σφέτιατα- -сфе́т'ата 117 (Ῥωμ. τὰ λουλούδια); προύκκη -бру́к'и[-е?] 121 (Ῥωμ. καρφιά). Ср. аналогичное νν для передачи п'. Употребленіе двухъ χ указываетъ именно на особую мягкость *к* (на его палатальное образованіе): ср. напи-

аніе -χούχια -кýэк'а 144, 149 съ такимъ именно к'; σιφάκιατα -с[и]фáк'ата, муж. σφατοτ 160.

ὸτ λούγη -от лýг'и 132 (Ῥωμ. ἀπὸ ἀνθρώπους). —Въ данномъ случаѣ γ выражаетъ собою не задненебный согласный g, а палатальный звонкій g', соотвѣтствующій глухому k' того же мѣста образованія. Самое написаніе этого слова съ γ, а не съ τ (для d) и нахожденіе γ передъ знакомъ для гласнаго передняго ряда (η) указываютъ на значеніе γ, какъ палатальнаго согласнаго.—Ср. значеніе новогреческихъ γ, χ передъ гласными передняго ряда.

*-stiję(a), *-zdiję(a). При одномъ условіи судьба t, d передъ замѣной ранняго праславянскаго сочетанія -iję(a) была иная: они утрачивались. Это происходило въ тѣхъ случаяхъ, когда согласнымъ t, d предшествовали s (передъ t) и z (передъ d). j, оказавшись за s (z), не утрачивалось, а сохранялось или замѣнялось иногда послѣ z согласнымъ j.

χρόσγιε 131. -γιε можетъ выражать собою g'e (-ιε —обычная передача сочетаній: мягкость согл. +e. Если σγιε передаетъ собою -zg'e, то слѣдовательно утраты d не происходило: находясь передъ je, этотъ согласный измѣнялся и послѣ z такъ же, какъ и въ прочихъ положеніяхъ. Но такого хода измѣненія въ сочетаніи *zdije македонскіе говоры (за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ) не представляютъ. zje находится и въ говорахъ, знающихъ sje вм. -stje, и въ говорахъ, еще удерживающихъ -stje (см. ниже). Кромѣ того, сама Дидаскалія возражаетъ противъ предложеннаго объясненія значенія -σγιε, какъ -zg'e: въ ней находится λύσιατα=лúсjата 153, -съ утратой t. Посредствомъ же γιε и για(για) нерѣдко передается въ Дидаскаліи сочетаніе je(je), ja(ja): γιεμήσσητε- -јемúшите 129, γιάχη -јáк'и 167, γιάτησσ -јáдиш 170, σενάγιαταετ- се нáјадает 162, γιάτητ- јáдит 168, γιέτ- обычная передача для јет. Такъ передается j и въ Πρωτοπειρία и въ кодексѣ Dimonie. Такое же значеніе γι (γῳ) имѣютъ и въ современныхъ написаніяхъ: A. Thumb. Handbuch d. neugr. Volkssprache. Strassb. 1895. 15. Несомнѣнно, посредствомъ χρόσγιε передано грозје-грозје. Кромѣ того, возможно, что въ говорѣ иногда произносилось и -грозγ'е. γ'е, zγ'е вм. je, zje не чуждо македонскимъ говорамъ.

*-zije(a). Въ замѣнѣ этого сочетанія также не утрачивался j; λόζια 130. Значеніе этого написанія -лбзја или лбзја.

*-губ. согл. +iје(а). Не утрачивался ј и послѣ губного согласнаго, о чемъ безъ сомнѣнія свидѣтельствуетъ передача слова -σνόπηετο- снóпјето 164. Знакомъ η передается і и ј: χόη м. ед., νίχοη м. ед., ζήβημε- живиме и др. -је находится и въ словѣ -στράβιε- здрáвје 170. Полагаемъ, что въ томъ и другомъ случаѣ находились одни и тѣ же элементы: -је. Въ прочихъ македонскихъ говорахъ разницы въ этихъ образованіяхъ, которая находилась бы въ зависимости отъ мѣста прежняго ударенія, не наблюдается: всѣ образованія съ предшествующимъ губнымъ передъ окончаніемъ имѣютъ одинаковые звуковые элементы въ послѣднемъ: је (или 'е). Но возможно, что на-ряду съ *снопје* произносилось и *снопи*[ј]*е*, а также *здрáви*[ј]*е*. Съ такими звуковыми элементами это слово отмѣчено мною въ д.-положскихъ говорахъ (Отчетъ 8). Спорадически употребляются сочетанія съ -је и въ другихъ македонскихъ говорахъ; напр. въ Леринѣ: нúвието (Шапк. IX, 331) zdràvije въ солун. с. Киречк'ой (Rad, knj. 145, стр. 157); то же явленіе зарегистрировано О. Брокомъ въ говорахъ юго-восточной Сербіи (Dial. 31, 278).

σμία -змúа 173.

*-ије(а) въ македонскихъ говорахъ. -*пије(а). Въ измѣненіи праславянскаго сочетанія *пије(а) македонскіе говоры пришли къ стадіи п'е(а), общей всѣмъ имъ. imaп'e, pasen'e, spaп'e. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, правда, отсутствуетъ мягкость согласнаго, но зато передъ нимъ произносится ј, развившееся, какъ переходный звуковой элементъ отъ гласнаго къ палатальному п. Съ образованіемъ ј могло сохраняться и п'. Такъ это ясно обнаруживается въ говорѣ прилѣпскомъ и маріовскомъ. Въ Прилѣпѣ: деjп'е, камеjп'е, коjп'и (Сбм. XX, 16). Маріово: Сбм. XVI—XVII.

Что въ данныхъ случаяхъ появленіе ј послѣ гласнаго находится въ зависимости отъ артикуляціи слѣдующаго палатальнаго п (какъ и нѣкоторыхъ другихъ палатальныхъ,— см. ниже), объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе ј въ такихъ формахъ, гдѣ не было условія для возникновенія п': den, kamen, no-dejп'e, kamejп'e (Прилѣпъ), образованныя по аналогіи съ формами прежнихъ основъ на ĭ.

Дальнѣйшая судьба п' (а также и нѣкоторыхъ другихъ палатальныхъ, см. ниже) заключалась въ „отвердѣніи" ихъ, что̀ происходило или во всѣхъ положеніяхъ, или только при

нѣкоторыхъ условіяхъ. Въ Прилѣпѣ ịn'→ịn въ конечномъ закрытомъ слогѣ: koịn, но koịn'i, kameịn'e... Въ нѣкоторыхъ прилѣпскихъ говорахъ, или, м. б., въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ „твердое“ n употребляется и передъ гласными. Въ записяхъ Новаковича (Arch. XII) представлено именно -ịne: имајне, запопуајне... То же явленіе свойственно и маріовскимъ говорамъ: камеịn'e и камеịne, плачеịne и -толчеịn'e (с. Дуине. Сбм. XVI—XVII, 287, 289).

Въ другихъ говорахъ обычно уже -глас.+ịn.

Костуръ: умреịнето, имáịne (с. Бобища. Книжищи II, 49, 54), но деịn'e (с. Куманичево. Книжищи VIII-X, 210). Кайляръ: пулвáịne, л'убéịne (с. Палеоръ. Сбм. XVI-XVII, 71). Леринъ: спáịne, камéịna (Сбм. VIII, 162). Рѣсенъ: кáмеịne (Сбм. VI, 230), óраịne (Сбм. VIII, 229). βράzαηνε- пишетъ рѣсенецъ въ 1867 г. („Македонія“ 1867. № 39); но- деịn'a =днемъ (Сбм. VIII, 258). Охридъ: мàмеịne, гúнеịne, úграịne, (-„*н*- е винаги твърдо“. Изв. на сем. III, 244). Воденъ: сидѐịne, плитеịne... (Сбм. XVIII, 447). Гевгели: мжжéịne (Шапк. IX, 339). Въ кукушскомъ говорѣ отсутствуетъ сочетаніе -ịne, вм. котораго находится только -пе: ѐдине, седине, сúрине, плѐтîне, перîне... (î-редуциров. i. Сбм. XVIII, 447, 452). Но и этимъ говоромъ были пройдены стадіи -ịn'e→ịne и затѣмъ уже -пе. Отсутствуетъ ị передъ n не во всѣхъ случаяхъ: ср. употребляющееся здѣсь сочетаніе коịn. Какъ видно изъ примѣровъ, ị отсутствуетъ въ сочетаніяхъ съ гласнымъ i передъ n (i явилось вм. неударенаго, неначальнаго и неконечнаго, е,—явленіе, свойственное кукушскому говору). Сочетаніе ịị въ неударенномъ слогѣ перешло въ i, откуда затѣмъ редуцированное i, какъ и въ другихъ случаяхъ вм. неударнаго i. Формы множ. на -е могли имѣть особое образованіе: основа на твердый согл. +е: ср. тамъ же формы множ.—брате, ливàде...

Говоры, сохраняющіе болѣе старыя сочетанія—n'e безъ предшествующаго ị, находятся въ прочихъ областяхъ Македоніи: Битоля, нѣкоторыя мѣстности прилѣпскаго округа, Кичево, Порѣчье, Крушово, М. Рѣка, Пологъ, Скопье, Кратово, Штипъ, Велесъ, Радовиштъ, Малешово, Солунь—представляютъ -n'e.

Вѣроятно, по говорамъ произошло и въ этихъ областяхъ отвердѣніе n'. n'e и пе мною отмѣчены въ Тетовѣ: напиене, но—пòен'е, избàвен'е, сúрен'е, кòштан'е (Отчетъ 8).

*-rĭĭe(a). Послѣ плавнаго r македонскіе говоры представляютъ ĭe. Кайляръ: двóрĭe (Сбм. XVI—XVII, 65). Крушово: перĭа (Сбм. XV, 162). Битоля: стрéде двóрĭe на мрáморĭe кон'е (Сбм. XV, 25, 26). Велесъ: горĭе (Сбм. X, 38). Тетово: бòрĭе (Отчетъ 8).

Въ М. Рѣкѣ вм. -rĭe извѣстно -r'e: бòр'е (Изв. на сем. II, 261). Въ костурскомъ говорѣ отражается измѣненіе -rĭe въ иномъ направленіи: морие („Новини", 1890, № 5).

*lĭe, -l'ĭe(a), -l'e(a), -le. zel'ĭe -zel'e, -zele.

По аналогіи съ замѣнами на *-ĭe образовано современное kril'ĭa, kril'a. Такъ въ Кайлярѣ (Сбм. XVI—XVII, 68). Въ сосѣднемъ костурскомъ говорѣ ĭe и въ формѣ для мн. pol'ĭe (Книжици II, 54). kril'ĭa отмѣчено и въ другихъ говорахъ: въ охридскомъ (Шапк. VIII, 50); тамъ же и—kòl'ĭa (Сбм. XVIII, 533); въ леринскомъ (Шапк. IX, 321), въ кичевскомъ (Сбм. XIX, 108), въ прилѣпскомъ (Сбм. XI, 141, 144; XX, 16). bíl'ĭe, bíl'ĭaro въ Крушовѣ (Сбм. XV, 162).

Въ солунскихъ говорахъ -l'ĭe→-l'e; затѣмъ l', старое и новое, замѣнились „среднимъ" l: pole и zéle—съ измѣненіемъ неуд. *e* (Oblak. Mac. St. 31).

*-tĭe(a), *-dĭe(a). Въ судьбѣ этихъ сочетаній всѣ діалектическія группы Македоніи, кромѣ немногихъ юго-восточныхъ ея говоровъ, имѣли одинаковое измѣненіе: по утратѣ редуцированнаго гласнаго, развивались палатальные *k*, *g*: brak'a, pruk'e, cvek'e, l'ug'e.

Если и наблюдается діалектическое различіе въ этихъ сочетаніяхъ, то оно касается не самаго хода развитія t'ĭe(a), d'ĭe(a), а физіологическаго характера k', g', не во всѣхъ говорахъ одинаковаго.

*-tĭe(a)→-t'e(a): солунскіе говоры: svat'e, brat'a (Oblak. Mac. St. 50), lúde (—съ измѣненіемъ неудар. *e*. ib. 93), но употребляются и braća, svaća (ib. 61). братĭа: Воденъ (Сбм. XVIII, 459); Гевгели (Шапк. IX, 342). върнýватĭе: Костуръ (Книж. II, 54).

*-zĭe. Въ измѣненіи этой звуковой группы македонскіе говоры пришли къ слѣдующимъ результатамъ:

1) *-zĭe→-zĭe—zje. Несомнѣнно, въ произношеніи извѣстно не только ĭ, но и j. Сочетаніе съ j мною отмѣчено въ сѣверной Македоніи: лозје (Тетово). Кромѣ лозје то же лицо произносило и лозγ'е,—съ палатальнымъ γ, явившимся вм. j. То же чередованіе сочетаній съ j и γ' извѣстно и нѣкоторымъ другимъ македонскимъ говорамъ. Такъ, для Ра-

довишта отмѣчено въ сербской записи—лозѭе („Карац.“ III, № 5).— ѭ выражаетъ, по всей вѣроятности, γ' или g'.

лозi̯е(а)-лозi̯е(а) можно отмѣтить для слѣдующихъ областей: Костура, Охрида (и—лоз'е), Битоли, Маріова, Прилѣпа, Водена, Велеса, Скопья, Полога.

Нѣкоторые изъ говоровъ указанныхъ областей, развили i̯ послѣ гласнаго передъ палатальными (ср. выше), k, g. Но „лоi̯зе“ въ этихъ областяхъ неизвѣстно.

2) *-ziі̯е—›-zi̯е—›-i̯ze. Такой результатъ встрѣчается рѣже по сравненію съ -zi̯е. -i̯ze извѣстно говорамъ западнаго угла Македоніи, въ Дебърскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 81. Изв. на сем. II, 161; Сбм. XI, 147; Жив. Старина. 1899, 244, 249; у крушовскихъ міяковъ, переселенцевъ изъ дебърскаго края также—лоi̯зе. Сбм. XVI—XVII, 73). Съ другой стороны,—лоi̯зе,—лоi̯за—произносится на сѣверѣ Македоніи. Такъ въ Кр.-Р. Паланкѣ (Сбм. IX, 29) и Кратовѣ (Сбм. II, 64). Такъ и въ близкой къ кратовскому говору куманово-прешевской группѣ. Для Куманова: Хц.-Василъ. I, 345, 366. Книжици II, 40 Ср. и названія селъ: Лоi̯зиште, Лоi̯занац (Хц.-Василъ. I, 98); также названіе горной мѣстности Козяка, извѣстное въ отдаленныхъ отъ него кумановскихъ селахъ: Коi̯зак. Жители же Козяка называютъ послѣдній—Козi̯ак. Хц.-Василъ. I, 7. Для Прешева: Хц.-Василъ. II, 289. Ср. названіе села—Коi̯зи Дол. (ib. 62).

Во всѣхъ этихъ говорахъ, какъ западныхъ, такъ и сѣверныхъ, знающихъ—i̯ze, находится -n'e (не—i̯пе!). Развитіе въ этомъ положеніи i̯ зависѣло отъ физіологическаго характера согласнаго z'. Элементъ i̯ предшествовалъ уже согласному z ранѣе окончательной утраты i̯, слѣдовавшаго за z. Ср. дебър. діалектич. loi̯zi̯e. Аналогичное сочетаніе представляетъ и штипскій говоръ.

3) *-ziі̯е—›z'e—›ze. Воденскіе, кукушскіе, солунскіе, т. е. говоры юго-восточной Македоніи, имѣя рядъ общихъ особенностей, согласуются между собою и въ замѣнъ—*ziі̯е: они представляютъ стадію отвердѣнія z и не знаютъ развитія вторичнаго i̯: Кук.-Воденъ: лозе (Сбм. XVIII, 447); Солун.: lòze (съ измѣненіемъ неуд. *е.* Oblak, Mac. St. 31).

* žiі̯е. 1)—*žiі̯е—›ži̯е: oruži̯е. 1)—*žiі̯е—že: oruže. 1) Охридъ (Изв. на сем. III, 235), Маріово, Велесъ (Сбм. XI, 534). 2) Дебърскій край (Сбм. XI, 146; Oblak. Mac. St. 32; извѣстно и—орожje(-i̯e). Браство IX—X, 395). Прилѣпъ (Сбм.

XI, 534), Кукушъ (ib.), солунская область (Oblak. Mac. St. 31).

-*sie→sie. Данныя имѣются для говоровъ кайлярскаго (Сбм. XVI—XVII, 65), охридскаго (Шапк. VIII, 47), прилѣпскаго (Сбм. XX, 21): класіе.

*-stie(a). Большое разнообразіе представляютъ македонскіе говоры въ измѣненіи этого сочетанія. Единственно, что̀ общее можно предполагать въ этомъ измѣненіи для македонскихъ говоровъ,—это утрату редуцированнаго гласнаго, находившагося передъ -ie(a). Въ дальнѣйшемъ измѣненія проходили независимо въ отдѣльныхъ говорахъ и были иногда различны въ ближайшихъ говорахъ. -stie сохранено въ изолированномъ юго-западномъ корчанскомъ говорѣ с. Бобошчицы: листје (Arch. XV, 46). По говорамъ -stie извѣстно и въ другихъ мѣстностяхъ Македоніи. Такъ, это сочетаніе отмѣчено въ битольской области (Шапк. IX, 306).

Большею же частью въ сочетаніи -stie(a) утрачивался согласный t. Не слѣдуетъ думать, что эта утрата происходила не фонетически, а подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ st, по утратѣ конечнымъ ъ, ь, оказалось конечнымъ сочетаніемъ,—а въ такомъ случаѣ въ македонскихъ говорахъ t обычно утрачивалось. Но все же эта утрата, хотя и широко распространена въ Македоніи, тѣмъ не менѣе она не является общей для всѣхъ говоровъ. И до послѣдняго времени имѣются говоры, сохраняющіе конечное st или только s'. Къ такимъ говорамъ относятся нѣкоторые въ Дебрѣскомъ краѣ: šest, čest, prst, list. Но въ тѣхъ же говорахъ—sie вм. stie: lisie (Oblak. Mac. St. 71—72), Кичево: ли́сіе (Шапк. VIII, 227). Прилѣпъ: ли́сіе (ед.-лис), ра́сіе (ед.-рас), пласіе (ед.-плас) Сбм. XX, 21).

Вм. -sie могло развиться -s'e. Такъ, въ М. Рѣкѣ: лис'е (Изв. на сем. II, 249), въ Охридѣ (Изв. на сем. III, 249), въ Малешовѣ (с. Пехчово. „Новини“, 1892, № 48).

Наконецъ, было пережито и такое измѣненіе въ судьбѣ группы *-stie: ti→k', т. е. stie→sk'e. Таковъ результатъ измѣненія обнаруживается въ леринскомъ говорѣ: ли́ск'ата (Сбм. VIII, 168), Вѣроятно, и въ другихъ македонскихъ говорахъ извѣстно -sk'e вм. -stie. Оно свойственно и говорамъ ю.-западной Болгаріи, ближайшимъ къ македонскимъ: г.-джумайскому и дупническому.

Особое замѣчаніе вызываютъ говоры Кукуша и Водена: тамъ находится группа -ste (Сбм. XVIII, 459). Всѣ относя-

щіеся сюда примѣры выражаютъ множ. ч. Твердость согласнаго передъ оконч. *-е* во мн. ч. наблюдается и въ другихъ случаяхъ. Возможно, что -госте (ед. гост), глисте (ед. глист, глис), пърсте (ед. пърст, пърс) и уже несомнѣнно -посте представляютъ иное образованіе, по основамъ на-*о* (пърсти, пости) съ замѣной окончанія *-и* окончаніемъ *-е*, широко распространеннымъ въ кукушскомъ и воденскомъ говорахъ. Въ воденскомъ говорѣ еще употребляется и форма на *-и*: пости, пърсти, глисти. То же явленіе свойственно и говору Гевгели (Шапк. IX, 340: лúстето, госте).

*-zdi̯e. Судьба этого сочетанія отличается отъ результатовъ, достигнутыхъ македонскими говорами въ измѣненіи *-sti̯e, тѣмъ, что стадія съ невыпавшимъ d извѣстна немногимъ говорамъ на юго-востокѣ. Солун.: grózde (съ измѣненіемъ неуд. *е*. Oblak. Mac. St 31). Кукушскіе и воденскіе: гро́зде (Сбм. XVIII, 454). Но въ этихъ говорахъ zd сохранилось, вѣроятно, при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ удержано st.

Наиболѣе распространено явленіе утраты d. Онъ отсутствуетъ и въ говорѣ корчанской Бобошчицы, гдѣ отмѣчено „листі̯е“: грозі̯е (Arch. XV, 46). Возможно, что звуковые элементы—зі̯е (или-зі̯е) вызваны аналогіей съ словомъ „лозі̯е“. -zi̯e-zi̯e: Корча (с. Бобошчица), Битоля (Сбм. XV, 25): лозі̯е з бело грозі̯е; Велесъ (Сбм. XII, 233); Тетово (Отчетъ 8).

Гл. +z'e→гл.+i̯ze. М. Рѣка (Изв. на сем. II, 101), Крушово (Сбм. XV, 165), Прилѣпъ (Arch. XII, 94). Но прилѣпскому извѣстна и параллель къ „лозі̯е“: грозі̯е (Сбм. XX, Мирч.; XI, 130 и въ др. зап.; въ зап. Новаковича—лозја и гројзе).

На сѣверо-востокѣ, въ Крив.-Р. Паланкѣ (Псп. LXI, 346; Сбм. IX, 29) и въ Кратовѣ, также—гроі̯зе (Сбм. IV, 315). Такъ же въ Кумановской области (Хц.-Василъ. I, 343, 347). Но въ планинскихъ селахъ—grozje, откуда дальше grozle (Хц.-Василъ. I, 335).

i̯ можетъ имѣть неполное образованіе, являясь звукомъ переходнымъ. Съ другой стороны, такой звукъ не только предшествуетъ согласному z, но и сопровождаетъ его. Такая стадія отражается въ говорѣ дебърскаго села Обоки: groizie (Oblak, Mac. St. 70). (Въ М. Рѣкѣ—groi̯ze, grói̯zin'a.) И въ другихъ македонскихъ говорахъ можно встрѣтить такую замѣну

_зі̯е. Такъ, въ Штипѣ отмѣчено: гроізіе (Сбм. IX, 191), что, м. б., выражаетъ-гроізі̯е.

Губ. с.+іі̯е(а). Сравнительно однообразной представляется судьба *-іі̯е послѣ губного согласнаго. Обычно употребляются губ. с.+і̯е. Губной является въ нѣкоторыхъ говорахъ палатализованнымъ, напр. въ Охридѣ (Изв. на сем. III, 246), Тетовѣ (Отчетъ 8), въ Штипѣ (Сбм. X, 141).

здравіе [и-здрав'і̯е], нивіе [и-нив'і̯е], робіе [и-роб'і̯е].

По говорамъ произошла утрата і̯. Такъ въ кичевскихъ говорахъ (здрав'е), у крушовскихъ міяковъ, въ М. Рѣкѣ: до́б'е, ни́в'е, ро́б'е, сно́п'е, дрв'а (Изв. на сем. III, 261, 283).

Въ кукушскихъ, воденскихъ, солунскихъ говорахъ не только не имѣется і̯ послѣ губного, но отсутствуетъ и мягкость послѣдняго:—ve (Сбм. XVIII, 447. Oblak. Mac. St. 31).

Въ говорахъ западной Болгаріи и восточной Сербіи отражаются въ общемъ тѣ же измѣненія *-іі̯е(а), какія отмѣчены для говоровъ Македоніи, въ особенности для восточныхъ и сѣверо-восточныхъ ея областей.

—і[і]е-і[і]е. Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ говорахъ Македоніи, западной Болгаріи и юго-восточной Сербіи находятся-і[і]е вм.-і̯е,-'е. Въ числѣ формъ съ такимъ окончаніемъ есть несомнѣнные церковнославянизмы. Напр.: евангелие, распіатие, диа́ние (Штипъ. Сбм. XI, 587). кръшче́ние, погребе́ние (Самоковъ. Сбм. X, 159). муче́ние (Дупница. Сбм., X, 174).

Внѣ церковнославянскаго вліянія могло развиться іе-і[і]е въ сочетаніи -здравие- при обычномъ -здравіе-. Возможно появленіе ие вм. и при -і̯е и въ другихъ случаяхъ послѣ губнымъ согл., а также вообще вм. сохранявшагося і̯е послѣ согласнаго. ни́вието (Леринъ), морие (Костуръ, см. выше), о̀вошчије (Бобошчица, Корча. Arch. XV, 45). jastïe —(Д. Пологъ. Отчетъ 8, 27; ï—редуцированное въ количественномъ отношеніи і).

Въ юго-восточной Сербіи: црвије (Н. Корито, въ тим.-лужн. діалектѣ. Беличъ. Дијал. 324). gо́жіе на-ряду съ обычнымъ gо́же (Луково. Broch. Dial. 134).

Неударенные гласные.

Достовѣрныхъ примѣровъ, которые бы свидѣтельствовали о фонетическомъ измѣненіи неударенныхъ гласныхъ, Βουλγάρικα Дидаскаліи не представляетъ. О написаніяхъ съ ѫ вм. ѫ сказано было раньше: всѣ они вызываютъ сомнѣніе въ фонетическомъ значеніи ѫ вм. ѫ. Но если бы, паче чаянія, ѫ вм. ѫ отражали черту живого говора, измѣненіе *а* по направленію къ *ъ*, то большинство примѣровъ приходится на неударенное *а*. Примѣръ τόρτς—тъ́ориш 175 указывалъ бы въ такомъ случаѣ на то, что процессъ „неударенное *а*→*ъ*“ происходилъ послѣ закрѣпленія ударенія на третьемъ слогѣ отъ конца слова. Но примѣръ νάητε—нѣ́јде 144 (аор. 2 ед.) противорѣчитъ такому относительному опредѣленію времени измѣненія *а*→*ъ*. Если все же измѣненіе *а* вызвано положеніемъ въ неударенномъ слогѣ, то придется полагать, что этотъ процессъ былъ очень длительнымъ: манера измѣненія неударенаго *а* по направленію къ *ъ* существовала въ говорѣ и до и послѣ закрѣпленія ударенія на третьемъ слогѣ. Сопоставлять нѣ́јде съ діалектическимъ македонскимъ измѣненіемъ ударенаго *а* въ *ъ* въ словахъ: *знъм*, *мъшч*[*е*]*а* вовсе отказываемся [1]).

Въ Дидаскаліи имѣется написаніе μπάχτζετα—ба́хчета 139, но и πάχτζα—ба́хча 137. Возможно, что въ первомъ случаѣ отражается нѣкоторое измѣненіе *а* въ срединѣ слова, въ зависимости отъ предшествующаго согласнаго č, имѣвшаго еще извѣстной степени мягкость (см. ниже). Конечно,

[1]) Немногочисленность примѣровъ съ ѫ вм. неудар. *а* объяснялась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что ударенное и неударенное *а* не различались рѣзко въ акустическомъ отношеніи; писатель и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ удовольствовался знакомъ ѫ для передачи гласнаго элемента ъ: ср. въ сочетаніи -ѫр- на ряду съ -ър-. Да и въ записяхъ позднѣйшихъ не всегда дѣлалось различіе въ передачѣ *а* и „редуцированнаго“ (не въ сильной степени) *а*. Такъ, напр., въ охридскомъ говорѣ „редукція“ неударенаго *а* несомнѣнна. О ней говорятъ Н. Силяновъ (Сбм. XI, 582—585), Е. Спространовъ (Сбм. XVIII, 527), М. Якимова (Изв. на сем. III, 233—235). Въ записяхъ же охридскаго говора такое „редуцированное“ *а* рѣдко передается особымъ знакомъ. Такъ у Шапкарева (Сбор. VIII), такъ у самого Е. Спространова (Сбм. XVI—XVII). Измѣненіе же неударенаго *а* по направленію къ *ъ* извѣстно, кромѣ охридскаго, кукушскому, воденскому говорамъ (кромѣ *а* въ конечномъ открытомъ слогѣ. Сбм. XVIII, 431—432), отчасти тетовскому (см. ниже въ характеристикѣ дольне-положскихъ говоровъ).

написаніе *е* еще не опредѣляетъ, что результатъ этого измѣненія совпадалъ съ гласнымъ *е*. μπάχτζετα могло передавать bächčäta говора.

Въ Дидаскаліи находится и такое написаніе: τοβέτζαρα 157 (Ῥωμ. ἀπόψε). Если *а* послѣ τζα не оказалось случайно, подъ вліяніемъ слѣдующаго -*ра*-, то и въ этимъ случаѣ отражается -čä- вм. -če- передъ конечнымъ r (večär, а затѣмъ večära)[1]).

μούκαετ—мýкает 159 (ἡ ἔγνοια) при—мýкајат—другихъ діалектовъ не представляетъ измѣненія *а* въ *е*: это сочетаніе восходитъ къ тур. mukajed. Въ Κανοναμε ζα σελατα μπιτωλσκοι (Солунь. 1851), также—μούκαετ и μουκαετλίοι. (Перепечатанъ въ Сбм. XV, стр. 378—382). φτόετα [χούκια] 149.—Едва ли въ этомъ написаніи съ ε отражается соотвѣтствующее явленіе говора.

и—о. и вм. *о* въ конечномъ слогѣ употребляется въ тѣхъ же словахъ, въ какихъ эта замѣна извѣстна и въ прочихъ македонскихъ говорахъ.

мнóгу 123, 126, 132, 133, 138 и др. Съ *у* это нарѣчіе произносится во всѣхъ македонскихъ областяхъ.

колку 161, 181. Точно также съ *у* во всѣхъ говорахъ.

блúзу 159, 168, 175 от(д) дáлеку 120. И въ этихъ нарѣчіяхъ гласный *у* употребляется почти всѣми македонскими говорами. Но въ Костурѣ—блúзо, такъ же въ солун. с. Киречк'ой; въ Воденѣ—от далеко. Съ конечнымъ—*у*, кромѣ указанныхъ нарѣчій, въ Македоніи извѣстны слѣдующія образованія: мал[к]у, оволку, онолку, [секолку], неколку; исту, инаку (и—инако), гаму, ваму, [на]околу, преку и исконное -долу.

-*у* вм. *о* въ этихъ нарѣчіяхъ появилось по аналогіи къ нарѣчіямъ на -*у*, напр. -долу. Такое объясненіе предложилъ впервые Д. Матовъ (За историята на новобълг. грамматика. 23—24). Такъ же объясняютъ эти нарѣчія В. Облакъ (Mac. St. 32) и Б. Цоневъ (Спис. на Бълг. Академия на наук. I 1, 128).

---

[1]) Въ кукушскомъ и воденскомъ говорахъ въ рядѣ суффиксальныхъ элементовъ находится ъ вм. неударенаго *е*: пърстън, придàтъл'; также—вѐчър (Сбм. XVIII, 435). Если бы эти говоры пережили вторичное измѣненіе ъ въ *а*, то въ нихъ было бы—вéчар. Отожествлять βέτζαρα Дидаскаліи съ vèčar вм. *večъr мы не можемъ, не имѣя никакихъ указаній на такое измѣненіе неудар. *е*.

По говорамъ эта аналогія охватила и другія нарѣчія на *-о*, напр., толку, туку, бъргу и др.

Наиболѣе распространено -толку, току-туку, хотя и не повсемѣстно въ Македоніи: есть говоры, знающіе -токо, на-ряду съ -толку. Изъ такихъ говоровъ укажемъ на дебърскіе. Здѣсь наблюдается колебаніе въ окончаніи и для другихъ нарѣчій: *-у* еще не обобщено въ качествѣ окончанія для указанныхъ выше нарѣчій: то̀ко (Сбм. XI, 145; Браство IX—X, 378, 486. Жив. Старина, 1899, I, 119). и -тол'ку (Изв. на сем. II, 276), много и -многу (Браство, IX—X зап.), колку и неколко (ib.), малко и -малу (Браство IX—X, Изв. на сем. II), и́наку (Изв. на сем. II, 276; Сбм. XI, 150).

Такое же колебаніе въ брго: брго, побрго (Изв. на сем. II, 276; Сбм. XI, 148), побргу (Браство IX—X, 387).

„бърго“ съ гласнымъ *-о* употребляется и въ говорахъ восточнѣе Дебърскаго края: въ Кичевѣ („Новини“, III, № 40), въ Прилѣпѣ (Сбм. XI, 130; XVI—XVII, 281, XX, 31), въ Крушовѣ (Сбм. XVI—XVII, 74). Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г.— побръго (Минало I 3, 293). На югѣ, въ Костурѣ (Книжици II, 52), въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 887), въ Стругѣ—бъргозбо́рница=сплетница (Миладин. 16), но—бъргу (Шапк. IX, 486). Въ другихъ говорахъ—бъргу. Охридъ (Сбм. XVIII, 543, Изв. на сем. III, 254), Велесъ (Сбм. VIII, 180). На сѣверѣ, въ Скопской области, также—бъргу (Сбм. XI, 110, 111). Но въ Ск. Черной Горѣ—брго (Етн. Зб. VII, 500). Такъ же далѣе къ сѣверу, въ Кумановѣ, Прешевѣ,—брго (Хц.-Василъ. I, 342; II, 296).

Иногда перевѣсъ брали нарѣчія на *-о* и вытѣсняли даже исконное образованіе на *-у*. Такъ, въ Охридѣ извѣстно нарѣчіе -здо̀ло-, предполагающее -доло (Сбм. XVIII, 543).

Дидаскалія представляетъ, какъ отмѣчено выше, рядъ примѣровъ нарѣчій на *-у* вм. *о*. Несомнѣнно, были извѣстны ея говору и другія нарѣчія на *-у*.

Что же касается -бърго- и -долу-, то Βουλγάρικα относится къ тѣмъ македонскимъ говорамъ, въ которыхъ эти нарѣчія имѣютъ гласный *-о*: ба́рго=бъ́рго 152, до́ло 175.

-о и въ нарѣчіи -то́ко -τόχω 119, 134. Но въ томъ же говорѣ это нарѣчіе произносилось и съ *-у*: то́ку -τόχου 120, 122, 123.

ušče-ušte.

Въ одномъ сочетаніи всѣ македонскіе говоры, кромѣ окраинныхъ на югѣ, востокѣ и сѣверѣ, имѣютъ *и* вм. *о*. Это въ нарѣчіи ušče-ušte. Эти сочетанія можно указать для всѣхъ говоровъ Македоніи. ušte-οὔστε и въ Дидаскаліи (131). Изрѣдка въ говорѣ или въ произношеніи одного и того же лица передъ u находится j, какъ и въ другихъ словахъ, часто какъ результатъ sandhi. Такъ въ Καγουαμε ζα σελατα μπιτωλσκοι, съ чертами говоровъ западно-битольскихъ, при обычномъ οὔστε употреблено разъ и ϳοὔστε (Сбм. XV, 381). Для крушовскаго (неміяцкаго) говора можно указать примѣръ съ -u- уже въ началѣ 17 в.: у ще въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 293).

Въ западныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ Македоніи въ Дебърѣ, въ Д. Пологѣ, Скопьѣ, Велесѣ—ušče, ušte. Но въ другихъ пограничныхъ областяхъ, на югѣ, юго-востокѣ, востокѣ и сѣверо-востокѣ это нарѣчіе извѣстно съ гласнымъ *о* въ начальномъ слогѣ. Именно ošče-ošte: Костуръ (Книжици II, 51), Леринъ (с. Церово. Сбм. VIII, 161—162; въ с. Екши-су—ушче: Шапк. IX, 317), Воденъ (Сбм. II, 187), Солунь (Oblak. Mac. St. 33. Книжици II, 42 Rad, knj. 145, стр. 126), Струмица (οστε и οὔστε. „Македонія“, III, № 31), Мегленъ (Сбм. III, 190), Радовиштъ („Караџ.“ III, №5), Штипъ (Книжици III, 57), Кратово (с. Лесново. Минало I 1, 78).

ošte также въ западной и восточной Болгаріи.

На сѣверо-востокѣ отражаются уже иные элементы образованія этого нарѣчія: съ начальнымъ j(j): jošte, još. Такъ, въ г. Кратовѣ -jošte, još (Сбм. IV, 315; Псп. V, 116. Ср. только что отмѣченное ošte для Леснова: и въ этой детали отражаются черты разныхъ діалектическихъ группъ, къ которымъ принадлежатъ лесновскій говоръ съ одной стороны и кратовскій—съ другой). jošte произносится и въ Скопской Черной Горѣ. Такъ говорили здѣсь и въ началѣ прошлаго вѣка: йоще единъ путь—слова старухи изъ с. Кучевишты, матери митроп. Наѳанаила (Жизнеописание Митроп. Охридо-Пловдивскаго Натанаила. Сбм. XXV, 12). Разумѣется, и въ кумановско-прешевской области это нарѣчіе произносится съ j(j)-: jošte, još (Хџ.-Васиљ. I, II; Книжици I, 46). Зашло jo- и въ нѣкоторыя сѣверно-положскія села, гдѣ jošte употребляется на-ряду съ ušte, jušte (Отчетъ 23).

Въ сѣверо-западной Болгаріи это нарѣчіе имѣетъ видъ jošte, još.

Типичное македонское сочетаніе ušče-ušte предполагаетъ предшествующую стадію съ сильно лабіализованнымъ *o*. Эта стадія, можетъ быть, представлена солунскимъ говорами, гдѣ отмѣчено ᵘóšte, ᵘóšće (Oblak. Mac. St. 33). Сильная лабіализація начальнаго *o*—это слѣдъ того давняго согласнаго элемента (h), который, по предположенію Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова (Очеркъ древн. періода, §§ 57, 98), находился передъ начальными гласными въ нѣкоторыхъ словахъ. Въ той ранней южно-славянской группѣ, которая легла въ основу македонскихъ діалектовъ, этотъ согласный элементъ или слѣдъ его въ видѣ придыхательнаго приступа держался долѣе, чѣмъ въ группѣ, находившейся далѣе къ востоку. Но вліяніемъ одного придыхательнаго приступа дѣло по измѣненію o—ᵘo—>u, повидимому, неограничивалось. *h или придыхательный элементъ предполагается и для od[ъ]va,-сочетанія, извѣстнаго многимъ македонскимъ и болгарскимъ говорамъ. Изъ македонскихъ говоровъ odvaį знаютъ, напр., говоры кичевскій (Сбм. XIX зап. „Новини“ III, № 40), охридскій (Сбм. XVIII, 530), прилѣпскій (Сбм. XI, 129; XX, 31) и др.. odvà-ὀτβά и въ Дидаскаліи. По говорамъ употребляется edvaį, напр., въ м.-рѣканскомъ (Изв. на сем. II, 276), въ штипскомъ (Сбм. XI, 160). Однако нѣтъ ни одного говора, гдѣ было бы сочетаніе съ начальнымъ u-: udva. Повидимому, на переходъ o въ u въ сочетаніи ᵘošče вліялъ и слѣдующій согласный š, произносившійся въ этихъ говорахъ съ значительно развитой артикуляціей губъ, ихъ округленіемъ (ср. ниже, въ характеристикѣ д.-положскихъ говоровъ, замѣчанія о вліяніи š(ž) на ъ—>o: doš при *ъ—>ъ въ другихъ случаяхъ. Ср. также dušt въ верхней части г. Кюстендила. Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr. XV, 165).

dúri-τοὐρη 130, 131 (2 р.), 137, 181.—Въ письмѣ крушованина 1637 г. также *дури* (Минало I 3, 293).

И современные говоры Македоніи, почти всѣ, знаютъ *дури*. Только въ восточныхъ областяхъ ея, какъ и въ сосѣднихъ юго-западной Болгаріи, встрѣчается *дор[и]*. Такъ въ Радовиштѣ („Карац.“ III, № 5); такъ въ Струмицѣ (δορή· „Македонія“, III, № 3) *дор* и *дур* въ Кюстендилѣ (Сб. Люб еноза. 50. Сбм. X, 359).

e-i. Нарѣчіе mošne передано въ одномъ случаѣ посредствомъ μόσνη: πέαατ μόσνη οὔμπαω 122—123.—Фонетическаго значенія для болгарскаго говора Дидаскаліи это написаніе не имѣетъ. Въ 1-мъ изд. Дидаскаліи смѣшеніе ε и η наблюдается и въ другихъ случаяхъ: vélegdhen, óte, krástaetzi, próliła и др. См. выше объ изд. Лика.

Изъ предложеннаго краткаго обозрѣнія явленій, связанныхъ съ измѣненіемъ гласныхъ *a, o, e,* видно, что это измѣненіе было или фонетическое или по аналогіи. Послѣдняго вида измѣненіе гласнаго относится къ o→u въ нарѣчіяхъ. Фонетическія измѣненія происходили въ зависимости или отъ сосѣднихъ артикуляцій или отъ неудареннаго положенія гласнаго. Измѣненіе неударенныхъ гласныхъ происходило въ немногихъ македонскихъ говорахъ и не повсюду и не во всѣхъ слогахъ охватывало гласные *a, o, e.* Измѣненіе *a→ъ* знаютъ говоры Охрида и отчасти Тетова. Измѣненіе *a→ъ, o→u, e→i* представляютъ говоры Водена—Кукуша. Говоры областей, подходящихъ къ Водену и Кукушу съ юга, и сѣвера, также представляютъ результаты измѣненія неударенныхъ гласныхъ: e→i, o→u. Это говоры областей Кайляра, Лерина, Меглена, Гевгели, Дойрана, Солуни.—Записи и описанія [1]). Эти юго-восточные македонскіе говоры имѣютъ и другія общія черты.

*ѣ.

Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. ѣ Βουλγάριχα Дидаскаліи имѣетъ *e.* Тотъ же гласный находится и послѣ *ц:* цел-ꙁ̑ѣ̀. 171, цѣла 144.

e—единственная замѣна *ѣ въ македонскихъ говорахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ согласный является мягкимъ передъ этимъ *e:* d'elime, razd'él'at, subl'ékal si ališčata; vr'eme, čov'ek, n'ešco. Леринъ (Сбм. VIII 173, 204, 205). Только въ восточной полосѣ Македоніи находятся говоры, имѣющіе *a* вм. *ѣ послѣ *ц:* цал, цана. Это говоры въ областяхъ отъ Водена (Сбм. II, 188) къ Штипу (Сбм. X, 140). Въ ближайшихъ говорахъ западной Болгаріи отражается то же явленіе въ измѣненіи *сѣ: въ говорахъ Г. Джумаи (Сбм. XX, 6), Кюстендила (Сбм. X, 355), Дупницы (Сбм. X, 173, 185), Само-

[1]) Указаній на а→ъ въ этихъ записяхъ не имѣется.

кова (Сбм. X, 147), Разлога, Брезника, Врацы, Софіи (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 190). Это *ца* вм. *цѣ* датируется среднеболгарскими памятниками XIII в. Такъ, въ Добрѣйшовомъ Ев. находится 4 случая съ цал-вм. цѣл-: цаловахѫ, не цалоуите...; одинъ разъ цана (Добрѣйш. Ев. 36). Достовѣрныхъ примѣровъ замѣны ѣ посредствомъ ѥ въ этомъ памятникѣ не имѣется: ѣ, не находясь за ц, сохраняло еще образованіе, близкое къ ä. Того же въ общемъ образованія былъ этотъ гласный во всѣхъ положеніяхъ въ южныхъ и центральныхъ говорахъ Македоніи XII-го и первой половины XIII в. Совпаденіе замѣны *ѣ съ гласнымъ *е* наступило нѣсколько позднѣе (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 190—191; С. М. Кульбакинъ. Охрид. рукоп. C-CI; Г. А. Ильинскій. Грамоты 69—70).

j—i̯.

На основаніи написаній Дидаскаліи, какъ и современныхъ изданій, трудно опредѣлить, какой звукъ произносился, j или i̯, въ томъ или иномъ случаѣ, въ которомъ можно полагать его существованіе. Болѣе надежныя указанія имѣются для начальнаго слога. Въ этомъ положеніи въ нѣкоторыхъ словахъ произносился j передъ гласнымъ. Конечно, въ тѣхъ же словахъ j могъ чередоваться съ i̯. Такъ обстоитъ дѣло во всѣхъ македонскихъ говорахъ. Въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи начальный j находился въ jad-, jak-, jemíšite и въ формѣ наст. 3 ед. jet. На присутствіе въ этихъ сочетаніяхъ j или звука, близкаго къ j, указываетъ передача этихъ сочетаній съ начальнымъ γι-. 1) ἡ ἰγιάτητ—и и[вин. мн.] ја́дит 186; τὰ γιάτησσ—да ја́диш 170; σεγάγιατασ—се на́јадает 162. 2) ζήλητε σὲ γιάχη—жи́лите се ја́к и 167, 3) χωτινάα γιεμήσσητε—година́а јеми́шите 129.

Часто встрѣчающаяся форма для јет передана посредствомъ γιέτ 117 слѣд. Кромѣ того, по одному разу 1) ἰὲ и 2) ἐτ: 1) ко́га джи́г'ерот је (или i̯е) здра́во 167; 2) и ко́га ет (или i̯ет) за́мразен ме́стото 174. Подобное колебаніе въ употребленіи i̯ или его утрата извѣстны всѣмъ македонскимъ говорамъ.

Несмотря на передачу посредствомъ γιε—για, все же невозможно съ увѣренностью утверждать присутствіе въ этихъ сочетаніяхъ *j* (а не i̯) передъ *е* и *а*. Образованіе j, i̯ вообще таково, что затруднительно бываетъ иногда опре-

дѣлить, какому звуку ближе соотвѣтствуетъ образованіе: j или i̯. Лишь въ немногихъ случаяхъ, благодаря нѣкоторымъ сопутствующимъ явленіямъ, можно констатировать тотъ или иной звукъ.

Для передачи корневого сочетанія jad- Дидаскалія употребляетъ не только για̯τ-, но и ια̯τ-. О звуковомъ значеніи ια̯ или ιε̯ въ подобныхъ случаяхъ приходится сказать то же, что̀ и о значеніи για̯—γιε̯: и ια̯—ιε̯ передаютъ ja—je или же ia—ie. Несомнѣнно лишь одно: передъ начальнымъ *a* и *e* въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ слышался, по крайней мѣрѣ, i̯, если не j. Вѣроятно, ближе къ j этотъ звукъ былъ въ ударенномъ слогѣ.

τὰ νὲ ιάτητ—да не ја́дит 133; τὰ ἠ ἰάταετ—да и ја́дает 133; σεῖ̯άτατ — се ја́дат 118; ζὰ τὰ ἰάτησσ—за да ја́диш 178.

Какъ видно, положеніе j, i̯ въ формахъ съ корневымъ jad- относительно предшествующихъ звуковъ одинаково съ тѣмъ, какое находится въ случаяхъ, гдѣ jad- передано посредствомъ για̯τ-.

ἰάϊ̯τζα—ја́јца 121 (въ этомъ случаѣ и въ другихъ ему подобныхъ пишемъ j условно), ἰα̯γα̯ντζατα—јагѣнцата 119, ἰαρτήσσατα—јартѝшата 119, ἰαζ—јас 158, ἰάσηκα—ја́сика 117, ἰάπολκα,-κη—ја́болка,-к'и 138, 134, ιὲρεπήτζατα—јеребѝцата 123, ἰα̯γκούλητε—јагу́лите 116[1]).

Во всѣхъ вышеуказанныхъ словахъ передъ начальнымъ *e* и *a* произносился j или i̯. Лишь форма 3 ед. для глагола „быть" передана о д и н ъ разъ посредствомъ ἔτ 174. Въ этой передачѣ отражается несомнѣнно фактъ живого говора: ет, а не іет. Но многочисленные примѣры γιέτ свидѣтельствуютъ, что обычно въ говорѣ было іет · (вѣроятнѣе полагать въ данномъ случаѣ i̯, а не j). Въ памятникѣ позднемъ, по языку близкомъ къ Дидаскаліи,—въ Καγουαμε ζα σελατα μπιτωλσκοι, эта форма передается посредствомъ ἴετ, ἰε и ἔτ. (Сбм. XV, 379, 380).

Въ написаніяхъ ἔτεν, ἔτνα, ἔτνω, ἔτνη, а также ἐζέρατα (116) вовсе нѣтъ ни ι-, ни γι- передъ ε-. Для eden и т. д. можно съ большой увѣренностью сказать, что въ говорѣ

1) Anquilla vulgaris.—Такъ на юго-западѣ, въ Рѣсенѣ, Охридѣ, Стругѣ. Въ костурскомъ с. Бобища—*енгул'а*. Въ Воденѣ, Гевгели, Енидже—*ангула*. Въ с. Сухо—*ахел'*. См. Книжицы IV—VII, 286—287.

эти слова начинались съ *е*. Частое употребленіе ετεν..., ετν... и ни одного съ ιετ... говоритъ за это. Въ пользу того же положенія свидѣтельствуютъ и данныя современныхъ македонскихъ говоровъ, знающихъ ed- (eden...). Въ записяхъ, описаніяхъ, наблюденіяхъ представлено именно ed-. Можетъ быть изрѣдка, при благопріятныхъ условіяхъ (послѣ гласнаго *і*) встрѣчается и jeden...

Нельзя съ увѣренностью сказать, всегда ли произносилось въ говорѣ Дидаскаліи ézero-ezérata съ начальнымъ e-, а не je-. Единственный примѣръ употребленія этого слова удерживаетъ отъ опредѣленнаго заключенія. Въ говорахъ Македоніи ezero употребляется, кажется, чаще съ *е*-.

Въ Дидаскаліи находится заимствованное турец. слово jorgan. Съ j (j) оно передано въ аромунской и албанской параллеляхъ: ιουργ[g]άνλου (аром.), γιοργάνα (jorgána—алб.). Но Βουλγάρικα имѣетъ ὄργανωτ (155). Отсутствіе j обязано предшествующему гласному і (союзъ): ἤ ὄργανωτ τφότη. Возможно, что это заимствованное слово произносилось послѣ гласнаго і не съ j, а съ j̇, близко примыкавшимъ къ артикуляціи предшествующаго гласнаго.

j-j̇ между гласными.

Употребленіе j-j̇ между гласными представлено слѣдующими словами: πάϊαχωτ 125, πώϊας 156, σάϊα 152, λώϊαμ 136, κράϊοτ-κράϊοτ 136, 137, τκάϊατ 145, στώϊαετ 125, τά σέ κωϊετ- да се гбjет 162; въ формахъ мѣстоименій: τάϊα 148, τφόϊα 136, 144, τφόϊα 154, 155.

Если писавшій болгарскую параллель, ставя знакъ ⌣, руководствовался произношеніемъ и выражалъ слогодѣленіе, то λώϊαμ, κράϊοτ, κώϊετ могли выражать lбj-j̇am, kráj-j̇ot, gój-j̇et. Въ прочихъ случаяхъ слогодѣленіе было съ отнесеніемъ j̇ къ слѣдующему гласному: pó-jas (или poj̇-jas)... Въ нижеслѣдующихъ словахъ между гласнымъ і и слѣдующимъ гласнымъ, можетъ быть, произносился гласный j-j̇. Возможны и сочетанія безъ этого элемента (ia, ie, ii). Тѣ и другія сочетанія извѣстны каждому македонскому говору.

ʾράκια 135, 176; γκεμία- г'емúа 136; σκάπια- скáпиа 130; σμία- змúа 173; πριατέλλητε 136, 177; ζιαφέτητε- зиафéтите 135; σεστόρια- се стóриа 118; χαραμίητε- харамúите 145 (2 р.); σέλβεια- сéлвиа 117; τύε-τίε-τῆε 122 и др.; ὄβηε- óвие 118 и др. μπίεσσ- бúеш 143, σσιεσσ- шúеш 127 и др. образованія съ *и-е*.

-ιοτ въ членной формѣ муж ед. прилагательныхъ и мѣстоименій: χ(=г)όρνιοτ, τ(=д)όλνιωτ 150, μάλιοτ 155, σφαρσσένιοτ 163, π(=б)ώλνιοτ 133, ματ(=д)ρηοτ 137, λώσσιοτ 150; σφήοτ μέσετζ 127.

Во всѣхъ этихъ написаніяхъ, кромѣ λώσσιοτ, -ιοτ передаетъ -i-ot говора. Кромѣ того, что въ этихъ написаніяхъ отсутствуетъ знакъ ⌣ и i̯. ср. и мѣсто ударенія въ примѣрѣ σφαρσσένιοτ: если бы въ данномъ случаѣ ιοτ=i̯ot, то скорѣе можно бы ожидать постановку знака ударенія на σφα-. Членная же форма для loš звучала lošiot. На основаніи этого единственнаго примѣра нельзя утверждать, что i̯ употреблялось и въ другихъ случаяхъ.

Въ битольскомъ Καγονμε членная форма прилагательныхъ передана также съ окончаніемъ -ιοτ=i-ot: πράβιοτ (23), ²δὸπρίοτ (Сбм. XV, 382).

Въ современныхъ македонскихъ говорахъ членная форма прилаг. и мѣстоим. имѣетъ окончаніе -i-o[t] или -i-i̯o[t]. Это обычное окончаніе въ центральныхъ и юго-западныхъ говорахъ. Въ говорахъ юго-восточной области на-ряду съ -i-ot находится и -i̯-ot. Напр., въ одномъ и томъ же леринскомъ говорѣ отмѣчено: слéпиo и слéпio, сáм'io (сáмьio), постар'io и др. (Сбм. VIII, 160, 161); едéньio=едéн'io; „казва се сжщо: éдниo“ (ib. 204, прим.) Въ восточной македонской области употребительна членная форма на -i̯ot. Такой видъ эта форма имѣетъ въ говорахъ, находящихся въ областяхъ между Воденъ-Солунь-Кукушъ на югѣ и Штипъ-Кратово на сѣверѣ: арніот(-ут), лошiот, високiот, нáшiот, първнiот, в(ф)торiот...— съ діалектическими особенностями въ отношеніи неударенаго *o* и окончанія *m* (Сбм. XVIII, 457; Книжици II, 41. 48; III, 57; Псп. V, 117, 121; „Караџ“, III, № 5 и др. зап.; ср. также замѣчаніе Матова: „За историята на новобълг. грам.“ 21).

j-i̯ послѣ согласныхъ.

Въ замѣнѣ раннихъ праславянскихъ сочетаній-iję(a) представленъ i̯-j послѣ s, z, губныхъ согл. и, м. б., l. Примѣры см. выше. Н.-греческому ἀπὸ βουβάλαν соотвѣтствуютъ въ аром. τὲ[=de] μπουβαλίτζα, алб. πέ μπουαλίτζα, болг. от μπιουλίτζα=ot bi̯ulíca (120).

Въ Дидаскаліи встрѣчаются такія написанія для передачи „1000“ и „2000“: χίλιατα, δὲ χίλιατε 181. λια-можетъ выражать -l'a- или -l'i̯a-. Съ тѣмъ и другимъ сочетаніемъ эти

слова извѣстны македонскимъ говорамъ. ил'їада, (напр., въ с. Църско,—въ зап. ильіада [1]): Сбм. XIX, 17; въ лерин. с. Екши-су; въ зап. ильіáди: Шапк. IX, 317; въ рѣсенскомъ говорѣ: Псп. XZI—XZIII, 881). хил'ада (напр. въ с. Киречк'ой, Книжици II, 43). Въ нѣкоторыхъ говорахъ произносится долгое l': il'l'ada, (напр., въ охридскомъ: Изв. на сем. III, 243; также и въ юго-зап. Болгаріи, въ г.-джумайскомъ говорѣ: Сбм. XX, 23).

Написаніемъ μιλιούν 181 передано miliun. Ср. въ м.-рѣканскомъ с. Тресонче: милиун година (Браство IX-X, 389).

i→j.

Заударный гласный i, находясь за гласнымъ, измѣняется въ j. Такъ измѣнялось i, напр., въ формахъ сущ. м. мн. съ оконч. на -oi изъ oui. Эта категорія формъ сущ. передана такимъ образомъ: βέτροητε 137, στἀρκώητε 124. στόλωητε 143, σίνοη 162, κλάσωη 164, μπ(=б)ρανόητε 137. σατ(=д)ώητε τφόη 158, βωλώητε 162. Въ такихъ примѣрахъ, какъ βέτροητε. στόλωητε и, можетъ б., στἀρκώητε значеніе η—j, то же, что̀ и въ написаніяхъ τφόη м. ед. 155, χωη м. ед. 162 и др. На такое значеніе η указываетъ и мѣсто ударенія, падающее на третій слогъ отъ конца: по утратѣ ц гласный i въ этомъ положеніи сталъ неслоговымъ, а удареніе перешло на предшествующій слогъ по общему закону для этого говора,—употреблять удареніе на 3-мъ слогѣ влѣво. Другіе примѣры своимъ ударéніемъ указываютъ какъ будто на то, что они произносились съ гласнымъ i. И это вполнѣ возможно, хотя мѣсто ударенія на -o въ этой категоріи именъ и не всегда указываетъ на то, что за o произносится i. Встрѣчаются формы на -ój, безъ переноса ударенія на предшествующій слогъ. Отсутствіе этого переноса могло быть вызвано сочетаніемъ съ слѣдующимъ словомъ (напр. мѣстоименной энклитикой), составляющимъ съ предшествующимъ словомъ одно цѣлое въ акцентномъ отношеніи. Изъ такихъ и имъ подобныхъ сочетаній, широко распространенныхъ въ македонскихъ говорахъ, могли обособиться формы мн. съ ударéніемъ на ój.

Если для опредѣленія значенія ὁη, какъ ój, мѣсто ударенія и не имѣетъ безусловнаго значенія, то все же возможно полагать, что такое произношеніе окончанія формы

[1]) *i* въ болгарскихъ записяхъ обозначаетъ j-j.

м. множ. Βουλγάρικα знала. О такой двойственности въ окончаніи формы множ. м. (oi̯ и oï) свидѣтельствуютъ и позднѣйшія данныя македонскихъ говоровъ, въ числѣ которыхъ представлены и говоры, ближайшіе къ говору Дидаскаліи. Таковы, напр, формы въ зап.-битольскомъ говорѣ, отразившемся въ Καυσαμε ζα σελατα μπιτωλσχοι. Однѣ изъ этихъ формъ переданы съ окончаніемъ на -oï; значеніе ï опредѣленное: i: νέχοϊ. ἰάϊτζα. τόϊ и т. под. Другія переданы съ окончаніемъ на- oi̯; значеніе oi̯ тоже опредѣленное: i: λόσοι-lóši, τοῦρτζοι и τοῦρτζιτε и др.

Итакъ, 1) ποπόϊτε-popóite, πατόϊτε-patóite (Сбм. XV, 381...) и 2) ζπόροοι—zbóroi (ib.)

-oi на-ряду съ oi̯ наблюдается и въ современныхъ македонскихъ говорахъ. Ср. записи прилѣпскаго говора (въ Сбм. XI, XVI—XVII): сѝнои, синóи си, синói си, сѝноі, тфоіте сѝнои; збороите, збороіте и др. Такъ для Порѣчья: сватоји, градоји, кралои дворои („Карац." III, № 5)—съ *и*, а не съ i.

Форма мѣстоименія вин. мн. i, находясь послѣ гласнаго, переходитъ въ i̯: ἤ τά ἰούτζαετ—и да i̯ (вин. мн.) у́чает 160.

Вторичное i̯ передъ палатальнымъ согласнымъ.

Въ македонскихъ говорахъ развивался i̯ или далѣе i послѣ гласнаго, какъ переходный звуковой элементъ къ слѣдующему палатальному согласному[1]). Такое i̯ развивалось передъ палатальными n, k—g, z. Не во всѣхъ македонскихъ говорахъ, знающихъ вторичное i̯ указаннаго происхожденія, находится i̯ передъ каждымъ изъ этихъ палатальныхъ согласныхъ. Нерѣдко приходится наблюдать, что i̯—i не употребляются послѣдовательно даже передъ однимъ и тѣмъ же согласнымъ. Наиболѣе распространено употребленіе i передъ давнишнимъ (праславянскимъ) палатальнымъ n: koiṇ, baiṇa. Послѣ развитія i̯ палатальный n отвердѣвалъ во многихъ изъ этихъ македонскихъ говоровъ. Его отвердѣніе происходило или въ закрытомъ слогѣ (такъ, напр., въ Прилѣпѣ), или во всѣхъ положеніяхъ: koiṇ, koiṇa, baiṇa (напр.,

[1]) Параллельное явленіе можно наблюдать и въ другихъ славянскихъ говорахъ: русскихъ (с.-великорусскихъ и малорусскихъ), польскихъ, лужицкихъ, словинскихъ. Насколько близка (по мѣсту образованія) артикуляція палательнаго n' къ j, свидѣтельствуетъ полное вытѣсненіе n' посредствомъ j въ албанскихъ говорахъ: baj—дѣлаю, krojˌ мн. къ krōn—источникъ.

въ Костурѣ и Кайлярѣ). і развивалось и передъ палатальнымъ п новаго происхожденія, въ замѣнѣ *-пїіе(а):—іпе(а). Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ происходило отвердѣніе п' въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, отвердѣвалъ п' и въ сочетаніи—іп'е(а).

і передъ п'—п вм. *пј отмѣчено почти во всѣхъ областяхъ Македоніи, за исключеніемъ окраинныхъ областей на западѣ (Дебърскій и Кичевскій края: коп', коп'оt, коп'е; но въ Кичевѣ—деіп'а), на сѣверѣ (Д. Пологъ, области Скопья, Кратова) и нѣкоторыхъ мѣстностей на востокѣ. При этомъ, і передъ п(п') +глас. распространено шире, чѣмъ передъ п въ закрытомъ слогѣ. Напр., въ солунскихъ говорахъ коп', но baiп'a (Oblak. Mac. St. 48), лаіни (Книжици II, 44; здѣсь мягкость п новаго происхожденія: въ праслав. это слово относилось къ основѣ на ї; см. въ статьѣ Б. М. Ляпунова: „Этимологическія изслѣдованія въ области др.-рус. языка". Р. Ф. В. 1916, № 4, 251—253). Написаніе Дидаскаліи λάνι (129) выражаетъ повидимому лáп'і. Съ другой стороны на сѣверѣ, въ Кумановѣ, коп', но коіпа (Broch. Dial. 117). По говорамъ развитіе вторичнаго і зависѣло и отъ качества гласнаго (широкаго образованія) въ слѣдующемъ слогѣ. Такъ въ Радовиштѣ при—jadeп'е, трн'е и кон'у, кон'о находится кучіната, пеіна („Карацић" III, № 5); послѣднему сочетанію предшествовало пеіп'а,—съ п' по аналогіи съ именами на -н'а: бан'а...

Отвердѣніе конечнаго п', извѣстное многимъ македонскимъ говорамъ, произошло также за предѣлами Македоніи, въ зап. и вост. Болгаріи. коп произносится въ Г. Джумаѣ (Сбм.XX, 13, 28), въ Кюстендилѣ (Сб. Любенова, 65), въ Разлогѣ („Додатак", 40), въ Търнѣ (Псп. XIX—XX, 151), въ разныхъ другихъ говорахъ Болгаріи (Weigand. Jahresber. XV, 161) и въ говорахъ болгарскихъ колоній въ Россіи (Н. Державинъ. Болгар. колоніи, II, 34...).

Говоры, которымъ извѣстны -іп'е или -іпе, указаны выше: говоры Прилѣпа, Маріова, Водена, Гевгели, Охрида, Рѣсена (при коіпоt, кáтеіпе произносится—déіп'а: Сбм. VIII, 257), Лерина, Костура (при — коіпа, umreіпeto—деіп'е: Книжици II, 54, 49; VIII—X, 210). Въ прилѣпскомъ говорѣ на-ряду съ—кóпаіп'е, камеіп'е—произносится—плáнин'е, дóлин'е, дéчин'а, пúлин'а... Въ Охридѣ при—кàмеіне, бѐгаіне, гàтаіне находятся—дѐчина, врѐмина, плàнин'е... Но

и въ этихъ образованіяхъ на—in'e, in'a прилѣп. и на—in'e, ina охрид. могло быть i или вѣрнѣе ĭ, которое послѣ і въ неударенномъ положеніи утрачивалось. Ср. аналогичныя образованія въ другихъ говорахъ, гдѣ i находится подъ ударéніемъ:—дечйĭна (Леринъ), имйĭна, пустйĭнъта (Воденъ).

Отмѣтимъ говоры, въ которыхъ при сочетаніи koin[ʾ] находится—п'е или пе вм. *-пiје.

Битоля, Велесъ, Дойранъ (?), Кукушъ, Мегленъ.

Въ западной и отчасти въ срединной (въ Битольскомъ округѣ) Македоніи суффиксъ—іса находясь послѣ п, испыталъ слѣдующее измѣненіе:—пiса→пi̯са→п'са→in'ca→i̯nca. Примѣры съ—i̯nca вм.—пiса имѣются для говоровъ съ постояннымъ мѣстомъ ударенія на 3-мъ слогѣ отъ конца. Сочетаніе—пiса находилось въ заударномъ положеніи. Въ зависимости отъ этого положенія и происходило измѣненіе і въ указанномъ направленіи. Благопріятствовалъ такому ходу измѣненія въ сочетаніи—пiса и сонорный п, съ которымъ ассимилировалось i̯ и который нѣкоторое время могъ быть слогообразующимъ звукомъ.

Охридъ: водѐi̯нца, топѐi̯нца, чѐi̯нца, пài̯нца и др.; въ производныхъ: водѐi̯нчар (Сбм. XVIII, 531; Шапк. VIII, 109). Струга: чеинца (Миладин. 36). Рѣсенъ: пчѐi̯нца, водéйнца (Книжици, IV—VII, 267, Псп. XLI—XLII, 398, 903). Битоля: пшѐi̯нца, водѐi̯нцата; водѐi̯нчарот (Сбм. XV, 90, 121). Кичево: тупаi̯нца, лубеi̯нци (Сбм. XIX, 5, 111), водéi̯нца, пчéi̯нца (Шапк. VIII, 243, 266).

i̯nca-ĭnca извѣстно и въ дебърскихъ говорахъ. Но тамъ процессъ измѣненія—пiса еще не охватилъ всѣхъ сочетаній съ -пiса. Такъ, въ Галичникѣ произносится—гусѐница, но—гласеĭнца (Изв. на сем. II, 233. Oblak. Mac. St. 24). Кромѣ того, въ этой области колебаніе происходитъ и по говорамъ: Галич.: пченица, но въ Обоки: чѐi̯нца (Oblak. Mac. St. 80).

Утрата і въ сочетаніи -пiса пережита и отдаленными говорами восточной Болгаріи. На сѣверо-востокѣ Л. Милетичемъ отмѣчены слѣдующія сочетанія: ръпса=рапiса, vrànca=vrátпica, udènca=vodènica и т. под. (D. Ostb. 86). Въ Еркечи: udènсъ, а также žentë, biцlсъ (D. Ostb. 156). И въ послѣднемъ примѣрѣ обнаруживается значеніе въ процессѣ

утраты і, которое имѣла сонорность звука, предшествовавшаго неударенному і [1]).

Вторичное і передъ n' было извѣстно и вымершему говору семиградскихъ болгаръ: oftze i szvyina. f ogain. ogaini=ogain' (Denkschr. VII. 114, 117, 116. Сбм. XIII, 229).

Во всѣхъ македонскихъ говорахъ извѣстно употребленіе вторичнаго і послѣ гласнаго передъ палатальнымъ k'(g'): Вм. і произносится иногда j, иногда этотъ переходный звуковой элементъ совсѣмъ отсутствуетъ. Процессъ развитія і передъ k'(g') не отразился еще на всѣхъ случаяхъ „глас.+k'(g')", не далъ пока опредѣленныхъ результатовъ во всѣхъ тожественныхъ случаяхъ. Въ одномъ и томъ же говорѣ можно слышать -кук'а- и -куік'а-, -брак'а- и -браік'а-. Рѣже употребляется -ік'- на сѣверѣ Македоніи, чѣмъ въ центрѣ или на югѣ. Отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ для 3—4 областей.

Леринъ: ку́к'а, не́к'у, лаіг'а, дру́іг'и, но -л'уг'е, фа́к'ам, на́плек'и, граг'а́нка (Сбм. III, VI, VIII зап.).

Рѣсенъ: куік'а, не́ік'еле, браік'а, тре́ік'от, сеік'ира, попа́іг'ата, лива́іг'ено, но -се́к'и, дру́г'иот; встрѣчастся и -ку́к'а, бра́к'а (Книжици IV—VII. Сбм. VI, VIII, IX, зап.; Псп. XLI—XLII, 893).

Дебър. с. Обоки: nò j k'a, nò j k'no-nòćno, vè j k'i, stre j k'a, но -vrèk'a, kúk'ata (Oblak. Mac. St. 65).

Кратово: неік'ем, неік'у (Псп. V, 116, 1120).

„браік'а" свойственно и нѣкоторымъ говорамъ западной Болгаріи. Такъ въ Кюстендилѣ (Сбм. X, 357), въ Царибродѣ (Сбм. X, 24), въ Чип[о]ровцахъ (Сбм. XVI—XVIII 135), въ софійскомъ с. Локорско (Сбм. XI, 92).

-браік'а—и въ далекомъ банатско-болгарскомъ говорѣ Винги. Тамъ і и въ—мъіже (Сбм. XVI—XVII. 420—421). Изрѣдка і передъ k' является и въ говорахъ юго-восточной Сербіи: въ Кривой Феѣ (O. Broch. Dial. 39), въ тимочской группѣ (Беличъ. Дијал. 180, 198—199. Для Пирота см. также Сбм. I, 145; V, 194).

-ize. Область распространенія—ize не совпадаетъ съ областью, знающей употребленіе і передъ n'(n) и k'(g'). Во

[1]) Параллельное явленіе представляютъ сѣв.-греческіе говоры: тамъ неударенныя ni→n', li→l': l'umi=λυπούμαι, mél'sa=μέλισσα. gudán'=γοδάνι. Иногда l', n' такого происхожденія являются слоговыми или долгими (Kretschmer. Der lesb. Dial. 77). Соотвѣтствующее явленіе знаютъ и албанскіе и румынскіе діалекты (съ дальнѣйшимъ n'→j).

многихъ говорахъ на югѣ и въ центрѣ Македоніи находится -zi̯e. -i̯ze употребляется преимущественно на западѣ и сѣверѣ. См. выше.

Главное условіе развитія i̯ въ данномъ случаѣ находилось въ связи не столько съ палатальнымъ характеромъ z, сколько съ прочими условіями образованія этого согласнаго въ сочетаніи съ i̯; послѣдній звукъ, какъ показываютъ переходныя сочетанія дебърскія и штипскія (lo i̯z i̯e), вполнѣ не ассимилировался съ z: z'→z' i̯→ i̯z' i̯.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ областей, находящихся къ сѣверу и западу отъ Македоніи, если развивался i̯, то только передъ этимъ согласнымъ (кромѣ рѣдкихъ сочетаній i̯k' въ тимочской группѣ). См. выше.

Изъ представленнаго общаго очерка употребленія i̯-i видно, что это явленіе ни въ одномъ говорѣ не проведено послѣдовательно. Въ однихъ говорахъ обнаруживаются только слабые признаки его: i̯k' при k' въ совершенно тожественныхъ условіяхъ; въ другихъ – вовсе оно неизвѣстно. Повидимому, это явленіе въ нѣкоторыхъ говорахъ только еще развивается. Въ говорахъ съ болѣе раннимъ развитіемъ вторичнаго i̯ появленіе этого переходнаго звукового элемента находилось въ зависимости отъ отдѣльныхъ палатальныхъ согласныхъ, а также отъ вида слога, закрытости или открытости его: передъ открытымъ слогомъ i̯ развивалось свободнѣе, чѣмъ въ закрытомъ слогѣ.

Βουλγάρικα Дидаскаліи вторичнаго i̯ не представляетъ. Имѣемъ основаніе полагать, что и въ живомъ говорѣ ея это явленіе въ то время, въ XVIII в., не было общеизвѣстнымъ. О случайномъ пропускѣ въ фиксаціи этого i̯ нельзя думать, ибо примѣры, гдѣ ожидалось бы появленіе вторичнаго i̯, многочисленны въ Дидаскаліи, а составитель ея хорошо передавалъ явленіе живого говора. Относясь по своимъ чертамъ къ говорамъ западно-битольскаго округа, Βουλγάρικα Дидаскаліи указываетъ на то, что въ этихъ говорахъ въ XVIII в. вторичное i̯ не было въ [общемъ] употребленіи. Рѣдко употребляется вторичное i̯ въ этихъ говорахъ и въ настоящее время. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. часто встрѣчается упоминаніе маріовскаго села Дуйне. Въ настоящее же время это названіе имѣетъ видъ -Дуйне-. Нѣтъ указаній на вторичное i̯ и въ памятникѣ 2-ой половины прошлаго вѣка,—въ памятникѣ, близкомъ (хотя

и не тожественномъ) къ языку Дидаскаліи,—въ Κανοναμε ζα σελατα μπιτωλσχοι.

*ц̯.

Вм. праславянскаго ц̯ въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи находится въ однихъ случаяхъ v(f), въ другихъ нуль звука. v(f) употребляется въ концѣ слова, послѣ согласнаго, передъ согласнымъ, передъ гласнымъ начальнаго слога. Между гласными замѣна ц̯ выражается непослѣдовательно: въ однихъ случаяхъ наблюдается утрата ц̯, въ другихъ употребляется v(ц̯—w): опредѣленнаго результата процессъ измѣненія ц̯ между гласными еще не далъ. Лишь въ одной категоріи, въ формахъ сущ. муж. множ., во всѣхъ случаяхъ отсутствуетъ ц̯ между о и і: вм.-оці послѣдовательно употребляется -оі или -оі̯.

Представимъ примѣры употребленія v(f) и утраты ц̯. χάρφ—кърф 139. По аналогіи къ нечленной формѣ ф проникло и въ членную форму: кърфот 140, 146.

га́вранот 125, вла́кот 136, вла́кна 158, вле́зит 153, вре́ме 119, о́вните 119; две 138, два 139; σβέστητε—зве́здите 116, дърва, 117, ра́дваат 121 и др.

Въ зависимости отъ предшествующаго глухого согласнаго является ф вм. в:

послѣ с: сфа́дбите 135, сфатот, с[и]фа́к'ата 160, сфе́кор, сфека́р[=ър]ва 160, сфе́т, -от 132, 146, сфе́тецу[о]т 142, сфе́шта 142, сфи́н'ите 167, сфи́та 172 (2 р.), сфи́те—мѣст. множ. 116, 118, 143, сфърде́лото 149, сфърше́ниот 163.

послѣ т: тфо́и[-оі̯]—множ. 129, тфо́и[-і̯]те 136, тфоја 136, 144, о́тфориш 147, 171, отфо́рени 168, че́тфорток 127.

послѣ ч: бо́чфа 132.

послѣ к: се ле́кфат 133, цъ́ркфата 141, смо́кфи 132, но и—смо́ква 138.

ф вм. в находится и передъ ц̯ и ч: о́фците 119, о́фчарот 168.

*ц̯tor- →втор-: во вто́рникот 127.

Въ трехъ случаяхъ наблюдается перестановка въ сочетаніяхъ tl- и vd-, происшедшая въ то время, когда эти сочетанія произносились еще съ билабіальными звуками. фто́і̯то 135, фто́ета 149; двои́ците 171. Если въ послѣднемъ сочетаніи отражается соотвѣтствующій фактъ говора,

то можно думать, что въ этомъ случаѣ w стало звучать за d еще до утраты u̯ между o—i.

Въ современныхъ говорахъ въ такомъ видѣ эти мѣстоименія и существит. не отмѣчены. Но по діалектамъ албанскаго языка наблюдается перестановка vd-: гег. dves при тоск. vdes—умираю (Pekmezi 68).

Передъ гласнымъ начальнаго слога: ва́р 121, ви́кат 121, ви́соко 124, се вадит 139, во́лои[-i̯?]те 122, во́дата 125 и др.

-в- между гласными *а—а*: гла́вата 136, 156, мра́вата 126, кра́ва, 120, зава́рница 147, да́ват 119, да́ваш 128;

между *а—о*, *а—i*: здра́во 133, 167, у́баво 120, 165, здра́ви 153, 173, о́здравиш 141.

между *о—а*, *о—i*, *о - о*: о́ва—сред. ед. 161, но́ви—мн. 143, но́во 171;

между *е—е*, *i—а*, *е—а*, *i—i*: неве́стите 145, 178, де́вет 176, 180, 181, то́пливат 134, пли́ваме 137, лива́дата 175, ле́вата 135, тре́вата 117, ди́вите 118, жи́виме 121.

между *и—а*: ч'уват 119.

Между тѣми же гласными, а также *о—е*, Дидаскалія представляетъ примѣры съ утраченнымъ u̯. Не думаемъ, чтобы въ написаніяхъ съ ϳ между гласными отражалась славянская грамотность составителя болгарской параллели. Нѣтъ достаточнаго основанія заподазривать фонетическое значеніе этихъ написаній: они являются отраженіемъ живого говора, гдѣ происходило колебаніе въ употребленіи между гласными звука, передаваемаго въ Дидаскаліи посредствомъ ϳ. Значеніе же ϳ въ этомъ положеніи было v и въ нѣкоторыхъ случаяхъ u̯—w. То же, м. б., выражено посредствомъ ϳ и въ сочетаніи βτώρνιχοτ 127.

Колебаніе въ употребленіи u̯ между гласными до сихъ поръ еще переживается многими македонскими говорами.

Примѣры съ утраченнымъ u̯ въ Дидаскаліи:

а—а: гла́ата 166, по́знаан'е 122, прошта́ан'ето 182, да́аш 171, про́даам 138, о́стааш 164;

а—о: у́бао;

а—i: кукайцата 123; крастаици 134, капа́йците 154, вала́ица 105, на́праиш(-іш?) 120, 147, 151, 173; также -напраени 156;

о—а: то́а 1в8, 146, 149, то́ъ[а?]риш 175;

о—i: ср. формы м. множ. съ оконч. -oi(o̯i); бракоіте 135, во́лоіте 122, дабои[-i̯] 117 и т. под.;

не́гоi̯те 125, 142; ластои́ците 122, на поло́i̯ната 177, ло́иш 178, ло́jам-λῶ͡ϊαμ 136.

o-e: по́ел'а- πώ͡ελλια 116.

и-а: чуам 138.

*ц̑ьś̑ь.

Въ замѣнѣ формъ мѣстоименія ц̑ьś̑ь... имѣются не одинаковые начальные звуки во всѣхъ случаяхъ. Въ однихъ случаяхъ вм. *ц̑ьś̑- находится только s, въ другихъ результатъ перестановки и дальнѣйшаго измѣненія въ sf:

сите, 129, 134. се-: се́каде -παντοῦ 128, 129;

сфи́от 127; сфите 116, 118, 137, 143; сфе́ко 127.

*ц̑ъz-.

Префиксъ *ц̑ъz- въ формахъ для глагола *ц̑ъzęti замѣненъ повсюду посредствомъ z-: зе́мам 133, се зе́маш 150, зе́миш 173, зе́мит 142 (2 р.), зе́мат 167, зе́маат 122, зе́дох 139, зе́де 158.

*ц̑ъ. ц̑ъ предлога замѣненъ во всѣхъ случаяхъ посредствомъ vo. Въ качествѣ префикса служитъ v: вле́зам 136, вле́зит 153. Какъ архаизмъ, является *в* въ сочетаніи -вуме-, ставшемъ нарѣчіемъ: да и́маш ву́ме [βοῦμε 151.], Ῥωμ. νὰ προσέχῃς, Βλάχ. σέ ἄῃ καστίκα [kăstigă], Ἀλβ. τά κκέσσ κουϊτ-(—d)έσσ 151. Въ этомъ сочетаніи v уже не воспринималось ни въ качествѣ предлога, ни въ качествѣ префикса.

Утрата ц̑- вм. ц̑ъ- произошла въ словѣ ц̑пъ(a)tre: ѵатрѣнатре 153, восходящемъ къ *ц̑ъnǫtr-, съ гласнымъ ǫ→ъ→a. Замѣну того же гласнаго (*ǫ) представляютъ въ этомъ словѣ и другіе македонскіе говоры [1]).

Въ отношеніи замѣны *ц̑ современные македонскіе говоры представляютъ слѣдующее.

Вм. *ц̑ они имѣютъ губно-зубной v-f въ концѣ слова, въ срединѣ слова въ сочетаніи съ согласнымъ (кромѣ st), въ началѣ слова передъ гласнымъ. Но такое опредѣленіе условій употребленія v(f) имѣетъ значеніе не для всѣхъ говоровъ. Надо имѣть въ виду, что въ македонскихъ, какъ и въ говорахъ сосѣднихъ областей Болгаріи и юго-восточной Сербіи, при произношеніи звука, соотвѣтствующаго v, нерѣдко участвуетъ и верхняя губа, и получается уже губно-

1) О значеніи ѫ҃ѥ҃ѣ҃тръ... и ѫ҃ѥ҃ѣ҃тръ... болгарскихъ памятниковъ см. у В. Н. Щепкина: „Болон. Пс.“ 136-137 и у Г. А. Ильинскаго: „Слѣпч. Апост.“, LXIII.

губной w; при дальнѣйшемъ же округленіи губъ и подъемѣ задней части языка вм. w развивается u̯. А. Беличъ отмѣчаетъ кромѣ того слабую степень энергіи при произношеніи звука u̯ въ говорахъ юго-восточной Сербіи, въ результатѣ чего можетъ появиться u̯ неполнаго образованія, или совсѣмъ можетъ произойти утрата u̯ (Дијал. 153-154) [1]). Возможно, что w-u̯ развились изъ болѣе ранняго v (губ.-зубного). Но видѣть въ послѣднемъ согласномъ (v) общую раннюю замѣну праславянскаго *u̯ для этихъ говоровъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Рядъ явленій, находящихся въ связи съ судьбой *u̯ въ этихъ говорахъ, указываетъ на то, что ранней замѣной *u̯ здѣсь было u̯-w [2]). При сохраненіи многими говорами w въ однихъ случаяхъ могъ развиться v въ другихъ; а это v, не представляя обычной артикуляціи въ замѣнѣ *u̯, переходило къ прежнему образованію—w. Тѣ черты въ образованіе v-w-u̯, какія отмѣчены для говоровъ юго-восточной Сербіи, свойственны и говорамъ Македоніи. Такъ, ср. въ крушовскомъ-міяцкомъ говорѣ выраженіе: „жи́ ми детéнцо“ (Сбм. XVI—XVII, 302), въ рѣсенскомъ говорѣ: „жи-ми Господ“ (Псп. XLI-XLII, 892), какъ и въ кумановскомъ: „жи ми Госпот“, но „жива ми чеда“ (Хџ-Васиљ. I, 349). Губно-губной звукъ въ „žiw“ ассимилировался съ слѣдующимъ губнымъ *м*. Но žiu̯ отмѣчено передъ инымъ согласнымъ въ другомъ говорѣ, въ битольскомъ: „жиў, жиў жиуле (въ зап. изъ с. Грајешницы. „Карац.“ II, № 5; въ записи употреблено *у*).

Въ началѣ слова передъ гласнымъ также употребляется по говорамъ w-u̯. Такъ, для дебърской области отмѣчено woda, uoda. Въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ u̯ въ этомъ положеніи отсутствуетъ: oška при uoška и vъška другихъ говоровъ этой (солунской) области. (Oblak. Mac. St. 75, 76).

Во многихъ говорахъ Македоніи распространено произношеніе f передъ n въ начальномъ слогѣ (въ замѣнѣ сочетанія *u̯ъ-n+гл.): фнуче, фнуци па и префнуци... Тотъ же согласный находится и передъ плавнымъ (въ замѣнѣ соче-

---

[1]) Та же физіологическая природа замѣнителя * u̯ наблюдается въ отдѣльныхъ говорахъ восточнаго болгарскаго нарѣчія. Miletič D. Ostb.

[2]) Ср. соображенія С. М. Кульбакина, изложенныя имъ въ статьѣ: „Спирантъ v въ словянскихъ языкахъ“. Сбор. ист.-филолог. об-ва при Харьк. ун-тѣ, т. XV, 225 сл.

танія ѫъl+гл.). Выше (стр. 35—36) было указано аналогичное явленіе и въ передачѣ предлога f[1]), fъ(o)f, uf[2]).

Въ замѣнѣ начальнаго ѫъ- передъ n, l въ македонскихъ говорахъ извѣстны и ѫ, ѫ, съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ: 1) утратой ѫ, 2) съ гласнымъ u. Въ томъ и другомъ видѣ эти сочетанія употребляются, напр., въ области Д. Пролога (Отчетъ 16). Передъ прочими согласными въ начальномъ слогѣ является v(f), w, ѫ, ѫ или его утрата: tornik, dovec. На примѣрѣ для рѣсенскаго и кумановскаго говоровъ была указана способность звука w ассимилироваться съ слѣдующимъ губнымъ согласнымъ (m). Ассимиляція w происходила и передъ n въ отношеніи дѣятельности небной занавѣски: она стала опускаться уже въ моментъ произношенія w, откуда затѣмъ m: мнука (Охридъ: Сбм. XVI—XVII, 342; Изв. на сем. III, 244; Кичево: Сб. Иконом. 112). О физіологической близости wn- и mn- свидѣтельствуютъ и говоры Водена, Кукуша, Гевгели: тамъ на смѣну начальнаго mn- явилось wn-, fn-: вногу, фногу (Сбм. XVIII, 456. Шапк. IX, 339) [3]). Въ воденско-кукушскихъ говорахъ извѣстно и—ногу, предполагающее предшествующія стадіи съ ѫn-, ѫn. -ногу- употребляется и въ нѣкоторыхъ другихъ македонскихъ говорахъ.

Если въ начальномъ слогѣ ѫn- или wn- измѣнялись неодинаково въ македонскихъ говорахъ, давая въ результатахъ mn,- vn,- fn,- ѫn, -n, то въ срединѣ по всей Македоніи произносится-mn-: damno (odamna), glamna, ramno и далѣе ramen.

Послѣ согласнаго произносится v(f). Но если звуку ѫ предшествовало st, то ѫ утрачивался: bogasto, carsto, junaksto [4]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ѫ въ сочетаніи съ согласными не утрачивался, вмѣсто него развился f передъ и за глухими согласными по ассимиляціи съ послѣдними: о́фци, о́фчар, кфа́чка, тфоj, сфет, сфадба.

---

[1]) f вып. ѫ независимо отъ слѣдующаго согласнаго знаютъ и говоры восточнаго болгарскаго нарѣчія. См. у Милетича: D. Ostb. 81, 89; D. Rhodopm. 34, 103, 105, 133, 165. 178. Такъ же въ говорахъ болгарскихъ колоній въ Россіи: f, fъf,. fl—Державинъ. Болг. кол. II.

[2]) Также въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: faf [fъf], f: faf greaot, f ogain (Denkschr. VII. Смб. XIII).

[3]) Параллельное явленіе отмѣчено и для восточно-болгар. нарѣчія. Такъ въ родопскомъ селѣ Батакъ: ṇdgo. Miletič. D. Rhodopm. 46.

[4]) Такъ было и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: bogaszto (Сбм. XIII, 239).

Сюда не относятся тѣ случаи, гдѣ ĭ находится передъ звонкимъ звукомъ (согласнымъ и гласнымъ), гдѣ причина появленія глухого звука вызывалась не сосѣднимъ глухимъ звукомъ, а самою физіологическою природою w данныхъ говоровъ, въ которыхъ этотъ звукъ сталъ произноситься въ началѣ слова при пассивномъ (ненатянутомъ) положеніи голосовыхъ связокъ.

Что касается судьбы *ц̆ между гласными, то въ бо̀льшей части македонскихъ говоровъ ц̆ или ц̑ утрачивалось. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эта утрата еще не закончена и до настоящаго времени: на-ряду съ сочетаніями съ утраченнымъ ц̆ употребляются и сочетанія съ ц̆—ц̑ между тѣми же гласными. Такъ, въ говорахъ Д. Полога: сѝноўи, по́поўа к'е́рка, чўўаі, сва́тоі̯те, ју̀накоа, цареа, де́оі̯ка, но и-девоі̯ка и др. (Отчетъ 15). Утрата ц̆ происходила между гласными: а-і, [а-е], о-і, о-о, о-а, а-а, и-а, а-о, і-о, е-а, о-е, е-о, е-і, е-е. Укажемъ примѣры лишь для двухъ областей: Прилѣпа и Кичева.

Прилѣпъ: праам, праиш, праен, крастаиот, зимо̀і̯шче, ўлоиф, по̀поі̯, негоі̯о манастир, негоо, негоа, коам, глаа, кажуаат, чўал, здрао-жио (Сбм. XX, 11; въ XI, 142: здраоживо) би̑і̯олче, цареа, по̀ек'е, грошеи, дождеи(-і̯). (Сбм. XI, XVI—XVII зап.; XX, 11 опис.).

Въ б ъ р с я ц к о м ъ крушовскомъ говорѣ, того же типа, что и прилѣпскій, и въ первой половинѣ XVII в. отсутствовало ц̆ между гласными: чоекъ, забаите, остаите—въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 292, 293). Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в., съ чертами прилѣпскихъ говоровъ, также имѣются примѣры утраты ц̆ между гласными, хотя и непослѣдовательно проведенной.—волоите (19об., 21об. и др.), неда цветоица (118), крив̆огащани (39), но и—Се[1] Кривогащани (4об.), село живово (36).

Въ кичевскомъ говорѣ также во всѣхъ указанныхъ примѣрахъ отсутствуетъ ц̆. Кромѣ того и -нееста (зап. въ Сбм. II, XIX; Сб. Иконо̀м.; „Новини“, III, № 40).

По утратѣ ц̆ между гласными въ отдѣльныхъ (рѣдкихъ) случаяхъ происходило стяженіе: два сосѣднихъ гласныхъ стали произноситься при одномъ выдыхательномъ напорѣ.

Струга: да̄ме (Сбм. IX, 137). Рѣсенъ: не́ста, (Сбм. VIII, 230). Порѣчье: пра̄м („Карац.“ III, № 5). Кукушъ, Воденъ: прам, клам (Сбм. XVIII, 444).

Утрата ц между гласными могла зависѣть отъ характера образованія послѣднихъ. Чаще происходила эта утрата между гласными а-і [1]). Она наблюдается и во многихъ такихъ говорахъ къ сѣверу отъ Македоніи и въ западной Болгаріи, гдѣ ц между другими гласными не подвергалось утратѣ. Таковы говоры областей скопско-черногорской, кумановской, Чип[о]ровцевъ, Кюстендила, Дупницы, Самокова, Г. Джумаи. Но и между гласными а—і утрата ц не была пережита всѣми македонскими говорами. Таковы, напр., говоры велесскіе, гдѣ находится: *прави*, какъ и *чо́векот*, *-ови* въ формѣ сущ. множ.

Съ другой стороны, между гласными передняго ряда е-е, е-і утрата ц не происходила и въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ было утрачено ц при другихъ условіяхъ. Напр.: Прилѣпъ: невеста; также между е-о: девоичин'а; Д. Пологъ: живи; Маріово: невеста; также въ Охридѣ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Сохраненіе ц-w (и далѣе v) между гласными могло зависѣть отъ положенія ц передъ удареннымъ гласнымъ. Ср. костурскія сочетанія: напра́ј, но—правѝла, направѝла, на половѝната (Книжици II, 49. Шапк. IX, 334) [2]).

Говоры, пережившіе утрату ц между гласными, занимаютъ западныя и центральныя области Македоніи. Лишь говоры М. Рѣки имѣютъ v между гласными: гла́ва, чо́век, напра́вилс, -ови въ формѣ сущ. множ. (Изв. на сем. II, 248, 260, 283). О существованіи здѣсь w-ц свидѣтельствуютъ такія передачи въ записяхъ С. Томиѣа: ли́ᴮадо, зе́лена ли́ᴮадо (Браство. IX-X, 475). Но въ сосѣднихъ дебърскихъ

---

[1]) Утрачивается ц между гласными, а также въ началѣ слова и послѣ согласнаго передъ гласнымъ *о* по говорамъ восточно-болгарскаго нарѣчія. Между а—і утрату ц знаютъ и такіе говоры, которые въ прочихъ положеніяхъ имѣютъ v. Miletič. Das Ostb. 68, 175, 200. Die Rhodopn. 87. Утрачивалось ц между а—і и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ: esztaite (Denkschr. VII, Sbm. XIII). Утрата ц между а-і и о-і пережита во многихъ областяхъ славянщины. Напр., въ лужицкихъ говорахъ (rukajca, łojš. Macke. Laut-und Formenlehre d. nsorb. Spr. 253), въ кашубско-словинской группѣ (bořdájca, jal[ł]ójca, Pavlójc, grochójzna. Lorentz. Slovinz. Gram. 100. Rudnicki въ Materyały i prace Kom. jęz. VI, 75—76, 78—79, 97), въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ (Materyały i prace, III, № 1-2, 35).

[2]) Ср. сохраненіе ц подъ удареніемъ и въ сѣв.-восточномъ болгарскомъ діалектѣ: guvèdata, но guedàr, tьrgòec (Miletič. Das Ostb. 277).

говорахъ Дримкола, Голо-Бърда, Джупы и Поля ц между гласными утрачено: чо́ек, го́едо, у́боо, со́ной, ца́рой (Изв. на сем. I, 273).

Въ восточной части Македоніи, въ области Вардара (отъ Велеса) и далѣе къ востоку отъ него, утрата ц между гласными наблюдается рѣдко.

Въ соотвѣтствіи мѣстоименіямъ др.-ц.-сл. вьсь, вьсѧкъ -вьсѧкъ македонскіе говоры представляютъ различныя новообразованія. Главнѣйшимъ измѣненіемъ въ судьбѣ сочетанія *цьś- была утрата начальнаго ц,—утрата, о которой свидѣтельствуютъ всѣ македонскіе говоры. Лишь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, по близости къ діалектическимъ областямъ, гдѣ общей чертой въ измѣненіи *цьś- является перестановка (sц-→sv-sť), находятся sv-sť. Такъ въ Скопско-черногорской области, какъ и въ Кумановской и Прешевской: съв, све, сви, свите, свак, свекој. Такъ и въ г. Кратовѣ: съв, сви, свакуде, но -сек'и (Псп. V, 116, 119, 120). Такъ и въ говорахъ юго-восточной Сербіи (Broch. Dial. 141, 253, 303; Белић. Дијал. 426) и въ западной, преимущественно сѣверозападной Болгаріи: Царибродъ: сво́то, сви́те (Сбм. X, 155, 156); Чип[о]ровци (Сбм. XVI-XVII зап.), въ другихъ мѣстностяхъ сѣв.-зап. Болгаріи (Мариновъ. Ж. Ст. II, 66, 92).

Въ юго-западной Болгаріи также извѣстны результаты перестановки. Кюстендилское seť говоритъ объ этомъ (сеф, сѐва света гора. Сбм. X, 253). Но обычными сочетаніями здѣсь являются сочетанія съ утраченнымъ ц.

Въ македонскихъ говорахъ изрѣдка встрѣчается также sv- (sť-). Но это сравнительно рѣдкій варіантъ въ замѣнѣ *цьś-.

Костуръ: све друго, свички и—сичките, свите, свата, свеки (Книжици II, зап.). Леринъ: свѐкакви (Сбм. V, 143; VIII, 162). Дебъръ: све, свите (Oblak. Mac. St. 97). Охридъ: сфета и—сета (Шапк. VIII); св(ф?)и и—си́те (Изв. на сем. III, 252), Кичево: сфешчо (Шапк. VIII, 224; въ прочихъ записяхъ съ утратой ц). Порѣчье: сви, све („Карац." III, № 5). Г. и Д. Пологи (Отчетъ 20-21; „Новини" 1891, № 27-28). Скопье (Минало I 1, 70, 71).

Обычными замѣнами *цьś- являются сочетанія съ утраченнымъ ц. Въ македонскихъ говорахъ утрачивалось ц и въ другихъ случаяхъ, оказавшись передъ s (по утратѣ редуцированнаго): ср. poposki, ivanoski и т. п. образованія. Формы,

соотвѣтствующія *ѫьś, *ѫьśа, *ѫьśе, имѣютъ слѣдующія образованія.

съ̀т, съ̀та, съ̀то (или се), сите: Костуръ, Леринъ (мн. съ̀ти; съ- въ сочетаніи съ -нош: съ̀нош), Струга (для муж. ед. здѣсь—съ̀ов); Рѣсенъ, Воденъ, Кукушъ (мн. съ̀те), Штипъ (здѣсь и—съ̀чка, съ̀чкото).

Въ этихъ сочетаніяхъ *ъ*—„вторичное“ и раздѣляетъ судьбу гласнаго *ъ* позднѣйшаго происхожденія. Поэтому въ дебърскихъ говорахъ въ соотвѣтствіи леринскому *сънош* находится sonoć.

Другіе варіанты въ образованіи формъ этого мѣстоименія: си́[ị]от, сет—въ Штипѣ, се́та, се́то (и -се), сите: Битоля, Прилѣпъ, Маріово, Охридъ, Струга (мн. -сите и сиве), М. Рѣка, Крушово (сите и въ письмѣ 1637 г.), Кичево, Велесъ, Скопье, Пологъ (сите), Штипъ, Радовиштъ, Гевгели, Струмица, Кратово (къ югу отъ г. Кратова).—Въ словѣ на Усп. Богородицы, находящемся въ трескавечскомъ монастырѣ и написанномъ въ 1833 г. на языкѣ славянъ центральной Македоніи, находятся формы для множ. сы[си] и си́те (слово напечатано въ Сбм. XVI—XVII, 493—495).

Для женскаго рода *са* въ сочетаніи санош [-k']: Рѣсенъ, Охридъ (и-са̀лето, са̀зима, сагодина), Кичево, Велесъ; Воденъ: саа ноi̯к'; Кукушъ: саа ношт. Въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ второе *а* появилось по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ—таа, ваа...

Для Струги отмѣчено и—са́гора (Сбм. IV, 255).

са- во всѣхъ этихъ примѣрахъ представляетъ собою замѣну предшествовавшаго ѫsa-, замѣнявшаго праслав. ѫьśа. Такимъ образомъ, *а* является непосредственнымъ продолженіемъ исконнаго гласнаго того же вида, а не вторичной замѣной *ъ*. Если бы это *а* еще возможно было объяснить, какъ вторичную замѣну *ъ*, для Кичева и Велеса, то это объясненіе неприложимо къ *са* кукушско-воденскихъ говоровъ, не представляющихъ измѣненія *ъ* въ *а*.

сосем[*а*] или *сосе*—общее для всѣхъ македонскихъ говоровъ.

Въ соотвѣтствіи др.-ц.-слав. вьсѣкъ-вьсакъ, -а... македонскіе говоры представляютъ слѣдующія образованія: се́коi̯ -секи, се́коi̯а-сека, секо, секого, секакви, сички.

Въ одномъ лишь сочетаніи в с ѣ македонскіе говоры имѣютъ *ѫ-v: vezden; въ сѣверно-македонской области—vъzdъn (Кратово).

То же сочетаніе (vьzdъn) представляютъ и нѣкоторые говоры юго-восточной Сербіи. vъzdъn обычно употребляется и въ сѣв.-западной Болгаріи, а vezden въ юго-западной.

*ѫz-. Судьба префикса ѫz- была одинакова въ говорахъ Македоніи (за исключеніемъ Скопской Черной Горы), юго-западной и восточной Болгаріи: ѫz—>z-, при рѣдкомъ діалектическомъ ѫz—>vъz- съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ гласнаго ъ. ѫz—>z и въ Кратовской (Псп. V, 117; Минало I 1, 76), Скопской (Сбм. XI. Минало I 1, зап.; исключая Скоп. Черную Гору, гдѣ—uz: Насел. III. Етн. Зб. VII; зап.), Тетовской областяхъ (см. ниже о говорахъ Д. Полога). Впрочемъ, въ Кратовѣ въ первой половинѣ прошлаго вѣка было колебаніе между z- и uz-. Такъ, въ записи кратовца (помѣщена ниже, въ отд. о х. Іоакимѣ) находится:—ӣ го узелъ —Въ записи другого кратовца того же времени: какѡ зема Максимъ сапⷭнцїѧ ѿ Кратово. (Годишњица Николе Чупића. Књ. XXXII, 270).

Также въ Кумановской области uz- употребляется смѣшанно съ z-: зима, зему, земе, земев (сс. Стрезовце, Кокошиње, Байловце. Хц.-Васил. J. Ст. Срб. I, 346, 348, 349). Но въ тѣхъ же говорахъ и -узнеш, узимам, узѐле, узе, узеде (Хц.-Васил, ib.). М. б., uz- въ послѣднихъ примѣрахъ и не представляетъ собою фонетической замѣны *ѫz-, а и является здѣсь префиксомъ, употребленнымъ по аналогіи съ перфектными глаголами, имѣющими префиксъ u (y), какъ, напр., въ костурской области: узме момата ми е юзвéа (Книжици II, 58). Если такъ именно обстояло дѣло, то слѣдовательно и въ Кумановской области, какъ и южнѣе отъ нея, обычной замѣной *ѫz- служитъ z-. Другой вопросъ о происхожденіи этого z- въ кумановскомъ говорѣ: развилась ли эта замѣна фонетически вм. *ѫz-, или была воспринята отъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверо-западной Болгаріи вм. *ѫz- употребляется uz-, т. е. та же замѣна, какая свойственна сосѣднимъ говорамъ Сербіи.

Примѣры, употребленія z- вм. *ѫz-, которыми мы располагаемъ, ограничены формами для глагола *ѫzęti. z- появилось сначала въ формахъ, въ которыхъ за префиксомъ слѣдовалъ гласный полнаго образованія. Послѣ утраты „слабаго“ ъ, ѫz—>z, какъ и us—>s. Затѣмъ z- обобщается и

для прочихъ формъ. Впрочемъ, такихъ формъ, гдѣ бы находилось сочетаніе ꙗzьm- съ „слабымъ“ ь въ -ьш въ говорахъ не имѣется: по̀ всѣмъ формамъ проведенъ гласный е (изъ *е и *ę).

Рѣдкое діалектическое vez- вм. ꙗz- обязано было формамъ съ „сильнымъ“ ъ̀ > ь̀ въ ꙗz- > ꙗbz—(ꙗbz—отъ сочетаній, гдѣ ꙗz- > ꙗbz- передъ глас. полн. образ. передняго ряда). vez- извѣстны нѣкоторымъ солунскимъ говорамъ: везмеш, везми, везмьаіте; въ софійскомъ округѣ: везе, везса, везели (В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе. 210—213).

Во многихъ македонскихъ говорахъ употребляются кромѣ сочетаній zem- (zema[m], zemiš...), и zeva[m], zvel, zve... Такія сочетанія можно отмѣтить для говоровъ: Костура (зе́ва, звел, звеле, зве, зве́а: Arch XV, 43; Книжици II, 49, 56: Шапк. IX, 334); Струги (зеит: Миладин. 47; зе́йш, Шапк. IX, 485; я ке ж зеа=я ее возму: Миладин. 464); Лерина (зева, зевал: Сбм. VIII, 160, 161, 173), Солун. села Киречк'ой (zeva: Rad, knj. 145, стр. 155), Водена, Кукуша (зе́въм: Сбм. XVIII, 456); Меглена (зе́виш: Сбм. IV, 187).

Неполнота располагаемаго матеріала касательно судьбы префикса *ꙗz—удерживаетъ отъ опредѣленнаго объясненія сочетанія zev-. Ограничимся лишь двумя предположительными объясненіями, не высказываясь окончательно за то или другое.

1) Параллельно съ su- произошла въ отдѣльныхъ случаяхъ и перестановка ꙗz-: zuel, zuech... Затѣмъ появились формы и наст. вр. съ гласнымъ *е*, по аналогіи съ ber-, nes-: zeu-a[m]...

2) u-v въ формахъ zeu-a(m), zuel... не находятся въ связи съ u префикса ꙗz-: u въ послѣднемъ сочетаніи утрачивалось. Въ формахъ zeua(m), zuel... u находится въ связи съ u глагольнаго суффикса ua, съ которымъ стали произноситься формы наст. вр. глагола zema...: zemua... Ср. въ говорѣ Струги: презембит (Сбм. V). Ср. и контекстъ леринской записи: си *зевал* пу дваісетина пари на ден и на вечерта си *купвал* лепче (Сбм. VII, 173). m ассимилировалось съ u или w: zemua или zemwa стали звучать zeua, zewa-zeva. Позднѣе, когда въ качествѣ основной базы стало восприниматься zeu-zev, какъ ber-, nes-, появились сочетанія для формъ прич. прош. и аор. zvel, zvech..., подобно тому, какъ къ формамъ наст. вр. ber-a(m) имѣлись формы прич. и аор.-bral[ch]:

чередованіе ber- и br- могло вызвать пару zev- -zv-. Но не ясенъ въ такомъ случаѣ гласный *е* въ прич. и аор. zvel[ch]: по контаминаціи съ формами прежняго образованія zel, zech? Затруднительно принять это объясненіе и по другому обстоятельству. При встрѣчѣ m и u̯(w) перевѣсъ былъ на сторонѣ губного m: ср. *жи-ми*. Но возможно, что въ zemu̯-a перевѣсъ на сторонѣ u̯(w) оказался вслѣдствіе того, что направленіе ассимиляціи было одинаково съ направленіемъ ея въ *жи-ми*.

Изрѣдка вм. *u̯z- въ томъ или иномъ болгарскомъ говорѣ находится *воз-*, что̀ представляетъ, несомнѣнно, церкославянизмъ: такъ напр., въ тетовской зап.: воздишам (Сбм. XI, 52), въ Самоковѣ: вознéсе се на небесѝ (Сбм. X, 158), к'е се возгордéе (Сбм. IX, 168; ср. здѣсь и -ор-); повоздишал, въ соф. селѣ Локорско (Сбм. XI). Такъ же и въ говорахъ Сербіи, напр., въ области средняго Тимока отмѣчено—вóздух (Дијал. Зб. II, 371).

*u̯zъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи и Болгаріи употребляется въ качествѣ предлога замѣна *u̯zъ. Въ этомъ случаѣ судьба u̯zъ была не тожественна съ судьбою u̯z-префикса: въ предлогѣ u̯zъ утраты u̯ъ не происходило и не могло произойти, ибо не было вліянія сочетаній u̯ъ съ „слабымъ“ ъ. Въ македонскихъ и юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ этотъ предлогъ имѣетъ видъ voz; въ кукушскомъ говорѣ—uz; (тожественное измѣненіе происходило въ этомъ говорѣ и въ предлогѣ u̯ъu̯, замѣнившемся посредствомъ uf: см. выше): нъридила ус ки́тки (Сбм. XVIII, 433).

voz: воз(с) пла́нина (Малешовское с. Пехчово, „Новини“, II, № 48); вос та́ја го́ра (Г. Джумая. Сбм. XX, 32); воз небо, вос планина̀та (Дупница. Сбм. X, 179, 163), да погледнеш воз баджа́та (тамъ-же. Сбм. X, 188).

f.

Говору Дидаскаліи извѣстенъ согласный f. Онъ употребляется въ слѣдующихъ условіяхъ: 1) послѣ глухихъ согласныхъ вм. v и передъ с, č вм. того же согласнаго; 2) вм. chu̯; 3) вм. ch въ концѣ слова; 4) въ заимствованныхъ словахъ, соотвѣтствуя согласному f того языка, изъ котораго заимствовано слово.

Примѣры:

1) См. выше.

2) фáтиш 135, се фáштаат 122, фáштат 156, фъ́рл'ам 136, фъ́рл'ат 157, фъ́рлиш 153.

3) óреф 138, излегоф 132.

4) фтасам—φθάσαμ. Ῥωμ. φθάσω 137; фтáсаат 131.

фтéсает—φταίσαετ; Ῥωμ. ἁμαρτάνουν 173. Но ср. новогреч. φταίγω и φταίω.

фéлаат 120. Ῥωμ. χρησιμεύουν. Но въ аромун. ĭ въ словѣ того же корня, какъ и въ болгар.: φελισέσκου; въ алб.—v: βγιέννα=vjén'ε. Нгр. ὠφελῶ.

фу́рната (вин.), Ῥωμ. τὸν φοῦρνον; Ἀλβ. φούρανα 153. Въ Βλάχ. иное слово: τζιράπλου—čiraplu. Въ „карамалицкой“ параллели солунскаго изд. ϕϱϱϧϧ 14об. Н.-греч. φοῦρνος←лат. furnus (St. Romansky. Lehnwörter latein. Ursprungs im Bulg. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ XV, 104).

[от] фара, Ῥωμ. [ἀπὸ] γενεάν, Βλάχ. τέ[de] φάρα, Ἀλβ. πὲ φάρα. Въ н.-греч. извѣстно также φάρα. „Германское слово, пришедшее на Балканскій полуостровъ при помощи романскихъ языковъ“ (G. Meyer. Neugriechische Studien. IV. „Sitzungsber.“ Bd. 132. Стр. 94).

фортóмата, Ῥωμ. τὸ σκηνί 174. фóртоми, Ῥωμ. σκηνιὰ 157. Но въ н.-греч. и τό φόρτωμα.

фу́рката (вин.), Ῥωμ. τὴν ῥόκαν, Βλάχ. φούρκα, Ἀλβ. φούρκα. Лат. furca (Romansky. Op. cit. 107).

[от] дáфина, Ῥωμ. [ἀπὸ] δάφνην, Βλάχ. τέ[de] τ[d]αφῆνα. Ἀλβ. πέ τ[d]αφῆνε 151. Вульг.-лат. dáphine вм. daphne (Meyer. Wörtb. d. alb. Spr. 58).

[от] триандáфилот, Ῥωμ. [τοῦ] τριανταφύλλου, Βλάχ. [ἀ] τρανταφύλλουη, Ἀλβ. [ἡ] τρανταφύλασα 148. Н.-гр. τό τριαντάφυλλον, τό τραντάφυλλον.

нáфора (въ солунскомъ изданіи—нáфϧра), Ῥωμ. ἀντίδωρον, Βλάχ. νάφουρα, Ἀλβ. . ναφόρ 142. Ср.-греч. ἀναφορά (sacra oblatio, hostia).

рофéа[1]); сходно въ Ἀλβ. ρουφέα. Ῥωμ. τό ἀστροπελεκι, Βλάχ. κ[g]αρίσλου τε[de] ντζ[c]έρου 165. Греч. ῥομφαία (М. Фас-

[1]) Это слово въ такомъ звуковомъ видѣ не отмѣчено въ современныхъ болгарскихъ говорахъ. Въ велесскомъ говорѣ отмѣчено „рóфхьа“, употребляющееся въ проклятіи: „да те земе рóфхьата“ (Сбм. XX, 62). Въ малорѣканскомъ говорѣ указано „рòіа“, но въ значеніи „гърмъ“: „Рòіа те у́дрила да да́іет Госпот“ (Изв. на сем. II, 301). Но въ мало-рѣканскихъ записяхъ

меръ. Греко-слав. этюды II. „Изв. Отд. р. яз." XII, кн. 3, стр. 272).

зиафе́тите; сходно съ Βλάχ. ζιαφέτζη. Ῥωμ. τὰ συμπόσια. Ἀλβ. κ[g]ωστίρατ 135. Тур.-араб. zyjafet.

ка́фесот—καφεσωτ. Βλάχ. καφάσσα. Ἀλβ. καφάσσ, Ῥωμ. τὸ κλουβί 123. Имѣется и въ н.-греч. καφάσι, -ιον. Тур. kafes (kafas).

ch.

Во многихъ говорахъ Македоніи ch измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ u и раздѣляло судьбу послѣдняго. Βουλγάρικα Дидаскаліи, какъ и прочіе македонскіе говоры, имѣетъ сочетанія съ утраченнымъ ch. Утрачено ch въ началѣ слова (передъ гласнымъ и передъ l, r), между гласными, послѣ гласнаго передъ согласнымъ и въ концѣ слова. Такъ же, какъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ, вм. ch. является f. Въ Дидаскаліи f замѣняетъ собою только конечный ch.

1) арно 175, со а́рно 160, у́бао, у́баво 123, 120, 165; леп 128, 171, не ранит 125, се ра́нит 126, ра́нен'е 130.

2) чели—τζέλη 174, вм. че[х]ли; глу́ците—γλούτζητε 168.

Въ другихъ говорахъ вм. ch находится f, развившееся при двухъ благопріятныхъ условіяхъ: при предшествующемъ гласномъ *у* и слѣдующемъ согласномъ—глуфци, глуфче. Такъ въ Лернѣ (Шапк. IX, 315, 333) и въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ.

Утрачено ch въ бъл[х]и; при этомъ, ch подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго і замѣнилось палатальной артикуляціей: ch'—j, и ассимилировалось съ предшествующимъ l, сообщивъ ему мягкость: μπαλλι-bъl'i 157.

3) сна́ата 160, са́ати 171, тѣ́ргаа 157, бе́а 161, му́ата 126, пазу́ата 173, су́и—множ. 153.

4) се ка́чи—аор. 1 ед., 161.

f: бре́ф 138, и́злегоф 132.

Гораздо чаще въ Дидаскаліи встрѣчаются написанія съ χ. Такъ, образованія съ ход—постоянно передаются съ

II. Дьяковскаго встрѣчается „рофя", въ знач. „молнія".—и [мълняците] носит за да и неударат рофя през лето-то (Жив. Старина, 1899, I, 126). Близко къ мало-рѣканскому (по зап. Дьяковскаго) сочетанію охридское: „рофја".—Св. Илья кье го по́томит [со́рит] ве́кот (сфе́тот) со ро́фјите си—(Сбор. Шапкарева VIII, 188). Въ видѣ рофја, рофја, ровја" оно извѣстно и другимъ говорамъ (Дювернуа. Словарь. 2064. Геровъ. Рѣчникъ. Ч. V, 81).

начальнымъ χ: хо́даат... и др. 122, 165, 174. Послѣ гласнаго: стра́хот 142, ме́хот 167, стре́хата 143, гре́хоiте 142, грехо́и[i?]те 182, ни́хна 160, ни́хтите 172 (2 р.); гра́х 133; форма аор. 1 ед., за исключеніемъ двухъ вышеуказанныхъ случаевъ.—наiдох 136, кла́дох 138, зе́дох 139 и др.; въ числѣ послѣднихъ примѣровъ и—сле́гох 161; ср. на 132—и́злегоф.

Обычно χ употребляется въ словахъ заимствованныхъ. харен и другія образованія съ хар-; всего 11 случаевъ. Но 3 раза и безъ χ: см. выше. Греч. ἡ χάρις и другія образованія

хи́л'аде — хи́л'аде, Ῥωμ. χιλιάδες.

хо́рои[i]те (вин.), Ῥωμ. τοὺς χορούς, Βλάχ. κόρουρη 135. (Ἀλβ. βάλετ). хо́рот[о] 176: да играш хо́рот. Ῥωμ. νὰ χορεύῃς. Βλάχ σετζότζη γκόρρου—se džóci nkoru. Греч. χορός.

ха́ванот, Βλάχ. χαβάννε, Ἀλβ. χαβάν 170. (Ῥωμ. τὸ γουδί). Тур. havan.—h=ح.

харами́ите (2 р. 145. Въ одномъ случаѣ и въ Βλάχ. χαραμίσλι, и въ Ἀλβ. χαραμίτα. Тур. harami.

хе́ндек, Ἀλβ. χεντέκ 157. Ср. 139: два хѣндека, Ἀλβ. τιού χεντεκ. Тур. χendek, χandak. χ=ح.

ху́змик'ар, Ἀλβ. χουζμικιάρ, Βλάχ. ἰουσμικιάρου 143. Тур. χizmetk'ar.

хе́кимот, Ἀλβ. χεκίμνα 139. Тур. hâk'im.

хали́штата 126, ха́лиштата 151. Тур. χali.

и́хтиза, Βλάχ. ἰχτιζάϊα, Ἀλβ. ἰχτιζᾶ 118. Тур. احتياج ihtijadž, iqtizâ (Ср. и слав. македонское cht←kt).

ме́хлем 147; въ аромун. и алб. параллеляхъ съ γ вм. χ: Βλάχ. μεγλέμε, Ἀλβ. μεγλέμ. Тур. mélhém и méhlém (Miklosich. Die türk. Elemente. Denkschr. XXXV, 126). Въ солунской книжкѣ „карамалицкая" параллель имѣетъ μεχλέμ (13).

ба́хча 137, ба́хчета 139. Тур. bagča. Въ турецкихъ діалектахъ Малой Азіи, откуда направлялись колонизаціонныя волны въ Македонію, въ этомъ словѣ произносится χ: baχča [1]).

Въ одномъ случаѣ вм. χ находится γ, въ передачѣ ح турецкаго زحمت-zahmet. Съ γ передано это слово и въ албанской параллели. Βουλγ. ζαγμέτ, Ἀλβ. ζαγμέτ 129.

Отсутствуетъ χ въ передачѣ заимствованнаго тур. слова zaχire. Безъ χ и въ аромун. и алб. параллеляхъ. Но въ греч. съ χ. Ῥωμ. ζαχεραῖν, Βλάχ. ζαερέε, Βουλγ. ζάερε, Ἀλβ. ζαῆρε 127.

[1]) В. Максимовъ. Опытъ изслѣдованія тюрк. діалектовъ въ Худавендгярѣ и Караманіи. СПб. 1867, 38.

Отсутствуетъ χ и въ передачѣ турецко-араб. слова سعات -sâ'at. Безъ χ и въ аромун. параллели; съ χ—въ албанской. Βουλγ. σάατι. Βλάχ. σαέτζη, Ἀλβ. σαχατ 171.

Въ одномъ случаѣ употреблено χ вм. φ: πώσταχοτ 166, въ значеніи к о р ы т а у колодца, у чешмы.—да пе́рит на по́стахот на бу́нарот, на че́шма. Въ томъ же значеніи это слово (съ *в-ф*) употребляется и въ другихъ говорахъ (Геровъ. Рѣчникъ. Ч. IV, 224. Cankof. Gram. 193). Въ албанской параллели находится то же слово съ согласнымъ φ: ποστάφ. Несомнѣнно, и въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи находился тотъ же согласный: п о́ с т а ф, а затѣмъ по аналогіи и въ членной формѣ: п о́ с т а ф о т, какъ к ъ р ф-к ъ р ф о т (см. выше). χ появилось или по недосмотру наборщика, взявшаго изъ кассы вм. φ сосѣднюю букву—χ, или вслѣдствіе стремленія составителя болгарской параллели писать въ концѣ χ вм. φ. Въ послѣднемъ случаѣ опредѣлялось бы значеніе написаній съ конечнымъ χ.

Во многихъ южно-славянскихъ діалектахъ образованіе ch не представляло такой узкой тѣснины, которая вызывала бы значительное треніе воздуха при прохожденіи послѣдняго въ полость рта. ch имѣло въ этихъ говорахъ широкое образованіе, и струя воздуха довольно свободно проходила между мягкимъ небомъ и приподнятой задней частью языка; треніе было незначительно, вслѣдствіе чего и шумъ получался слабый. Въ теченіе времени это небольшое съуженіе вовсе могло утратиться. Но раньше этой утраты артикуляція для такого ch отодвигалась дальше взадъ; съуженіе происходило ближе къ гортани или даже въ области ея. Развивался придыхательный элементъ ʿ. Измѣненіе въ артикуляціи проходило и въ такомъ направленіи, что она осложнялась активнымъ участіемъ губъ, ихъ округленіемъ и съуженіемъ этого округленія. Вмѣсто c͡h (съ очень слабой фрикаціей) или ʿ развивался u͡f—билабіальный съ слабо звучащей струей воздуха. Вѣроятно, близкій къ такому билабіальному звуку я наблюдалъ въ говорахъ Д. Полога: fali, izlegoi и izlegoц, -w͡f. Еще же ближе къ переходному u͡f тотъ звукъ, который слышится здѣсь въ заимствованномъ словѣ ka u͡fe (Отчетъ 25).

Измѣненіе c͡h находилось въ сильной зависимости отъ окружающихъ звуковъ, какъ отъ предшествующихъ, такъ и отъ слѣдующихъ. Изъ дальнѣйшаго обозрѣнія замѣнъ c͡h

ясно будетъ видна эта зависимость. Отмѣтимъ лишь 2 примѣра. 1) На зависимость отъ предшествующаго гласнаго особенно ясно указываютъ нѣкоторые говоры сѣв.-восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи: тамъ вм. ch развился гласный неполнаго образованія, по качеству подобный предшествующему: du^{u}nál, rekó^{o}me, sédna^{a}me, pomoli^{i}me...

2) Другая замѣна въ видѣ u̯f или u̯ развивается въ зависимости отъ сосѣдняго гласнаго, гл., обр., лабіализованнаго, и отъ слѣдующаго согласнаго: mu̯a, niu̯noto.

u̯f или замѣнявшее его u̯ могли утрачиваться при общихъ условіяхъ утраты билабіальнаго f (глухого, соотвѣтствовавшаго билабіальному w) и u̯ или замѣняться посредствомъ f въ концѣ слова и въ срединѣ передъ согласнымъ, преимущественно глухимъ. Передъ звонкимъ согласнымъ и между гласными такое u̯f замѣнилось съ теченіемъ времени посредствомъ u̯-v; но передъ сонорными n, m извѣстенъ и f. Онъ появлялся въ однихъ случаяхъ по аналогіи съ родственными образованіями, гдѣ f вызванъ былъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ: въ формѣ аор. 1 мн.—fme по аналогіи съ—fte 2 мн. Въ другихъ случаяхъ развитіе f находилось въ связи съ физіологической природой u̯ и тѣмъ болѣе u̯f даннаго говора, произносившихся при ненатянутомъ положеніи голосовыхъ связокъ: ср. выше о f вм. u̯.

Таковъ общій характеръ измѣненій, пережитыхъ македонскими говорами въ области *ch. Но отмѣтить діалектическіе районы, въ которыхъ отражается то или иное изъ указанныхъ измѣненій, невозможно: одна и та же діалектическая группа представляетъ нѣсколько стадій и видовъ измѣненія ch, иногда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

ch еще держится въ говорахъ юго-восточной Македоніи: въ Кукушской, отчасти Воденской (Сбм. XVIII, 452, 455) и Солунской (Oblak. Mac. St. 77; Rad, knj. 145, 136 и зап.) областяхъ употребляется ch между гласными, передъ согласнымъ въ срединѣ слова, въ концѣ слова; въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ кромѣ того и въ началѣ слова передъ гласнымъ; въ начальномъ же слогѣ передъ согласнымъ и въ этихъ говорахъ ch утрачено: rapa, ler. Лишь спорадически передъ согласнымъ въ начальномъ слогѣ (передъ l) произносится ch. Согласный ch—съ очень слабой фрикаціей, въ особенности между гласными и въ концѣ слова.

Въ указанныхъ положеніяхъ сохраняется такого же образованія ch и въ ближайшихъ говорахъ юго-западной Болгаріи (въ Г. Джумаѣ: Сбм. XX, 10; въ Кюстендилѣ: Сбм. X, 360; Сб. Любенова: ср. его замѣчаніе: „тукъ [бех] х-то се чуе много слабо“. 66).

Въ тѣхъ же областяхъ юго-восточной Македоніи, гл. обр., въ Воденской и Солунской, извѣстны сочетанія и съ утраченнымъ ch не только въ начальномъ слогѣ, но и въ срединѣ слова (между гласными).

Что касается гортаннаго элемента ʿ вм. ch, то онъ отмѣченъ въ говорахъ сѣверной и восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи. Д. Пологъ: ʿатот, соʿатот, ʿарно му је тамо; гроʿтум (Отчетъ 17). Скопье: остáвиʿме, не мòжеʿме (Минало I 1, 66). Кратово: „Звукътъ *х* постоянно е като придихание, на пр. ʾубав, снаʾа, рекоʾ“ (Псп. V, 122). Штипъ: между гласными (Сбм. XI, 589. Шандаровъ). Кюстендилъ: Сбм. X, 360 (Й. Ивановъ). Г. Джумая: Сбм. XX, 10 (Хр. Стоиловъ). И въ другихъ мѣстностяхъ западной Болгаріи встрѣчается ʿ вм. ch. Такъ, въ записяхъ изъ Чипор[о]вцевъ, находящихся въ „Памятникахъ болгар. народ. творчества“ Качановскаго, нерѣдко находится ʿ, значеніе котораго сомнѣнія не возбуждаетъ: ʿала, ʿалу (339). Такъ и въ видинскомъ Н. Селѣ: отидòʾ (Сбм. XVIII, 483). Еще въ 40-хъ г.г. прошлаго вѣка употребленіе ch (слабаго) или ʿ (h-γ) было извѣстно не только въ западной Болгаріи и сѣверной Македоніи, но и въ юго-западной области Македоніи. Такъ, по отношенію къ говору Струги объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ записи В. И. Григоровича. На листкѣ, находящемся въ папкѣ № 1858 Румянц. Музея, записаны 2 пѣсни „слышанныя въ Стругѣ 14 мая“ [1845 г.—добавлено въ копіи, сдѣланной Григоровичемъ для Шафарика и хранящейся въ Чешскомъ Музеѣ [1])]. Въ этихъ записяхъ имѣются такія передачи: губаво,—въ праж. списке—huḃavo, oḣrìdo града. Въ тѣхъ же записяхъ встрѣчаются примѣры и утраты ch и его замѣны посредствомъ v: ýбавина та, лѣбъ, пáзуа; суво. На существованіе въ македонскихъ говорахъ ḣ или ʿ вм. ch указываетъ замѣчаніе Григоровича, сдѣланное имъ въ лекціяхъ по „Обозрѣнію Слав. Нарѣчій“ (Румянц. Музей, № 1855): „х произносится глуше, чѣмъ въ ц. слов. языкѣ и даже

[1]) Пользуюсь спискомъ этой копіи, принадлежащимъ проф. Н. М. Петровскому.

переходитъ въ *г*: орѣхъ-орѣг“ (20). Тамъ же указаны и замѣны ch посредствомъ *ф (в)*. Эти замѣны, а также безслѣдная утрата ch отмѣчены имъ и въ „Донесеніяхъ“ (Казань. 1915, стр. 207).

Въ прилѣпскомъ говорѣ ʿ или h держалось и позднѣе, въ 80-хъ и 90-хъ г.г., какъ увѣряетъ К. Шапкаревъ. „То [х] се чуе, нъ не ясно, а твърдѣ глухо и тъмно“ (Псп. XLVIII (1895), 993). Д. Мирчевъ, въ описаніи прилѣпскаго говора (Сбм. XX, 1904), уже отрицаетъ существованіе ʿ—h въ этомъ говорѣ (стр. 12).

Чаще всего однообразіе въ судьбѣ ch въ македонскихъ говорахъ наблюдается въ положеніи его 1) въ началѣ слова, 2) въ концѣ слова. Въ первомъ случаѣ, когда за ch слѣдовалъ согласный, ch утраченъ всѣми македонскими говорами, за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ (chlep). Также почти во всѣхъ говорахъ утрачивался ch и передъ гласнымъ въ начальномъ слогѣ. Но въ этомъ положеніи на юго-востокѣ встрѣчается ch чаще, чѣмъ передъ согласнымъ въ начальномъ слогѣ. 2) Въ концѣ слова ch сохраняется въ нѣкоторыхъ говорахъ юго-восточной Македоніи: orech, strach, форма аор.-имперф. 1 ед.: Солун. Формы аор.-имперф. 1 ед. оканчиваются на ch и въ говорахъ воденскихъ и кукушскихъ. Слабое ch произносится въ концѣ слова и въ Г.-Джумайской области.

Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ конечное ch утрачено безъ слѣда: Костуръ: стра, вър (Книжици II, 51). Леринъ: сирóма, јас виду-аор., направи, побéгна (Сбм. VIII, 160, 161). Д. Пологъ: гра, стра (Отчетъ 17). Скопье: сúрома (Сбм. XI, 111). Велесъ: стра (Сбм. II, 214). Кратово: пратúм, дојдò (Минало I 1, Сбм. IV).

Въ большинствѣ же македонскихъ говоровъ вм. конечнаго ch развился f.

f (v) вм. конечнаго ch находится въ говорахъ битольскихъ, прилѣпскихъ, маріовскихъ, рѣсенскихъ, охридскихъ, стружскихъ, дебърскихъ, кичевскихъ, порѣчскихъ, крушовскихъ, г.-положскихъ, радовиштскихъ. Непослѣдовательно f употребляется въ говорахъ д.-положскихъ, скопскихъ и скопско-черногорскихъ, велесскихъ.

Битоля: úзлагаф, сáкаф (Сбм. XV, 90), сúромаф, стрáф (Шапк. IX, 297, 309). затворив закл'учив, кога влегов, најдов арамија („Карац.“ II, № 5). Прилѣпъ: стрáф, буф-филинъ (Сбм. XI, 98, 139), òреф (Сбм. XX, 12), отидоф, беф, носиф...

Маріово: сиромав; зедов, пресудив; во нив (Сбм. XVI—XVII, 286, 288, 289). Рѣсенъ: страф, аор. 1 ед. на -в, ф (Сбм. VIII, 230, 231; Псп. XLI—XLII, 868...). Аналогичны примѣры и для прочихъ говоровъ.

Замѣна ch въ срединѣ слова не представляетъ такого сравнительно единообразія, какое отмѣчено для конечнаго ch. Въ этихъ случаяхъ надо различать положеніе ch а) между гласными и b) послѣ гласнаго передъ согласнымъ, ибо измѣненія ch въ нѣкоторыхъ говорахъ были различны въ томъ и другомъ положеніяхъ.

Между гласными слабо-фрикативное ch, а во многихъ говорахъ несомнѣнно билабіальное ᵘf или u̯, развившіеся вм. такого ch, были утрачены: mui, orei, siromao[t], mua, uo, vikaa, doi̯doa... Такъ вообще по всѣмъ говорамъ Македоніи. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на-ряду съ сочетаніями безъ замѣны ch употребляются и сочетанія съ v между гласными. v находится послѣ гласныхъ задняго ряда: *а*, *о* и чаще всего послѣ *и*; рѣдко между *е* и гласнымъ задняго ряда.

Костуръ: пазу́вата (Книжици II, 50), кожу́ви (Сбм. VIII, 255). ру́вото („Новини“, 1890, № 5), мавае (Книжици, I, 32). Прилѣпъ: мува и—муа, уво, пазува и пазуа, гревот... (Сбм. XX, 12). Маріово: доi̯дова (Сбм. V, 27), Рѣсенъ: у́вото (Сбм. VI, 139), му́ва, му́i̯те (Сбм, VIII, 231). Крушово: руо, па́зува (Сбм. XV, 163, 169). Велесъ: гре́вота и гре́ота (Сбм. XIII, 164), у́вото (Сбм. VII, 128), пе́рдувот (Сбм. XII, 133), се на́вога (Сбм. II, 213), су́во (Сбм. V, 171), но—му́а (Сбм. VII, 126).

Послѣдовательно v между гласными употребляется въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 244; Oblak. Mac. St. 77; Жив. Стар. 1899, I, II, зап. Дьяковскаго). Тамъ не только—„кожуви“, но и „ореви“, хотя не исключено и ореi̯и. Въ нѣкоторыхъ другихъ дебърскихъ говорахъ также присутствуетъ v вм. ch между гласными, напр. въ говорѣ с. Кленье (Oblak. Mac. St. 78). Но въ одной категоріи сочетаній замѣна ch отсутствуетъ во всѣхъ дебърскихъ говорахъ: въ формѣ имперф. и аор. 3 мн.: плѐте[i̯]а, зѐ[i̯]е[i̯]е, и́гра[i̯]е, плѐто[i̯]е.

Вѣроятно, не во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ присутствіе v зависѣло отъ фонетическаго измѣненія ch. Полагаемъ, что въ такихъ сочетаніяхъ, какъ orevi v появилось подъ вліяніемъ формы ед: orevo[t]; при orevo[t] стало произноситься также orei вм. ore[i̯].

2) Въ положеніи ch передъ согласнымъ наиболѣе распространеннымъ въ македонскихъ говорахъ явленіемъ было развитіе f—v. f по говорамъ находится не только передъ глухимъ согласнымъ, но и звонкимъ. О причинахъ появленія f говорилось выше. v—f передъ согласнымъ извѣстно говорамъ областей Битольской, Прилѣпской, Маріовской, Рѣсенской, Охридской, Стружской, Дебърской, Кичевской, Порѣчской, Крушовской, Положской, Скопской, Велесской,— т. е. говорамъ, занимающимъ всѣ центральныя, западныя, сѣв.-западныя и юго-западныя области Македоніи.—мавни, сиромафче, бафча, завмет, плетовме или -фме, плетофме, носивме или -фме, носифте...

На югѣ, въ Костурскомъ и Леринскомъ краяхъ, ch утрачено безъ слѣда и передъ согласными, какъ и въ концѣ слова. Костуръ: ма́нал, имаме, имате—аор. (Книжици II; Шапк. IX; зап.). Леринъ: манити го оттука! доíдоме, видо́те (Сбм. VIII, зап. Шапк. IX, 324). Да въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ Македоніи встрѣчаются случаи безслѣдной утраты ch передъ согласнымъ: въ Воденѣ, Кукушѣ (Сбм. XVIII, 370), Дойранѣ (Шапк. IX, 370), Радовиштѣ („Караџ". III, № 5): мане, вi̯а̀не; въ Піянцѣ: яна́л го е [коня] (Псп. XII, 120).

По говорамъ произносятся на-ряду съ v—f и билабіальные звуки съ бо̀льшей или меньшей звонкостью. Такое явленіе отмѣчено мною въ говорахъ Д. Полога: jàdowmo i piwmo... Тѣ же говоры представляютъ и иную замѣну ch передъ соглас. звонкимъ: фрикативный задненебный γ: dojdoγme, но рядомъ и turivme.

Наконецъ, передъ согласнымъ вм. ch является гласный неполнаго образованія, по качеству подобный предшествующему гласному. Такъ въ велесскомъ и штипскомъ говорахъ: гле́да^{а}ме, се́де^{е}ме, ду^{у}нал сум, рекб^{о}ме, помоли^{i}ме (Сбм. XI, 589—590; X, 138); зѐдо^{о}ме, сѐдна^{а}ме (Сбм. V, 172).

То же явленіе развитія неполнаго образованія гласнаго свойственно и говорамъ западной Болгаріи: кюстендилскому, самоковскому, дупническому (зап.). Съ другой стороны на сѣверо-западѣ, въ Видинѣ: пра^{а}тѫ, му^{у}на́л, ду́^{у} божи и въ концѣ: кожу́^{у}, мъ^{ъ}, тѐжък дъ^{ъ} (Сбм. XIX, 9).

Между гласными и послѣ гласнаго передъ согласнымъ вм. ch въ отдѣльныхъ случаяхъ по говорамъ употребляется i̯ (j). Слѣдуетъ разграничить двѣ категоріи употребленія i̯

вм. ch. 1) i̯ (j) фонетически могъ развиться вм. ch, находившагося послѣ гласнаго передняго ряда или передъ гласнымъ того же ряда. Въ такомъ положеніи ch→ch'→i̯. Стадія ch' до сихъ поръ еще сохраняется въ говорѣ деревни Дере-к'ой (въ округѣ Казыл-Агачъ; жители этой деревни, по наблюденію Б. Цонева,—потомки переселенцевъ съ запада, изъ восточныхъ областей Македоніи. См. его статью: „Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien." Zbornik u slavu V. Jagića). Здѣсь говорятъ: urëch', kúpich'. Въ серединѣ же слова—i̯(j): strèja, kupijme, bъjla. Сходное явленіе представляетъ говоръ с. Чешнегиръ Нова-Махала въ Станимачской околіи.—чу́их', чу́их'ти, плитäх',—х'ти... Въ серединѣ же сочетанія, передъ звонкимъ согласнымъ (съ гласнымъ передняго ряда) вм. х' является i̯: одиi̯ми, видиi̯ми, тäi̯ни... (Изв. на сем. II, 428—429) [1]).

Отъ сочетаній съ гласнымъ передняго ряда ch'-i̯ могло переноситься и въ сочетанія съ другими гласными въ родственныхъ формахъ. По аналогіи съ образованіями molii̯me, molija, nesei̯me, nesei̯a могло появиться vikai̯me, vikai̯a [2]).

2) i̯ появляется послѣ окончательной утраты ch между гласными: а) послѣ i, какъ переходный элементъ къ слѣдующему гласному, b) между другими гласными: саат и сai̯ат; ср. колебаніе въ употребленіи сочетаній съ прежнимъ i̯: таi̯а и таа, одаi̯а и одаа и т. под. Развитіе вторичнаго i̯ между гласными задняго ряда или передъ гласнымъ того же ряда довольно значительно въ македонскихъ говорахъ. Напр.: се зе́мат i̯о́бата (Леринъ): да i̯о́дат, да i̯убиi̯е, ниi̯а i̯оба (Кайляръ, Костуръ), i̯от, i̯угреа... (Крушово).

Случаи употребленія i̯ между гласными въ корнѣ слова рѣдки: стреi̯а, меi̯ана, сai̯ат. Чаще послѣ гласнаго i передъ согласнымъ: ниi̯на, ниi̯нио(т), киi̯нал. Гораздо чаще, а въ нѣкоторыхъ областяхъ послѣдовательно употребляется i̯ между гласными въ окончаніи формъ имперф., аор. 3 мн. Въ этомъ положеніи i̯ извѣстно и на югѣ Македоніи, и въ центрѣ, и на сѣверѣ.—молиi̯а, несеi̯а, одеi̯а, седнаi̯а, к'ини·

---

[1]) Переходъ ch въ ch' подъ вліяніемъ предшествующаго i наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ слав. языкахъ. ch' при такомъ условіи отмѣчено О. Брокомъ въ польской краковской рѣчи, въ сербской мостарской (Очеркъ физіологіи 160).

[2]) На Косовѣ отмѣчено: у зелену бajчу (Срп. Етн Зб. VII, 208). Появленіе адѣсь ch→j(i̯) вызвано было переходной артикуляціей отъ *а* къ č.

саi̯а, доiдоi̯а. Рѣже i̯ находится и въ формахъ 1, 2 мн.: беiме, наiадоiме (Велесъ. Сбм. V, 148).

i̯ въ окончаніи формъ имперф., аор. 3 мн. извѣстно и говорамъ западной Болгаріи, южной и сѣверной: зимаi̯а, казуваi̯а, ла́жеi̯а, викаi̯а, молиi̯а,—на югѣ; беiу—на сѣверо-западѣ Болгаріи (Мариновъ. Ж. Стар. II, 67.). Съ другой стороны, „беiу“ и т. под. слышатся къ сѣв.-западу отъ Македоніи, на Косовѣ (Срп. Етн. Зб. VII, 195). Но какъ въ македонскихъ говорахъ, такъ и въ западно-болгарскихъ, формы имп., аор. 3 мн. употребляются и безъ i̯.

i̯ въ формахъ имперф.-аор. въ отдѣльныхъ говорахъ появилось въ очень недавнее время. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣютъ данныя писаній Кирилла Пейчиновича и его земляковъ-современниковъ: въ говорѣ Кирилла Пейч. еще не было распространенія i̯ въ окончанія формъ основъ не -i. Въ „Огледалѣ“ (1806 г.), „Утѣшеніи грѣшнымъ“ (1840), Житіи Лазаря (напеч. въ Отчетѣ, 37—41), рукописи Начова (Псп. XXXIX, 419—427) отсутствуютъ примѣры, которые указывали бы на это распространеніе: закопаа, писаа, велеа, бришеа, чинеа, носеа и др. Но въ основахъ на -i присутствуетъ i̯: и҃звáдїѧ (Утѣш. 41, 42об., при и҃звадїа 40об.); поставїѧ (Жит. Лаз. Отчетъ 38—3 р., 42); ѵ҆биѧ (ркп. Нач. Псп. XXXIX, 423—2 р.), ѡ҆вори҃ѧ ib. 420), ф҃атиѧ (ib. 427).

Позднѣе, i̯ проникло и въ формы другихъ основъ. Въ современныхъ говорахъ i̯ находится не только въ „молиi̯а“, „скриi̯а“, но и въ—се́днаi̯а, дарýаi̯а, венчаi̯а, се со́браi̯а (Отчетъ 17).

Такую же пеструю картину въ отношеніи судьбы ch представляли македонскіе говоры и въ XVII—XVIII в.в. Несомнѣнно, еще существовало слабо-фрикативное ch. Но при сочетаніяхъ съ такимъ ch употреблялись и сочетанія съ утраченнымъ ch или со звукомъ, замѣнившимъ собою ch: f(v), i̯. Такъ, въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. находятся: ѡреи, ѡдамъ, 1 саятъ, седовъ, зедовте (Минало I 3, 292-293). Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в.: ѡреви 29об. миаиле 70об., зеа 17об., се́лѡ ѡреѡвецъ 9, 36 и др.. цветко мариѡецъ 42. селѡ строофиа 36, 112. (и—строфїѧ 112; соврем. Стровия, Прилѣп.). Но и—строхофїа 64об. (2 р.), 67 об. ѡ҆рѣхо́вець 6, сел ѡ҆рѣхо́вьдоль 11; ханцїа 115, Сахани 17об. михо 72об. село́ р҃хци 17, 38 об., 89 иѡ р҃хчевъ 86. нехтена 117об. и др. харизанъ и аризанъ 79 и др. О звуковомъ значеніи этого х, о его близости къ f или била-

біальному f, свидѣтельствуетъ употребленіе x вм. ф въ передачѣ слова „фортома“: ā хортома 70об.

chų. Сочетаніе chų замѣнилось однимъ билабіальнымъ звукомъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ это былъ билабіальный f или w.

Вслѣдствіе нахожденія этого билабіальнаго звука въ началѣ слова передъ гласнымъ, утраты его не произошло [1]). Но въ срединѣ слова между гласными онъ могъ утрачиваться. Ср. прилѣпское к'еот (Сбм. XI, 144), нечл. к'еф (хотя въ этомъ словѣ и не было исконнаго chų, но все равно: прежнее chų и заимствованное f дали одинаковый результатъ). —Припомнимъ, что въ томъ же говорѣ и—ореот, нечл. ореф.

Съ теченіемъ времени вм. билабіальныхъ f—w, не подвергшихся утратѣ, стали произноситься губно-зубные. Но и билабіальное образованіе нѣкоторыми говорами до сихъ поръ еще удерживается. Таковы говоры Д. Полога: f͡ali. Такого же образованія f я слышалъ и въ заимствованномъ словѣ—ba f͡čałukot. Съ бо̀льшей билабіальностью и звучностью произносится тамъ f͡ въ „кофе“: ka^{u}f͡e.

О f въ заимствованныхъ словахъ ср. ниже.

f вм. chų слышится въ областяхъ Костура, Охрида, Дебра, Д. Полога, Тиквеша, Водена, Кукуша, Солуня.—Ср. здѣсь случаи употребленія f вм. (v) въ начальномъ слогѣ передъ n, l.—f употребляется и въ другихъ македонскихъ областяхъ. Но тамъ извѣстна и другая замѣна chų: v. Напр., Рѣсенскій край: фа́тил (Сбм. IX, 155), се фалиш (Книжици IV—VII, 268), вьрлив, ва́теше (Псп. XLI—XLII, 887, 902). Леринская область: фа́тил и—ва́ти (Шапк. IX, 313). Кичево: фати, зафали се, преимущественно съ-*ф*; ва́тила, вьрлил (Сбм. XIX, II, зап. Сб. Иконом. 141, 142; Шапк. VIII, 224-225, 231). Порѣчье: фатуіеш, ватат („Караџиѣ“ III, № 5). Велесъ: се фатиме, фак'а; ване (Сбм. V, 148; XIII, 174). В ъ б ъ р с я ц к о м ъ крушовскомъ говорѣ первой половины 17 в. употреблялось f вм. chų-: фала—въ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 291).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ употребляется преимущественно v. Такъ въ Битолѣ, Прилѣпѣ, Скопьѣ, Кратовѣ, Кумановѣ, Скоп-

[1]) Въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ утрачивалось въ опредѣленныхъ случаяхъ и начальное ų (см. выше. Miletič. D. Ostb.). Тамъ же можетъ утрачиваться и начальный слабый спирантъ вм. chų или сохраняться въ видѣ c: ǒrkъt=хвъркатъ (Ст. Село у Тутракана. Weigand. Jahresber. XV, 160).

ской Черной Горѣ. Но сочетанія съ f не чужды и этимъ говорамъ. Въ юго-западной Болгаріи находится f вм. chu.

Въ сѣверо-западныхъ говорахъ Болгаріи произносится v: врл'и, вану (Търнъ. Псп. XI, 122, 137).

Въ юго-восточной Сербіи вм. chu- находится u и „весьма рѣдко“ f (Беличъ. Дијал. 164).

Одинаковую съ судьбу съ сочетаніемъ chu- имѣлъ f заимствованныхъ словъ: въ этихъ словахъ произносится или f (или билабіальное f) или v (w).

Костуръ: на си́л'афо, флори́ни, фурната, софра (Книжици II, зап.);—ср. f вм. chu. Порѣчье: весот („Карацић“ III, № 5); —ср. f и v вм. chu. Битоля: ву́рни, зиј́а́вето, сбвра; здѣсь же и—ва́тиј́а (Шапк. IX, 299, 301 Сбм. XV, 121, 127). Рѣсенъ: весот (Псп. XLI—XLII, 899). Прилѣпъ: вес, верман, каве (Сбм. XI, зап.), вајде (Сбм. VIII, 170); здѣсь преимущественно v и вм. chu.—Въ трескавечскомъ помянникѣ, отразившемъ черты прилѣпскихъ говоровъ, также встрѣчается в вм. ф: йосивовъ 21об., йосивъ 121, митко вилиповъ, стеванъ 125. совйе 128об., чивликотъ 46об.—Велесъ: ср. замѣчаніе Бояджіева: „изобщо звукъ *ф* се употребуіе вместо *в* отъ гражданите а нашите селани го произнесуятъ како *в* : внука, се вана, врли (хвьрли), Совия (София) весъ (фесъ) и пр.“ (Псп. III, 183, прим. 6). Д. Пологъ: билабіальные, f—u̯f: см. выше. Кратово: вес, вурна; вм. chu—v; отсутствуетъ утрата u между гласными—(Сбм. IV, 316 и др. зап.). Ск. Черногорье: вурна: куде вурнаџију (Насеља III, 491; Срп. Етн. Зб. VII, 510). Такъ же въ Кумановѣ: вамилӣја (Хц.-Василь. I, 331). Въ Прешевскомъ краѣ это слово имѣетъ *ф* или *п*, *к*. Съ однимъ изъ двухъ послѣднихъ согласныхъ оно произносится въ области Пчини (Хц.-Василь. II, 284).—ср. также—пајтон (ib. 291).

Совершенно въ такомъ же, какъ въ Македоніи, направленіи происходило измѣненіе ch въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи: утрата ch, замѣна его посредствомъ f (въ концѣ слова и въ срединѣ передъ согласнымъ), v (между гласными задняго ряда), i̯ (фонетически въ зависимости отъ гласнаго передняго ряда въ сосѣднемъ слогѣ, а по аналогіи и въ другихъ положеніяхъ). Такія измѣненія ch представлены говорами всѣхъ областей восточно-болгарскаго нарѣчія. Но на-ряду съ утратой ch и его замѣной говоры этого нарѣчія удерживаютъ и ch, которое иногда имѣетъ очень слабую артикуляцію. mú^{ch}a, kàra^{ch}a, ispletъ^{ch}, isplètъ^{ch}te...

(Miletič. Die Rhodopm. 129, 133, 223). Т. обр., процессъ утраты ch въ восточно-болгарской языковой области еще не завершился: еще держатся сочетанія съ ch на-ряду съ сочетаніями безъ ch при одинаковыхъ условіяхъ. Интенсивнѣе процессъ утраты ch отразился въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ категоріяхъ: именно, конечное ch въ формѣ аор. и имперф. 1 ед. замѣнено обычно посредствомъ f. Тотъ же согласный является вм. ch и въ формѣ 1, 2 множ.: fme, fte. Въ формѣ 3 мн. ch обычно утрачено безъ слѣда. Рѣже v или j замѣняютъ ch въ этой формѣ. Такова же судьба ch была и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ (см. тексты въ Denkschr. VII и Сбм. XIII). Въ общемъ судьба ch въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи одинакова съ судьбою ch въ восточно-македонскихъ говорахъ. Большинство же прочихъ македонскихъ говоровъ окончательно утратило ch или безъ слѣда, или замѣнивъ его другимъ звукомъ. Если македонскія и болгарскія измѣненія ch проходили независимо одни отъ другихъ, то все же несомнѣнно: эти измѣненія исходили отъ одинаковаго физіологическаго характера ch въ болгарской и македонской языковыхъ областяхъ, — характера, обусловившаго и дальнѣйшіе тожественные результаты измѣненія этого согласнаго. Одна изъ существенныхъ чертъ образованія болгарско-македонскаго звука, соотвѣтствовавшаго праславянскому ch, заключалась въ активномъ участіи губъ при произношеніи этого звука при сосѣднемъ гласномъ задняго ряда или при слѣдующемъ согласномъ. При широкомъ образованіи для ch, при постепенно развившейся утратѣ съуженія между задней частью языка и мягкимъ небомъ, при участіи губъ,—ихъ округленіи, замѣнитель *ch сталъ произноситься, какъ билабіальное f (w)→f (v). Взаимная близость между слабо-фрикативнымъ ch и билабіальнымъ f въ македонскихъ говорахъ была отмѣчена выше. О ней говорятъ факты и восточно-болгарскаго нарѣчія. Ср., напр., нерѣдко встрѣчающееся явленіе ch вм. f: òchci, òchce, leh вм. lef (lev), truchilo (Miletič. Das Ostb. 99, 156). Съ другой стороны ср. въ говорахъ юго-западныхъ f вм. ch.: до́фтор [kt→cht], дофторето (Кюстендилъ. Сб. Македонскаго 8), нофти (Сб. Любенова 10); фтела (Разлогъ. „Додатак“, 41).

Вм. chų- въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи f и ch: fŕrlił, zafáne, chánъt, chъrlí, ischъrle (Miletič. Das Ostb. 277, 288, 156; Die Rhodopm. 90). Вм. f. въ заимствованныхъ словахъ

f и ch: musafírin, marifét, chilip (Miletič. Das Ostb. 277, 251, 89).

vl обычно замѣнено посредствомъ fl. Но и въ этомъ сочетаніи нѣкоторые восточно-болгарскіе говоры имѣютъ chl: chl'ázъchmĕ, chl'az'am (Miletič. Das Ostb. 98).

Въ юго-восточой Сербіи ch утрачено обычно безъ слѣда. Рѣдко между гласными находится u̯: dreu̯u, béu̯u (Белић. Дијал. 162, 163). Но въ этихъ случаяхъ u̯ не представляетъ фонетической замѣны ch: онъ появился послѣ окончательной утраты ch. u̯ находится въ зависимости отъ сосѣдняго лабіализованнаго гласнаго, какъ и въ другихъ случаяхъ между гласными: arnau̯uti, u̯údica, kau̯úrin, préu̯unuk, prašúu̯em, u u̯ednú... (Белић. Дијал. 162—163).

Такого же происхожденія u̯—v и въ сочетаніяхъ gluv, óčuv, suv (Broch. Dial. 28. Дијал Зб. II, 384), гдѣ конечное v обязано вліянію тѣхъ формъ, гдѣ за u слѣдовалъ гласный: glu-v-a, suva, očuvaš.. -j (i̯) въ grei̯ (Дијал. Зб. II, 384) подъ вліяніемъ grei̯ove. Въ зависимости отъ гласнаго передняго ряда появилось i̯ и въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: снаје, мејане, мејанцику (Пиротъ. „Карац“ I, № 3—4).

Албанское и аромунское h (ch).

Образованіе глухого фрикативнаго h и его измѣненія въ албанскихъ говорахъ тожественны съ судьбою ch въ славяно-македонскихъ говорахъ. Албанское h имѣетъ широкое образованіе задняго ряда, близкое къ области образованія гортанныхъ согласныхъ. Въ особенности оно „слабо“ произносится въ говорахъ тосковъ и южныхъ геговъ, обычно имѣя значеніе придыхательнаго фрикативнаго элемента. Энергичнѣе образованіе этого звука бываетъ непосредственно послѣ согласнаго: khą, pɛlhúr. Въ началѣ слова, между гласными и въ концѣ слова h совсѣмъ утрачено многими говорами, преимущественно тосковъ и южныхъ геговъ. Въ концѣ слова и передъ согласнымъ h—ˀ замѣнилось посредствомъ f, въ особенности послѣ o, u; но эта замѣна не проведена послѣдовательно. šof (šoh) -вижу, n'of (n'oh)—знаю; но только krah-рука, kraˀɛ-тоск. мн., vlah—vlẽ ← vlee ←vléˀe ← vlehe. i lefte вм. i lehte—лекгій.

Особое замѣчаніе надо сдѣлать для заимствованныхъ турецкихъ словъ: они произносятся не съ ˀ, а съ задненебнымъ согласнымъ h: zahmet.

Албанское h имѣло лабіализованное образованіе, о чемъ свидѣтельствуетъ не только h → f, но и употребленіе h вм.

v въ такомъ заимствованномъ словѣ: pluhur вм. лат. pulverem. —Объ албанскомъ h см. замѣчанія Weigand'a: Alb. Gram. 6,8. Pekmezi: Gram. 62. Pedersen'a: Alb. Texte 7. Dozon'a: Manuel de la langue chkipe. Paris. 1879. 180—181.

Что касается аромунскаго h=ch (въ заимствованныхъ словахъ) то его утрата или замѣна посредствомъ ᶜ встрѣчается въ говорахъ, хотя и не повсюду. Такъ въ говорѣ аромунъ, живущихъ въ Албаніи: ᶜandźí, ᶜandźiulu (Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr. XVI, 203). Такъ въ охридскомъ говорѣ: abare вм. habare, avae вм. havae... (Weigand. Die Aromunen. II, 357). Такъ и въ говорѣ мегленскихъ влаховъ (Weigand. Vlacho-Meglen. 20).

tj (-ktʲ) -*dj.

Замѣна ранняго праславянскаго сочетанія *tj, а также общеиндоевропейскаго *kt передъ гласнымъ передняго ряда въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи не одинакова во всѣхъ случаяхъ: она является или какъ št—š, или какъ kʲ палатальное. Основная замѣна *tj (-*ktʲ) въ этомъ діалектѣ—št(š). Возможно, что въ произношеніи были не только элементы s̄t, но вторая часть этого звукового комплекса, его взрывная часть, сопровождалась слабымъ длительнымъ элементомъ š, т. е. s̄t имѣло небольшую длительную рекурсію. Писавшій въ 18-мъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые изъ записывающихъ народныя „умотворенія" и въ наше время, могъ ограничиться только знаками для št: στ.

λέστα—лéшта 133, сфéшта 142, врéштата 174, гáштите—κάστητε 166, фáштат 156, се фáштаат 122, 125.

νά πώλνόσσ—нá пóлнош 121.—Въ этомъ выраженіи š (вм štʲ—št) держится еще во многихъ македонскихъ говорахъ, употребляющихъ уже но[j]кʲ. На-ряду съ „наполнош" въ ходу другое нарѣчіе „но[j]кʲа" (ночью). Такъ и въ говорѣ Дидаскаліи.

Для žd-ž̄d̄z примѣровъ въ Дидаскаліи не имѣется, кромѣ ненадежнаго въ этомъ отношеніи слова—τζούστη—чужди или—чузди 163. По говорамъ въ Македоніи это слово произносится съ *жд* или *зд*. Ни въ одномъ говорѣ, хотя бы онъ и послѣдовательно употреблялъ *г'* вм. *dj, нѣтъ *г'* въ этомъ словѣ. Съ *-жд* оно находится и въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверо-западной Болгаріи (Цоневъ. Сбм. XVIII, 409; Мариновъ. Ж. Стар. II, 73) при *ч, дж* вм. *tj—*dj. Также въ Пиротѣ: чуждо (Сбм. I, 142, при *ч—дж* вм. *tj—*dj).

Другой замѣной *tj (-*kt') въ Дидаскаліи является k'. k' въ этомъ говорѣ не представляетъ его исконно-традиціонной замѣны съ варіаціями, происходившими въ теченіе времени. Это k' проникло изъ другого діалекта и употребляется въ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ словахъ, которыя съ k' проникли во многіе говоры на югѣ Македоніи и юго-востокѣ Болгаріи,—въ говоры, которые имѣли и имѣютъ для *tj(*kt') —*dj замѣны не k'—g'.

Въ Дидаскаліи k' встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: κέρκατα—к'ерката—керката 160, κέρκη—к'ерк'и—керк'и 162; κούκια—ку́к'а 144, 149, 154; νόκιατα—нóк'ата=ночью, 145. k'e—καί въ передачѣ буд. вр.: к'е чéкам 131, к'е влéзам 136, к'е върнит 164 и др.

М. б., въ словахъ κέρκα, κέρκη, καὶ сочетаніе ke- не имѣло k' такого палатальнаго образованія, какое было въ словѣ kuk'a. Разнаго образованія k въ этихъ словахъ представляютъ нѣкоторые македонскіе говоры.

k'—g'.

Въ говорахъ Македоніи, а также западной и отчасти восточной Болгаріи употребительны палатальные согласные k'—g', по говорамъ болѣе задняго или болѣе передняго образованія. Эти согласные произносятся въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ отдѣльныхъ словахъ, вытѣснивъ замѣну *tj—*dj даннаго говора;

2) въ замѣнахъ раннихъ праславянскихъ сочетаній *-tije(a) —*-dije(a);

3) въ заимствованныхъ словахъ вм. k'—g';

4) вм. k—g передъ гласными передняго ряда;

5) послѣ i и палатальныхъ (палатализованныхъ) согласныхъ (рѣже);

6) вм. t—d передъ замѣною *ь (конечнаго), *ě, *e, *ę (въ восточно-болгарскихъ говорахъ; на юго-западѣ Болгаріи лишь конечное *-tь→k' въ нѣкоторыхъ говорахъ; то же на юго-востокѣ Македоніи).

Примѣры изъ Дидаскаліи:

1), 2) указаны раньше.

3) χούζμικιαρ—хýзмик'ар 143, κιόσσηγια—к'óшин'а 143.

4) примѣры многочисленны и отмѣчались раньше.

5) примѣровъ не имѣется. Но съ увѣренностью можно полагать, что въ говорѣ Дидаскаліи k, g, находясь за i или палатальнымъ согласнымъ, не испытывали палатализаціи: maika,

l'ul'ka..: k' въ этомъ положеніи знаютъ говоры южныхъ и сѣв.-восточныхъ предѣловъ Македоніи, къ которымъ говоръ Дидаскаліи не относится.

6) Какъ и прочимъ македонскимъ говорамъ, за исключеніемъ говоровъ юго-восточной полосы, -k' вм. -*tь неизвѣстно: пат 127, 144; зе́тото 160.

Македонскіе говоры въ отношеніи замѣны *tj(*kt')-*dj представляютъ слѣдующія двѣ группы.

1) На западѣ, югѣ и востокѣ замѣнами этихъ звуковыхъ сочетаній являются št-žd или болѣе раннія стадіи -šč-ždž. Въ отдѣльныхъ случаяхъ находятся š-ž. Это говоры областей Дебърской, Стружской, Охридской, Рѣсенской, Костурской, Леринской, Солунской, Кукушской, Дойранской, Малешовской [1]). š въ тѣхъ или иныхъ изъ указанныхъ говоровъ возникло двоякимъ путемъ. 1) Изъ сочетанія št, a) при его положеніи въ концѣ слова, въ чемъ отразилось общее явленіе утраты конечнаго t послѣ согласныхъ s, š: noš; b) въ срединѣ слова передъ нѣкоторыми согласными, напр., з у б н ы м ъ n: mošne. 2) Изъ сочетанія $\widehat{štš}$: при слабой артикуляціи взрывного элемента $š\widehat{t}š \rightarrow š\widehat{ˢ}š \rightarrow \bar{š}\text{-}š$. Въ нѣкоторыхъ говорахъ такое š отличается особымъ „острымъ“ произношеніемъ.—Подобнымъ образомъ возникало и ž.

Во многихъ изъ этихъ говоровъ, знающихъ šč-ždž, употребляются вмѣсто послѣднихъ сочетаній не только š-ž, но и št-žd. Въ особенности обычно сочетаніе žd при существованіи šč. Такъ въ нѣкоторыхъ дебърскихъ, рѣсенскихъ, костурскихъ говорахъ. Ослабленіе и утрата второго длительнаго элемента въ сочетаніяхъ šč-ždž происходила не одновременно въ говорахъ балканскихъ славянъ, измѣнившихъ *tj-*dj въ $\widehat{šč}\text{-}\widehat{ždž}$: въ юго-восточной области Македоніи (вѣроятно и дальше къ востоку и сѣверо-востоку,—въ областяхъ нынѣшняго восточно-болгарскаго нарѣчія) $\widehat{štˢ}\text{-}\widehat{ždᶻ}$ или št-žd существовали уже во второй половинѣ IX в., какъ это обнаруживается въ языкѣ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ. Но этотъ процессъ продолжался по говорамъ и въ послѣдующее время; обнаруживается онъ и въ наше время. Такъ, въ солунскомъ селѣ Вардаровци В. Облакъ отмѣтилъ, что šć (вм. $\widehat{štˢ}$) свойственно говору только старшаго поко-

[1]) На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ записей, описаній и сводной статьи Б. Цонева: „Уводъ въ историята на бълг. езикъ“ (Сбм. XVIII).

лѣнія. Молодежь произноситъ уже št (Mac. St. 60). Подобное указано Б. Цоневымъ для самоковскаго говора: „по-младите не изговорятъ вече *шч-жц*, а *шт-жд*!“ (Сбм. XVIII, 401).

Во всѣхъ говорахъ вышеотмѣченныхъ областей употребляется еще одинъ варіантъ замѣны *tj -*dj,—варіантъ, не находящійся въ фонетической связи съ šč, št, š —ždž, žd, ž. Это палатальные согласные k'-g', приближающіеся иногда къ ć -dj(ɟ). Чаще всего k'-g' находятся въ словахъ kuk'a, k'e, k'u-ne[i]k'u, veke, po[u]ek'e, —poi̯k'e, k'erka, vrek'e, meg'u, božik'-božik. Съ k'-g' эти слова произносятся и за восточными предѣлами Македоніи, въ юго-западной Болгаріи; а a k'e въ передачѣ буд. вр. распространилось еще дальше, въ юго-восточную Болгарію: въ родопскихъ говорахъ отъ Сакаръ-планины и Димотики къ Лозенграду и Бунаръ-Хиссару (Miletič. Das Ostb. 211). k'e встрѣчается по говорамъ и сѣв.-восточной Болгаріи (Miletič. ib. 138). Въ тѣхъ же говорахъ Б. Цоневъ отмѣтилъ -кук'а, вреi̯к'а, хуг'е (Сбм. XX, 77). Далеко ушло и нарѣчіе vek'e-veke: оно вошло въ обиходъ и въ сѣверо-восточной Болгаріи (Miletič. Das Ostb. 96 и зап.). Въ македонскихъ šč(št)-ždž(žd)-говорахъ кромѣ указанныхъ словъ съ k'-g' извѣстны и другія, въ однѣхъ мѣстностяхъ въ бо́льшемъ количествѣ, въ другихъ меньшемъ. Можно отмѣтить, что чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ рѣже встрѣчаются примѣры съ k'-g'. Но все же и въ южныхъ краяхъ Македоніи, въ Кайлярскомъ, на-ряду съ замѣной *tj(*kt') посредствомъ šč извѣстно и k'. Такъ, k' произносится въ словѣ kui̯k'a (Кайлярская область. Сбм. XVI-XVII, 64). Въ ближайшихъ говорахъ костурскихъ употребляется еще kъšča (с. Бобища. Книжици II, 50, 51...). Общеупотребительны въ этихъ краяхъ k'e (и ke-ki) въ буд. вр. (ke umri) и нарѣчіе vek'e-veke.—k въ ke и veke болѣе задняго образованія, чѣмъ k' въ ku[i̯]k'a. То же наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Македоніи (такое же k встрѣчается и въ kerka). Въ прочихъ македонскихъ šč(št)- говорахъ сочетанія съ k'-g' употребляются еще чаще. Уже въ Леринскомъ краѣ k'-g' находятся не только въ тѣхъ же словахъ, какія извѣстны въ Кайлярской области, но и въ рядѣ другихъ: k'erka, paĺák'am, náplek'i, прич. на -k'i (въ костур. на -štem), pomeg'u, grag'ánka (Сбм. III, VI, VIII, зап.; Шапк. IX, 230, 331).

Еще чаще слышатся k'-g' въ Дебърскомъ краѣ.

Употребленіе k'-g' не ограничено кругомъ опредѣленныхъ словъ и формальныхъ категорій. Въ этомъ отношеніи šč(št)-ždž(žd)-говоры представляютъ большое разнообразіе. Даже въ говорахъ одной и той же діалектической группы нѣтъ единства въ условіяхъ употребленія k'-g'. Таковы, напр., говоры дебърскіе: въ однихъ и тѣхъ же словахъ одни говоры имѣютъ k', другіе šč (št). Такъ, въ Кленьѣ говорятъ svešta, въ Галичникѣ же и Обоки— svek'a-sveća; въ Кленьѣ и Обоки—fášta[-at], vráštaet,-ame, въ Галич.-fáća; въ Кленьѣ-plašta, въ Обоки—plák'am. Въ Кленьѣ и Обоки—mežda, въ Галич.-medja (међа) и др. (Oblak. Mac. St. 67).

Такое разногласіе въ употребленіи k'-g' указываетъ на то, что k'-g' здѣсь не исконные, не фонетическіе продолжатели *tj-*dj, а элементы пришлые, усвоенные подъ вліяніемъ другого діалекта. Отдѣльные говоры усваивали палатальные k-g независимо одинъ отъ другого. Поэтому могло и не быть вполнѣ тожественныхъ результатовъ, хотя, разумѣется, въ рядѣ случаевъ и бывали совпаденія. На происхожденіе извнѣ согласныхъ k'-g', какъ замѣнителей *tj-*dj, свидѣтельствуетъ и слѣдующее обстоятельство. Выше отмѣчено, что общераспространеннымъ въ Македоніи и въ юго-западной Болгаріи словомъ съ k' является ku[j]k'a. Ни одинъ изъ этихъ говоровъ не знаетъ иного гласнаго элемента въ корнѣ, кромѣ *и*. Если произносится это слово съ ъ, то уже—k'a отсутствуетъ, а имѣется—šta или -šča (см. выше, стр. 48). Гласный *и* въ данномъ случаѣ (какъ замѣна *ǫ)—элементъ не македонскихъ говоровъ, а говоровъ областей, находящихся къ сѣверу и сѣв.-западу отъ Македоніи.

Во всѣхъ областяхъ Македоніи, кромѣ названныхъ выше, замѣнами *tj (-*kt')-*dj являются k'-g', а иногда ć-dj(ђ). Въ южной части срединной области, въ Битольскомъ, Маріовскомъ, Прилѣпскомъ краяхъ, не чужды и šč(št)-žd. Но примѣры съ такими замѣнами немногочисленны; обычно вм. *tj-*dj произносятся k'-g'. Происхожденіе k'-g' въ говорахъ центральной и сѣверной Македоніи темно. Если k'-g' этихъ говоровъ фонетически развились вм. *tj-*dj, то слѣдовательно эти говоры уже въ очень раннее время пошли особымъ путемъ въ измѣненіи указанныхъ раннихъ праславянскихъ сочетаній,—путемъ, отличнымъ отъ направленія въ измѣненіи, какое было пройдено прочими говорами Македоніи и Болгаріи (кромѣ сѣв.-западной полосы ея). Встрѣ-

чающіеся рѣдкіе варіанты šč(št)-žd представляютъ собою заимствованіе отъ южныхъ македонскихъ говоровъ.—Но такое объясненіе k'-g' и št-žd въ срединныхъ македонскихъ говорахъ непріемлемо по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ македонскихъ говорахъ ясно обнаруживается тенденція вытѣсненія šč(št)-ždž(žd) посредствомъ k'-g'. Она отражается даже въ такомъ отдаленномъ краю, какимъ является Кайлярская область. При существованіи такой тенденціи непонятно появленіе šč(št)-žd въ k'-g'-говорахъ центральной Македоніи. За то, что въ этихъ послѣднихъ говорахъ št-žd элементы старые, говоритъ и географическая номенклатура центральной Македоніи. Въ то время, какъ въ живомъ разговорномъ языкѣ обычнымъ названіемъ штановъ является слово „gak'i", въ родственномъ названіи села въ Прилѣпской области сохраняется еще сочетаніе št: „Кривогаштани". Такъ называлось это село и въ 18 в. Въ помянникѣ трескавечскаго монастыря часто встрѣчаются жертвователи изъ этого села. Это село существовало и въ XIII—XIV в.—Стась вь кривогащанехь—упоминается въ хрисовулахъ трескавечскóму монастырю первой половины XIV в. (Гласник XLI, 360; XI, 132; III, 372). И еще болѣе важно названіе села *Саждово*, въ с.-западномъ углу Прилѣпскаго округа. Теперь это село арнаутское. Поселеніе арнаутовъ въ этой мѣстности произошло ранѣе 19 в. (В. Кжичовъ. Македония 96). Въ нѣкоторыхъ селахъ славянское населеніе еще держится, въ другихъ оно вытѣснено арнаутскимъ. Но прежнее названіе того или другого села сохранено. „Саждово" ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ языкѣ прежнихъ обитателей этого непригляднаго по названію села находилось сочетаніе *жд* вм. *dj.

Т. обр., и въ срединной Македоніи šč(št)-žd представляютъ собою не заносный элементъ, а пережитки прежняго состоянія, уцѣлѣвшіе при тѣхъ или иныхъ благопріятныхъ условіяхъ. k'-g' усваивались въ срединной и въ особенности въ сѣверной Македоніи интенсивнѣе, чѣмъ на западѣ, югѣ и востокѣ. Въ сѣверной Македоніи уже не встрѣчаются št-žd, какъ замѣнители *tj-*dj, кромѣ отдѣльныхъ очень рѣдкихъ случаевъ. Такъ, мною отмѣчено нѣсколько примѣровъ съ št въ Д. Пологѣ, въ с. Лешокъ. Старикъ Јосиф Аврамовик'[!] въ сказкѣ употребилъ: „та го *посреште* царот." Одинъ разъ въ разговорѣ бабы Цвѣты проскользнула

„къ́шта“, вмѣсто обычной „ку́к'а“. Когда затѣмъ я сталъ допытываться, часто ли она такъ говоритъ - къ́шта-, она мнѣ замѣтила: „къ́шта викаа на́доле, по земн'ене, у се́ло мие ви́камо ку́к'а“.

Мы склоняемся къ положенію о неисконности k'-g' въ Македоніи,—къ положенію, которое было уже высказано В. Облакомъ (Arch. XVII, 456), Л. Милетичемъ (Arch. XX, 584), Б. Цоневымъ (Сбм. XVIII, 422) [1]). k'-g' появились въ македонскихъ говорахъ не вслѣдствіе послѣдовательнаго фонетическаго измѣненія замѣнъ раннихъ праславянскихъ сочетаній tj(kt') - dj, а вслѣдствіе вліянія другого діалекта, въ которомъ k'-g' (не обозначаемъ болѣе точно образованія этихъ согласныхъ) представляли собою результатъ фонетическаго измѣненія, пережитаго этимъ діалектомъ въ судьбѣ *tj-*dj. Но гдѣ искать этотъ діалектъ, передавшій свои k'—g' македонскимъ говорамъ? И при какихъ обстоятельствахъ произошла эта передача?—Взоры изслѣдователя обращаются въ сторону Шаръ-Планины, въ сторону Старой Сербіи и ея сосѣднихъ областей. Оттуда въ турецкое время вылилось много колонизаціонныхъ волнъ, направлявшихся къ сѣверу. Но на юго-востокъ, въ Македонію, эти волны въ то время не докатывались: условія жизни здѣсь были не легче, чѣмъ въ Старой Сербіи. Само македонское населеніе искало себѣ убѣжища въ другихъ болѣе безопасныхъ мѣстахъ: турецкое и арнаутское засиліе гнало славянъ изъ Македоніи. Но сербскія поселенія въ Македоніи были, только относились они къ болѣе раннему, до-турецкому времени,—ко времени политическаго господства сербовъ въ Македоніи.

Съ конца XII-го и преимущественно со второй половины XIII-го вѣка обнаруживается стремленіе молодого кралевства Неманичей распространить предѣлы своего политическаго господства и на области, подходившія къ Рашкѣ съ юга и юго-востока. Вниманіе Неманичей привлекаютъ богатыя долины Вардара и Струмы, ведущія къ Эгейскому морю. Уже великій жупанъ Стефанъ Неманя пытался утвердиться

---

1) Впрочемъ, еще въ 40-хъ г.г. С. Николовъ замѣтилъ о *ке* въ передачѣ буд. вр. слѣдующее: „Може да сѧ посѣѧ това ке по оныѧ страны отъ силнаго Стефана Сербскаго кралѧ когато ги облада“. (Болгарска Аритметика. Сочинена отъ Хр. К. Сичанъ Николовъ. Бѫкѫрещъ. 1845. V стр. предисловія).

въ сѣверной Македоніи. „шнь же светы [сумешнь]... иде съ силою своею на градь перьникь, и тьи скроушивь силою своею и въ шпоустѣние съткори и, и градь стобь, и градь земльнь, и градь вельбложждь, и градь житомитьскь, и градь скѣпьль, и градь лѣшьскь оу дольнемь полозѣ... приложи же къ земьли шть̀чьствиа своего шбласть пьшньвьскоую до конъца, лыпланнь же и моравоу и глаголѣмы врани, призрѣньскоу же шбласть и полога шба до конъца съ мегами своими“ [1]).

Правнуку Стефана Немани—Урошу II Милутину (1282—1321) удалось крѣпче утвердиться въ Македоніи. Продолжая завоевательный путь на юго-востокъ, онъ занялъ области сѣверной и западной Македоніи: „прѣехъ по мьчю скопьскоу страноу и швченольскоу и положскоу и дьврьскоу и ине проче стране“,—говоритъ Милутинъ въ одномъ изъ своихъ хрисовулъ[2]). Въ другомъ онъ подробнѣе перечисляетъ завоеванныя имъ области: „шба Полога и съ градови и съ областїю ихь, и градь славныи Скопїе, по сихь же Швче поле и Злетовоу и Пїаньць“; „прїехшмь съ градовы и шбластїю ихь: землю Д(ъ)врьскоую, дрьжавоу земле Кїчавскые и землю Поречкоую“[3]). При преемникѣ Милутина, при Стефанѣ Дечанскомъ (1321—1331), къ сербскому кралевству отошли Вельбуждъ, Дупница, Самоковъ, Ихтиманъ въ юго-западной Болгаріи и Велесъ, Просѣкъ, Штипъ въ Македоніи. Стефанъ Душанъ присоединилъ къ своему государству прочія области Македоніи: Прилѣпъ, Воденъ, Струмицу, Меленикъ, Беръ, Охридъ, Костуръ [4]).

Въ новыхъ областяхъ сербскіе крали оставляли сербскіе гарнизоны и сербскую администрацію. Нѣкоторыя мѣстности они колонизировали переселенцами изъ прежнихъ сербскихъ областей. Такъ, Кантакузенъ, говоря о событіяхъ 1351 г., замѣчаетъ относительно Бера: „Хотя въ Берѣ и раньше жили многіе сербы, посланные королемъ [т. е. Душаномъ] на жительство, не только солдаты, но и богатые люди,

---

[1]) Житіе св. Симеона, пис. Стефаномъ. Šafařík. Památky dřevn. písemn. jihoslovanův. 1873. 8. См. также у Ст. Новаковича: „Земьиште радье Немањине“. Београд, 1877.

[2]) Споменик, III, 14.

[3]) Ibid. III, 19, 20.

[4]) Т. Флоринскій. Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. Вып. II. СПб. 1882. Гл. III. C. Jireček. Geschichte der Serben. Bd. I. Gotha. 1911. Гл. III.

какъ ради другихъ удобствъ, такъ и потому, что городъ былъ обширенъ и многолюденъ и могъ дать мѣсто не только солдатамъ, но и вельможамъ, изъ коихъ многихъ или лучше сказать всѣхъ король выгналъ, когда взялъ городъ; однако опасаясь еще, чтобы онъ не отпалъ, оставилъ въ немъ на постоянное жительство не мало солдатъ и нѣкоторыхъ властелей“ [1]).—Имѣется и рядъ другихъ свидѣтельствъ о сербахъ, поселившихся въ Македоніи. Такова, напр., греческая надпись 1361 г. надъ входной дверью церкви „Заумъ“, въ южной части восточнаго берега Охридскаго озера.—„Воздвигнутъ отъ основанія этотъ божественный и всечестный храмъ Пресвятой Богородицы Захлумской [τῆς Ζαχλουμήστι-σας] иждивеніемъ всеблагочестивѣйшаго кесаря Гургура и ктитора“ [2]).—Гургуръ сынъ севастократора Бранка, „господина града Охрида“, и братъ знаменитаго въ сербскомъ эпосѣ Вука Бранковича. При посвященіи храма Пресвятой Богородицѣ Захлумской Гургуромъ Бранковичемъ руководила память о храмѣ въ честь Богородицы въ его захлумской баштинѣ [3]).

Сербскіе поселенцы образовывали иногда цѣлыя села. Таково было село Вълчье въ Порѣчьѣ, заселенное Милутиномъ.—„Селиџе Вльчьје, џо је насели̑ль свѣтии краль“,—говорится въ двухъ хрисовулахъ, данныхъ Стефаномъ Душаномъ трескавечскому монастырю (Гласник XLI, 359; XI, 134).

Интенсивнѣе сербская колонизація происходила въ сѣверной Македоніи.

Въ монастырскихъ хрисовулахъ и другихъ документахъ при перечисленіи семействъ и отдѣльныхъ лицъ, принадлежавшихъ тому или иному монастырю, изрѣдка отмѣчается національность нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ: влахъ, грькь, срьбинь. Такъ, въ хрисовулѣ Милутина хиландарскому монастырю указано: „и прида краљевьство ми црькви архїстратигоу шть подьградина Щипьскаго ·н· люди. а се имена

---

[1]) Д-ръ Цвіичъ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. СПб. 1906. 18. C. Jireček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. II. Wien. 1912. 24.

[2]) Напечатана у П. Н. Милюкова: „Христіанскія древности Западной Македоніи.“ „Изв. Рус. Археол. Института въ Констант.“ IV. 83—84. Также у Й. Иванова: „Старини изъ Македония“. 218. Неточно въ Сбм. X, 570.

[3]) П. Н. Милюковъ. Ibid. 85.

тѣмь людемь:... Радь срьбинь съ дѣтию". Въ другихъ случаяхъ національность не указывается (Miklosich. Monumenta serbica. 62—63).

Описаніе (XV в.) владѣній и населенія, принадлежавшихъ хиландарскому монастырю (Споменик III, 40—46), занято поименнымъ перечисленіемъ семействъ нѣкоторыхъ селъ въ юго-восточной Македоніи. Національность вообще не отмѣчается. Но „оу селѣ Каменици: Никола попь, срьбинь" (44). Послѣдній документъ представляетъ также указаніе на мѣстопроисхожденіе нѣкоторыхъ изъ македонскихъ поселенцевъ: „въ жоупѣ Строумьсцѣи село Градець... Михаиль Димлаинь" (40).

Географическая номенклатура Македоніи также свидѣтельствуетъ о сербскихъ поселеніяхъ. Такое значеніе могутъ имѣть названія селъ съ „сърб—": Сърбиново (въ Тетовскомъ округѣ, а также въ юго-западной Болгаріи, въ Г.-Джумайскомъ округѣ), Сърбица и Сърбяни (въ Кичевскомъ), Сърпци (въ Битольскомъ).—Жители нѣкоторыхъ изъ этихъ селъ (Сърбица, Сърбяни) успѣли уже сдѣлаться потурченцами и подпасть подъ албанское вліяніе[1]). Въ тетовскомъ Сърбиновѣ славянскій элементъ совсѣмъ вытѣсненъ арнаутскимъ. Сербскимъ поселенцамъ и особенностямъ ихъ говора обязано названіе „Злокук'ани (—сѣла въ Кумановскомъ, Скопскомъ и Битольскомъ округахъ). Подъ такимъ же названіемъ (Злокучани,-'е, Злокучани,-'е) извѣстно нѣсколько селъ въ юго-восточной и Старой Сербіи.

Сербскіе крали дали Македоніи не только сербскую администрацію, сербскіе гарнизоны и сербскихъ поселенцевъ: благодаря усердію кралей и ихъ протосевастовъ, севастократоровъ, властелей, въ Македоніи въ XIV-мъ в. возникаетъ рядъ церквей и монастырей, щедро одаренныхъ ихъ религіозными ктиторами. Архитектура нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей въ сѣверной Македоніи (въ Скопскомъ округѣ) представляетъ черты, характеризующія архитектурные памятники чисто сербскихъ областей [2]).

Развалины башенъ (кули), крѣпостей--памятники былого политическаго господства сербовъ въ Македоніи.

---

[1]) Материали по изучването на Македония. София. 1896. 475. В. Кънчовъ. Македония. 47,95.

[2]) Н. П. Кондаковъ. Македонія. СПб. 1909. Гл. IV.

Сербское владычество въ Македоніи оставило слѣдъ и на народномъ эпосѣ македонскихъ славянъ: выдающіеся сербскіе владѣтели, въ особенности Марко-Кралевичъ[Кралевике] дали сюжетъ многимъ эпическимъ пѣснямъ этихъ славянъ.

... Милош поче да попева,
А красну је песму започео
Од сви наши бољи и старији,
Како ј' који држ'о краљевину
По честитој по Маћедонији
Како себе има задужбину;
А Марку је песма омилила... [1])

Съ XIV-го вѣка отпечатокъ сербскаго вліянія отражается и на памятникахъ македонской письменности. Среднеболгарскіе памятники XII—XIII в.в., относящіеся къ Македоніи, отражаютъ языковыя явленія, свойственныя мѣстнымъ говорамъ. Таковы памятники: Добромирово Ев., Болонская Пс., Охридскій Ап., Орбельская Тріодь, Битольская Тріодь и др. На основѣ прежней среднеболгарской орѳографической традиціи въ Македоніи пишутся памятники и въ послѣдующее время. Но въ то же время тамъ появляются рукописи и съ такими особенностями правописанія и языка, которыя характеризуютъ собою рукописи с е р б с к а г о происхожденія. Таковъ, напр., Трефологій XIV в. (Хлуд. собр., № 164), написанный въ Порѣчьѣ, въ с. Калугерецъ: „Пысасѣ сиѧ кнїга оу порѣчи. оу селѣ зовомь калоугерецъ. вь дни бл҃говѣрнаго кра҃ла мар҃ка“. Запись принадлежитъ писавшему эту книгу: „добрѣ диякъ ра҃овь сѣь“. (л. 170 об.). Палеографическія черты этой рукописи отмѣчены П. А. Лавровымъ [2]). Въ отношеніи правописанія и языка ея укажемъ слѣдующее: ь вм. ъ и ь; частое употребленіе ьь: нѣзыкьь проѣавлѣаѣ прѣложенїѣ 8; Гореть древноую ѡставльь 9об.; не бывшимьь таинамь 11; прѣмоудрыи филиньь 43; ѥко сьврьь[54]шии теченїѣ 54об. и т. д.

ецъ вм. ьць: калоугерецъ (ср.-на калоугерци)-зап., конецъ 7об., бл҃гословецъ 13об., свѣтоносецъ 43, вѣнецъ 54об., таинописецъ 10об. и др.

є вм. ь въ шед-,чест-:-пришествиѣм҃ 11об.; чєстнїи кр҃ть 8об.

[1]) В. Караџић. Пјесме. II (1895), 208. М. Халанскій. О сербских народных пѣснях косовскаго цикла. Варшава. 1883 (Отт. изъ „Рус. Фил. В.“), 43.

[2]) Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Птгр. 1915. 222—223.—Не указано, гдѣ находится этотъ памятникъ.

-ок-вм. -жк: начетокъ 13об.
оу вм. ѫ.
оу вм. въ: оу порѣчи, оу селѣ.
оуз- вм. къз-: оузе—зап.
црь-вм. чрь-: црьвиіе—зап.

Сербизмы въ языкѣ и правописаніи представляютъ и позднѣйшіе македонскіе памятники письменности, въ особенности возникшіе на сѣверѣ Македоніи [1]). Безъ сербизмовъ не обходятся даже краткія записи и надписи: Сиѧ печѧть *ва* Велешькьи предели *Ва* гори Клепа [2]). *ва* лето, *са*врьшениемь, *са* поспешениемь и др. [3]).

Въ результатѣ сербскаго культурнаго вліянія вообще и въ отношеніи языка письменности въ частности, мѣстное населеніе Македоніи стало смотрѣть на этотъ языкъ, какъ на общій литературный языкъ не только сербовъ, но и болгаръ. Интересное указаніе въ этомъ отношеніи представляетъ весьма важная запись дьяка Дмитра кратовскаго въ переписанномъ имъ законникѣ для великой соборной охридской церкви (XV в.; собр. Григоровича, № 1707, Румянц. Муз. Отч. за 1876—1878 г., стр. 20—21). Законникъ написанъ повелѣніемь йже въ тогдашнее врѣме соущѧ въ Охридѣ блженаго архіепіпа, блгарскаго кѵр Дорѳеа". Архіепископъ болгарскій Киръ Дороѳей, при посѣщеніи богохранимаго мѣста Кратова, обратился вмѣстѣ съ первыми боярами этого мѣста къ дьяку Дмитру съ внушительной просьбой исписать законникъ на сербскомъ языкѣ для великой соборной орхидской церкви, ибо ей нельзя не имѣть книги на сербскомъ языкѣ. тогда же призванна мѣ къ себѣ сътворь [архіепископъ Дороѳей],....

---

[1]) П. А. Лавровъ. Палеографическое обозрѣніе. 46, 47, 111, 178. И. А. Сырку. Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVIII вѣкахъ. Сбор. Отд. р. яз. Ак. Н. Т. LXXI, стр. 02—03, LXXVI—LXXVII, CXC, CCXI—CCXLVIII. Б. Цоневъ. Класификация на българскитѣ книжовни паметници. Годишникъ на Софийския Ун-тъ I, 54—55,60. Его же. Хиляда години българ. езикъ. Лѣтописъ на Бълг. Книж. Друж. IX, 128—131. К. Ѳ. Радченко. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ филиппопольской городской б-ки. Изв. Отд. р. яз. Т. VIII, кн. 3, 343—344. Л. Милетичъ. Копришенски дамаскинъ. Бълг. Старини. Кн. II, стр. IX—X.

[2]) Й. Ивановъ. Старини, 228.

[3]) См. замѣчаніе Л. Милетича въ „Изв. Рус. Арх. Института въ Конст." IV, стр. 99 (въ описаніи П. Н. Милюкова).

w҃бразы разли́чные оу҃вѣща́нїа и҃моуще, не прѣслоу́шати ми повелѣнїа є҃гѡ. та́ко и҃ съ вьсѣ́ми съвѡ́рнѣ коу́пно, сїе́нными же и҃ прѝвыми мѣ́ста Кра́товѣ. и҃ако да҃ и҃спи́шоу за́конн҃ый сѫ́ и҃ вели́кои цр҃кви ѳ҃ѵ҃рїдскои,... на сръ҃бскыи е҃зы́къ прѣведе́нь бы́ншїи. заше́ не и҃мѣти гл҃ющоу ты́с кни́гы оу себѣ съвѡ́рнѣи цр҃кви 'Ѳхрїдскои, по е҃зы́коу сръ҃бскомоу и҃спи́санѣ, ра́знѣ по гръ҃чьскомѣ"...

Въ результатѣ сербскаго вліянія, исходившаго и отъ сербской администраціи, отъ сербскихъ властелей, и отъ сербскихъ поселенцевъ, и отъ сербскихъ грамотеевъ, могли появиться въ языкѣ македонскихъ славянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (спорадически) черты сербскаго языка: ѫ вм. ъ ← o (см. выше), k'—*g' вм. šč(št)—ždž(žd), замѣнившихъ *tj (kt')—*dj. Въ сѣверной полосѣ Македоніи процессъ усвоенія k'-g' былъ интенсивнѣе, чѣмъ въ центрѣ и на югѣ Македоніи. Можетъ быть, тамъ находились говоры, по замѣнѣ *tj-*dj (какъ и по нѣкоторымъ другимъ явленіямъ) стоявшіе въ близкомъ отношеніи къ сосѣднимъ сербскимъ говорамъ. Съ сѣвера Македоніи k'-g' распространились дальше, въ срединныя области ея. Этому распространенію благопріятствовали различныя обстоятельства сербскаго вліянія. По мѣстамъ на западѣ, югѣ и востокѣ k'-g' могли появиться внѣ связи съ сѣверомъ, въ результатѣ вышеуказаннаго воздѣйствія сербскаго элемента на македонскихъ славянъ. Въ послѣдующее время одни македонскіе говоры съ заимствованными k'-g' могли оказывать вліяніе на другіе.

Что изъ сербской фонетики оказали такое значительное вліяніе эти k'-g' (или звуки близкіе къ нимъ), то это находилось повидимому въ связи съ склонностью македонскихъ говоровъ развивать согласные k'-g' и въ другихъ условіяхъ, —въ условіяхъ, сложившихся внутри самихъ говоровъ, безъ вліянія со стороны. Такъ получились k'-g' вм. ti-di по утратѣ между ними слабаго редуцированнаго гласнаго (brak'a, l'ug'e), вм. k-g передъ гласными передняго ряда, послѣ i и палатальныхъ согласныхъ (maik'a, l'ul'k'a), вм. k'-g' заимствованныхъ словъ, обычно турецкихъ (k'oše, g'umče). Процессъ развитія k'-g' указаннаго происхожденія такъ же длителенъ, какъ и процессъ усвоенія k'-g' вм. šč(št)-žd, и не вездѣ закончился до нашего времени (ср. brat'a и braća въ солунскихъ говорахъ).

Когда обнаруживаются k'-g' въ памятникахъ языка македонскихъ славянъ? Дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ пока нѣтъ возможности, вслѣдствіе того что памятники македонской письменности XIII—XVI в. еще не изучены съ надлежащей полнотой. Примѣры, приводившіеся изъ молдавско-валашскихъ памятниковъ не доказательны, такъ какъ эти примѣры, какъ замѣтилъ В. Облакъ (Arch. XVII, 456), представляютъ чистые сербизмы. У П. А. Лаврова указаны примѣры изъ тихонравовской рукописи XVII в.: вєкѣ (Обзоръ. 97; Прилож. 24, 25). Но въ сравнит. ст. это нарѣчіе имѣетъ *ч*: по́вече (П. А. Лавровъ. Обзоръ. Прилож. 26, 28, 34...). Но *ч* свойственно сѣверо-западнымъ болгарскимъ говорамъ; п о в е ч е проникло и въ нѣкоторые говоры восточнаго нарѣчія, такъ же какъ и в е к е. Пути проникновенія были, разумѣется, различны. Въ прочихъ случаяхъ этотъ памятникъ имѣетъ щ. щ и въ щѣ въ передачѣ буд. вр.; щ и вь кьщите (Лавровъ. Обзоръ. Прилож. 36). Другія черты говора, отразившагося въ этомъ памятникѣ, принадлежатъ не македонскимъ говорамъ, а восточно-болгарскимъ. Т. обр., примѣръ съ *к* (вєкѣ), если и имѣетъ указательное значеніе для Македоніи, то только косвенное, свидѣтельствуя, что въ какомъ-то діалектѣ (во всякомъ случаѣ не особенно отдаленномъ) въ большомъ ходу было нарѣчіе veke (vek'e).

Для с ѣ в е р н о й Македоніи примѣры употребленія к(к')-г(г') можно отмѣтить изъ памятниковъ XV в. Въ з а п и с и при книгѣ твореній св. Григорія, писанной въ 1409 г. „вь странѣ скопыа гра—вь црьнои горѣ", читается: гїгіє деспотице, гюргіа балшшкіа, гюргіемь (Отчетъ Птгр. Публ. Б-ки за 1883 г., 74-75). Но, по всей вѣроятности, въ данныхъ примѣрахъ отражаются обыкновенные сербизмы. Важнѣе другая запись XV в. въ Трефологіи XIV в. (Хлудов. собр., № 162), сдѣланная въ Скопской области: ѣі кю́кь, ѣі кѵ̑кь, сѣгргеномѵ̑. Впрочемъ и эти примѣры также не имѣютъ безусловнаго значенія въ отношеніи соотвѣтствія явленіямъ живыхъ говоровъ Скопской области, къ ю г у отъ Скоп. Черногорья. Вѣроятнѣе полагать, что въ этой записи отражаются черты говора с к о п с к о - ч е р н о г о р с к а г о: ср. окончаніе *-га*: стѣга, форму аор. 3 мн. оузѣше, прѣселіше.

Для XVII в. можно указать уже несомнѣнные примѣры употребленія k' въ Македоніи, при этомъ въ центральномъ говорѣ ея. k' вм. *tj и g' вм. вторичнаго dj(j) свойственны

говору бърсяка, писавшаго въ Крушовѣ въ 1637 г.: ке го пущамъ, Секулоикъ, речете му на Дима Секулоика; лугето (Минало I 3, 292, 293).

Для выясненія отношенія македонскихъ k'-g' къ замѣнамъ *tj *-dj въ сербскихъ говорахъ необходимо указать, насколько близки по своему образованію эти замѣны въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Артикуляція при образованіи македонскихъ k'-g' заключается въ слѣдующемъ. Языкъ передней своей частью соприкасается съ твердымъ небомъ. Это соприкосновеніе происходитъ въ части твердаго неба между мѣстомъ артикуляціи для палатальнаго k'(g') и палатальнаго t'(d'), ближе къ той или другой части твердаго неба, но не заходитъ такъ далеко взадъ къ предѣлу k' и не подвигается впередъ къ предѣлу t' (краепалатальнаго). Мѣсто затвора колеблется (въ указанныхъ предѣлахъ) не только по говорамъ, но и въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ одного и того же говора. Повидимому, македонскіе говоры имѣютъ затворъ ближе къ области палатальнаго k'(g'), чѣмъ t'(d'), но все же, естественно, онъ недалекъ и отъ области артикуляціи палатальнаго t'(d'). Слѣдуетъ отмѣтить и слѣдующій моментъ въ образованіи македонскихъ k'-g': бо̀льшую степень энергіи въ артикуляціи этихъ согласныхъ по сравненію съ образованіемъ прочихъ согласныхъ,—энергіи, вслѣдствіе которой получается особый оттѣнокъ сильнаго, рѣзкаго взрыва ихъ.

О такомъ образованіи k'(g') я знаю на основаніи собственнаго наблюденія въ сѣверной Македоніи (въ Д. Пологѣ). Для прочихъ областей указанія представлены В. Облакомъ [1]).

Какова форма языка при „рекурсіи" македонскихъ k'-g'? Послѣ взрыва свободно ли проходитъ наружу струя воздуха, или же она направляется по желобку, образованному спинкой языка, и разбивается о передніе зубы?—Точныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Одни утверждаютъ, что длительный элементъ ś или $\acute{s}^{\smile}$ (ź или $\acute{z}^{\smile}$) не сопровождаетъ артикуляціи k'-g'. Такъ увѣряютъ Д. Ма-

[1]) О македонскихъ k'-g' говоритъ также Л. Мазингъ (Zur Laut-und Akzentlehre der macedonischen Dialekte. SPb. 1891). Но его указанія, основанныя на записяхъ, немногихъ и ненадежныхъ, мало помогаютъ въ уясненіи физіологіи македонскихъ k'-g'.

товъ [1]), Л. Милетичъ—для велесскаго [2]), Д. Мирчевъ—для прилѣпскаго [3]), М. Григоровъ—для мало-рѣканскаго [4]) и другіе болгары, описывавшіе эти звуки.

Иначе опредѣляетъ эту часть артикуляціи k'—g' В. Облакъ: этимъ согласнымъ присущъ фрикативный элементъ. „k'—g' sind, was ich ausdrücklich bemerke, nicht bloss palatales *k g*, sondern haben hinter sich ein fricatives Element (Mac. St. 59; Arch. XVII, 452). k'—g' близки къ ć—dj; послѣдніе отличаются лишь бо̀льшей степенью экспираціи: „Beim stärkeren Expirationsdrucke hörte ich gewöhnlich ein ć, dj, beim schwächeren vernahm ich in demselben Worte k', g'". Фрикативный элементъ нѣсколько значительное при ć,—dj(ђ), чѣмъ при k'—g' (Arch XVII, 952). Македонское ć отличается отъ сербскаго ć тѣмъ, что послѣднее артикулируетъ „немного дальше впереди" (Arch. XVII, 452; Mac. St. 59). Ст. Новаковичъ вполнѣ отожествляетъ македонскіе k'—g' съ сербскими ć—dj(ђ) („ђ и ћ у македонским дијалектима". Глас. XII; см. его замѣчанія и записи въ Arch. XII). Тщательное экспериментальное обслѣдованіе уклада языка при артикуляціи македонскихъ k'—g' можетъ разрѣшить этотъ споръ о присутствіи условія для образованія слабыхъ ś(š)—ź(ž). Такого обслѣдованія до сихъ поръ не произведено.

Мое наблюденіе, ограниченное лишь областью Д. Пологa, привело меня къ отрицанію существованія фрикатив-

[1]) „азъ прѣзъ 2 години наблюдение при сичкото си услушване не можихъ да чуѣ въ нѣкой македонский говоръ да се произнося ћ, ђ" (—Кратка расправия по етнографията на Македония.—Отд. отт. изъ XXXIV-V Пеп. Стр. 27).

[2]) Aussprache nach meinem Mutterdialecte von Veles mir ganz geläufig ist.—Arch. XX, 584.

[3]) Сбм. XX, 12.

[4]) Като желая да услужа на истината по тоя въпросъ, азъ рѣшително заявявамъ, понеже добрѣ познавамъ родния си говоръ, а така сѫщо понеже зная и какъ се изговарятъ сръбскитѣ звукове ћ и ђ, че въ нашия говоръ не сѫществуватъ тия шипещи сръбски звукове, и че винаги вмѣсто тѣхъ се явяватъ меки гърлени *к'* и *г'*" (Изв. на сем. II, 241). Рѣшительное заявленіе М. Григорова отчасти подтверждается данными, сообщенными Облакомъ и С. Томичемъ. Въ м.-рѣканскихъ записяхъ С. Томича замѣны *tj (kť) -*dj переданы обычно знаками ћ-ђ. Но въ 2-хъ случаяхъ, точнѣе стараясь передать звуковой характеръ этихъ замѣнъ, онъ употребилъ написаніе ћ[к']: ноћ[к'], ћ[к']ерка,—за что̀ вызвалъ рѣзкіе упреки со стороны М. В. Веселиновича:" је тај покушај залудан. Г. Томић „бануо на туђа врата"! (Браство IX-X, 490, 491).

наго элемента при обычномъ образованіи k'—g' различныхъ оттѣнковъ (то болѣе заднихъ, то болѣе переднихъ). Но спорадически происходитъ и слѣдующее явленіе: съ незначительной подвижкой артикуляціи впередъ происходитъ и небольшое измѣненіе въ укладѣ передней части языка, которое обусловливаетъ появленіе слабаго длительнаго элемента ś(š̑)—ź(ž̑): именно, при опущенномъ кончикѣ языка передняя часть языка представляетъ желобообразную форму; по этому желобку и направляется струя воздуха при рекурсіи согласныхъ, которые въ этомъ случаѣ становятся близкими къ сербскимъ ć—dj(ђ), хотя все-таки не совпадаютъ съ ними: мѣсто образованія д.-положскихъ ć—dj(ђ) и при такомъ укладѣ языка остается болѣе заднее по сравненію съ мѣстомъ образованія сербскихъ ć—dj(ђ).

Такого же болѣе задняго образованія являются соотвѣтствующіе звуки въ говорахъ Скопскаго Черногорья. Ат. Петровичъ въ своихъ записяхъ этого говора употребляетъ перечеркнутое вверху k: „Словомъ k [перечеркнутымъ] означен је глас између ћ и к“ (Етн. Зб. VII, 512).—керка, свињарчики, пајсторчики, опашчики, ја ке донешу, пазарееки и миришееки, плачееки (ib. 355, 392, 507, 509). Существованіе здѣсь такого согласнаго утверждаетъ и Св. Томичъ (Насеља III, 496).

Въ юго-восточной Сербіи,—въ южно-моравской и запланьской діалектическихъ группахъ, — находятся замѣны *tj—*dj, также отличныя отъ сербскихъ ć—dj (ђ). А. Беличъ, описывая физіологическій характеръ сербскихъ ć—dj и въ частности особенности образованій ихъ соотвѣтствій въ южно-моравской и запланьской группахъ, утверждаетъ наличность въ этихъ согласныхъ длительнаго элемента, хотя и весьма слабаго (Дијал. 167—171). По наблюденію О. Брока, въ говорахъ южной Моравы и Запланья замѣнители *tj—*dj обычно не имѣютъ этого слабаго длительнаго элемента ś(š̑)—ź(ž̑). Это „палатализированные, т. е. дорсально-образованные, „мягкіе“ t—d; эти *t'—d'* слѣдуетъ лучше всего сравнить съ произношеніемъ московскихъ ть-дь (напр. зять, тѣло, дѣло и др.); только въ южносербскихъ *t'—d'* по большей части нельзя констатировать слѣдовъ того краткаго шипящаго звука (шума отъ тренія — Reibungsgeräusches), который легко появляется и въ Москвѣ послѣ мягкаго t—d̑“ (Dial. 37). Во всѣхъ этихъ говорахъ находятся и ć—dj(ђ),

представляющіе или дальнѣйшее фонетическое развитіе t'—d' или заимствованія, развившіяся подъ вліяніемъ сербскаго говора литературнаго и государственнаго.

Въ южной части южно-моравской группы, въ Вранѣ, произносится вм. t' согласный k'. По наблюденію О. Брока, употребленіе k' въ враньскомъ говорѣ ограничивается сочетаніемъ k'e въ передачѣ буд. вр. Такое ограниченіе употребленія k' указываетъ на неисконность здѣсь этого согласнаго,—на то, что онъ проникъ изъ другихъ говоровъ (Dial. 42),—изъ Македоніи. А Беличъ отмѣчаетъ также для говора Врани и ея окрестности присутствіе согласнаго k' (по его мнѣнію, ћ'ᵏ). По его же наблюденію, k' (ћ'ᵏ) изрѣдка встрѣчается и сѣвернѣе отъ Врани. Изъ примѣровъ, сообщенныхъ А. Беличемъ, видно, что k' употребляется обычно въ k'e. Но имѣются немногіе примѣры и другихъ сочетаній съ k' (Дијал. 182—185).

О замѣнахъ *tj(*kt')-*dj въ говорахъ Старой Сербіи ничего неизвѣстно.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, различіе между южно-сербскими и македонскими замѣнами *tj-*dj заключается въ мѣстѣ образованія этихъ замѣнъ: въ говорахъ южной Моравы и Запланья онѣ болѣе передняго образованія (t'-d'), чѣмъ въ говорахъ Македоніи (k'-g').—Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о фрикативности ихъ.—Это различіе—несомнѣнно. Оно обнаруживается и въ томъ, что случаи съ k' въ южно-моравской группѣ ограничены областью, ближайшей къ Македоніи.

Указанное различіе само по себѣ еще недостаточно для отрицанія положенія о томъ, что македонскіе k'-g' вм. *tj-*dj вызваны вліяніемъ сербскихъ замѣнъ этихъ праслав. сочетаній,—замѣнъ, которыя по своему образованію были близки къ нынѣшнимъ южно-моравскимъ t'-d' (а не ћ—ђ). Если не получилось вполнѣ тожественныхъ звуковъ, то это не удивительно для говора людей, воспринимавшихъ чужое произношеніе: вм. палатальныхъ t'-d' стали произноситься близкіе къ нимъ, но болѣе задняго образованія палатальные k'-g',—звуки, развивавшіеся въ македонскихъ говорахъ и при другихъ условіяхъ (вм. вторичныхъ ti-di и др.), т. е. свойственные артикуляціи македонскихъ славянъ.

Не безынтересно отмѣтить физіологическій характеръ албанскхъ (у тосковъ и южныхъ геговъ) k'-g'. Они

произносятся, какъ взрывные палатальные согласные, безъ фрикаціи. Въ Дураццѣ k'-g' имѣютъ болѣе переднее образованіе, приближаясь къ t'-d'. Къ сѣверу отъ Крои эти палатальные t'-d' сопровождаются палатальнымъ спирантомъ. Съ фрикаціей эти согласные произносятся и въ Дебърской области (G. Weigand. Alb. Gram. 10. Pekmezi. Gram. d. alb. Spr. 18).

Въ говорахъ Македоніи палатальные k'—g' (или звуки, близкіе къ нимъ) употребляются не только въ качествѣ замѣнителей *tj—*dj, появившись на мѣстѣ болѣе раннихъ замѣнъ (šč—ždž), но и въ качествѣ звуковъ, развившихся внутри самихъ македонскихъ говоровъ: 1) вм. вторичныхъ tj̯—dj̯ (по утратѣ редуцированнаго гласнаго передъ j̯), 2) вм. k—g передъ гласными *i* и *e*, 3) вм. k, g послѣ j(j̯), l', n'. Кромѣ k'-g' указаннаго происхожденія, эти согласные употребляются 4) въ заимствованныхъ словахъ вм. k'-g'.

О 1) говорилось выше (74, 78).

Что касается 2), то k'-g' вм. k-g передъ гласными i,e свойственны всѣмъ говорамъ Македоніи. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти k'-g' не совпадаютъ съ k'-g', замѣняющими tj̯-dj̯: образованіе k(g) въ k(g)i(e) болѣе заднее, при этомъ, передъ гласнымъ e подвижка артикуляціи для согласнаго k(g) впередъ еще болѣе незначительна. Таковы сочетанія k'i, k'e -g'i,g'e въ говорахъ, напр., М. Рѣки (Изв. на сем. II. 245).

Измѣненіе k-g передъ гласными i, e извѣстно также говорамъ западной Болгаріи (записи) и многимъ говорамъ восточнаго нарѣчія.

Соотвѣтствующее явленіе наблюдается и въ говорахъ тимочско-лужнической группы. Въ особенности же значительна подвижка въ образованіи k-g при указанномъ положеніи въ говорахъ пиротскомъ и лужническомъ (Беличъ. Дијал. 143—193; Broch. Dial. 43, 285; Сбм. I, V, XVI, зап.).

3) Та же подвижка въ образованіи k-g вызывалась и вліяніемъ п р е д ш е с т в у щ и х ъ звуковъ: j̯(j), l', n'. Измѣненію k не препятствовалъ предшествовавшій s: vojsk'a. Послѣ развитія k'-g' по говорамъ происходила утрата j̯ и „отвердѣніе“ l',n'. То и другое измѣненія были пережиты говорами западной Болгаріи, тимочской группой въ юго-восточной Сербіи (—группой, очень близкой въ діалектическомъ отношеніи къ сѣверо-западнымъ говорамъ Болгаріи), нѣкоторыми говорами восточно-болгарскаго нарѣчія и Македоніи.

Кюстенд.: маi̯к'а, девоi̯к'а (Сбм. X, 357; Сб. Любенова, 10). Г. Джумая: ма́к'а, во́ск'а, л'ул'к'а (Сбм. XX 9.). Дупница: ма́к'а, пишта́л'к'а, се́н'к'а (Сбм. X, 164, 178, 181). Самоковъ: мак'а, свин'к'а (Сбм. X, 158, 159; Шапк. IX, 380). Въ сѣв.-западной Болгаріи: мак'а, девок'а, люлк'а, сенк'а, седе́нк'а (Мариновъ. Ж. Стар. II, 72, 79, III, 19). Видинъ: Софи́к'а, Мари́к'а, ма̀к'а (Сбм. XIX, 10). Враца: седе́нк'а, воск'а, ма́к'а-маi̯к'а (Сбм. XXV, зап.), без маi̯к'а, без родителк'а (Сбм. X, 26). Търнъ: девок'а, девò̀к'о (зват.), три девò̀к'е, при мак'у си (Псп. XI, 137). Чип[о]ровци: майтя, сенътю, сенътя, меанджи́йтя (въ зап. Качановскаго: „Памятники". 232.—тя, тю=t'ʲa(u)). Софія: воi̯ск'а (с. Войнеговци. Сбм. XVI—XVII, 315).

Примѣры для тимочскаго говора см. у Белича: Дијал. 197—198, у Брока: Dial. 39, 214, 215.

Для говоровъ восточно-болгарскаго нарѣчія: mа́jk'а, Mаrijk'а, l'ú̀l'k'а (Панагюр., Габрово, Троянъ), также въ родопскихъ говорахъ. См. у Милетича: Das Ostb. 166, 188; Die Rhodopm. 75, 89, 182. Въ родопскихъ же говорахъ извѣстны и сочетанія съ утраченнымъ i̯: mа́k'а(ä) (Miletič. Die Rhodopm. 34, 49, 121, 205).

Въ говорахъ Македоніи это явленіе извѣстно немногимъ говорамъ: на крайнемъ югѣ да на сѣверо-востокѣ. Костуръ: воск'а (Книжици II, 49). Кайляръ: маi̯к'а, но маi̯ко (Сбм. XVI—XVII, 63,67). Леринъ: бо́лк'а и бо́л'к'а (Шапк. IX, 318). Малешово: мак'а (Новини II, № 48). Піянецъ: ма́к'а, во́ск'а (Псп. XII, 118).—Говоры малешовскіе и піянечскіе находятся въ ближайшемъ родственномъ отношеніи къ сосѣднимъ говорамъ юго-западной Болгаріи.

На измѣненіе задненебнаго *k* въ направленіи къ ряду палатальныхъ согласныхъ можетъ оказывать вліяніе и предшествующій гласный *i*: ezik'. Такъ въ солунскомъ селѣ Н. Село (Oblak. Mac. St. 50). Такъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ западной и восточной Болгаріи. Въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ k' вм. k появляется и въ зависимости отъ предшествующаго *e*. tšumik'=ечмикъ (Weigand. Jahresber. XV. 157). dirèk' (Miletič. Das Ostb. 96).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ восточнаго болгарскаго нарѣчія развились k'—g' (разумѣется, не произносящіеся повсюду одинаково) и вм. t—d передъ e (изъ *ь, *e, *ę), передъ замѣнами *ě и въ конечномъ *t(ь). Послѣдовательно это измѣненіе проведено въ балканскихъ говорахъ Котла, Елены,

Дрянова (Miletič. Das Ostb. 167, 196—172) и въ говорахъ Чепина и Широкой Лъки въ Родопской области (Miletič. Die Rhodopm. 174—176, 208—213). k' вм. конечнаго *t[ь] извѣстно и нѣкоторымъ говорамъ сѣверо-западной Болгаріи. пак', пак'о (Мариновъ Ж. Стар. II, 70; Сбм. XXV: врачанскія зап.; Сбм. XVI—XVII, 314: Софійское село Войнеговцы). Говорамъ Македоніи, за исключеніемъ немногихъ на юго-востокѣ, k'—g' такого происхожденія неизвѣстны. Только въ кукушскомъ, дойранскомъ и нѣкоторыхъ солунскихъ (Негуванъ) говорахъ употребляется k': ръk' (Сбм. XVIII, 454; Шапк. IX, 372; Oblak Mac. St. 49). Въ близкомъ къ Негувану селѣ Сухо—pn̥t' (Oblak. ib. 49). Въ македонскихъ говорахъ вм.—tь находится t: рът—pat, zet.

4) k'—g' въ заимствованныхъ словахъ: k'oše, k'otek, k'or, k'umur, izmek'arite—izmik'arite, g'um, g'umče и др.

k'—g' въ балканскихъ языкахъ.

k'—g' въ вышеуказанныхъ категоріяхъ извѣстны говорамъ и другихъ балканскихъ языковъ.

1) Та же подвижка (безъ развитія фрикаціи) въ образованіи t—d передъ j (i̯) произошла и въ нѣкоторыхъ албанскихъ (напр., въ Эльбасанѣ) и греческихъ говорахъ. Въ этихъ греческихъ говорахъ k'—g' находятся не только вм. tj—dj, но и вм. ti—di: fk'ar=φτυάρι, nuk'ja=νοτιά. kis=τις, charkí=χαρτί (Kretschmer. D. lesb. Dial. 143—147). Алб. k'etɛr=tjetɛr, ak'è=atjè, g'è=djè, g'ale=djalɛ. (Pekmezi. Gram. 65).

Относительно 2-ой категоріи замѣтимъ, что и въ другихъ балканскихъ языкахъ k—g передъ гласными передняго ряда испытывали измѣненіе, выражавшееся въ передвижкѣ мѣста образованія въ область палатальную. При этомъ измѣненіи во многихъ балканскихъ языкахъ и ихъ діалектахъ развивались аффрикаты (ć, č, c—dź, dž, dz). Аффрикаты такого происхожденія извѣстны діалектамъ румынскимъ (дакорум. и макед.-рум.), греческимъ (преимущественно южнымъ), сѣверно-албанскимъ. k'—g' представлены говорами южно- и средне-албанскими и многими греческими.

3) Въ албанскомъ языкѣ k → k', g → g' послѣ i: pik'ni 2 мн. „печете" (ед. pjek), dik'ni, dig'ni—„сжигаете" (djek, djeg).

Въ 4-ой категоріи и другіе балканскіе языки имѣютъ k'—g' (или результатъ дальнѣйшаго діалектическаго измѣненія ихъ).

l-epentheticum.

l- epentheticum неначальныхъ слоговъ болгарскимъ говоромъ Дидаскаліи утрачено. Относящіяся сюда слова переданы такимъ образомъ: ζέμιατα 116, ζεμιατα 116, 117, ζέμια 121, ζέμια 174; σάπια 155.

Что̀ выражено въ приведенныхъ написаніяхъ посредствомъ ια—ια?— М. б., и 'а и ја. Имѣя въ виду указанія современныхъ македонскихъ говоровъ южныхъ и центральныхъ областей, полагаемъ, что ια—ια въ данныхъ случаяхъ передавали ја. Значитъ: зе́мја, са́бја.

Какъ указано выше, въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи были сочетанія съ ја(е) и въ замѣнахъ *-губ. согл.+ +ја(е): снопје, здравје.

Важно замѣтить, что Βουλγάρικα знаетъ „сабја“, но не —„сабл'а“. Въ послѣднемъ видѣ это слово находится въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверо-восточной Македоніи и западной Болгаріи, какъ пережитокъ сербскаго вліянія.

Въ Дидаскаліи встрѣчается λάμνια—ла́мн'а 118. Βλάχικα также имѣетъ λάμνια. Въ другихъ параллеляхъ этому соотвѣтствуютъ слова иного образованія: Ῥωμ. ὁ ὄρακων, Ἀλβ. σπρήγα (У албанцевъ-тосковъ извѣстно lamjε. G. Meyer. Wörtb. 231). Но ромейскому языку извѣстны и λαμια—λαμνια. Болгарскій и аромунскій говоры Дидаскаліи заимствовали изъ новогреч. lamn'a. Въ однихъ македонскихъ говорахъ это слово извѣстно съ согласнымъ п' (Велесъ. Сбм. XI, 132, и „ламьа“. Сбм. XVI—XVII, 228), въ другихъ безъ п'. Первое восходитъ къ новогреч. λάμνια, второе къ λαμια.—ламја, ла́м'а, напр. въ Охридѣ, Галичникѣ, Крушовѣ (Шапк. VIII, 220; Сбм. XI, 151; Сбм. XVI—XVII, 322). Новогреческое λαμνια, перешедшее въ такомъ видѣ въ нѣкоторые македонскіе говоры, въ томъ числѣ и въ болгарскій и аромунскій говоры Дидаскаліи, не позволяетъ отожествлять по происхожденію п' въ этомъ словѣ у славянъ съ тѣмъ п' послѣ губного m (zemn'a), который находится въ сѣверно-македонскихъ областяхъ.

Судьба l-epentheticum въ македонскихъ говорахъ была та же, какая была пережита вообще болгарскими говорами: онъ утрачивался не въ начальныхъ слогахъ. Вм. сочетанія—губ. согл.+l'+гл.—здѣсь выступаетъ сочетаніе—губ. согл.+ј

+гл.—или—мягкій губ. с.+ гл.— Въ формахъ именъ послѣ губного m нѣкоторые говоры сѣверной Македоніи и западной Болгаріи имѣютъ n' или n: zemn'a, zemna (рѣже). Послѣднее сочетаніе развилось вм. zemn'a. Отвердѣніе n' въ именахъ происходило и въ другихъ случаяхъ: baina, koina... Сочетаніе же zemn'a естественно предполагаетъ предшествующую стадію съ j: zemja или ранѣе zemja. Развитіе вм. mj (разнаго происхожденія) передъ гласнымъ палатальнаго n извѣстно во многихъ областяхъ славянщины: и русскіе (малорусскіе) и польскіе (мазовецкіе) и чешскіе (и въ Чехіи и въ Моравіи) знаютъ n' такого происхожденія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ славянскихъ говоровъ возникновеніе n' нормировано еще условіемъ нахожденія mj передъ гласнымъ заднягo ряда [1]).

Итакъ, въ Македоніи развились двѣ замѣны прежняго (не въ начальномъ слогѣ) сочетанія—губ. согл. +l'+гл.—: 1) губ. согл. +j+гл., 2) мягкій губ. +гл.—. Что касается взаимоотношенія этихъ двухъ сочетаній, то первое изъ нихъ предшествовало второму: zemja→zem'a. То же переживалось нѣкоторыми говорами и въ сочетаніи—губ. +j +гл.—, развившемся при другихъ условіяхъ, вм. *губ. +ije(a): zdravje→ zdrav'e; niv'e, niv'a. Такимъ образомъ, общей замѣной сочетанія съ эпентет. l у македонскихъ славянъ явилось сочетаніе —губ.+je. Такова же судьба l-epenth. была и въ говорахъ Болгаріи. Но тамъ процессъ ассимиляціи j съ предшествующимъ мягкимъ губнымъ охватилъ всѣ діалектическіе районы. Аналогичное измѣненіе было пережито ими и въ судьбѣ *губ.+ije(a): губ. мягкій+гл.

---

[1]) Какъ на независимый параллелизмъ, укажемъ, что такой же результатъ измѣненія палатальнаго m (m'→mn') извѣстенъ и за предѣлами славянщины. Такъ въ греческихъ говорахъ: mj+глас. (a)→mn': mn'a=μιά, potámn'a=ποτάμια. То же свойственно румынскимъ діалектамъ. Въ особенности былъ интенсивенъ и послѣдовательно проведенъ процессъ измѣненія палатальныхъ губныхъ въ македоно-румынскихъ говорахъ: въ этихъ говорахъ утрачена артикуляція губного согласнаго; сохраненъ лишь тотъ палатальный согласный, который развивался за губнымъ при диспалатализаціи послѣдняго: rapio→arak'u, pinus→k'in, bĕne→g'ine, fĕrrum→h'er, vĕnio→jin, mĕdius→n'edzu и т. под. См. S. Puşkariu. Zur Rekonstruktion des Urrumänischen. „Beihefte zur Zeitschr. f. rom. Phil". № XXVI, 33—34. См. также записи и описанія Вейганда, цит. выше.—Ср. ходъ измѣненія m', v', b', f', p' въ мазовецкихъ говорахъ: mj—mn'—n', vj—vz'—z', bj—bz'—z', f͡j=fch'—fs' p͡j—pch'—ps'—s'.

Стадія съ i̯+гл. отражается (хотя и непослѣдовательно) уже въ памятникахъ др.-ц.-сл. языка [1]).

Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ находятся сочетанія губ. согл.+i̯+гл —. Въ областяхъ Костура, Лерина, Рѣсена, Битоли, Прилѣпа, М. Рѣки, Крушова, Велеса, Штипа, Кратова, Радовишта, Кукуша, Водена, Дойрана, Солуня произносится zemi̯a, sabi̯a (ср. передачу въ записяхъ „земіа", „сабіа", гдѣ i=i̯, j; земйя для Рѣсена (Псп. XLI—XLII, 899), земьіа—для Меглена (Сбм. III, 120); земіьа — для Штипа (Сбм. VIII, 248), земйята для солунскаго села Киречк'ой (Книжици II, 40).

Сочетанія съ i̯+гл. находятся и въ говорахъ юго-западной Болгаріи: въ Г. Джумаѣ, Дупницѣ.

Въ тѣхъ же областяхъ Македоніи и западной Болгаріи i̯ послѣ губного согл. произносится и въ сочетаніяхъ, замѣнившихъ *-губ. согл.+i̯ie(a). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ областей извѣстны сочетанія, представляющія дальнѣйшее измѣненіе — губ. согл.+i̯+гл.—:—мягкій губ.+гл.—. Такъ въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 248), въ нѣкоторыхъ солунскихъ селахъ (Oblak. Mac. St. 68), въ Рѣсенѣ, въ Кратовѣ. Въ другихъ областяхъ сочетаніе—мягкій губ. согл.+гл.—является общеупотребительнымъ: въ Маріовѣ, Кичевѣ (ср. здѣсь и—zdrav'e: Сбм. XIX, 2... зап.; Сб. Иконом. 113).

-mn', -mn. zemn'a (zemna) находится въ говорахъ западной, сѣверной и восточной частяхъ Македоніи: въ Порѣчьѣ (дур до земна; на земна паднале. „Караџ." III, № 5); въ Д. Пологѣ (земн'а: Отчетъ 12; здѣсь и въ передачѣ р.-церк.-славянскаго слова „память" находится -мн'-: „вѣчна памнятъ", на надгробной плитѣ въ с. Теарце. Отчетъ 61.—„помнѧни гди іеромонаха а̑рсениа",—земляка Кирилла Пейчиновича. Зап. въ Уставѣ Хлуд. Собр. № 123). Такъ же въ Велесѣ (земн'а: Сбм. VIII, 256; IX, 131; XI, 84; въ этой области и—земi̯а: Сбм. XIV, 100); въ Скоп. Черной Горѣ (Срп. Етн. Зб. VII, зап.: земња, земњу); въ Кумановѣ (земња: Хц.-Василъ. I зап.); въ Кукушѣ (зѐмна: Сбм. XVIII, 453), въ сѣверно-солунскихъ селахъ Н. Селѣ и Ватилькѣ (zemn'a: Oblak. Mac. St. 68). Извѣстно -mn'- и за предѣлами Македоніи, въ ближайшихъ

[1]) В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе. 261—263. Обозрѣніе фактовъ др.-цсл. памятниковъ относительно l-epenth. ср. въ статьѣ П. Орѣшкова: „Отношенията на старобълг. паметници къмъ епентетично л" (Изв. на сем. II); у В. Вондрака: Altkirchenslav. Gram. 2 Aufl., 322—340.

областяхъ Старой Сербіи и юго-восточной Сербіи: земн'а, врз земн'е—слышатся на Косовомъ Полѣ (Етн. Зб. VII, 198). земн'а—встрѣчается и въ нѣкоторыхъ говорахъ юго-восточной Сербіи, преимущественно южной части южно-моравской области (Беличъ. Дијал. 225—226; Broch. Dial.: zémn'a (mit auffallendem n') для Лукова (130), для Кр. Феи (206).

Еще чаще -mn'- встрѣчается въ говорахъ западной Болгаріи: въ Кюстендилѣ (Сбм. X, 357), Самоковѣ (Сбм. III, 95), Търнѣ (Псп. XI, 138: земнята, у земню; съ другой основой: зем: улезла у зем. ib. 137), Софіи (Сбм. VIII, 175; XI, 93), Видинѣ (и—земл'а: Сбм. XIX, 11; здѣсь произносится -mn'- и въ заимствованномъ р.-церк.-славянскомъ словѣ „имя": во ѷимн'а оцá... Сбм. XIX, 11).

Въ говорахъ Македоніи, Старой и юго-восточной Сербіи и западной Болгаріи, въ которыхъ находится -mn'a, замѣна сочетанія *-губ. согл.+iје(а) представлена посредствомъ губ. согл.+ѷ+гл. Отсутствіе n' въ послѣдней замѣнѣ объясняется тѣмъ, что предшествующимъ согласнымъ является н е н о с о в о й губной (примѣры съ m мнѣ неизвѣстны).

Въ нѣкоторыхъ сѣверно-македонскихъ и западно-болгарскихъ говорахъ употребительны сочетанія съ l-epenth. Наиболѣе распространено съ l' сочетаніе sabl'a. Съ l' оно извѣстно говорамъ Д. Полога (Отчетъ 11), Кюстендила (Сбм. X, 357; Сб. Любенова 31), Самокова (Сбм. IX, 279) и нѣкоторымъ другимъ. Въ самоковской области извѣстно и -земл'а- наряду съ -земн'а, въ говорѣ одной и той же деревни (Oblak. Arch. XVII, 458). Въ Кратовѣ л' сочетаній -сабл'а-, а также -земл'а- отвердѣло: сабла, земла (Сбм. IV, 315). Съ л' „сабл'а" распространилась далеко на востокъ (съ запада, изъ сербскихъ языковыхъ областей). Такъ, въ софійскомъ селѣ Гурмазовѣ произносится „сабл'а" при земн'а", въ Пирдопѣ, Габровѣ, Ихтиманѣ, въ с. Батакъ (Oblak. Arch. XVII, 458).

l, ɫ, l'.

Дидаскалія различаетъ, по крайней мѣрѣ, два вида плавнаго l: l и l'. l, передающееся посредствомъ λ, находится передъ гласными и передняго и задняго ряда и въ концѣ слога. Возможно, что не во всѣхъ этихъ положеніяхъ l было одинаковаго образованія. Передъ гласными передняго ряда это былъ плавный l „средній", зазубнаго или альвеолярнаго затвора, образованный безъ оттяжки взадъ части языка,

находившейся за затворомъ:—λέτωτε 122, ἰζλεχ(г)ωα 116, τοπόλιχα 117 и др. Такое же l было и вм. *l' въ πώλετω 117. Передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слога произносился плавный, близкій къ ł,—корональный, съ средоточеніемъ средней и задней части языка дальше взади по сравненію съ положеніемъ языка при образованіи l: πλώτζι= плочи 121, πέτελωτ 121, βώλωητε 122, λούχ 141, σλούσσαετ 123, κλας-глас 123, πλανήννετω 117, λαμνιατα 118, πώλνα 130, βόλχοτ 118, σεουζαλβησ-се ужалвиш 144, νὰ πώλ νόσσ— наполнош 122, τζέλ-цел 171, τζέλα 144 и др.

Слѣдовъ ц вм. ł Дидаскалія не представляетъ. Имѣется нарѣчіе κόλκου (161, 181) при τόκω-τόκου (см. выше).

l',—плавный палатализованный или палатальный,—передается въ Дидаскаліи обычнымъ образомъ для мягкихъ согласныхъ: λι или λλι: λια=l'a, λιου—l'u.—φάρλιαμ—фърл'ам 136, πώελλια 116, τζέλιατα-чел'ат[т]а 133, ποστέλιατα 140, πόλιαετ-бол'ает 141, σεμόλιαετ-се мол'ает 143, κρύλλιετο-крил'ето или крил'јето 124.—Такъ же передается l' и въ Κανοναμε ζα σελατα μπιτωλσκοι: σελιάνιτε, βέκιλ-βέκιλιοτ (Сбм. XV, 378, 379).

l'→l. Въ образованіяхъ съ l'ub-, l'ud-, l'ut- произошло измѣненіе l' въ l: λούπησσ-lúbiš 135, λούμπητ-lúbit 141, λούμπαετ-lúbaet 160(2 р.); ὀτ λούγη-ot lúgi[e], Ῥωμ. ἀπὸ ἀνθρώπους 132; λούτσννε-lútin'e 119. Но въ корнѣ послѣдняго слова колебаніе: σελιούτητ 146.

Написанія съ λου- не представляютъ недосмотра. Составитель болгарской параллели послѣдовательно передавалъ мягкость согласнаго передъ гласнымъ посредствомъ ι или удвоеніемъ знака согласнаго. Въ написаніяхъ съ λου- вм. λιου- отражаются факты живого произношенія. Измѣненіе l' въ l въ указанныхъ словахъ извѣстно и другимъ македонскимъ говорамъ (см. ниже). Многіе македонскіе говоры измѣнили l' въ l въ словахъ nedel'a, postel'a, košul'a. Но говоръ Дидаскаліи знаетъ -l'a, переданное посредствомъ—λια и -λλα: νετέλιατα 126, νέτελλα 128, ποστέλιατα 140, πώστελια 155, κόσσουλια 152.

Македонскіе говоры имѣютъ троякаго вида l: велярное l, „среднее“ l и палатальное или палатализованное l.

ł. ł находится передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слога, замѣняя праславянское велярное же l или lь

съ „слабымъ“ ь въ конечномъ слогѣ и передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія. Впрочемъ, вм. *ľь по говорамъ встрѣчается l и l'- [1]). Образованіе ɫ не тожественно во всѣхъ краяхъ Македоніи: въ однихъ оно болѣе заднее, въ другихъ оно произносится кромѣ того съ лабіализаціей, въ третьихъ имѣетъ образованіе ближе къ среднему ряду, т. е. языковое тѣло не отодвинуто далеко взадъ за затворомъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ вм. ɫ велярно-лабіализованнаго развилось ц̨ въ концѣ слога. Такова судьба велярнаго *l въ говорахъ Полога: stoц̨, sòkoц̨, ràsoц̨-meso, prȁц̨, -prȁjła, dòšoц̨, pìц̨ sum, beц̨-trendàfile, voцk-voцci, aцbàtnice, ponedaцnik. Въ тѣхъ же говорахъ (сс. Лешокъ, Теарце, Челопекъ) не совсѣмъ еще утрачено и образованіе ɫ: на-ряду съ ц̨ произносятся сочетанія и съ l̨, ɫ (Отчетъ 16; Минало I 1, стр. 74, прим.).

Измѣненіе конечнаго l (ɫ) въ ц̨ извѣстно также кратовскому и криво-р.-паланскому говорамъ. Но примѣры съ такимъ измѣненіемъ плавнаго въ этихъ говорахъ ограничены категоріей формъ прич. муж. ед.. Кратово: викаў на-ряду съ діалектическимъ варіантомъ—викаја (Сбм. IV, 315). Криво-Р.-Паланка: зачуў, пофалиў... (Сбм. IX, 29). Съ окончаніемъ на ц̨ эта форма употребляется и въ мѣстностяхъ верхней Пчини, если такъ понимать заявленіе Хц.-Васиљевића: „се свршава на у“ [ў?] (J. Ст. Србија. II, 286). На -ц̨ оканчивается форма прич. муж. ед. и въ нѣкоторыхъ говорахъ западной Болгаріи, напр., въ говорѣ брезническомъ (Сбм. X, 161: он опитаў).

Кромѣ положскихъ говоровъ, ɫ знаютъ и другіе македонскіе говоры. Изъ центральныхъ отмѣтимъ прилѣпскій: „твердое и среднее л встрѣчается, какъ и въ ст.-болгар. и восточно-болгар., но съ той разницей, что твердое особенно отвердѣло“,—заявляетъ Д. Мирчевъ въ описаніи прилѣпскаго говора (Сбм. XX, 16). На „гуттуральное“ l въ этомъ говорѣ указалъ и Ст. Новаковичъ... Bei dem Consonanten *l* bemerkte ich...etwas gutturales (Arch. XII, 81). Изъ западныхъ говоровъ отмѣтимъ дебърскіе, въ которыхъ также нахо-

[1]) Передъ суф. *ьк-а: бол'ка, жел'ка, зел'ка... Такъ во многихъ говорахъ, въ томъ числѣ и рѣсенскихъ (Сбм. VIII, 254) и леринскихъ (Шапк. IX, 318). Какъ параллель, отмѣтимъ изъ албанскаго языка lk—→l'k—→jk: bulk-bujk (крестьянинъ).

дится ł, въ однихъ болѣе велярнаго образованія, въ другихъ менѣе (Oblak. Mac. St. 48-49. Григоровъ. Изв. на сем. II, 246-247). Изъ южныхъ укажемъ на корчанскіе (Arch. XVI, 44). Изъ юго-восточныхъ сошлемся на солунскіе (Oblak. Mac. St. 48).

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ велярность ł зависитъ отъ положенія въ словѣ: въ концѣ слова ł велярнѣе, чѣмъ въ срединѣ. Такое различіе отмѣчено для корчанскихъ и солунскихъ говоровъ.

Измѣненіе ł въ u̯ въ концѣ слога, извѣстное говорамъ Полога, представляютъ говоры и нѣкоторыхъ другихъ областей Македоніи, но представляютъ при слѣдующемъ условіи: toųt вм. tołt, развившагося вм. tl̥t. Это измѣненіе свойственно говорамъ Рѣсенской области (см. выше). Если же здѣсь въ концѣ слова произносится ł, а не u̯, то это зависѣло отъ того, что l̥ въ tl̥t имѣло болѣе велярное образованіе, чѣмъ ł въ другихъ положеніяхъ и l̥ (вторичное) въ концѣ слова: ср. сказанное выше о замѣнахъ tl̥t въ македонскихъ говорахъ. Нѣсколько шире области употребленія u̯←ł при другомъ условіи,—въ словахъ touku, kouku, nekouku. Возникновенію въ этихъ словахъ ł и его измѣненію въ u̯, благопріятствовали сосѣднія артикуляціи: предшествовавшаго гласнаго *o* и слѣдовавшаго тоже задняго образованія согласнаго *k*, лабіализующее дѣйствіе котораго отражается и въ другихъ случаяхъ. ou̯ въ указанныхъ словахъ отмѣчено въ слѣдующихъ областяхъ: Леринской (Сбм. VIII, 160, 162; V 144), Рѣсенской (Книжици IV-VII, 267; Псп. XLI—XLII, 887; Сбм. VIII, 258), Скопской (Минало I 1, 166), Штипской (Сбм. XI, 581; здѣсь и -маўку, съ ў нефонетическаго происхожденія, а по аналогіи съ -тоўку, коўку; если въ слѣдующемъ слогѣ гласный нелабіализованный (-а), то „отвердѣнія“ l не происходило и развивался l'; зел'ка, л'ул'ка. ib. 587).

Въ только что названныхъ областяхъ при существованіи сочетанія touku употребляется сочетаніе tuku изъ toku, съ замѣной to- посредствомъ tu- подъ вліяніемъ слѣдующаго слога (-ku).—Ср. окулу, наокулу.—toko-tuku при tolku, kolku, nekolku извѣстно и въ сѣверныхъ и въ центральныхъ и въ самыхъ южныхъ говорахъ Македоніи. toko—въ Дебърскомъ краѣ (Сбм. XI, 145, Браство IX—X, 368). tuku—отмѣчены въ слѣдующихъ областяхъ: въ Костурѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, Ки-

чевѣ, Порѣчьѣ, Крушовѣ, Битолѣ, Маріовѣ, Велесѣ, Кратовѣ и даже въ Кумановѣ (Материали по изучв. на Макед. 546)— подъ вліяніемъ другихъ, южныхъ говоровъ [1]). Такъ же въ юго-западной Болгаріи, въ Самоковѣ и Дупницѣ: tuku, tolku. Но въ Кюстендилѣ и Г. Джумаѣ: tòku, kòku. Подъ вліяніемъ этихъ образованій стало произноситься máku. (Но ср., напр., для г.-джумайскаго говора присутствіе l' въ сочетаніяхъ: bil'ka, l'ul'k'a. Сбм. XX, 9).

Что касается происхожденія tol'ku (дебърское, м.-рѣканское) — tolku-tołku-touku, toko-toku-tuku, то tol'ku-tolku, съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ l (ł, u) ясно: оно восходитъ къ *tołko (см. „Изслѣдованіе о языкѣ синод. списка 1-ой новгород. лѣтописи" Б. М. Ляпунова. СПб. 1899, стр. 162—163). Къ сочетаніямъ съ -łь- восходятъ и kołku, nekołku, onołku. Ясенъ и ходъ развитія *tołko→...touku (съ нефонетическимъ конечнымъ -u, по аналогіи съ исконными нарѣчіями на -u). Развитіе велярнаго l и его измѣненіе въ u въ tołku, kołku... находилось въ зависимости отъ сосѣднихъ артикуляцій: отъ предшествующаго задняго лабіализованнаго гласнаго (o) и слѣдующаго тоже задняго образованія согласнаго k. При произношеніи t[k]oł- часть языка, артикулировавшая по отношенію къ заднему небу, была въ общемъ одинакова при *o* и ł. При переходѣ отъ этихъ артикуляцій къ слѣдующему -ko(u) легко могъ быть опущенъ зазубный (или альвеолярный) затворъ, и черезъ артикуляцію u прямо могъ наступить затворъ задненебный для k.

Что касается toku-tuku, то не можемъ считать ихъ за сочетанія, ф о н е т и ч е с к и развившіяся изъ toqko-touku, при предположеніи, что артикуляція для q, развившагося вм. ł, съ теченіемъ времени совсѣмъ совпала съ артикуляціей предшествующаго гласнаго; сочетанія же tu- вызвано вліяніемъ слѣдующаго слога съ u(-ku); tu- смѣнило собою ило to-, или toq-. Такому объясненію появленія toko-toku-tuku противорѣчитъ общераспространенное въ Македоніи сочетаніе tolku (tołku), существованіе kolku, nekolku (kouku, nekouku); -koku-kuku македонскимъ говорамъ н е и з в ѣ с т н ы. Нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, что въ tolku и kolku условія для измѣненія l были различны: то и дру-

[1]) tuku въ значеніи „только" перешло и въ говоръ мегленскихъ влаховъ (Weigand. Vlacho-Meglen. Leipz. 1892. 33).

гое сочетаніе имѣло по говорамъ одинаковую судьбу: ср., напр., toцku, koцku. Согласно съ изслѣдованіемъ Б. М. Ляпунова (op. cit. 159) полагаемъ, что македонско-болгарскія toko -toku имѣютъ иное образованіе по сравненію съ tolko - tolku, kolko-kolku, восходя къ *to+ko. Какъ нарѣчіе, toko въ болгарско-македонскихъ говорахъ стало употребляться съ окончаніемъ -u, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ. При такомъ объясненіи понятно будетъ существованіе toku (tuku) при tolku (toцku), kolku (koцku), nekolku (nekoцku),—сочетаній, засвидѣтельствованныхъ почти всѣми македонскими говорами. Наличность сочетаній toku (tuku) при tolku находится въ зависимости отъ значенія того и другого сочетанія: toku (tuku) употребляется въ значеніи „только", а tolku—„столько". Это различіе значеній представляютъ всѣ македонскіе говоры.

Отступленіе въ параллелизмѣ звуковыхъ сочетаній toku (tuku) | tolku, kolku наблюдается лишь въ юго-западной Болгаріи, именно въ говорахъ кюстендилскомъ и г.-джумайскомъ: здѣсь безъ l находится и kolku: koku, и даже maku при malku (Сбм. X, 358; XX, 21... зап.). Для maku несомнѣнно, что утрата l обязана аналогіи съ toku, koku.—Ср. то же направленіе аналогіи въ штипскомъ говорѣ—maцku.—Но не совсѣмъ ясно происхожденіе въ кюстендилско-джумайскомъ говорахъ сочетаній toku, koku. Вѣроятно и здѣсь toku вм. *toko, а koku развилось не фонетически вм. kolku[o]← kolьko, а по аналогіи къ toko(u) [1]).

Нѣтъ достаточнаго основанія объяснять to- сочетанія toko[u], какъ замѣну *tъ- сочетанія *tъkъmo: послѣднее имѣетъ свою непосредственную замѣну въ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи въ видѣ tokmo. Напр.: Охридъ: Изв. на сем. III, 254; Прилѣпъ: Сбм. XV. 4; Г. Джумая: Сбм. XX. 19 и въ другихъ областяхъ. Съ to- это нарѣчіе извѣстно и въ Д. Пологѣ: см. ниже характеристику говоровъ этой области. Если д.-положское tokmo не представляетъ заимствованія отъ говоровъ ъ → o, то приходится полагать, что и въ tokmo лежитъ въ основѣ *to—.

l', l. Палатальное или палатализованное l (l') македонскимъ говорамъ извѣстно. Но употребленіе его не является послѣдовательно проведеннымъ во всѣхъ случаяхъ съ преж-

[1]) Такъ же можно объяснить и діалектическія русскія tóko(a͡), skóko(a͡). Среди говоровъ, имѣющихъ такія сочетанія, отмѣчу говоръ цукановъ Ливенскаго у. (Орлов. губ.) и „мѣщанскій" говоръ той же мѣстности. Обычными же являются—l'k'a: tòl'ka, skòl'k'a.

нимъ *lj: въ большомъ распространеніи замѣна l' посредствомъ l „средняго“, въ особенности передъ гласными передняго ряда. Если въ томъ или иномъ говорѣ или отдѣльномъ словѣ не произошло еще совпаденія l' съ l, то все же l' по своему образованію не далеко отъ l. Это надо замѣтить для разныхъ македонскихъ говоровъ, въ томъ числѣ и для сѣверныхъ. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ l←l' испытало и дальнѣйшее измѣненіе въ томъ же направленіи: часть языка, находившаяся за затворомъ, отодвинулась дальше взадъ въ среднюю область рта, а боковыя части языка опустились нѣсколько ниже: l приблизилось къ ł.

l (вм. l'), переходное къ типу ł, находится въ отдѣльныхъ случаяхъ почти во всѣхъ областяхъ Македоніи. (Въ болгарскихъ и сербскихъ записяхъ для передачи такого l употребляется тотъ же знакъ, какой служитъ для l „твердаго“: *л*, а не *ль*, ль). Это „отвердѣніе“ l' наблюдается передъ гласнымъ *а*, въ конечномъ и срединномъ слогѣ, въ замѣнѣ конечнаго -l'ь (въ основахъ на *-jo), передъ u (y) въ начальномъ слогѣ. Но, какъ уже замѣчено, не во всѣхъ случаяхъ передъ гласными *а*, u является l съ „отвердѣніемъ“: при nedela можетъ произноситься въ томъ же говорѣ postel'a и наоборотъ.

nedela, postela, košula, selanec-selanin, selani, pri[j]atel-pri[j]atelo[t] можно указать, при только что упомянутомъ ограниченіи, для слѣдующихъ областей: Лерина, Битоли, Прилѣпа, Маріова (и—povela, kral), Велеса, Рѣсена, Дебра, Кичева, Порѣчья (kralot, kraloi dvoroi), Полога, Скопья, Кратова (здѣсь l и въ -sabla, zemla).—Записи и описанія.

То же явленіе наблюдается и въ говорахъ юго-западной Болгаріи.—Зап. и описанія.

lug'e, lut-: lut, -a, -o, lutina, nalutil, razlutil; lub-: lubil, lubiš, luben'e, luba; blu-: bluen'e; plu-: pluskam, -š, pluska v race (Прилѣпъ); kluč; klun—клювъ, kluna—3 ед.—Также въ этихъ и имъ подобныхъ сочетаніяхъ возможны по говорамъ сочетанія съ l въ одномъ словѣ при l' въ другомъ. Но обычно въ каждомъ говорѣ съ lu- произносится большая часть изъ указанныхъ сочетаній (не говоримъ „всѣ“, вслѣдствіе недостатка примѣровъ изъ разныхъ говоровъ). Такъ въ Леринѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ, Велесѣ, Охридѣ, Дебрѣ, Кичевѣ, Порѣчьѣ, Скопьѣ, Штипѣ, Кратовѣ, Кумановѣ (он плује сва лето на бостан).—Записи описанія.

lu- знаютъ и говоры западной Болгаріи, на югѣ и отчасти на сѣверѣ.

О l' въ замѣнѣ *-liję(a) ср. стр. 78.

Изрѣдка ɫ употребляется и въ юго-восточной Сербіи. Немногіе примѣры съ ɫ, собранные А. Беличемъ, относятся, гл. обр., къ южной части южно-моравскаго діалекта (Дијал. 212). ɫ находится передъ гласными задняго ряда (одинъ примѣръ—бѣедьн) и въ концѣ слога. „За њ [ɫ] се никако не може рећи да зависи од нарочитих, специјалних погодаба; али се може рећи тако исто да оно није у *општој* употреби, да се чује спорадички, можда не у аухтона, и да се у свима другим случајевима изговора *л* као наше обично, књижевно, без и најмање склоности да се изговора у правцу тога гласа", -замѣчаетъ Беличъ. Повидимому, спорадическое появленіе ɫ въ этихъ областяхъ обязано вліянію съ юга, шедшему отъ предѣловъ Шаръ-Планины.

Въ албанскомъ языкѣ извѣстны альвеолярный плавный „мягкій" l и альвеолярный же ɫ. Палатальнаго образованія l' перешелъ въ j и только въ немногихъ говорахъ тосковъ онъ сохранилъ свое образованіе плавнаго: l'epurzаяцъ (H. Pedersen. Die albanesischen l-laute. „Zeitschr. f. vergl. Sprach." B. XXXIII, 551). Въ говорахъ геговъ ɫ произносился или произносится съ участіемъ губной артикуляціи: ср. близость ɫ къ спиранту ɔ̂ (вм. ɔ̂ встрѣчается v, вм. ɸ—f. Pekmezi. Gram. 8, 59-61. Weigand. Gram. 8-9).

Плавный l (при l и l') извѣстенъ и нѣкоторымъ аромунскимъ говорамъ,—тѣмъ, которые находятся рядомъ съ албанскими. Вліянію послѣднихъ и обязано появленіе ɫ (или l̴) у этихъ аромунъ. Такое ɫ (вм. l) отмѣчено у фаршеріотовъ, живущихъ преимущественно въ средней Албаніи (Weigand. Aromunen. II, 187), и аромунъ Тираны (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. XVI, 209).

d͡z. d͡ž.

Болгарскому говору Дидаскаліи извѣстенъ слитный согласный d͡z, переданный посредствомъ τζ. Такъ выражается d͡z и въ аромунской и албанской параллеляхъ, напр., οὐσάντζε=usănd͡ze (Βλάχ.). τζάνν=dzén (Αλβ.). Кавалліоти также пользуется τζ или для бо̀льшей ясности ντζ (ὁρτζου=ordzu, ντζάντα=dzadă. Sitzber. B. 132, стр. 8). Для z служитъ обыч-

но ζ, рѣже σ. Примѣровъ съ этой аффрикатой въ Дидаскаліи немного: νότζητε—но͡дзите 176, 177; τρούτζη—дру́͡дзи 117, но тутъ же и τρούζη, въ чемъ отражается соотвѣтствующее явленіе живого говора, которое можно наблюдать въ разныхъ македонскихъ областяхъ. μέλτζη—ме́[ъ]л͡дзи 169. Въ одномъ заимствованномъ словѣ: τζαράρ—͡дзара́р 126; но въ другомъ случаѣ—ζάραρος 144. Въ албанской параллели въ обоихъ случаяхъ это слово передано съ ζ: ζαράρ. ζαράρη.

з находится и въ сочетаніяхъ σβέστητε—зве́͡здите 116 и ὸτ ὄζατή 157. Между тѣмъ, въ македонскихъ говорахъ именно въ этихъ сочетаніяхъ, и въ особенности въ первомъ чаще всего употребляется d͡z.

Рѣдко встрѣчаются сочетанія съ d͡z на юго-востокѣ (въ области солунскихъ говоровъ) и на западѣ (въ области дебърскихъ говоровъ). Βουλγάριχα Дидаскаліи въ ближайшемъ отношеніи находится къ говорамъ западнаго края Македоніи.

d͡ž вм. ž. Дидаскалія предлагаетъ только одинъ примѣръ съ d͡ž вм. ž: σεουμπλάτζαετ—се убла́͡джает 131; Ῥωμ. γλυχανθοῦν. železo передано посредствомъ ζέλεζω (121). ž Даніилъ, Кавалліоти и другіе выражаютъ посредствомъ ζ, а dž—τζ. Въ Дидаскаліи имѣется написаніе σβάχας=жва́кашъ 169. Въ македонскихъ говорахъ встрѣчается džvaka и žvaka —(см. ниже).

Македонскіе говоры, какъ и говоры западной и отчасти восточной Болгаріи и юго-восточной Сербіи, имѣютъ d͡z на мѣстѣ праславянскихъ d͡ž и *z*. Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ d͡z послѣдовательно замѣняетъ прежнее *d͡z, и спорадически, въ отдѣльныхъ словахъ, эта аффриката употребляется вм. *z. Въ другихъ говорахъ d͡z является спорадически не только вм. *z, но и вм. *d͡z. Въ третьихъ, d͡z находится только вм. *z въ отдѣльныхъ словахъ. Если въ послѣднихъ говорахъ находится dzvězda, то здѣсь d͡z неисконно, а новаго происхожденія, вм. *z* начальнаго слога.

Развитіе d͡z вм. *z* отражается уже въ памятникѣ XI в., —въ Ассеманіевомъ Ев.: ꙁвѣзда (Leskien. Handbuch [4], § 31a). Среднеболгарскіе памятники XII—XIII в. представляютъ уже многочисленные примѣры сочетаній съ новымъ ꙁ: Болон. Пс. (В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 207—209), Охрид. Ап. (С. М.

Кульбакинъ. Охридская рукоп. Апост. CIII—CIV), Слѣпч. Ап. (Г. А. Ильинскій. Слѣпч. Ап. LXXVI), Добрѣйшово Ев. (Б. С. Цоневъ. Добрѣйш. Четвероев. 85), Битольская Тріодь (Й. Ивановъ. Старини 102) и др. Сочетанія съ d͡z вм. z большею частью являются общими для среднеболгарскихъ говоровъ, насколько послѣдніе отразились въ памятникахъ письменности. Въ тѣхъ же словахъ d͡z представляютъ и современные говоры, преимущественно македонскіе и юго-западной Болгаріи. Къ среднеболгарскимъ сочетаніямъ съ новымъ d͡z затѣмъ присоединились и другія, болѣе поздняго происхожденія, заимствованія изъ турецкаго, имѣвшія z (въ начальномъ слогѣ).

Списокъ примѣровъ съ d͡z для трехъ говоровъ: търновскаго, кюстендилскаго и охридскаго данъ В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 209—210)[1]. Этотъ списокъ можно дополнить нѣсколькими примѣрами изъ другихъ говоровъ. См., напр., въ описаніи Хр. Стоиловымъ г.-джумайскаго говора (Сбм. XX, § 96)[2]. В. Н. Щепкинымъ представленъ ходъ развитія новаго d͡z и результатъ этого процесса, отразившійся въ разныхъ болгарскихъ говорахъ. Главное условіе для появленія d͡z вм. z—начало слога, преимущественно начальнаго. „Въ виду того, что въ ново-болгарскую эпоху очень рѣдко *dz* послѣ гласной, можно думать, что въ такихъ случаяхъ, какъ ѥѕєро, ѕмрasa средне-болгарскій звукъ *dz* (вмѣсто z) былъ или діалектическимъ явленіемъ, или *dz* было здѣсь неполнаго образованія и позднѣе снова перешло въ *z*“,—

[1]) Въ числѣ этихъ словъ для охридскаго говора В. Н. Щепкинъ, пользуясь перечнемъ, находящимся въ описаніи Е. Спространова (Сбм. XVIII, 526), приводитъ и -назод. Но съ гласнымъ *о* это слово не соотвѣтствуетъ чертамъ о х р и д с к а г о говора. Въ этомъ сочетаніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, а→ъ: снъга, мъшча, назъд. Что дѣйствительно здѣсь произносится назъд, см. указанія въ „Изв. на сем.“ III, 242. Въ дебърскихъ говорахъ, гдѣ также въ этихъ словахъ а→ъ, произошла замѣна всякаго ъ посредствомъ *о*: снóга, мóшчеа, *нáзод*. Если и употребляется въ Охридѣ „надзод“, то гласный *о* здѣсь появился подъ вліяніемъ дебърскихъ говоровъ. Интересно отмѣтить, что то же нарѣчіе съ *о* зашло и дальше на югъ, въ Рѣсенскій край: *нáзо*ᵕ („Македонія“ I (1867), № 39), а также въ Костурскій: назо[д]ᵕ (Книжици II, 53).

[2]) Ни у Щепкина, ни у Стоилова (въ описаніи г.-джум. говора), ни у Мирчева (въ описаніи прилѣп. говора) не отмѣчено -dzev-, находящееся въ записяхъ изъ с. Църско, принадлежащаго по говору къ Кичевской области: се прóзеват=позѣвываетъ (Сбм. XIX).

пишетъ В. Н. Щепкинъ (Болон. Пс. 210). Въ спискѣ новоболгарскихъ примѣровъ съ d͡z слова „eserо“ не имѣется. Но тѣмъ не менѣе (ѣ)eserо съ s [dz] произносилось въ средне-болгарскую эпоху. Съ dz это слово произносится и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ, напр. въ кичевскомъ: см. обширныя записи изъ с. Църско (въ Сбм. XIX), съ часто встрѣчающимся -eserо-.

Въ заключеніе небезынтересно будетъ отмѣтить отношеніе самихъ говорящихъ къ сочетанію съ d͡z въ мѣстностяхъ, гдѣ сталкиваются представители двухъ разныхъ діалектическихъ группъ, отличающихся одна отъ другой между прочимъ и тѣмъ, что сочетаніямъ съ d͡z одной изъ нихъ соотвѣтствуютъ сочетанія съ z другой. Такъ, въ говорѣ Скопья среди словъ съ d͡z имѣется и „d͡звона“. Въ разговорѣ сторожъ при одной изъ церквей города употреблялъ на-ряду съ „d͡звона“ и „звона“. На мой вопросъ, почему онъ произноситъ это слово то съ *z*, то съ *d͡z*, отвѣчалъ: „звона викаат сърби; у нас d͡звона“.

d͡ž вм. ž встрѣчается въ говорахъ Болгаріи и Македоніи гораздо рѣже, чѣмъ d͡z вм. z. Въ началѣ слова d͡ž вм. ž произносится по говорамъ въ словѣ dželezo (Cankof. Gram. 7; Oblak. Mac. St. 53; Миладиновци 341; Miletič. Das Ostb. 92). džváka[m] (въ Дебърскомъ краѣ. Дримколъ. Тамъ и -джваканѝцата. „Сбор. въ честь на Милетичъ“ 147; въ Прилѣпѣ. Сбм. VIII, 228, XX, 16; въ Велесѣ. Сбм. VIII 461). Въ срединѣ слова d͡ž вм. ž находится послѣ n, m, r, l, а также и гласныхъ: dъrdže, dъldžila, lъndža (Miletič. Das Ostb. 92; Илиевъ. Сбор. I, 34, 28; Oblak. Mac. St. 63, 54;—въ Воденѣ: дълджила. Сбм. V, 163); „дължинъ“ и въ болгарскомъ говорѣ далекой Винги (Сбм. XVI—XVII, 420). gъmdži (Cankof, Gram. 7); ноджина, ноджиште, книджовниче, Бедже Мурат-бедже! (Миладиновци 512, 341, 179). pólodže (Cankof. Gram. 7).

Развитіе аффрикатъ dz вм. z, c вм. s, č вм. š извѣстно и албанскимъ говорамъ, преимущественно тосковъ: dzverk(zverk) — затылокъ, pelcás(pelsás)—трескаюсь, kurcim (kursim)—бережливость, čpagój (špagoj)—заплатить, hapča (hapša)—Optativus отъ hap—открываю (Pekmezi. Gram. 96. Ср. также у Pedersen'a: Texte. 9).

š, ž, č.

Согласные č, š въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи были до нѣкоторой степени „мягкими“. На ихъ „мягкость“ указываетъ употребленіе, хотя и непослѣдовательное, знака ı передъ знакомъ гласнаго.—τζιούβατ—čuvat или čüvat 119, 134, но—τζοῦμα 146. σιουπέλκατα—šupélkata или šüpélkata 140; νάσια, но и νάσσα 156; σιεσσ—šeš 179, но и σσέσσ 180.

Интересное явленіе представляетъ передача „6“ и „16“: šeš и šešnáeset—σσεσσνάεσετ 179, при šes sta—σσέσ στᾶ 180. Въ этихъ словахъ š вм. s возникло вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи; ей благопріятствовалъ и слѣдовавшій за s согласный n: передняя часть языка, поднятая къ твердонебной области для образованія согласнаго š, пропустивъ звучащую струю воздуха для гласнаго e, принимала опять прежнее положеніе: вмѣсто длительнаго согласнаго s произносился согласный š, и стоило кончику языка немного ближе подойти къ небно-зубной области и упереться въ нее,—готовъ былъ затворъ для слѣдующаго n. Какъ видно, переходъ къ образованію согласнаго n способствовалъ распространенію артикуляціи š на слѣдующій согласный s передъ n. Такое сближеніе въ артикуляціяхъ š и n легче происходило при корональномъ š, какимъ и былъ этотъ согласный въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи [1]). При паузѣ послѣ s или st, не было благопріятныхъ условій для распространенія артикуляціи š [2]). Въ македонскомъ говорѣ Дидаскаліи š появляется и въ „6“: šeš, но появляется инымъ путемъ сравнительно съ š въ šešnáeset,—путемъ аналогіи къ послѣднему сочетанію. Впрочемъ, возможно, что и въ šeš š вм. s развилось такимъ же образомъ, какъ и въ šešnaeset: šes тѣсно примыкало къ слѣдующему относящемуся къ нему слову, начинавшемуся съ зубного n, t [3]): šes-nok'i→šeš-nok'i, šes-trupo[u]i→šeš-trupo[u]i... Изъ подобныхъ сочетаній могла обособиться и отдѣльная форма šeš. Въ Дидаскаліи šeš находится въ счетѣ, внѣ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго: pet, šeš, sédum..., dváeset i šéš... Если же слѣдующее слово, съ которымъ „шесть“ находится въ сочетаніи,

[1]) Ср. и діалектическое русское „шышнащат'“ (въ Ливенскомъ у. Орлов. губ. и въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ говорахъ).

[2]) Ср. русское діалект. „шес'т'“ при „шышнащат'“.

[3]) Ср. русское діалект. „шāштóй“ (тамъ же).

начиналось согласнымъ s, то въ зависимости отъ этого šes-s..: šes-sta (180).

Въ описаніяхъ и записяхъ, относящихся къ македонскимъ говорамъ, обычно отсутствуютъ указанія на образованіе č, š, ž, на ихъ „мягкость“ или „твердость“. Но все же имѣется возможность сдѣлать общее, хотя и недостаточно опредѣленное положеніе, что въ македонскихъ говорахъ сохраняется нѣкоторая мягкость этихъ согласныхъ. Такими č, š, ž отмѣчены Облакомъ въ солунскихъ говорахъ (Mac. St. 46, 51). Ср. и въ записи изъ солунскаго с. Киречк'ой: čiúždo (Rad, knj. 145, стр. 154). Такими эти согласные отмѣчены мною на сѣверѣ, въ Д. Пологѣ. При этомъ надо замѣтить, что ихъ образованіе зависитъ отъ слѣдующаго гласнаго; именно, передъ і согласные č, š, ž въ д.-положскихъ говорахъ являются въ рядѣ случаевъ „твердыми“, а і послѣ „отвердѣнія“ этихъ согласныхъ приблизился къ гласному средняго ряда у(ы): се свърши[ы], държи[ы]ја, неплачи (Тетово; *ч* — тверже русскаго *ч*); также безъ „мягкости“ произносилось *ш* и передъ *е*: шес гòдине (Тетово). Но „твердые“ *ш*, *ж* произносятся передъ *и* непослѣдовательно. Нерѣдко приходилось слышать -и— муж'и, лъж'ичка, ж'иви.

Въ Д. Пологѣ съ средней „мягкостью“ произносится и *ц*: ц'иганк'ите. (Отчетъ 12).

Для западныхъ говоровъ Битольской области указаніе на „мягкость“ ž представляетъ Καγσναμε ζα σελατα μπιτωλσκοι: λάζιατ - лаж'ат 26, κάζιατ - каж'ат (Сбм. XV, 379).

*čьr̥t-, *čert.

Въ замѣнахъ праславянскихъ сочетаній čьr̥t-, čert-, послѣ того какъ č оказалось рядомъ съ плавнымъ r (послѣ утраты неслогового ь—čr̥t и послѣ перестановки—črět) македонскими говорами было пережито дальнѣйшее измѣненіе č въ c. Но во многихъ изъ этихъ говоровъ въ группѣ črět- раньше развившійся между č и r гласный элементъ e или i удерживалъ č отъ перехода въ c: čereša - čereśna, čereva - čireva, čerera. Такое объясненіе čerešna при crna-čarna было сдѣлано В. Облакомъ (Arch. XVII, 444) и В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 123; Учебникъ болг. яз. 26). Но и въ črět- сѣверномакедонскіе говоры и нѣкоторые центральные, а также западно-болгарскіе замѣняли čr посредствомъ cr. Такъ въ

с. Църско (Сбм. XIX, 99), въ Прилѣпѣ (Сбм. XX, 13), Велесѣ (Сбм. XII, 183), въ Штипѣ (Сбм. VIII, 246; Arch. XVII, 444), въ Г. Джумаѣ (Сбм. XX, 10), въ Самоковѣ (Сбм. X, 158): creva, creša [1]). — cr̥t - сърт — теперь свойственно всѣмъ говорамъ Македоніи и западной Болгаріи (кромѣ близкихъ къ восточному нарѣчію) и нѣкоторымъ родопскимъ. Говоры съ čьrt-, čert- идутъ къ востоку и сѣверу отъ Самокова и Софіи (Oblak. Arch. XVII, 444—445; Цоневъ. Сбм. XX, 76). Измѣненіе čr- въ cr- составляетъ общее явленіе и говоровъ юго-восточной Сербіи, какъ и вообще сербскаго языка.

Въ Дидаскаліи замѣны čr̥t - переданы посредствомъ τζαρ-: τζάρνω 125, σετζάρβάνητ 175, τζαρβένετα 177. По всей вѣроятности, въ указанныхъ написаніяхъ τζ имѣетъ значеніе c, хотя съ достовѣрностью это утверждать нельзя: въ близкомъ говорѣ охридскомъ еще въ началѣ XIX в. произносилось čьrt- (Arch. XVII, 444). Несомнѣнно, č находилось въ словахъ τζέρεσνα 138 и τζηρέβατα 167. Весьма вѣроятно предположеніе В. Н. Щепкина, что cr- „возникло на крайнемъ западѣ Болгаріи и крайнемъ сѣверѣ Македоніи, вслѣдствіе діалектическаго родства съ сербскимъ языкомъ, и затѣмъ распространялось на востокъ и югъ, вытѣсняя čr-“ (Учебникъ болг. яз. 26). Во второй половинѣ XIII в. въ Македоніи сохранялось čr-. Въ сѣверно-македонской грамотѣ Константина Асѣня (до 1277 г.) употребляется чр. Чрьѣско градище (въ запад. Македоніи); ѿ Чрьногорѫ (Скопской); до Чрьного каменѣ (въ сѣв. Македоніи); съ чрѣшшвеноѥ (Г. А. Ильинскій. Грамоты. 15—16). Это вытѣсненіе обнаруживается уже въ XIV в. добрѣ дикакь рѣкоу сѣ, написавшій Трефологій (Хлуд. собр., № 164) оу порѣчи. оу селѣ зовомь калоугерець. въ дѣы вѣговѣрнаго крѣла марка, пишетъ: црьвиѣ (запись, л. 170 об.). Къ сѣверу отъ Скопья, въ Черной Горѣ, въ то же время и раньше говорили цр-. Но примѣръ можемъ отмѣтить только для 1409 г.: запись при книгѣ твореній св. Григорія гласитъ, что она написана въ странѣ скопьа грѣ, въ црьнои горѣ (Отч. Публ. Б-ки за 1883 г., 74).

[1]) Облакъ и для кюстендилскаго говора указываетъ cre-: crevi. Но Й. Ивановъ (Сбм. X, 369) и записи въ сбори. Георг.-Македонскаго (Зимни нощи, 17) представляютъ „черѣпа“.

str. mbr.

Сочетанія со вторичнымъ t между s и r находятся въ слѣдующихъ словахъ: страм—: стра́мота 163, стра́мен 128, се стра́мит 175, се стра́мает 161; стред-: стре́дата 127, на́ стреде=по срединѣ 156; болѣе ранняго происхожденія въ στρέπωτ вм. στρεπρωτ[o]=стреброт[о] 156.

Въ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи сочетаніе str находится не только въ соотвѣтствіи праславянскому такому же сочетанію со вторичнымъ t между s и r, но и въ соотвѣтствіи праславянскимъ ser-, sor-, передъ согласнымъ и sьr—передъ гласнымъ полнаго образованія. Послѣ того, какъ s оказался передъ r, т. е. послѣ перестановки въ se(o)r+согл. повторилась праславянская манера развитія затворнаго переходнаго отъ s къ r согласнаго—t: sra+согл.→stra+согл.; srě+согл.→strě+согл. То же явленіе происходило и позднѣе, по утратѣ редуцированнаго „слабаго“ между s и r: sьra→stra-. Между z и r въ соотвѣтствующихъ условіяхъ развивался d: zr→zdr.

Новое str (zdr) со вторичнымъ t(d) свойственно почти всѣмъ говорамъ Македоніи и юго-западной Болгаріи. Встрѣчается str и на сѣверо-западѣ Болгаріи (въ Софійской области: стрет. Сбм. XI, 92; XVI—XVII, 6; стреда́та. Сбм. XXV, 28; въ видинскомъ Н. Селѣ: стрѐда, стрътну́л. Сбм. XVIII, 483 и въ др.). Отмѣчено str и на сѣверо-востокѣ: stram, str'ȁdъ, stréšnъch, strь́knem (Miletič. Das Ostb. 98).

На юго-востокѣ Сербіи весьма рѣдки сочетанія съ str (съ вторичнымъ t). Въ книгѣ А. Белича (Дијал.) находятся только два примѣра съ такимъ сочетаніемъ: страмота́ (218) и стра́мьᵃн (61).

Примѣры съ str, zdr для македонскихъ говоровъ: stram, stramota; stračka; streda, strede, stret, stredni, a,-o; prestretiš.., strek'a; stral...; црк.-слав. straženie. zdrel, zdree(t), prezdreana...; zdrak-zdraci, zdrasti.

Эти и имъ подобныя сочетанія представляютъ говоры въ областяхъ: Корчи, Костура, Кайляра, Лерина, Рѣсена, Охрида, Дебра, Струги, Крушова, Битоли, Прилѣпа, Маріова, Кичева, Велеса, Скопья, Водена, Солуня, Кукуша, Гевгели, Тиквеша.—Записи и описанія. На сѣверо-востокѣ Македоніи, въ Штипѣ (Сбм. IX, 160, VIII, 244), Кратовѣ

(Псп. V, 119), Радовиштѣ („Карац". III, № 5) произносится sr: sram, sral, srede, sretnal.

Въ Скопской Черной Горѣ также sr: среле (Насеља III, 490, 491), срамота е, насред (Етн. Зб. VII, 507..). Но въ ближайшемъ селѣ Црешевѣ, издавна находящемся на „межѣ" съ черногорскими селами, въ обиходѣ сочетанія—страм, стре́де зи́ма (Минало I 1, 68, 69).

Въ говорахъ Велесской области, соприкасающейся на востокѣ со Штипской, наблюдается двойственность въ судьбѣ sr: престрете и—пресрете (Сбм. V, 170, 171), срел (Сбм. VIII, 214); стре́де море (Сбм. VIII, 258), на́среде, срете (Сбм. IX, 131).

-среде- при -стреде- наблюдается и вдали отъ сѣверныхъ предѣловъ Македоніи. Такъ, въ Рѣсенѣ: по́страло (Сбм. IX, 159), но—сре́т-зи́ме ле́гвит, среде (Сбм. VIII, 230). Въ Костурѣ: сре́твал (Книжици II, 50). Встрѣчаются zr (sr) и въ Прилѣпской области—позра́вил (Сбм. VIII, 178). zr вм. болѣе ранняго zdr этимъ говорамъ было извѣстно и въ XVIII в. Въ трескавечскомъ помянникѣ XVIII в. очень часто встрѣчается —[за]зраве—(93, 127об., 129...). Такъ же и въ болѣе поздней записи: [за]зраве (Сбм. XIII, 258).

Въ томъ же направленіи послѣдовательнѣе пошли говоры Порѣчья и Полога. Они не только не имѣютъ новаго str, но и старое, праславянское str измѣнили въ sr. Порѣчье: сесра, три срани, срашни („Карац." III, № 5). Д. Пологъ: сра,—сраф, сра́шни, се́сра,—се́сре; срана, зравуам (Отчетъ 18; Псп. XXXIX, 419, 422, 427). -sr- произносилось въ Д. Пологѣ и во время Кирилла Пейчиновича (ср. во II т. о Д. Пологѣ). zdr→zr наблюдается по говорамъ и въ западной Болгаріи: зра́во жи́во се́стро (Търнъ. Псп. XII, 123). str→sr, zdr→zr пережили и нѣкоторые говоры восточно-болгарскаго нарѣчія. Такъ въ Пирдопѣ: sesrá, srach, sreá (Miletič. Das Ostb. 162). То же явленіе представляютъ и отдѣльные родопскіе говоры: srach, sesri, bisra, ozravée (ib. 235; Лавровъ. Обзоръ. 113).

Отсутствіе въ современныхъ сѣверо-западныхъ македонскихъ говорахъ сочетаній str еще не достаточно для того, чтобы полагать, что эти говоры въ этомъ отношеніи издавна отличались отъ прочихъ македонскихъ, не развивая t между s и r.

m b r. Аналогично процессу развитія t между s и r появлялся b между m и r въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи.

Такъ, для костурскаго говора отмѣчено: дéтето ýмбре (Шапк. IX, 336). Для битольскаго umbrit удостовѣряетъ Папахаджи (Scriitori, 312).

Въ албанскомъ языкѣ также извѣстны сочетанія съ str вм. sr, а также ndr вм. nr, mbl вм. ml.

[d]. [t].

Въ образованіяхъ, въ которыя нѣкогда входили корневыя сочетанія klad-, ględ-, vad-, въ говорѣ Дидаскаліи утрачено d, хотя и не во всѣхъ случаяхъ.

клáаш 143, 149, 164, 170; клáиш 173, 174, 177; но—клáдох 138, клáдиш 128. нé глéаш 149, но—глéдаат 163, глéдает 172. ѝзваат 148, но—изваáдоа 116.

Кромѣ сѣверныхъ македонскихъ говоровъ областей Д. Полога, Скопья, Велеса, Штипа, Кратова, во всѣхъ прочихъ говорахъ Македоніи, а также юго-западной Болгаріи утраченъ согласный d въ указанныхъ и имъ подобныхъ образованіяхъ. Ту же утрату знаютъ и нѣкоторые говоры восточной Болгаріи. Такъ же, какъ и въ говорѣ Дидаскаліи, наблюдается непослѣдовательность въ этой утратѣ. Напр.: Прилѣпъ: дòi̯ш, òi̯, òi̯ме, клаi̯ш, глѣем, ѝзваi̯ш, изеам, дàеа, клáеа, „ала срѣща се и крáдиш, вáдиш, крáдеа, вáдеа“ (Мирчевъ. Сбм. XX, 15). Леринъ: клái̯ и клáде (Шапк. IX, 319). Кичево: даит, се наглеат, глеаше, изваи, оит, клаите и—се гледат, одеа и оиi̯а, оi̯– пов. (Сбм. XIX, зап.). Порѣчье: ојит, најет, но -идет („Карац.“ II, № 4). Сочетанія съ утраченнымъ d сравнительно рѣдки на юго-востокѣ, въ Солунскомъ краѣ, и на западѣ, въ Дебърскомъ.

Кромѣ образованій съ *klad-, *ględ-, *vad- македонскіе и юго-западные болгарскіе говоры представляютъ и другія формы съ утраченнымъ d. Именно, это формы, куда входили корневыя сочетанія jad- (ĕd-), chod-, dad-, id- съ предшествующимъ префиксомъ, имѣющимъ гласный (do-, na-, po-: doid-, naid-, poid-), sĕd-: òiš-òi̯š, dáiš-dái̯š, jáiš-jái̯š, izeam, dòit-dòi̯t, séit-séi̯t и т. под. образованія (съ діалектическими различіями въ глагольныхъ окончаніяхъ).

По говорамъ утрачено d и въ другихъ сочетаніяхъ. Богороi̯ца—во многихъ говорахъ. госпоин—господи̯н (Охридъ и другіе говоры), петровен, г'ург'ојен или г'ург'ен (Порѣчье и другіе говоры). пòпаi̯а (Битоля. Сбм. XV, 90). воица (с.

Църско. Сбм. XIX, 40). клájенец (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 249). дедо, но—деото (Дойранъ. Шапк. IX, 375). грѐата, лýуту, кирамújтте (Воденъ. Сбм. XVIII, 452, 454), ѐен-ен—еден (г. положское село Стенче. Минало I 1, 72).

Распространено въ Македоніи произношеніе—госпо, съ утраченнымъ конечнымъ *т* изъ *д*. Но сохраняется и—господ[т]. Въ Дидаскаліи -Γ'όσποτ 116, 119, 146 (χώσποτ 142).

Какъ видно, d утрачено въ заударномъ слогѣ. Утрата вызвана ослабленіемъ артикуляціи для d между гласными и въ ud передъ гласнымъ. Но въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ отсутствіе d зависѣло отъ вліянія родственныхъ формъ, издавна неимѣвшихъ d. Такъ, можно объяснить, напр., daiš(-eš), dait(-et, -e)...

Сочетанія съ утраченнымъ d въ XVII в. уже существовали. Въ письмѣ крушованина 1637 г. находится: наите, изваите (Минало I 3, 292)[1]).

Въ говорѣ Дидаскаліи утрачено t изъ d въ начальномъ слогѣ передъ š: штúците 149. Утрата t въ этомъ случаѣ извѣстна всѣмъ македонскимъ и многимъ западно-болгарскимъ говорамъ.

Еще шире утрата согласныхъ между гласными проведена въ албанскомъ языкѣ: эта утрата касается всѣхъ звонкихъ взрывныхъ согласныхъ и относится, по мнѣнію Г. Мейра, къ общеалбанской эпохѣ. -bē←*bēda (ср. слав. bĕda). dra←*draga. (Bodensatz des Oels). Утрата звонкихъ согласныхъ распространялась и на латинскія заимствованія (G. Meyer. Alb. Stud. III, 37. Wörtb. d. alb. Spr. 72-73).

Во многихъ греческихъ говорахъ (Эпира, Пелопонеса, Македоніи и другихъ областей) также произошла утрата согласныхъ γ, g между гласными (Thumb. Handbuch d. neugr. Volksspr. 1895. 14. Kretschmer. Der lesb. Dial. 190—191).—Ср. также параллели съ утратой g въ романскихъ языкахъ, отмѣченныя Dieterich'омъ (Neugriechisches und Romanisches. II. „Zeitschr. f. vergl. Sprach." Bd. XXXIX. 91, 97).

---

[1]) По говорамъ утрачиваются и другіе согласные въ заударныхъ слогахъ. Общераспространенными въ Македоніи сочетаніями являются—сеа, коа (произносится и „кога" въ одномъ и томъ же говорѣ, напр., прилѣпскомъ), секоаш (секоǧш—Охридъ), тоа (и—тога). Въ с. Стенче коа→коо̄ (ср.-тоо̄рил. Минало I 1, 42). коо вм. коа←кога и въ Рѣсенѣ (Псп XLI, 888). Также обычно употребляются—мо̂jт. не мо̂jт и тому под. Въ Воденѣ и—чéаj вм. чéкаj. Въ Дидаскаліи—кóга 118, 141; тóга 165, сéга 132, 138, 140; чéкам 131.

*-stьn, *-zdьn.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда за n слѣдовалъ гласный полнаго образованія, ь въ stьn, какъ „слабый“, утрачивался, а stn измѣнялось въ sn. Утраты ь не происходило тогда, когда за n слѣдовалъ гласный ъ (ь) „слабый“. По утратѣ „слабаго“ ъ(ь) и замѣнѣ „сильнаго“ ь посредствомъ е вм. -*stьnъ(ь) стало произноситься -sten. Для утраты согласнаго t, его ассимиляціи съ n, не было условій характера физіологическаго. Но въ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи происходила все же утрата t и въ такомъ случаѣ, подъ вліяніемъ фактора психологическаго, по аналогіи съ родственными образованіями, гдѣ было sn вм. stn+глас. полнаго образованія. —рáдосен 176, подъ вліяніемъ—радосна или—радосни. Но сохраняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ и sten: чéстен 128 при чéсна 152.

Вліяніемъ формъ жен., ср. ед. или формы множ. объясняется появленіе -зн— въ—прáзнен 142.

Утрата t и d въ сочетаніяхъ st и zd, вызванныхъ въ формѣ муж. ед. вліяніемъ формъ жен., ср. ед. или множ., произошла и въ другихъ македонскихъ говорахъ. —радосен (Църско: Сбм. XIX; 22; Галичникъ: Жив. Старина 1890, I, 120; Охридъ: Шапк. VIII, 152; Штипъ: Сбм. X 151), чесен, бесчесен (Прилѣпъ: Сбм. II, 181; XVI—XVII, 304; VIII, 194; Крушово: Сбм. XVI-XVII, 73; Охридъ: Шапк. VIII, 116). пóсен (Велесъ: Сбм. XI, 85). прáзен (Леринъ: Сбм. II, 201; Шапк. IX, 330; Прилѣпъ: Сбм. XVI—XVII, 306; Охридъ: Шапк. VIII, 213). По говорамъ сохранено и—sten: рáдостен (Галичникъ: Сбм. XI, 146). чéстен (Кичево. „Новини“ III, № 40). Въ солунскихъ говорахъ встрѣчается -zdno(a): pòzdnŏ, praz^{d}na (Oblak. Mac. St. 69). Но zd въ этихъ формахъ, повидимому, вторично и обязано вліянію формы муж. ед., сохранившей —zden: prazden. Но и въ этихъ случаяхъ положеніе zd не прочно: zd→z^{d}, съ слабой артикуляціей для d.

радосен встрѣчается въ юго-западныхъ и въ восточныхъ болгарскихъ говорахъ (Сбм. X, 187—Дупница. Capkof. Gram. 199).

ra—r'a (ra‿a).

Въ двухъ случаяхъ въ Дидаскаліи слово prag передано посредствомъ πρια‿χ., πριάχχ. 150, что̀ выражало pr'ak или

prẹak говора составителя. Развитія ẹ, ę между r и a или даже нѣкоторой „мягкости“ r въ славянскихъ говорахъ Македоніи не отмѣчено; но оно извѣстно албанскимъ говорамъ и сѣв.-западнымъ аромунскимъ, сосѣднимъ съ албанскими (напр., говору Лунги: preag, greas, al'untrea. Weigand. Die Aromunen. II, 357). Аромунская и албанская параллели также имѣютъ prẹag или pr'ag: Βλαχ. πριαχλου, πριάχλι [опеч.]. Ἀλβ. πριάχ. πρέ|αχ]. Πρωτοπειρία Кавалліоти въ аромунской параллели представляетъ также prẹag-pr'ag: Πριάγχου. Въ албанской же указано Πράχ (Sitzber. Bd. 132, 64.).

Другія явленія въ области согласныхъ.

pš→pč: пчени́ца, пче́нка 120. Такъ и во многихъ другихъ македонскихъ говорахъ.

cv→sv→sf: σφέτιατα—сфе́т'[к']ата 117.

Конечное st измѣнено въ s: μάς-мас, Ῥωμ. βούτυρ 119. шес→шеш 179—180.

Конечные согласные, бывшіе нѣкогда передъ ь,—тверды: пе́т и другія числительныя на *-ь(179); те́стот 159, предполагающее существованіе—тест; ср. и зе́тото 160; кърф 139; мас 119; на про́лета 124 вм. на про́летта изъ *пролѣтьта; на че́л'ата 133 вм. чел'атта→чел'адта→*чел'адьта.

Звонкіе конечные согласные перешли въ соотвѣтствующіе глухіе: ἔρσσ—ърш 120, νόσσ—нош 155, кърф 139; по аналогіи къ нечленной формѣ *ф* проникло и въ членную форму: кърфот 140, 146. Соотвѣтствующее явленіе знаютъ и другіе македонскіе говоры.

Глухіе вм. конечныхъ звонкихъ согласныхъ представляютъ и говоры Болгаріи и юго-восточной Сербіи.

Склоненіе. Имя существительное.

Падежныя отношенія въ говорѣ Дидаскаліи выражаются такъ, какъ вообще въ болгарскомъ языкѣ. Извѣстны слѣдующія формы именъ: 1) форма именит.—вин. пад., 2) форма дат. пад., выражающаяся посредствомъ *на*+ф. имен.-вин. Форма звательная въ Дидаскаліи не встрѣчается.

до́несит на по́пот 142; стра́хот на го́спот 142; да́ват вълна 119; от кра́ва 120; да и но́сам на че́л'ата 133; да да-

ваш на сле́пите и да по́можиш на си́ромасите со тоа што мо́жиш 128; да не пи́еме мно́гу ви́но со приате́лите 133; со ле́вата [рака] да де́[ъ]ржиш ча́шата 135; оти ме у́дри со тупани́ца 139. се бе́рает во стре́хата 143; да доне́симе сла́ма на воло́и[i]те 162; да мо́лит на го́спод за не́гоiте гре́хоiте 142; от то́i 181; при́легат на сфи́те 178.

Множ. ч. Во множеств. ч. имена муж. имѣютъ окончанія і и оі-оi изъ оці. Послѣднее окончаніе (оі-оi) свойственно именамъ односложнымъ въ ед. ч., а на і оканчиваются преимущественно неодносложныя въ ед.; і является окончаніемъ и въ нѣсколькихъ словахъ односложныхъ, которыя и въ другихъ болгарскихъ (и сербскихъ) говорахъ имѣютъ то же окончаніе. Во множ. ч. сохраненъ результатъ измѣненія задне-небныхъ согласныхъ передъ і: с, $\widehat{dz}$, s. Но въ говорѣ Дидаскаліи, какъ и въ прочихъ говорахъ Македоніи и Болгаріи, наблюдаются уже новообразованія по аналогіи: при наличности формъ съ $\widehat{dz}$—z имѣются и формы на g(g'); при s находится форма безъ s, съ [ch].—во́лците 168; дру́$\widehat{dz}$и и —дру́зи (другіе) 117; но—по мно́г'ите па́ти 125; си́ромасите 128, 146, но—о́реи[i] изъ оре[х]и 133. судни́ците 146, комши́ите 129, ма́жите 121, ко́н'ите 120, по́стите 133, за́бите 169, о́вните 119, харами́ите 145 (2р.) и др. Интересное образованіе представляетъ форма πάσαηтε—па́шаiте=паши 146. Какъ видно, въ составъ ея входитъ цѣликомъ сочетаніе для формы ед. (паша)+окон. i (-те—постпозит. членъ). Неизмѣненное сочетаніе paša въ образованіи множ. ч. имѣютъ также аромунская и албанская параллели. Здѣсь еще значительнѣе отражается вліяніе турецкаго: и въ суффиксальные элементы перенесено турецкое сочетаніе для формы множ. -lar. Βλάχ.: πασαλάρλη—pašălarl'i; Ἀλβ. πασαλάρατ—pašaláret.

-lar (-lār) въ качествѣ суффикса для множ. ч. имѣютъ въ алб. и другія турецкія слова: babalār, atlār...

Не чуждо образованіе въ заимствованныхъ изъ турецкаго словахъ съ -lar(+i) и нѣкоторымъ болгарскимъ и сербскимъ говорамъ: agalari (Миклошичъ. Über die Einwirkung des Türkischen... „Sitzber." Bd. 120, стр. 9). Но тѣ же имена употребляются и съ мѣстными, славянскими окончаніями формъ мн.; напр.: [х]оджа—[х]оджови (Лавровъ. Обзоръ. 148).

Окончаніе -оі—оi: штъркои[-i]те 124, ве́троiте, брано́и[-i]те 137, сто́лоiте 143, садо́и[-i]те 158, си́нои[-i] 162, воло́и[-i]те 162, кла́сои[-i] 164.

То же окончаніе и въ формѣ—хóроіте 135: да не хóдиш... на хóроіте; Ῥωμ. νὰ μὴ περιπατῇς... εἰς τοὺς χορούς. Въ отношеніи рода Βουλγάρικα согласуется съ греческой (χορός) и аромунской параллелями. Βλάχ.: хóроурη; ед. kóru. Но Ἀλβανίτικα имѣетъ соотвѣтствіе иного происхожденія и жен. р.: βάλετ; ед. valə, чл. valəja.

ъе. Дидаскалія представляетъ рядъ образованій множ. ч. съ окончаніемъ на *е* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или і. Эти образованія возникли по образцу формъ, принадлежавшихъ къ основѣ на *-ĭ:—іје.—планúн'ето 117; крúлето [спрóстрени] 124; камúн'е χάμμινιε 121 (ср. ниже окончаніе для множ. -ін'а); снóпјето 169. Во всѣхъ этихъ случаяхъ иноязычныя параллели имѣютъ соотвѣтствія во множеств. ч.

Полагаемъ, что съ окончаніемъ *е* произносились въ живомъ болгарскомъ говорѣ Дидаскаліи и слова: λούγη 132, π[=б]ρούκκη 121, παρστενγη 166. Появленіе здѣсь η вм. ε представляетъ собою отраженіе сѣверныхъ новогреческихъ говоровъ: неударенное ε→і (ср. выше о другихъ случаяхъ смѣшенія η и ε).

Къ той же категоріи образованій относится и -рéмен'а: βέρζεν σῶ φόρτωμη ἤ σῶ ρέμμενγια 157. Процессъ въ образованіи этой формы пошелъ дальше: окончаніе ъе стало недостаточно выразительнымъ для значенія множ. ч. Употреблено окончаніе *-а*, изъ основъ на *-о* ср. р. То же наблюдается и въ другихъ македонскихъ говорахъ.

Формы средняго р. въ ед. ч. не вызываютъ никакихъ замѣчаній. Отмѣтимъ лишь слова—небо[-то,-т] 116, 164, 130, съ гласнымъ *-о*, и -рáмо[то] 147.

Во множ. ч. обычное окончаніе *-а*. —зъ́рна 147, дъ́рвата 154, јагънцата 119, чирéвата 167, дéца 130 (ед.-дéте 175).

То же *а* и въ словахъ на *-ишта*: у́лишта: и́мам у́лишта мнóгу 138. Въ ед. ч. употреблялась, по всей вѣроятности, форма -у́лиште, какъ во многихъ македонскихъ говорахъ. Часто встрѣчается и въ трескавечскомъ помянникѣ: ѣ ⸗лище на ⸗лищата за³ (т. е. за з[д]раве) 51 и др.. Но извѣстна въ Македоніи и форма—у́леј. кълчишта— χάλι[ι вм. τ]ζηστα 148; ед. ч. кълчиште. халúштата 126, 151, въ значеніи -рýбите. Послѣднее слово, какъ синонимъ къ -халиштата-, употреблено рядомъ на 151. И въ данномъ случаѣ окончаніемъ является не *-ишта*, а только *-а*, ибо въ ед. ч. говорамъ извѣстна форма -халиште; ср.

турец. -хали (коверъ) и—халичѐ (коврикъ). Но несомнѣнное распространеніе звукового сочетанія *-ишт-* находится въ слѣдующей интересной для говора Дидаскаліи формѣ: бе́ли ру́бишти 178. Прежнее окончаніе для множ. ч. оставлено: *и*. Но отъ формы ед. ч. она отличается не только конечнымъ гласнымъ, но и суффиксальными элементами *-ишт-*: ед. ч. -ру́ба 151 (Ἀλβ. ῥωμπα—robɛ). Возникновеніе здѣсь -ишт- недавнее и стоитъ въ связи съ суффиксомъ синонимическаго слова—халишта. -ру́бишти- не исключаетъ и прежняго образованія—ру́би[те], рядомъ съ которымъ поставлено -халишта[та] 151.

Еще легче сочетаніе *-итт-а* проникло въ нѣкоторыя слова средняго рода съ основой на *-е* (*-ęt): не́гоіте пи́лишта 125. Въ ед. -пи́ле: ва́рено пиле 170. Но для -пиле- во множ. ч. употребляется и другая форма, съ оконч. на *-ин'а*, характернымъ для македонскихъ говоровъ: пи́лин'ата 121.

Съ окончаніемъ *-ин'а* Дидаскалія представляетъ и другія имена ср.: магари́н'ата 120; сфи́те к'о́шин'а 143. Нѣтъ мягкости согласнаго *н* въ образованіи врапчи́ната 125.

Отмѣтимъ, наконецъ, форму ἰαρτήσσα[τα]—јарти́ша[та]= козлята 119.

Имена женскаго р. во множ. ч. имѣютъ окончаніе *и*. ри́бите 116, о́фците, ко́зите 119 и др. многочисленныя образованія.

и и въ формѣ -но́дзите 176, 177, съ дз отъ прежней формы им.-вин. двойств. ч.

Сочетанія существительныхъ съ числительными.

Въ одномъ случаѣ существ. жен. р. имѣетъ окончаніе *е*, —въ сочетаніи съ числительнымъ „2“: две́ хи́л'аде 181 (если только ɛ не вм. ῃ).

Сущ. муж. р. въ сочетаніи съ числительнымъ „2“ оканчиваются на *-а*: два хъндека 136. Но въ прочихъ случаяхъ имена муж. и сред. р. при числительномъ „2“ имѣютъ формы множеств. ч.; само же числительное употребляется въ видѣ *два* и *две*.—две ма́стори 138; две́ а́рапи 157; два́ ло́зја 130.

Отмѣтимъ и остальные случаи употребленія числительнаго „2“. Въ составъ сложныхъ формъ числительныхъ входитъ *два*: „12“ и „20, 21... 29“: дванаесет 179, два́е-

сет 171, 176, 180 (10 р.). Въ независимомъ счетѣ —*две*: едно, двѐ, три... 178. „22“ —двáесет и двѐ 179. „200“—двѐста 180.

Въ счетѣ, когда „2“ не находилось въ первой части сложной формы („12“, „20“), а употреблялось отдѣльно („2“, „22“, „32“ и т. д.), утвердилась форма средняго рода, какъ указываетъ „едно“ (ср. начало счета). Но какимъ образомъ „две“ оказывается въ сочетаніи съ сущ. муж. р., а „два“ средняго? Замѣтимъ, что въ говорѣ писавшаго эти сочетанія еще повидимому не утвердились: онъ говоритъ „две мастори“, но еще и „два хъндека“. Но чутье въ различеніи значенія рода между „два“ и „две“ для муж. и сред. уже утрачено: можно сказать и „два лозја“. Распространяя форму „две“ на сочетанія съ именами муж. рода, говорящій соединяетъ съ этимъ числительнымъ существительное во множ. ч. Это крупное новообразованіе. Въ этомъ отношеніи Βουλγάρικα Дидаскаліи пошла далѣе другихъ македонскихъ говоровъ, гдѣ только въ сочетаніяхъ съ числительными, начиная съ „3“, употребляются формы множ. ч. (и то не исключительно: нерѣдко употребляются и формы на *-а*: трúте дена. Леринъ. Сбм. VIII, 160; четирúсе дéна. Битоля. Сбм. XV, 91 и др.). Разумѣется, съ прочими числительными употребляются въ Дидаскаліи формы множ. ч.: трú гóдини 171, трú мéсеци 123, двáесет и чéтири сáати 171, четирдéсет днú 132. Нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что форма множ. м. и ср. при числительномъ „2“ развилась внутри самого болгарскаго діалекта Дидаскаліи: во всѣхъ говорахъ Македоніи общимъ окончаніемъ существительнаго муж. въ сочетаніи съ числительнымъ „два“ является *-а*. Это окончаніе распространилось и на случаи сочетанія именъ съ нѣкоторыми другими числительными. Такъ обстояло дѣло не только въ Македоніи, но и въ другихъ областяхъ балканской славянщины. Въ употребленіи множеств. ч. при числительномъ „2“ въ говорѣ Дидаскаліи отразилось вліяніе аромунскаго или албанскаго языковъ. Въ послѣднихъ при „2“, doi и dao (аром.) и dü (алб.), существительныя стоятъ во множ. ч.: Βλάχ.: τὸη ἀράκκη, Ἀλβ. ντιου ἀράπ съ —утратой конечнаго *ᾳ* (ε).

Другихъ падежныхъ формъ, кромѣ вышеуказанныхъ, Дидаскалія не знаетъ. Лишь въ немногихъ нарѣчіяхъ сохранились окаменѣлыя формы другихъ падежей.—ден'а 146=днемъ; нóк'ата 145=ночью. на́-среде 156. вýме: да úмаш

вýме [βοῦμε], Ῥωμ. νά προσέχῃς, Βλάχ. σέ ἄῃ κας|š|τίχ|g|α, Ἀλβ.: τά κκέσσ καυϊτ[d]έσσ 151.

Не ясно λέτωτε -лéтоте 122 = лѣтомъ. Если это не опечатка, вм. λέτωτω или λέτωσε, то возможно, что оно произошло въ результатѣ контаминаціи „лето“ и „лете“ = лѣтомъ.

Во многихъ македонскихъ и вообще болгарскихъ говорахъ употребляется нарѣчіе -скришо[у]м. Въ Дидаскаліи—скри́шно 166.

Всѣ черты склоненія, представленныя говоромъ Дидаскаліи (кромѣ сочетаній съ числит. „две“), находятъ себѣ соотвѣтствіе въ современныхъ говорахъ Македоніи. Общая картина склоненія въ этихъ говорахъ такова.

Мн о ж. ч. Имена муж. во множ. оканчиваются обычно на -ovi—oi(o̯i) изъ oṇi. Вмѣсто -ovi—oi произносится -evi—ei въ прежнихъ основахъ на *-jo и *-ī: kl[']učе[u̯]i, сагe[u̯]i; но -evi—ei—рѣдкій варіантъ окончанія этой формы. Часто -ovi—oi присутствуетъ и въ словахъ, имѣвшихъ основу на *-jo или *-ī: nožo[u̯]i, kl[']učo[u̯]i, ežo[u̯]i, zeto[u̯]i. Съ другой стороны, -evi-ei иногда заходитъ и въ другія основы: mostévi (Маріово: Сбм. V, 127), mrázevi, sónevi, gládevi (М. Рѣка: Изв. на сем. II, 260). ovi-oi находится у именъ односложныхъ и употребляется по всей Македоніи, кромѣ сѣв.-восточныхъ областей ея: въ Кратовской, Штипской, Кочанской, Радовиштской и Піянечской областяхъ имѣется въ этихъ случаяхъ окончаніе -ove (-eve). Кратово: сúнове, цáрове; дéнове, (бПсп. XI-XII, сПсп. V, Сбм. IX, Минало I 1; зап.). Кочан: фесове (Сбм. XVI-XVII, 184). Штипъ: грéовете и грéовето, дзверове, воловете, дáровето, ножовете (Сбм. IX, 160, 161, 193). Радовиштъ: рогове („Караџ“. I, № 11). Піянецъ: ключовето (Псп. XII, 120).—Говоры этихъ областей въ отношеніи формы сущ. муж. множ. объединяются съ говорами западной Болгаріи, южной и сѣверной, а также и съ восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ.

Говоры юго-восточной Сербіи представляютъ обычно -ovi (-evi). Лишь ближе къ области Болгаріи, напр., въ говорѣ Пирота, форма муж. множ. оканчивается на -ove (Broch. Dial. 297. Сбм. I, 142; V, 196, 197; Псп. XIX-XX, 285).

—*i*. На -i оканчиваются имена неодносложныя въ един. ч. То же окончаніе имѣютъ и нѣсколько именъ односложныхъ: kon'i—koṇi, mъ̀ži (съ ž или другой замѣной ж), vl̥ci (съ замѣной l̥), гасі, zъ̀bi (съ замѣной ж), posti. Въ именахъ на задненебный согласный въ един. ч. сохраняется результатъ

ихъ измѣненія передъ i: v̥ici, siromasi, d̥d͡z(z)i. Но нѣкоторыя имена утратили этотъ результатъ измѣненія задненебныхъ. Въ этой утратѣ обнаруживается общность среди македонскихъ діалектовъ: она была пережита въ разныхъ краяхъ по отношенію къ опредѣленнымъ словамъ, именно: orc[i]i—orevi, kožuvi-kožu[i]i, mustak'i. *орєи* произносилось и въ первой половинѣ XVII в. Такъ было въ говорѣ бърсяка-крушованина, автора письма 1637 г. (Минало I 3, 293).

Въ западной Болгаріи держатся еще формы kožusi, oresi (Самоковъ: Сбм. 189; Видинъ: Сбм. XIX, 20), хотя въ нѣкоторыхъ говорахъ на-ряду съ ними употребляются и orei (Видинъ: ib. XXV, 7).

Въ восточной Болгаріи также извѣстны orei (Miletič. Das Ostb. 188). musták'i (въ Родопахъ и на сѣв.-востокѣ. ib. 241, 107), а также rak'i (ib. 107).

—*е*. Во всѣхъ македонскихъ говорахъ широко распространено окончаніе —*е*, перенесенное отъ образованій съ прежней основой на *-ĭ. Въ отношеніи предшествующаго согласнаго надо имѣть въ виду то, что̀ было отмѣчено въ замѣнахъ сочетаній *—согл.+i̯e(a), т. е. мягкость зубного (n, t, d) или плавнаго l, i̯(j) послѣ губного, плавнаго r и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ (см. выше).

Примѣры изъ Прилѣпа: тъ́рн'е, кри́л'i̯а-кри́л'а, дво́рi̯е (и-дво́рo̯i), кла́сi̯е (и-кла́сo̯i), ли́сi̯е, цъ́рвi̯е, ни́вi̯е, луг'е, ливаг'е, пла́нин'е, до́лин'е, ка́меi̯н'е, ре́меi̯н'е (Сбм. XX, 20-21; XI, XVI—XVII, зап.).

М. Рѣка: ли́с'е, прот'е и прок'е (о вм. ъ←ǫ), добi̯е-доб'е, снопi̯е-сноп'е, ка́мен'е, пла́нин'е, уба́вин'е (Изв. на сем. II, 261. Oblak. Mac. St. 94).

Иногда наблюдается дальнѣйшее новообразованіе: форма на *'е* или *i̯е* въ нѣкоторыхъ словахъ стала невыразительна для категоріи множ. ч., а потому вмѣсто конечнаго *е* сталъ произноситься гласный *а* ('а, i̯а), которымъ вполнѣ опредѣлялась категорія ср. р. множ. ч. Напр., въ прилѣпскомъ говорѣ: дърв'а-дървi̯а (Сбм. XVI—XVII, 283); также въ малорѣканскомъ (Изв. на сем. II, 261). Во многихъ говорахъ въ соотвѣтствіи формѣ единств. ч. нива находится во множеств. нивi̯е. Въ нѣкоторыхъ говорахъ для множ. употребляется форма на *-а*: нивi̯а, напр., въ кукушскомъ говорѣ. (Сбм. XVIII, 447).—Та же манера отражается и въ далекихъ

говорахъ сѣв.-восточной Болгаріи: къ̀ш'е и къ̀ш'а, žen'a, dъ̀šter'a, niv'a (Miletič. Das. Ostb. 109, 84).

--*е* отъ основъ на *-ĭ, перенесенное на другія имена, наблюдается и въ говорахъ западной Болгаріи. Напр, въ Кюстендилѣ: собра́а се сел'а́н'ето; собере́те от ерг'ен'е пръстен'ето (Сб. Любенова, 52); въ Дупницѣ: мажје́то, ик'ѝмје, г'а́вол'е, трендафил'ѐ, другарѐ (Сбм. X. 182, 176, 162, 193); въ Видинѣ: ко̀рен'е, ку́лен'е (Сбм. XIX, 20).

Въ сѣверо-западной Болгаріи передъ окончаніемъ -*е*, значительно распространеннымъ въ формѣ множ. ч., согласный чаще является твердымъ, будетъ ли это губной, зубной или плавный. Видинъ: мъжѐ, кралѐ, кава́ле, царѐ, баштѐве, дедѐве, о̀стове, бъ́гаре, говеда́ре, и--кон'е́, г'а́вол'е, ко̀рен'е (Сбм. XIX, 19-20). Чипоровци: църни аргате́, мла́ди шлегаре́, бели бачкаре́ (Сбм. XVI—XVII, 128) [1]).

Въ окончаніи -*е* для формы множ. западно-болгарскихъ говоровъ отразилось *е*, заканчивавшее раньше формы множ. двухъ основъ: на *-ĭ и на согл. Послѣ п'(kamеп'е...) отражается обычно окончаніе отъ основъ на *-ĭ. Возможно, что и въ прочихъ случаяхъ *е* перенесено отъ той же основы, но перенесено позднѣе къ основамъ на т в е р д ы й согласный.

Съ говорами западно-болгарскими относительно формы на -*е* во множ. ч. сходятся сосѣдніе говоры восточной Сербіи. Таковы говоры области Пирота (Broch. Dial. 298. Белић. Дијал. 324—325. Сбм. I, 144; V, 196).

Выше было отмѣчено, какъ сильно распространилась категорія формъ множеств. на 'е—је. Въ рядѣ именъ на- 'е были и такія, которыя имѣли суф. in—: in'е: планин'е, долин'е, убавин'е... Съ теченіемъ времени тѣ же суффиксальные элементы стали употребляться въ именахъ сред. р., вытѣснивъ другіе суффиксы и прежде всего суф.—en-а. Въ этой категоріи именъ окончаніе in'е съ гласнымъ *е* было недостаточно для выраженія множ. ч.: конечный гласный *а* обычно характеризовалъ категорію формъ сред. множ., вслѣдствіе чего -in'е смѣнилось посредствомъ -in'а. -in'а въ именахъ средн. р. является обычнымъ окончаніемъ, употребляющимся по в с е й Македоніи. Нѣсколько примѣровъ. Солунь: vъžín'a, kučín'a, prasín'a, ramín'a (Oblak. Mac. St. 92). М. Рѣка: пи́лин'а,

[1]) Примѣры изъ другихъ болгарскихъ говоровъ см. въ статьѣ И. Плачкова: „Окончание -е въ мн. на сжщ. отъ мжж. родъ въ новобългарски". (Псп. XLV, 449--458).

те́лин'а, по́лин'а, езе́рин'а, моми́чин'а, и́мин'а (Изв. на сем. II, 261). Прилѣпъ: ку́чин'а, де́чин'а, пи́лин'а, по́лин'а, и́мин'а, се́лин'а (Сбм. XX, 21). Пологъ: ђаћин'а, свек'ин'а, девоји́чин'а (Отчетъ 24, 30). Куманово: ку́трин'а, момчин'а, јубавин'а (с.с. Карабич., Стрезовце и на Овчемъ полѣ. Хц.-Васиљ. I, 338, 345, 373).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. -іп'а находится сочетаніе -іпа. Такое окончаніе имѣютъ эти формы въ говорахъ охридскомъ, стружскомъ, кукушскомъ, отчасти рѣсенскомъ, прилѣпскомъ и леринскомъ (при -іп'а). Охридъ: и́мина, се́мина, ку́чина, те́лина (Сбм. XVIII, 533; Изв. на сем. III, 249). Струга: имина, времина (Миладин. III, VI). Рѣсенъ: слепи ку́чина (Книжици IV—VII, 266), но и—де́чин'а (Псп. XLI—XLII, 870). Прилѣпъ: и́мин'а и и́мина, вре́мин'а и вре́мина...—Въ това мѣсто има колебание между меко и твърдо *н*; говорятъ се и двѣтѣ почти еднакво—(Мирчевъ. Сбм. XX, 17). Леринъ: де́сет магари́на, парчи́на (Шапк. IX, 328), и—дечи́ја, съ твердымъ *н*, какъ и въ—каме́ја, спа́ње, ко́ја (Сбм. VI, 166; VIII, 160, 162), но и—кучи́н'ата (Шапк. IX, 315). Кукушъ: се́мина, по́лина, мо́рина (Сбм. XVIII, 460).

Суффиксальнымъ элементамъ -іпа предшествовало -іп'а. п вм. п' появилось въ результатѣ 1) фонетическаго измѣненія, 2) вліянія аналогіи.

1) Эти говоры относятся къ такимъ, въ которыхъ развивалось ј передъ палатальнымъ п' (ср. выше). Послѣ развитія вторичнаго ј передъ п' послѣдній отвердѣвалъ. Въ ударенномъ слогѣ ј сохранялось. којп, ко́јпоt, ко́јпі (Рѣсенъ, Леринъ и др.). Сохранялось ј и въ неударенномъ слогѣ послѣ гласнаго а, о, е (бра́ње, ка́мѐње... Рѣсенъ, Леринъ и др.), но утрачивался послѣ і; напр. въ Кукушѣ: е́дине (неуд. е→і), се́дине, си́рине; при такомъ же условіи отсутствуетъ ј и въ образованіяхъ: се́мина, по́лина, мо́рина... Ср. воденскія: пули́на, тили́на, сими́на... (Сбм. XVIII, 460), гдѣ ј находится за ударенным ъ і. Такъ же можно объяснить отсутствіе ј и въ формахъ на -іпа въ Охридѣ и Рѣсенѣ: неуд. -іјпа (вм. -іп'а) замѣнилось посредствомъ -іпа. Въ леринскомъ говорѣ и послѣ ударенаго ј возможна была утрата ј: магари́на при—дечи́на.

2) Въ прилѣпскомъ говорѣ „мягкость" п сохранена и въ случаяхъ, когда предшествовавшій ј удерживался (ка́мѐн'е), и въ случаяхъ утраты ј послѣ неударенаго і (пла́нин'е).

Наличность въ этомъ говорѣ образованій—и́мина, вре́мина... съ твердымъ *н* представляетъ еще не совсѣмъ исчезнувшій остатокъ формъ на *-ена*. Возможно, что на *-ина* и другихъ говоровъ (напр. Дидаскалiи: врапчина) отразилось вліяніе болѣе раннихъ формъ ср. ед. на согласный *-н*. Но несомнѣнно, по говорамъ отвердѣніе n' въ in'a находилось въ связи съ общимъ процессомъ отвердѣнія n' послѣ развитія передъ нимъ вторичнаго j[1]).

Изрѣдка -in'a встрѣчается въ именахъ мужскаго р. ᵘogin'a—въ сѣв.-солунскомъ краѣ (Oblak. Mac. St. 92).

Въ западной Болгаріи формы множ. на—in'a встрѣчаются рѣдко. Такъ въ отдѣльныхъ словахъ въ г.-джумайскомъ говорѣ: дечи́н'а, ку́чин'а (Сбм. XX, 16);—какъ видно, въ именахъ, принадлежавшихъ къ основѣ на *-ęt. Но въ именахъ сред. съ основой на *-n, сохранено -ena: времена́, имена. Въ нѣкоторыхъ говорахъ и на формахъ основъ ср. *-n отозвалось вліяніе формъ на—n'e(a)←*-niję(a),—но вліяніе, отразившееся только на согласномъ n: jимен'а́ (и-jимена́), времен'а (и-времена́), семен'а и др. (Видинъ. Сбм. XIX, 20). Что касается говоровъ юго-восточной Сербіи, то тамъ in'a въ формѣ множ. ч. встрѣчается очень рѣдко и то въ областяхъ, ближайшихъ къ Македоніи. Такъ, въ враньскомъ говорѣ отмѣчено -in'a въ основахъ сред. на -n: ímin'a, bré́min'a (Broch. Dial. 106). Здѣсь совсѣмъ „усамљене су"—си́тин'а, бр'дин'а (Белић. Дијал. 387). ímin'a и bré́min'a наряду съ imena и vremena извѣстны и говору Лесковца (Broch. Dial. 164). Въ Луковѣ, находящемся вблизи Врани,—ímen'a, vré́men'a, sémen'a (Broch. Dial. 66, 138), какъ и въ сѣв.-западной Болгаріи. Формы съ основой муж. р. на -n имѣютъ во множ. ч. окончаніе 'a (ká́men'a, ré́men'a. Враня и Лесков.; въ послѣднемъ и ré́meni) или вполнѣ идутъ по основамъ на *-ī (ká́men'e, kó́ren'e, ré́men'e. Луково, Крива Фея; въ говорѣ послѣдняго пункта—ímena. Broch. Dial. 218).

-išta (-išča). Это окончаніе имѣютъ преимущественно имена, выражающія мѣсто, пространство: dvorišta, pъtišta. Но -išta (išča) употребляется и при другихъ именахъ: jarišta, zetišta.

Имена женскаго рода имѣютъ окончанія во множ. ч. *'e(je)* и *i*. Объ окончаніи 'e(je) говорилось выше (планин'е,

[1]) Д. Матовъ (За историята .. 15) и В. Облакъ (Mac. St. 92) видѣли въ сочетаніи -ina болѣе первичные элементы сравнительно съ -in'a: noch *-ina* mit hartem *n* erhalten (Obl.); *ина* се е смекчило на *иня* (Мат.).

нивіе.). Обычнымъ же окончаніемъ формы множ. ч. для жен. р. является i: ženi, majk'i, godini, mui, ne[u]esti. Это окончаніе свойственно всѣмъ говорамъ Македоніи, за исключеніемъ сѣверной ея полосы. Предѣлы употребленія формъ множ. жен. на i доходятъ на сѣверѣ до Тетова, до Скопской Черной Горы, до Кумановской области. Что дѣйствительно въ Горномъ Пологѣ форма множ. жен. оканчивается на -i, то объ этомъ свидѣтельствуютъ примѣры записей изъ слѣдующихъ селъ: Никифорово (къ югу отъ Гостивара): на ноги (Стояновъ 84); Врутокъ (юго-западнѣе Гостивара): неестите, девойките (Стояновъ 80); Куново (къ югу отъ Гостивара): бу́ли, друга́чк'и (Минало I 1, 73); Стенче (къ югу отъ Тетова: ро́гожи, па́ри, но́зи (Минало I 1, 72; Сбм. XI, 52). Но уже въ селѣ Челопекъ, находящемся ближе къ Тетову, —e: сел'анк'ете, изме́к'арк'е, у сви́лене пе́лене (Минало I 1, 74). Въ самомъ городѣ Тетовѣ — e (Отчетъ 19). То же окончаніе и въ говорахъ селъ, находящихся къ сѣверу отъ Тетова (Отчетъ 19; подробнѣе въ характеристикѣ д.-положскихъ говоровъ). Въ области Скопья и въ селахъ къ югу отъ него форма множ. жен. имѣетъ окончаніе *i*. Скопье: ка́пк'и (Минало I 1, 66); Н. Село: па́ри, го́дини, ру́к'и (Сбм. XI, 111); Г. Солне Каршіяка: па́ри (Минало I, 71). *i* и въ говорѣ села Црешева, находящагося на сѣверо-востокѣ отъ Скопья, рядомъ съ селами Черной Горы, но по говору сохраняющемъ нѣкоторыя особенности, общія съ говоромъ скопскихъ селъ: пушк'и, го́дини (Минало I 1, 68-69). Въ селахъ же Черной Горы и Кумановской области форма множ. жен. оканчивается на *-e*. (Насеља III, зап., Хц.-Васиљ. I, зап. Кинижици I, 42 прим., Минало I 1, 75-76 и др. записи). Въ кумановскомъ с. Нагоричино (къ сѣв. отъ Куманова) и въ XIV в. эта форма имѣла окончаніе *e*: дрꙋ́ге книге, сиѣ́ книге—въ записи Радина нагоричанина (Отч. Рум. Муз. за 1876-78, 9). Но въ южной части Кумановскаго округа, на Овчемъ полѣ, эта форма имѣетъ то же окончаніе, что̀ и въ̀ прочихъ македонскихъ говорахъ: *i* (Хц.-Васиљ. I, 346, 348, 353): пушки, круши; други песни. — Ср. и другія особенности говоровъ этой части Кумановскаго округа, общія съ говорами Македоніи. — Въ пѣснѣ изъ с. Байловце, въ сѣв.-восточной части Кумановскаго округа, также *i*: црве́ни цре́шни; три посте́л'и; но тутъ же и—да йск'ине три пу́сте завйвк'е; зглавни́це (Минало I 1, 75).

Въ кратовскомъ говорѣ—*i*: см. записи въ „Срп. књиж. Гласнику“, № 133, стр. 208; въ бПсп. XI—XII, сПсп. V, Сбм. II, IV; въ „Минало I 1; см. и въ зап. попа Михаила: „деветъ страни“,—въ отд. о. хц. Іоакимѣ).

Что касается говоровъ сосѣднихъ областей, то окончаніе і свойственно говорамъ юго-западной Болгаріи (Г. Джумаи, Кюстендила, Дупницы, Самокова, Разлога) и всей восточной Болгаріи. Въ сѣв.-западныхъ *ч-дж* — говорахъ эта форма оканчивается на—*е* (записи и описанія). Въ нѣкоторыхъ западныхъ областяхъ ближе къ Дунаю форма множ. жен. оканчивается на —і, напр., въ говорѣ Видина (Сбм. XIX, 20. XXV, зап.).

Остатки формъ двойств. ч. именъ жен. р. представлены въ сочетаніяхъ гъсе (съ замѣной *ǫ). nod͡ze или noze, употребляющихся въ значеніи не только парности, но и множественности. Въ такомъ видѣ эти формы извѣстны многимъ македонскимъ говорамъ. гъсе, nod͡ze-noze переживали и новообразованія: они стали употребляться съ окончаніемъ *i*, обычнымъ для категоріи множ.: гъсі, nod͡zi-nozi. гъсе-гъсі, nod͡z(z)e—nod͡z(z)i можно наблюдать иногда въ одномъ и томъ же говорѣ. Наконецъ, въ немногихъ македонскихъ говорахъ отражается послѣдняя стадія въ измѣненіи прежнихъ формъ дв. ч.: въ нихъ не только конечный гласный тотъ же, что̀ и въ рядѣ другихъ именъ жен. множ. на -і, но и́ предшествующій согласный тотъ же, что и въ ед.—k, g: Такъ въ Кратовѣ (руки, ноги: Псп. V, 119, 121), въ Г. Пологѣ (ноги: Стояновъ, 84, 88). Въ Д. Пологѣ, гдѣ форма множ. именъ жен. оканчивается на -*е*, тотъ же гласный служитъ и для множ. рука, нога: рук'е, ног'е.

Въ юго-западной Болгаріи, въ Г. Джумаѣ, Кюстендилѣ, Дупницѣ, Самоковѣ,—гасе, nod͡ze-noze. Въ прочихъ областяхъ западной Болгаріи извѣстны также эти слова съ—се,-ze. Въ Видинѣ—гъсе, но и гъке (Сбм. XIX, 20); noze отмѣчено у Маринова (Ж. Стар. II, 72). Въ Търнѣ и другихъ западныхъ мѣстностяхъ—ruke, гдѣ—*е* является окончаніемъ формъ множ. жен. Того же происхожденія окончаніе *е* въ формахъ ruke, noge говоровъ юго-вост. Сербіи.

Данныя для опредѣленія взаимоотношеній между македонскими говорами и сосѣдними языковыми группами, бол-

гарской и сербской, заключаются 1) въ общей системѣ склоненія, 2) въ формальныхъ элементахъ.

1) Утрата ряда падежныхъ формъ и выраженіе падежныхъ отношеній въ македонскихъ говорахъ совершенно тожественны съ соотвѣтствующими явленіями въ болгарской языковой области. Внѣ сомнѣнія, процессъ переживавшійся тѣми и другими діалектами, былъ общимъ для нихъ. Пусть объясненіе причины утраты падежныхъ формъ въ болгарскомъ языкѣ, какъ вызванной измѣненіями характера фонетическаго и психологическаго, развившимися въ самомъ болгарскомъ языкѣ, внѣ вліянія со стороны, недостаточно обосновано, не приложимо ко многимъ явленіямъ склоненія, не подтверждаемо многими діалектами Болгаріи [1]). Тѣмъ не менѣе общность процесса остается языковымъ фактомъ для Болгаріи и Македоніи, не утрачивающимъ своего значенія и въ томъ случаѣ, если толчокъ къ утратѣ падежныхъ формъ и передачѣ дат., твор. и мѣстн. падежей посредствомъ предлога и общей формы былъ полученъ отъ иноязычной, неславянской стихіи.

Полагаемъ, что дѣйствительно въ выработкѣ болгарской системы склоненія не обошлось безъ иноязычного вліянія. Процессъ утраты падежныхъ формъ съ одной стороны и связи болгарскихъ славянъ съ народами ѳракійскими (ихъ потомками) и романскими—съ другой совсѣмъ еще не разъяснены. Но тѣмъ не менѣе длинный рядъ параллелей, представляемыхъ болгарскимъ, албанскимъ и румынскимъ (въ его діалектахъ) языками въ области формъ и синтаксиса,—параллелей, распространяющихся иногда и на детали того

---

[1]) По взгляду Миклошича (Slavine III, 150), принятому и развитому бо́льшими подробностями Милетичемъ (Старото склонение въ днешнитѣ бълг. нарѣчия. Сбм. II, 228; Дако-ромънитѣ и тѣхната писменость. Сбм. IX, 290—296; Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ. Сбм. XIII,—въ обозрѣніи формъ), утратѣ падежныхъ формъ способствовали слѣдующія фонетическія измѣненія: взаимная близость при извѣстныхъ условіяхъ среднеболгарскихъ ѫ и ѧ, ѫ(ъ)→ѣ въ окончаніяхъ, измѣненіе неударенаго *а* по направленію къ ъ, ѣ=ä, 'а→'ä. Совпаденіе падежныхъ формъ, происшедшее по фонетическимъ условіямъ, повлекло за собой и объединеніе въ одной формѣ такихъ падежныхъ формъ, гдѣ не было для того подходящихъ условій въ звуковыхъ измѣненіяхъ.—Взгляды Милетича положены въ основу работъ его учениковъ: 1) П. Михова. „За новобългарското изказване на дателенъ падежъ". 2) Е. Атанасовой: „Изрази за притежание въ българския езикъ". „Изв. на сем. III".

или иного языкового явленія, наталкиваетъ на мысль о связи между восточно-балканскими языками въ переживавшихся явленіяхъ (—не опредѣляемъ времени и вида этой связи).

Общею особенностью всѣхъ этихъ балканскихъ языковъ является утрата ряда формъ для однихъ и тѣхъ же падежей. Какъ характерное явленіе для восточно-балканскихъ языковъ, надо отмѣтить распространеніе формы винит. за счетъ другихъ формъ косвенныхъ падежей, въ особенности въ сочетаніяхъ съ предлогами. Затѣмъ, общую черту для всѣхъ этихъ языковъ, какъ это указалъ еще Фр. Миклошичъ[1]), составляетъ одинаковая передача родит. и дат. въ каждомъ изъ этихъ языковъ.

Съ формой винит. въ н.-греческомъ, албанскомъ, румынскомъ и болгарскомъ обычно совпадаетъ форма именит.; но есть и различныя для именит. и винит. формы. По діалектамъ извѣстны формы и для нѣкоторыхъ другихъ падежей, не во всѣхъ языкахъ для однихъ и тѣхъ же.

Обозрѣвая отдѣльныя языковыя группы, приходится констатировать, что группами румынской и болгарской, т.-е. сѣверо-восточной частью восточно-болканскихъ языковъ, была пережита болѣе послѣдовательная утрата падежныхъ формъ, чѣмъ въ группѣ юго-восточной, въ н.-греческомъ и албанскомъ языкахъ. Въ то время, какъ въ румынскомъ и болгарскомъ общей основной падежной формой служитъ форма имен.-винит. (при рѣдкомъ употребленіи дат. и зват.), въ н.-греческомъ и албанскомъ извѣстны въ обычномъ употребленіи и нѣкоторыя другія формы. И еще одна черта тѣсно объединяетъ болгарскую и румынскую группы: передача род.—дат. представляетъ сочетаніе общей падежной формы (винит.) съ предшествующимъ ей предлогомъ. Въ н.-греческомъ и албанскомъ языкахъ род.—дат. передается посредствомъ флективныхъ средствъ.

Вотъ общій характеръ склоненія въ отдѣльныхъ восточно-балканскихъ языкахъ.

Н.-греческій яз. Наиболѣе консервативнымъ оказалось склоненіе именъ м. р. съ основой на *-о*. И до настоящаго времени эти имена имѣютъ слѣдующія формы.— Ед.: именит. *-ος* (φίλος); род. *-ου*; вин. *-ο(ν)*; зват. *-ε* или *-ο*.

---

[1]) Die slav. Elemente im Rumunischen (Denkschr. Bd. XII. Wien. 1862). 7.

Мн.: им. -οι[=ι]. род. -ω(ν), вин. -ους. Во многихъ сѣверныхъ говорахъ, въ томъ числѣ и македонскихъ, вм. формы вин. на -ους употребляется форма именит.[1]). О формѣ род. мн. ср. ниже. Для другихъ именъ существуютъ только формы именит., род., вин. При этомъ, въ именахъ м. р. въ ед. употребляются только 2 формы: имен. (γέροντα-ς) и вин.-род. (γέροντα), во мн.—имен.-вин. (γέροντες) и род. (γερόντω). Въ именахъ ж. и ср. р. извѣстны по 2 формы въ ед. и во мн. чч.: 1) им.—вин. (ед.: μέρα, βουνό; мн.: μέρες, βουνά); 2) род. (ед.: μέρας, βουνοῦ; мн. μερῶ(νε), βουνῶ(ν)).

Во многихъ сѣверныхъ говорахъ, въ томъ числѣ и македонскихъ, форма род. мн. совсѣмъ утрачена[2]).

Албанскій яз. Въ албанскомъ яз. нечленныя имена сущ. имѣютъ двѣ формы въ ед. ч.: 1) им.—вин., 2) род.—дат. (на -i или -u для м., на -e или -je для ж.). Во множ. существуютъ также двѣ формы для этихъ падежей (род.—дат. на—ve), а также употребляется во многихъ говорахъ тосковъ форма для „аблатива“ (на -š, прежнее образованіе для мѣст. пад.). Что касается членныхъ сущ., то и для нихъ служитъ одна форма для род.—дат. (ед. -it, -ut для м., -ε-s(ε) для ж.; мн. -ve·t). Во множ. ч. тожественны формы и для имен. и вин. (оконч. +t[ε]). Но въ ед. формальные элементы для именит. и винит. не одинаковы: им. м. -i или -u, вин. м. -in(ε) или -un(ε), -nε; имен. ж. -a или -ja, вин. ж. -εn(ε) или -n(ε). Возможно, что элементы -nε появились въ этой формѣ подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія: tünε, atε̨, tε—тоск., при гег. atę, tę... Того же происхожденія—nε и въ образованіи отъ n'ε—одинъ, одна: n'εnε—Einzahl (вин.).

Въ ед. и во мн. извѣстны, хотя и не всѣмъ говорамъ, формы мѣстнаго пад. (на -t). Но, какъ указалъ H. Pedersen[3]), это формы винит. и род. п., позднѣе распространенныя членнымъ окончаніемъ.

Румынскій яз. Въ народной латыни уже первыхъ вѣковъ по Р. Хр. система именныхъ падежныхъ формъ имѣла свои особенности по сравненію съ системой склоненія писанной латыни. Эти особенности заключались въ томъ, что нѣкоторые падежи передавались описательно, посред-

---

1) P. Kretschmer. Der heutige lesbische Dialekt. 22.

2) G. Hatzidakis. Einleitung in d. neugr. Gram. Leipzig. 1892. 420. Kretschmer. Op. cit. 228. Ср. также A. Thumb. Handbuch d. neugr. Volkssprache. Strassb. 1895. 23.

3) Albanesische Texte. Leipz. 1895. 9.

ствомъ предлоговъ въ сочетаніи съ формой имени. Такъ, вм. genet. было въ употребленіи сочетаніе de+сущ. Кромѣ того, по причинамъ фонетическимъ и психологическимъ утрачивались и нѣкоторыя другія падежныя формы. Въ послѣдующее время въ романскихъ языкахъ удержались лишь по двѣ формы въ ед. и мн.: именит. и obliquus, затѣмъ совпавшія въ одной для ед. и въ одной для мн. [1]). Въ румынскомъ языкѣ имѣются еще звательныя формы на -е(м.) и на -о(ж.). Но эти формы представляютъ собою славянское заимствованіе. Архаическую черту румынскаго языка и отличительную его особенность по сравненію съ другими романскими языками, составляетъ то, что въ немъ для именъ жен. р. (1 скл.) ед. удержана форма дат.: case, stele. Но въ аромунскихъ говорахъ форма для дат. употребляется лишь при опредѣленныхъ условіяхъ [2]). Членная форма дат.-род. выражается въ румынскомъ яз. посредствомъ формы именит. (винит.)+luĭ (eĭ), lor: domnuluĭ, tatăluĭ, caseĭ, familieĭ; domnilor, taţilor, caselor.

Аромунскіе говоры въ процессѣ объединенія падежныхъ формъ пошли дальше, употребляя въ именахъ ж. р. одну и ту же основу въ имен.-винит. и дат.-род.: mintil'i, citatil'i вм. minţil'i, citaţil'i [3]). Въ тѣхъ же говорахъ отражается тенденція къ преимущественному употребленію luĭ или въ сочетаніи его съ a (лат. ad) [4])—al передъ именемъ. Въ говорѣ олимпійскихъ влаховъ форма род.-дат. передается посредствомъ al (ali-ж.)+форма имен.-вин.: al domnu [5]). Въ другихъ аромунскихъ говорахъ передъ членной формой род.-дат. обычно находится a: mu̯ndzul a e̯ápel'e̯i muri; domnu su a agruluţ; casa a mul'eri sa̯i. de̯ade kaplu a aušluţ, tširšoarle le de̯ade a satrazámuluţ —она дала голову старику, ножки (ихъ) дала министру [6]). Посредствомъ *a* формы род.-дат. пе-

[1]) W. Meyer-Lübke. Gram. d. Roman. Sprachen. Bd. II. Leipz. 1894. A. Zauner. Roman. Sprachwissenschaft. I. II. Leipz. 1905. E. Bourciez. Éléments de linguistique romane. Paris. 1910.

[2]) E. Bacmeister. Die Kasusbildung des Singular im Rumänischen (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. IV. 1897). 25.

[3]) Jbid. 37.

[4]) H. Moser. Der Ursprung d. rumänischen Präpositionen. (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. X). 413—414. R. Kurth. Der Gebrauch d. Präpositionen im Rumänischen. (Ibid.) 477.

[5]) G. Weigand. Die Sprache der Olympo-Walachen. Leipz. 1888. 69-70.

[6]) G. Weigand. Die Aromunen. Bd. II. 222 и другія записи.

редаются иногда и въ другихъ румынскихъ говорахъ (за исключеніемъ мегленскихъ). Чаще такая передача употреблялась въ старой румынщинѣ передъ нечленной формой винит., а также плеонастически и передъ членной (примѣры въ статьѣ Bacmeister'a, 55—62). Утрата многими говорами предлога *a* была вызвана тѣмъ, что членные элементы именной формы достаточно ясно опредѣляли собою падежное отношеніе (род.-дат.).

Въ румынскомъ (дако-румынскомъ) языкѣ при передачѣ винит. пад. имени или мѣстоименія, относящихся къ объектамъ одушевленнымъ, передъ формой винит. находится pre (pri, pe..): am văzut pe fratele tău. apoi chemă pre împerăteasa. pe cine chiemĭ? [1]).

Соотвѣтствующее явленіе при передачѣ винит. представляетъ испанскій языкъ. Отличіе испанской группы отъ румынской въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что передъ формой имени и мѣстоименія находится не замѣна лат. per, но á. Кромѣ того, á въ передачѣ винит. п. проведено шире, чѣмъ pre въ румынскомъ: á находится и въ сочетаніи съ именами объектовъ неодушевленныхъ [2]).

Параллельное явленіе можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ славянскихъ говорахъ Македоніи (южной полосы ея). Такъ въ Солунскомъ с. Киречк'ой (Книжици II, зап.), въ Кукушѣ (Сбм. XVIII, 462), въ Костурѣ (Книжици II, зап.) *на* употребляется и при передачѣ винительнаго падежа. Такая передача имѣетъ мѣсто не только послѣ глаголовъ, означающихъ „искам", „питам", какъ полагалъ Милетичъ (Сбм. II, 264), но и вообще при винит. падежѣ. Такъ, въ Костурской области (въ с. Бобища) говорятъ:—закопàе на наймалѐчката сѐстра, звѐа на дѐцата,—такъ же, какъ—ти сакаш да ме загиниш на мѐне (Книжици II, 49, 53).

Въ славянскихъ говорахъ Болгаріи и Македоніи, одинаково реагировавшихъ на полученное воздѣйствіе отъ иной лингвистической среды,—среды, м. б., въ значительной степени растворившейся въ славянскихъ группахъ, утратѣ ряда падежныхъ формъ содѣйствовали и измѣненія фонетическія, развивавшіяся въ самомъ бол-

---

[1]) St. Stinghe. Die Anwendung von pre als Akkusativzeichen (Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. Bd. III и, главнымъ образомъ, IV).

[2]) Meyer-Lübke. Gram. d. Rom. Spr. Bd. III, 371—373.

гарскомъ языкѣ: развитіе *а* (ă) вм. *ъ* изъ ǫ въ окончаніи; 'а→'ä и ѣ—'ä въ восточной части болгарскихъ говоровъ.

2) Что касается формальныхъ элементовъ, то для уясненія взаимоотношеній македонскихъ говоровъ съ сосѣдними славянскими они представляютъ мало данныхъ.

Окончанія -i, -išta употребляются и въ болгарскихъ и сербскихъ говорахъ.

'е или ję также было извѣстно языку средне-болгарскихъ памятниковъ и памятниковъ сербскихъ того же времени. Въ употребленіи эти окончанія и въ настоящее время въ болгарской и сербской языковыхъ областяхъ. Но все-таки въ юго-восточной Сербіи это окончаніе не въ такомъ частомъ употребленіи, какъ въ Македоніи; кромѣ того, на 'е или ję формы множ. ч. извѣстны преимущественно въ восточныхъ областяхъ юго-восточной Сербіи (Белић. Дијал. 323—325, 397).

-in'a представляетъ собою македонизмъ. Въ сосѣднихъ областяхъ Сербіи и Болгаріи формы съ такимъ окончаніемъ употребляются рѣдко и къ тому лишь въ областяхъ, ближайшихъ къ Македоніи.

-o[u̯]i -ovi. Вопросъ не въ распространеніи тематическихъ элементовъ oų на основы не *-й, извѣстномъ и болгарскимъ и сербскимъ говорамъ, а въ окончаніи i. Нѣтъ возможности утверждать, что македонскія формы на -oųi развивались въ связи съ такимъ же явленіемъ сербскаго языка. Для сербскаго языка формы на -ови датируются впервые памятниками XIV в. (Даничић. Историја облика 59). Македонскія образованія на -oųi-ovi, появившіяся въ связи съ общимъ распространеніемъ окончанія i для множ. ч. именъ муж. р., возникали внутри самихъ этихъ говоровъ и существовали уже въ XI в. Такъ, въ Синайской Псалт. находятся такія формы им. мн.: сѣви=сѣнови (10 разъ), волови (Vondrák. Altkirchsl. Gram.², 420—421).—Замѣтимъ, что въ этомъ же памятникѣ отмѣченъ былъ и юго-западно-болгарскій или восточно-македонскій видъ предлога вовь.—

Среднеболгарскіе памятники XII—XIII вв., отражающіе черты македонскихъ говоровъ, также имѣютъ формы на -ови: Охрид. Ап.: сѣви (С. М. Кульбакинъ. Охрид. рукоп. CX); Болон. Пс.: жідві (2р.), жидови (2р.), врачеви (В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 213), вирпинская грамота Константина Асѣня: кнѧзеви (Г. А. Ильинскій. Грамоты. 76).

і (изъ ъі) для жен. р. удержано въ Македоніи, какъ и въ Болгаріи. Немногіе говоры на сѣверѣ Македоніи и на сѣверо-западѣ Болгаріи для формы множ. жен. усвоили окончаніе *е*, несомнѣнно въ связи съ окончаніемъ той же формы въ сербскомъ языкѣ.

Прилагательныя.

Прилагательныя муж. р. нечленныя съ окончаніемъ і въ ед. ч. встрѣчаются рѣдко: за дру́г'и па́т 164. Гласный і въ -мави- (ачи́к мави́, жен. ма́вита сфи́та, 177) восходитъ къ такому же гласному турецкаго ماوی—мави́ (голу́бой).

Обычно нечленное прилагат. муж. ед. оканчивается согласнымъ корня или суффикса—у́мен чо́ек 149, е́ден по́јас во́лнен 156, че́шел те́сен 156, цел 171.

Форма множ. ч. для всѣхъ трехъ родовъ оканчивается на -і, какъ вообще въ Македоніи и Болгаріи (кромѣ сѣверо-западныхъ говоровъ послѣдней, различающихъ окончанія по родамъ: і—муж., е—жен., а—ср.).—гула́бите се́ чи́сти 123; ши́рок'и, ку́си [ру́бите] 151; јагънцата, јарти́шата се́ ха́рни 119; су́и да[ъ]рва 153, ко́лцата бе́а ска́[ъ]ршини 161; ма́лите де́ца 130; дру́дзи ме́ста 117. Въ одномъ случаѣ находится окончаніе *а*: и́маме два ло̀зја и се́ по́лна от гро́зје 130-131. *а* въ -полна- вызвано вліяніемъ такого же окончанія въ -два лозја.

Особое замѣчаніе вызываетъ сочетаніе—дру́дзи ме́ста. Этотъ примѣръ указываетъ, какого рода формами стали вытѣсняться формы сред. [и жен.] множ. прилагат.

дру̀дзи не только для муж., но и сред. [и жен.] множ. въ говорѣ Дидаскаліи не стоитъ одиноко. То же явленіе знаютъ и многіе другіе говоры Македоніи. Здѣсь не только drug, но и blag, dl̥g (съ замѣной l̥) сохраняютъ въ формѣ множ. d͡z-z передъ і: drud͡zi-druzi, dl̥d͡z(z)i. Тѣ же формы (съ dz-z) перенесены и на прилагательныя жен. и сред. р. Такъ въ Прилѣпѣ: друзите работи (Сбм. XI, 114); стомни друзи (Сбм. XI, 113); у́ши до́лзи (Сбм. XI, 97). Въ Маріовѣ: друзите пари (Сбм. XVI—XVII, 287). Въ Леринѣ: дру́зи гла́ви, дру́зите две ке́рки (Сбм. VIII, 162, 163). Въ Охридѣ: долдзите уши; дру́дзи ра́боти (Шапк. VIII, 37, 177). Въ Воденѣ: дру́дзи рабо́ти (Сбм. II, 189). Въ Велесѣ: дру́зи дъ́рвја, дру́зи же́ни; дълзи све́к'и (Сбм. IX, 85, 132, 133). Въ Штипѣ: дру́зи де́ца (Сбм. IX, 160).—дъзи поли—и въ Разлогѣ („Додатак", 41).

Сохранено и с вм. k, но только въ выраженіи: вéлици пóсти (Матовъ. За историята, 17).

По отношенію къ формамъ прилагат. ед. ч. въ говорахъ Македоніи и сосѣднихъ славянскихъ областей Болгаріи и Сербіи отмѣтимъ слѣдующее. Всѣ эти говоры имѣютъ окончаніемъ гласный *о* въ формѣ сред. ед. съ прежней основой съ мягкимъ согласнымъ. Согласный передъ гласнымъ *о*, явившимся по аналогіи съ прочими именами сред. ед., сохранилъ мягкость, или послѣ него находится j. Напр.: Прилѣпъ: кóзjо (Сбм. XX, 13); Кичево, Маріово, Штипъ: трéк'о (Сбм. XIX, 27..; Псп. XLVIII, 810; Сбм. X, 138); Кичево: туг'о (Сб. Иконом. 126); Радовшитъ: туѣото јајце је поголемо („Карацъ“., III, № 5); Кратово: син'о (Сбм. IV, 316), Дупница: козjо месо (Сбм. X. 174). На сѣв.-западѣ: задн'о, зимн'о (Мариновъ Ж. Стар. II, 72). Для юго-вост. Сербіи см. у Брока (Dial. 107...; Хц.-Василъ. II, 287).

Ясный слѣдъ позднѣйшаго появленія *-о* виденъ въ прилагат. и мѣстоим. ср. ед., отмѣченныхъ въ записяхъ изъ с. Църска (въ Битольскомъ округѣ, но по говору относящагося къ Кичевскому): малоо детенце; кjесе је таквоо и др. (Сбм. XIX, 1, 2...). Также въ битольскомъ говорѣ: мáлоо дéте, сéкоо утро (Сбм. XV, 90).

Въ говорѣ с. Църска нѣкоторыя прилагат. утратили мягкость согласнаго передъ -о: ближно ссло (Сбм. XIX, 50).

Сравнительная степень. Образованіе формъ для сравнит. степ. въ говорѣ Дидаскаліи то же, что и въ прочихъ говорахъ Македоніи и Болгаріи: *по*+основная форма. —пó-голéмите 160, помáлите 160, по-стáрите 161, пó-[о]хáрно πῶ σχάρνω 120; со (вм. по) áрно лýбает зéтото и от сúнот 160; пó мóшне лýбает к'ерката и от снáата 160.

Мѣстоименія.

Личныя. Ед. 1—Им. ἰαζ -јас 158.

Вин. мéне, ме: за мéнс 138; меýдри 139.

Дат. ми: влáкна ми 158.

Въ Дидаскаліи обнаруживается смѣшеніе формъ дат. и вин.: ме употреблено не только для винит., но и для дат.: ме зáпра кърфот 139-140. Ῥωμ.: μοῦ σταμάτησε τὸ αἷμα. Βλάχ.: ννια[=n' a-]χουμτινᾶ σάντζελε. Ἀλβ. μοῦ [=m u-]

πουσσόη γκιάκνα. ме тéче кърф 139. Ῥωμ.: μοῦ ἔτρεξε αἷμα. Βλάχ.: ννί κουρᾶ σάντζε. Ἀλβ.: μα ρώθ γκιάκ.

Въ употребленіи *ме* вм. *ми* въ Дидаскаліи отражается вліяніе аромунскаго или албанскаго языка.

Мн. Им. (примѣръ отсутствуетъ).

Вин. не : нé мáчит 146.

Дат. *ни. Примѣра, въ которомъ для дат. множ. было бы употреблено *ни*, въ Дидаскаліи не имѣется. Но въ существованіи для дат. *ни* мы освѣдомляется изъ смѣшенія „краткихъ“ формъ *ни* и *не* при передачѣ вин.: ни рáдваат 121. Ῥωμ.: μᾶς χαροποιοῦν: Βλάχ.: νᾶ χαρισέσκου. Ἀλβ. νά γκαζώηνα.

Въ смѣшеніи „краткихъ“ формъ мѣстоим. для вин. и дат. мн. опять-таки отразилось вліяніе албанскаго или аромунскаго языка: въ томъ и другомъ для вин. и дат. служитъ одно и то же сочетаніе (см. ниже).

2. Ед. Им. ти 136, 176.

Вин. тебе, те: прéт тéбе 159; те óпитвам 181.

Дат. ти 129; да ти пóбегнат 147. Ῥωμ. νά σοῦ φύγῃ.

Возвратное. Вин. сéбе - се: нéка вáрдает сéбесе [σέμπεσε] 163-164.

Обобщеніе падежныхъ формъ личныхъ мѣстоименій еще значительнѣе въ аромунскомъ и албанскомъ языкахъ. Въ аромунскомъ, въ особенности въ сѣверныхъ говорахъ, форма винит. mine замѣняетъ форму именит. eu. tine совсѣмъ вытѣснило собою прежнее tu. Форма винит. мн. тожественна съ формой род.-дат. 1. 2 мн. (nă, vă). Въ албанскомъ „краткой“ формой для дат. и вин. 1. ед. служитъ одна форма -mɛ, представляющая собою замѣну исконной формы винит. пад. (съ ɛ въ зависимости отъ безударнаго положенія). И „полная“ форма для дат. и вин. ед. одна и та же: тоск. mua, гег. mue, также восходящія къ формѣ винит. *mēm (въ общеалб.→mōn; ōn→ua у тосковъ, ōn→ue у геговъ). Именит. ед.—unɛ, u. -nɛ является окончаніемъ формы винит. п. Во множ. замѣна формы винит. служитъ для всѣхъ пад. (кромѣ аблатива): na, nē. Въ такомъ же направленіи происходило совпаденіе формъ и для 2 л. Обобщеніе формъ произошло и для мѣстоименія aj (аї)—муж. (изъ a-i); ajó—ж. (изъ a-i̯a).

Указательныя. Ед. Им. муж. тói̯ 165, 176...; сред. тóа 128, 146... Вин. муж. и сред.—го: гóспод го [чóекот] ч'уват 119; клепáлото да го бúеш 143; для жен.—[i̯]а: да а [jере-

би́ата] слу́шает 123; въ прочихъ примѣрахъ и для женскаго—го: да зе́мит *свѣ́шта* и да *го* за́палит 142. и *кук'ата* тфоја а́ко капит да *го* по́крием 154.

Мн. Им. ти́е 122, 149, 163...

Вин. и 131, 132, 140, 144, 155...; за да *и* [μπόσφητε] по́лнам (131); да *и* [смо́кфи] но́сам (132); и к'е *и* [е́ден кѣтник и еден зап] и́звадам (140).

Дат му: и ма́лите де́ца ви́кают о́ти са́кает ра́нен'е и не *му* да́ват ни́кои 130.

Въ другихъ параллеляхъ „краткая" форма для дат. множ.: гр. τούς, аром. lă, алб. i.

му—для дат. множ. извѣстно и нѣкоторымъ другимъ македонскимъ говорамъ.

о́вои 144; о́ва 161—сред. ед.; о́вие 117(2 р.)—множ.

Притяжательныя. Ед. тфо́и 155; фто́ито за́наат 135; тфо́ата 136, 144, 149, 155. Для средняго р.: зе́миш тфо́ата здра́вје 170. Форма жен. вм. сред. стоитъ въ связи съ аромунской atắ или албанской te[ε]nde,—формами жен. вин., находящимися въ соотвѣтствіи болгарской параллели.

Мн. тфо́и[i]те ра́боти 136.

нихна: к'ерка ни́хна 160.

ни́хтите 172 (2 р.).

не́гоите 125, 142; на него́и[i]те ме́ста 158.

*цьś-. сфи́от 127. сфи́те 116, 118, 137, 143, 151, 161, 178;—для 3 родовъ. си́те 129, 134. сфе́ко 127.

ко́и 141. ни́кои=никто (130).

ни́коа ка́лт=никакая грязь (155). Ῥωμ. χάμμία λαῖρα. Ἀλβ.: ἄς νγὶ μπάλτ. Не подъ вліяніемъ ли албанской параллели появилось t въ болгарской? Жен. родъ тоже могъ быть приданъ въ зависимости отъ другихъ параллелей, гдѣ соотвѣтствующее сочетаніе стоитъ въ жен. родѣ. Βλάχ.: νὶτζε σὺνα χόθρα.

ни- находится и въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ни́коа ма́нджа (159)=нѣкая, к.-н. пища. Ῥωμ.: χάνένα φαγί; ни́кое де́те (175)=нѣкое, к.-н. дитя. Ῥωμ.: χάνένα παιδί. Возможно, что -никои, никоа, никое—въ значеніи какъ—никои..., такъ и—некои, развились внутри самого болгарскаго діалекта Дидаскаліи. Такое значеніе -никои- имѣетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ. Ср. и въ Пришевскомъ краѣ: никој време, ника баба,—

также—николико—(Хиљ.-Васиљ. II, 298, 290, 294). Ср. также у Белича (Дијал. 425).

што: тоі што хо́дит.·. 165; же́ната што́ и́мат пъ́рстен'и[е]...16; же́ните што и́маат ко́си го́леми .. 172; ти́е што се же́нает...163.

ништо=ничто: не па́тиш ии́што 147, 150.

Для дополненія и уясненія формъ мѣстоименій, представленныхъ въ Дидаскаліи, сдѣлаемъ общее обозрѣніе формъ мѣстоименій въ современной Македоніи и замѣчанія объ ихъ отношеніи къ соотвѣтствующимъ формамъ въ сосѣднихъ славянскнхъ говорахъ.

Личныя. Для 1 ед. въ Македоніи употребляется jas (jaska, jaze,—съ j—i) и ja (ia). ja свойственно говорамъ, находищимся въ сѣверо-западной части Македоніи: въ Дебърскомъ краѣ, вмѣстѣ съ М. Рѣкой (въ Крушовѣ у міяковъ, переселенцевъ изъ Дебър. области), въ Кичевѣ, Порѣчьѣ, Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ. Въ Велесѣ уже ja при jas [1]). jas-jaska-jaze-jazika въ прочихъ областяхъ Македоніи. Какъ видно, въ бо̀льшей части ея діалектовъ въ формѣ этого мѣстоименія удержанъ согласный z(s), иногда распространенный гласнымъ e, сочетаніями -ka, -ika.

Для 1 множ. служатъ формы ni[i]e или ni[i]a и mi[i]e. Обозрѣвая употребленіе этихъ формъ по областямъ, наблюдаемъ, что ni[i]e или ni[i]a находится тамъ, гдѣ для 1 ед. служитъ jas..., а mi[i]e тамъ, гдѣ для 1 ед.—ja. Дѣйствительно, въ Дебърской области, въ М. Рѣкѣ, у крушовскихъ міяковъ, въ Кичевѣ, Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ говорятъ mi[i]e. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ областей, именно, ближайшихъ къ центральнымъ,—въ Кичевской и Скопской, извѣстно и ni[i]e. Кичево: мие (Лавчани. Сб. Иконом. 115); къ югу—ние (с. Църско. Сбм. XIX, 13); ниѣ („Новини", III, № 40). Скопье: мие, ние (въ городѣ. Минало, I 1, 66—67); въ Н. Селѣ: ja—ние (Сбм. XI, 110, 111); въ Г. Солне Каршіяка: ja—мие (Минало I 1, 70—71). Кратово: мие, ние (Псп. V, 122). mie указано и для говора восточнаго солунскаго села Киречк'ой; но тамъ эта форма употребляется рѣдко, замѣняясь обычно формою вин. мн. nas (Книжици II, 42, 47; Rad, knj. 145, стр. 140). Что же касается ni[i]e и ni[i]a, то по употребленію того или иного образованія можно

[1]) Пользуемся въ дальнѣйшемъ записями и описаніями, не разъ уже цитировавшимися.

отмѣтить слѣдующія области: ni[i]a: 1) на югѣ, въ Костурскомъ и Леринскомъ краяхъ; 2) на востокѣ и сѣверовостокѣ, въ Штипѣ, въ Кукушѣ, Дойранѣ [1]). Въ прочихъ областяхъ, поскольку позволяютъ судить имѣющіяся данныя,—ni[i]e.

2 множ.: vi[i]e—vi[i]a.

Изъ прочихъ формъ личныхъ мѣстоименій отмѣтимъ „краткую“ форму вин. множ. Во всѣхъ македонскихъ говорахъ она имѣетъ образованіе съ *e*: ne, ve. Появленіе здѣсь *e* обязано аналогіи съ формой мѣстоименія вин. ед. (а не сущ.): ср. ясныя указанія на это кукушскаго и воденскаго говоровъ, гдѣ „краткія“ формы мѣстоим. для вин. имѣютъ видъ mъ, vъ (и sъ),—распространенное явленіе въ измѣненіи *mę, *tę (*sę) въ болгарскихъ говорахъ. Тѣ же гласные находятся въ формахъ для личныхъ мѣстоим. и въ вин. множ. nъ, vъ, употребляющихся при „полныхъ“ формахъ: nas nъ, vas vъ (Сбм. XVIII, 460).

Что касается отношенія македонскихъ формъ личныхъ мѣстоименій къ соотвѣтствующимъ формамъ въ сосѣднихъ славянскихъ говорахъ, то поэтому поводу можно замѣтить слѣдующее.

По формѣ 1 им. ед. говоры южной, центральной и восточной Македоніи примыкаютъ къ говорамъ Болгаріи,—примыкаютъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи сохраненія чертъ старины. i передъ a извѣстно и въ западной Болгаріи и во многихъ мѣстностяхъ восточной. Среди говоровъ съ jaz есть и такіе, въ которыхъ jaz не представляетъ образованія праславянской эпохи, а явилось позднѣе, замѣнивъ болѣе раннее az. iaz(jaz) появлялось здѣсь двоякимъ путемъ: или подъ вліяніемъ другихъ говоровъ, или благодаря развитію i передъ начальнымъ a. Ср. въ битольской Тріоди XIII в. : а ѩзъ ѩгонїсѧ = ἀγωνίζομαι (по отрывку, сообщен. Й. Ивановымъ. Старини. 88) [2]). По свидѣтельству языка др.-ц. славянскихъ памятниковъ, азъ было свойственно, по крайней мѣрѣ, юго-восточнымъ говорамъ Македоніи. Теперь и тамъ jaz. Съ другой стороны, въ болѣе позднее время

---

[1]) Для Дойрана см. запись „iz živih usta“ въ Radu, knj. 145, стр. 140.

[2]) Свидѣтельство битольской Тріоди существенно дополняетъ указаніе В. Н. Щепкина: „Въ болгарскихъ рукописяхъ *jaz* отмѣчено пока только съ XVII вѣка“ (Болон. Пс. 216). Ср. еще въ Еванг., писанномъ въ Софіи въ 1329 г.: ꙗзъ (П. А. Лавровъ. Сборникъ отчетовъ о преміяхъ Ак. Н. IV, стр. 355).

при нѣкоторыхъ условіяхъ происходила утрата j въ сочетаніи jaz (первоначальнаго или вторичнаго происхожденія). Именно, если предшествовало слово съ конечнымъ гласнымъ *a*, то j, оказавшись между двумя *a*, могло утратиться, подобно тому, какъ этотъ неслоговой звукъ утрачивался и въ другихъ случаяхъ между гласными *a*, *o*—*a* и др. (см. выше): taja—taa, odaja-odaa. Такъ и az при jaz: пренда аз—въ корчанскомъ селѣ Бобошчицѣ (запись Новаковича. Arch. XV, 45).

Общей чертой въ македонскихъ говорахъ (указанныхъ областей) и болгарскихъ (кромѣ родопскихъ и нѣкоторыхъ другихъ) является удержаніе согласнаго z(→s). Сохраняя сочетанія съ -z(→s), македонскіе и болгарскіе говоры объединяются значительной продуктивностью частицъ -zi, -ze, -ka, -zika при мѣстоименіяхъ личныхъ и неличныхъ: jazeka, jaska, jazika; naze, vaze (вин. мн.), tozi и др. Наиболѣе продуктивны эти частицы оказались въ говорахъ Болгаріи. Ихъ продуктивность слабѣе на западѣ и въ Македоніи, гдѣ эти частицы обычно находятся при мѣстоименіяхъ личныхъ [1]).

Сѣверо-западные македонскіе говоры, объединяясь съ прочими въ сохраненіи начальнаго j, пережили утрату конечнаго z(s), какъ и говоры сербскіе, м. б., и въ связи съ этими послѣдними (ср. форму 1 им. множ.).

По формѣ 1 им. множ. jaz—говоры находятся въ тѣсной связи съ говорами Болгаріи и уже не по чертамъ архаизма, а въ отношеніи новообразованія: ni[j]e—ni[j]a. n въ этой формѣ обнаруживается въ XIII в.: нинє и минє въ муз. Апост. (В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 216). Въ окраинныхъ говорахъ m (mie) держалось долѣе. Ср. говоръ с. Киречк'ой. ja—говоры представляютъ прежній согласный, —m: mi[j]e. Памятники письменности сѣверо-западной Македоніи могли бы помочь въ опредѣленіи значенія формы mi[j]e: отъ праславянской ли эпохи сохраняется здѣсь m-, или же праслав. m- было вытѣснено, какъ и въ прочихъ діалектахъ Македоніи и Болгаріи, согласнымъ n- другихъ формъ множ. и лишь позднѣе было возстановлено m-, вслѣдствіе вліянія сербскихъ говоровъ? Такими данными этихъ памятниковъ мы не располагаемъ пока. Хотя бы въ сѣверо-запад-

[1]) Жители Кумановской области насмѣхаются надъ говоромъ своихъ сосѣдей на югѣ, что они произносятъ „јазека, тизека, што ти работат дечиња“... (Хц.-Васильевъ. I, 344).

ныхъ македонскихъ говорахъ m- и удержалось въ этой формѣ отъ праславянской эпохи,—удержалось, какъ и въ сербскихъ говорахъ, все же въ отношеніи второй части этого сочетанія,—элементовъ -je, говоры запада и сѣвера Македоніи развили новообразованіе, одинаковое съ прочими македонскими діалектическими группами.

mi[j]e извѣстно не только въ Пологѣ, Скопьѣ, Кратовѣ, но и въ южной части Кумановскаго округа, напр., въ с. Кокошине. Но въ другихъ кумановскихъ говорахъ, а также въ прешевскихъ—mi. mi проникло и въ нѣкоторые говоры сѣверной Македоніи. Такъ, въ Тетовѣ на-ряду съ обычнымъ mi[j]e употребляется изрѣдка и mi. (Подробнѣе въ характеристикѣ д.-полож. говоровъ). Съ другой стороны, mi[j]e или ni[j]e спорадически встрѣчается въ говорахъ юго-восточной Сербіи. Лишь въ говорѣ Кривой Феи (къ востоку отъ Врани, у границы съ Болгаріей) обычно ni[j]e; но у молодого поколѣнія—mi.

„Краткими“ формами для вин. множ. по всей Македоніи служатъ ne, ve. Тѣ же сочетанія извѣстны и говорамъ юго-западной Болгаріи, а также родопскимъ. Въ юго-восточной Сербіи ne, ve „употребляются единственно въ южноморавскомъ діалектѣ“ (Белић. Дијал. 403). Но здѣсь по говорамъ на-ряду съ ne слышится и ni: Враня, Лесковацъ. Та же двойственность „краткой“ формы и на Косовомъ полѣ (ib. 402, 403). Къ сожалѣнію, данныхъ для косовскаго говора въ отношеніи формъ мѣстоименій не имѣется. А для объясненія ne въ южно-моравскихъ говорахъ надо согласиться съ мнѣніемъ А. Белича, что это сочетаніе явилось въ результатѣ вліянія „со стороны“ (ib. 403). Что касается той „стороны“, откуда шло это вліяніе, то она была на югѣ, въ Македоніи, а не на западѣ, въ Старой Сербіи. На македонское вліяніе указываетъ то обстоятельство, что чѣмъ ближе къ Македоніи, тѣмъ рѣже встрѣчаются ni, vi, тѣмъ обычнѣе ne, ve; въ Прешевской и Кумановской областяхъ ne, ve—единственныя „краткія“ формы для вин. множ. 1. 2 (Хџ.-Васиљ. I, II). Въ говорахъ же Старой Сербіи ne, ve при ni, vi могли развиться внѣ посторонняго вліянія,—развиться въ результатѣ уравненія съ окончаніемъ не только формы вин. ед. (me, te), но и формы вин. множ. именъ и прочихъ мѣстоименій. Такъ уже несомнѣнно обстояло дѣло въ нѣкоторыхъ говорахъ Черногоріи (Rešetar. Der štok. Dialekt. 188).

Въ именит. падежѣ ед. ч. для мѣстоименія, соотвѣтствующаго др.-ц.-слав. ѡнъ..., употребляется toj, ta[j]a, too [teja], а въ сѣверныхъ и восточныхъ македонскихъ говорахъ —on, ona, ono, какъ и на западѣ Болгаріи и на юго-востокѣ Сербіи.

Для винит. п. муж. и ср. служитъ nego и go. Употребленіе nega, ga начинается лишь въ сѣверной Кратовской области. Такъ, въ кратовскомъ с. Лесновѣ еще nego, go, но уже въ г. Кратовѣ nega, ga.—Ср. въ сѣверно-кратовской области и другія черты говоровъ юго-восточной Сербіи.—nega, ga и въ Скоп. Черной Горѣ. Но въ г. Скопьѣ и скопскихъ селахъ—nego, go. nego, go и въ говорахъ Полога (Дольн. и Гор.).

Въ жен. р. для вин. ед. употребляются слѣдующія сочетанія: ne[j]a или ne[j]e—„полныя“ формы, и ja[a], je, ga—„краткія“. Изъ двухъ „полныхъ“ формъ ne[j]e извѣстна немногимъ говорамъ. Такъ, она употребляется въ Охридѣ. Ея происхожденіе—изъ прежней формы род.: ѥѣѧ. Выводить конечное [j]e изъ ѣѧ←ѣ̃ затруднительно вслѣдствіе того, что въ охридскомъ говорѣ другихъ слѣдовъ ѣѧ изъ ѣ̃ не имѣется; наоборотъ: ѣѧ→ѣ̃, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современныя охридскія сочетанія—jъ́зик, jъ́чмен, за́јък. Если же въ мѣстоименной формѣ находится -e, а не -ъ, то этому ѥѣѧ содѣйствовала аналогія съ именными формами род. ед. на н'ѧ, л'ѧ, возстановившая прежнее окончаніе -ѣѧ; или же въ данномъ случаѣ не развилось -ъ въ зависимости отъ предшествующаго неслогового звука. А этимъ звукомъ былъ j, позднее утраченный въ говорѣ. Но въ—зајѣ̃к гласному предшествовалъ j или j, очень близкій къ j, почему и не произошло его утраты. —jѣ̃ вм. -jѣѧ незначительно, вѣроятно, отличалось отъ болѣе ранняго -jѣ и съ теченіемъ времени замѣнилось je→j̑e— e: nèe. Но что -ѣѧ→-ѣ̃ въ раннюю среднеболгарскую эпоху распространялось и на сочетанія ѥѣѧ, то объ этомъ свидѣтельствуетъ написаніе, представляемое Болон. Псалтырью: ѥ̃же 214.2.—въ значеніи уже вин. ед. (по формѣ—это род. п., но не винит., какъ полагаетъ повидимому В. Н. Щепкинъ. Болон. Пс. 216; ср. и 150—151).

Въ качествѣ „краткой“формы служитъ въ Охридѣ вторая часть „полной“ формы —je. Въ большинствѣ же прочихъ маке-

донскихъ говоровъ формою для вин. ед. жен. является пе[і]а [1] —ја(а), гдѣ [і]а замѣняетъ среднеболгарское—ѣ (вм. ст.-болг. ѣ и ѧ). Въ качествѣ „краткой“ формы на-ряду съ ја употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ је. Такъ въ Костурской, Леринской, Битольской, Маріовской областяхъ. Примѣръ изъ Лерин. области: да је излѐкват; да ја излѐквам (Сбм. VIII, 160). Изъ маріовской: тревата да ја окосиш и да је свариш (Сбм. XVI XVII, 286) и др.

Въ отдѣльныхъ говорахъ сѣверо-западной и восточной Македоніи вм. ја— находится ga,—съ g, проникшимъ отъ „краткой“ формы вин. муж. и сред. go. Такъ въ говорахъ положскихъ на сѣверо-западѣ. Но ga въ этой мѣстности не представляетъ собою давняго и исключительнаго соотвѣтствія др.-ц.-слав. мѣстоименію ѭ. Въ началѣ XIX в. въ Пологѣ употреблялась „краткая“ форма этого мѣстоименія въ видѣ ga и ја. На это указываютъ Кириллъ Пейчиновичъ и его земляки своими писаніями (см. подробнѣе во II т.). Не безызвѣстно ја и въ настоящее время положскимъ говорамъ (но отмѣчено только въ пѣсняхъ). На востокѣ Македоніи ga употребляется въ Кукушской, Дойранской и Гевгелійской областяхъ; въ послѣдней отмѣчено ga и *a*.

Что касается полной формы, то она естественно представляетъ сочетаніе безъ g: пе[і]а. Но вслѣдствіе фактора аналогіи ga отъ „краткой“ формы можетъ проникнуть и въ „полную“ форму, какъ вторая часть послѣдней. Такъ дѣйствительно произошло въ говорахъ Д. Пологa: пеga (Отчетъ 20). Въ началѣ прошлаго вѣка употреблялось тамъ еще пеја: ни у Кирилла Пейчиновича, ни у его земляковъ—современниковъ нѣтъ указаній на пеga, хотя случаи употребленія ими этого мѣстоименія встрѣчались нерѣдко (подробнѣе во II т.). Къ югу отъ г. Кратова эта „краткая“ форма имѣетъ гласный *a*. Съ такимъ же окончаніемъ она употреблялась въ первой половинѣ XIX в. и въ самомъ гор. Кратовѣ. Такъ, въ записи кратовца попа Михаила находится: кѯпи га [книгу], коі га украдне... (зап. будетъ напечатана въ отд. о хц. Іоакимѣ Кърч.). Записи болѣе поздняго времени указываютъ, что въ г. Кратовѣ и далѣе къ сѣверу употребляется уже иной гласный: u(y). Передъ гласнымъ находится g: gu. И „полною“ формой сѣверно-кратовскіе говоры

[1] Въ Рѣсенѣ полная форма—пеја, п'а.

отличаются отъ прочихъ македонскихъ и сближаются съ говорами юго-восточной Сербіи: numa, num. Такой видъ имѣютъ „краткая“ и „полная“ формы и въ сосѣднихъ говорахъ Кумановскаго и Прешевскаго округовъ и Скопскаго Черногорья. Единственно, въ чемъ можно замѣтить общность съ македонскими говорами,—это въ твердости начальнаго согласнаго, развившагося въ мѣстоим. формахъ: gu, numa; макед. ga, ne[i]a. Но въ скопско-черногорскомъ и кумановскомъ говорахъ уже n': n'ega (вин. м. и ср.), n'uj, n'uma—n'um. n' перешло и въ говоръ села Црешева, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ онъ еще удерживаетъ черты говоровъ скопско-велесскихъ. Разумѣется, n' и въ Прешевскомъ краѣ, какъ и въ другихъ областяхъ юго-восточной Сербіи.

Дат. ед. Въ ед. въ качествѣ „полной“ формы употребляется сочетаніе па+„полная“ форма вин., или же только neize (охрид. nèi͡dze),—форма, ясная по своему образованію. Какъ „краткая“ форма, въ бо̀льшомъ распространеніи je, чѣмъ i. [i]i находится въ восточной части Македоніи. Такъ въ Кукушѣ, въ Маріовѣ (здѣсь i и je). Въ Гевгели i осложнено согласнымъ n: in. Если [i]i не представляетъ затрудненія въ выясненіи ея (—вторая часть „полной“ формы, соотвѣтствующей др.-ц.-слав. ѣи), то не совсѣмъ ясна „краткая“ форма je. По всей вѣроятности, появленіе гласнаго *е* вызвано было вліяніемъ именныхъ формъ дат. ед. съ окончаніемъ на *-е*, не только сохраненнымъ нѣкоторыми македонскими говорами въ именахъ на *-а*, но и перенесеннымъ на имена другого образованія. Такъ, въ Охридѣ не только — daj majk'e, snáe, стри́не, но и—таткóе-ти, стрикóе-ти, братóе-ти и т. п. Также въ Дебърскомъ краѣ: Ми́лке je дошол свршéникот; вýне и тéтке дóнесол пéшкиш, а мájке нé; тáткове, брáтове-си; братое-си. Въ сѣверно-кратовскомъ говорѣ и въ отношеніи формы дат. ед. отражается другое направленіе въ образованіи ея,—направленіе такое же, какое происходило въ говорахъ юго-восточной Сербіи: вліяніе твердыхъ мѣстоименныхъ основъ, вслѣдствіе чего появился гласный *о*: nojjze. „Краткая“ форма —vu. Отсутствіе мягкости при n еще до нѣкоторой степени сближаетъ сѣв.-кратовскіе говоры съ прочими македонскими. Но въ Кумановской, Прешевской областяхъ и далѣе къ сѣверу —n': n'ojze; „краткая“ —vu.

Характерной особенностью говоровъ южной и нѣкоторыхъ центральныхъ областей является употребленіе *mu* и для жен. р. Такъ въ костурскихъ, леринскихъ, битольскихъ, прилѣпскихъ, мегленскихъ, воденскихъ говорахъ. Нѣсколько примѣровъ. Костуръ (с. Бобишта):. ..е викнале по́втором *ба́би́чката*, *му* да́ле пак е́ден пре́гач флори́ни и *му* ре́кле, кжто шо *му* реко́е и по-на́пре. Баби́чката пак, кжто по-на́пре, оти́шла при *чу́пата* и *му* ре́кла и т. д. (Книжици II, 52). Леринъ: и *му* ве́ли на коби́лата (Шапк. IX, 321); на *зми̇̀ата* не *му* ре́че (Шапк. IX, 323); ца́ровата *ке́рка* направи́ла ка́о шо беше заръчал татко *му* (Сбм. V, 146). Битоля: о́тишла при *ма̇̀ка* си и *му* ка́жала; ма̇̀ка *му и* ре́кла (Шапк. IX, 300). Для Прилѣпа см. въ Сбм. XX, 22; для Водена: Сбм. II, 188; XVIII, 461. Въ тѣхъ же областяхъ *му* служитъ и для дат. множ. Прилѣпъ: да *му* кажуаат *на граг'аните* (Сбм. XI, 98). Мегленъ: и *му* ре́къл на сел'аниту (Сбм. XV 188). Битоля: да *му* пречит *на жените* (Сбм. XV, 378, Милетичъ). Леринъ: ца́ро *му* ре́чи *на ек'и́лите* (Шапк. IX, 318); *му* нача́л *на сино̇̀те* (ib. 323). Костуръ: и се моле́ле на Го́спо да *му* [=имъ] да́̇ шчо са́ка Го́спо. (Шапк. IX, 335). Воденъ: он *му*[=имъ] рѐкъл: „нѐмам", а о́ни му ве́л'ат... (Книжици I, 30; см. и въ Сбм. XVIII, 461).

Для именит. во множ. служатъ сочетанія ti[j]e и ti[j]a. Области распространенія того или другого сочетанія соотвѣтствуютъ распространенію vi[j]e—vi[j]a, хотя и не вполнѣ: въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ ti[j]a употребляется при vi[j]e. Такъ въ Кратовской области. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ употребляется въ ед. оп, опа, опо, во множ. —опі.

Для винит. множ. служитъ въ качествѣ „полной" формы ni[ch] - nif[v]. nif въ нѣкоторыхъ говорахъ (М. Рѣка) осложнено гласнымъ і, перешедшимъ отъ „краткой" формы, вслѣдствіе частаго [см. ниже] употребленія сочетанія изъ двухъ формъ: „полной" и „краткой". Для „конъюнктнаго" мѣстоим. служатъ і или g', съ g— отъ формы ед. муж. и сред. Употребленіе двухъ звуковыхъ варіантовъ этого мѣстоименія свойственно многимъ македонскимъ говорамъ. Напр., въ Леринской области: фа́тил да ги о́пи́тва; да ти *ги* зе́ват о́вците— и полуви́ната ке ми *и* ари́зат на мене; два бра̇̀'к'а се милва́а но́гу помег'у ни и *и* напра́ви да се би̇̀т (Сбм. VIII, 160); въ Маріовской: и *г'и* излекувал тиѥ...; сичко продаде и му *и* прати парите (Сбм. XVI—XVII, 286, 287) и др.

На юго-западѣ, въ Рѣсенѣ, Охридѣ, Битолѣ, Кичевѣ, въ качествѣ „полной“ формы винит. и „общаго“ падежа употребляется форма дат. пад.: nim, или осложненная гласнымъ i такого же происхожденія, какъ и въ niii.—за ним, во ними; а ними да и загубит (Кичев. гов.; Сбм. XIX, зап.; Шапк. VIII, 224). зад-ними, преку-ними (Рѣсенъ. Псп. XLI—XLII, 897). Появленіе nim въ вин.-„общ.“ пад. обязано вліянію аналогіи отъ ед. личныхъ мѣстоименій и обнаруживавалось сначала въ часто употребляющихся двойныхъ формахъ мѣстоименій: „полной“ и „краткой“. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ ед. ч. въ двойныхъ формахъ для вин. и дат. падежей находится общая часть въ „полной“ формѣ (tebe-te mene-me; tebe-ti, mene-mi). Подъ вліяніемъ этого совпаденія могло произойти объединеніе „въ полныхъ“ формахъ и для множ. ч. какъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ, такъ и въ указат. tiie-tiia. Перевѣсъ могла взять полная форма дат. или вин. Такъ, въ охридскомъ говорѣ въ дат. множ. находятся слѣд. сочетанія: nas-ni, vas-vi—для дат.; nas-ne, vas-ve—для вин. Въ М. Рѣкѣ также обнаруживается смѣшеніе „полныхъ“ формъ дат. и вин. множ., но перевѣсъ на сторонѣ дат.: nam-ni, vam-ni—для дат.; nam-ne, vam-ve—для вин. [1]). Совпаденіе „полныхъ“ формъ для дат. и вин. множ. могло распространяться и на tiie. Въ говорахъ, знающихъ это совпаденіе, преимущество осталось за „полной“ формой дат. Такъ въ вышеуказанныхъ юго-западныхъ говорахъ (рѣсен., охр., кичев., битольскихъ).

Вмѣсто nim употребляется иногда nimi. Это не остатокъ прежней формы творительнаго пад. множ., но позднѣйшее новообразованіе. Появленіе конечнаго i вызвано вліяніемъ двойныхъ формъ для ед. ч. мѣстоименій личныхъ и указат. Въ вин. ед. личныхъ мѣстоим. окончаніе „полной“ формы и „краткой“ тожественны: mene-me, tebe-te. Для указательнаго же вторая часть „полной“ одинакова съ „краткой“ go: nego-go. Въ дат. ед. также обнаруживается тожество второй части „полной“ формы съ „краткой“: nemu-mu. Сходство окончанія „полной“ формы и „краткой“ въ винит., а для указат. и дат. ед. могло вліять на множ., вызывая

[1]) То же направленіе отразилось и въ павликіанскомъ нарѣчіи Даръдере, на югѣ Родопъ: nam, vam употребляются въ качествѣ формъ „общаго“ пад.: sъs nam. —(Miletič. D. Rhodopm. 95).

сходство окончанія „полной“ формы съ „краткой“: вм. nif-i, nim-i появились сочетанія nifi-i, nimi-i. Что дѣйствительно здѣсь і отъ „краткой“ формы вин., то на это указываетъ параллельное образованіе формы дат. множ. на сѣверо-западѣ Болгаріи: nim-gi, mgi или ngi (Сбм. XXV зап., XIX, 21; Мариновъ. Ж Стар. II, 124). Такъ же въ нѣкоторыхъ говорахъ болгар. колоній въ Россіи: na gărbinite im di (Державинъ. Болг. кол. II, 276).

Для дат. множ. служатъ формы nim или nimi („полныя“) и im „краткая“. Двойная форма: nim-im, или nimi-im. Вм. „полной“ формы находится иногда сочетаніе па+форма „общаго“ пад., преимущественно въ восточныхъ говорахъ. Говоры, имѣющіе mu для дат. мн., указаны раньше.

Объ отношеніи формъ этого указательнаго мѣстоименія къ сосѣднимъ славянскимъ говорамъ можно замѣтить слѣдующее. Во всѣхъ формахъ обнаруживается общность въ новообразованіяхъ съ говорами болгарскими. Такъ, имен. ед. toi. on, ona, ono сѣверно-македонскихъ и юго-западно-болгарскихъ говоровъ находятся въ связи съ такими же формами въ сербскихъ говорахъ. Впрочемъ, on... находится и вдали отъ сѣвера Македоніи, на юго-востокѣ Македоніи,—въ Воденѣ, Гевгели.

ne[i]a--ne[i]e, ia—ie свидѣтельствуютъ еще о болѣе тѣсной связи съ болгарской языковой областью. Сѣверо-западное и восточное македонское ga своимъ *a* также находится въ связи съ прочими говорами. g спорадически употребляется и въ говорахъ южно-моравскихъ: gu (Белић. Дијал. 412—413). Нельзя съ увѣренностью утверждать, что появленіе g въ положскихъ говорахъ находится въ зависимой связи съ развитіемъ g въ формѣ вин. жен. ед. въ южно-моравской діалектической группѣ: g въ этой формѣ могло развиться внутри отдѣльныхъ говоровъ указанной македонской области. И такое объясненіе наиболѣе вѣроятно. Такимъ же образомъ ga развивалось и на востокѣ Македоніи, въ Дойранѣ, Гевгели, Кукушѣ, гдѣ о связи съ сербскимъ g въ gu говорить уже нельзя (въ этихъ говорахъ даже нѣтъ guska, a gъska; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отсутствуетъ и kuk'a: сохранено свое—kъšta). Встрѣчается gъ—ga и въ говорахъ восточно-болгарскаго нарѣчія (Miletič. Das Ostb. 192, 201, 250. Сбм. II, 240. Псп. XXXIX, 419).

Форма вин. муж.-сред. nego, go выдѣляетъ македонскіе говоры отъ сосѣднихъ сербскихъ и сближаетъ первые съ болгарскими.

То же надо сказать и о формѣ дат. ед. жен.; обобщенія гласнаго *о* отъ твердыхъ основъ, являющагося въ сербскомъ языкѣ вообще и въ ближайшихъ къ Македоніи говорахъ въ частности, македонскіе и болгарскіе говоры не знаютъ.

Форма именит. множ. имѣетъ то же значеніе, что и именит. ед.

Формы дат. и вин. множ. не представляютъ данныхъ, которыя указывали бы на ближайшее отношеніе македонскихъ говоровъ къ болгарскимъ или сербскимъ. Нѣкоторыя новообразованія въ этихъ формахъ свойственны не всѣмъ македонскимъ говорамъ, но отдѣльнымъ діалектическимъ группамъ. Независимо отъ сосѣднихъ діалектовъ эти новообразованія и развились здѣсь.

Наконецъ, еще одна черта, общая въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ, заслуживаетъ упоминанія: отсутствіе мягкости при n во всѣхъ „полныхъ“ формахъ указат. мѣстоименія съ прежней основ. *ĭo-. Въ сѣверной части, преимущественно въ сѣверо-восточной, приходилось не разъ отмѣчать ближайшее отношеніе къ говорамъ сосѣднихъ областей юго-восточной Сербіи. Это въ областяхъ Кратовской (не всей, а въ г. Кратовѣ и къ сѣверу отъ него), Скопской Черной Горы, Кумановской: ср. формы мѣстоименій, указанныя раньше, и соотвѣтствующія имъ въ юго-восточной Сербіи.—Но въ Кратовѣ все же находится n (не n') въ „полныхъ“ формахъ указательнаго мѣстоименія.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи, какъ и Болгаріи, употребляются „краткія“ формы дат. ед. и мн. mi, ti, si, ni, vi, а также указат. mu, i(je), im вм. формъ притяжательныхъ мѣстоименій moi, tvoi и т. д.

Замѣна мѣстоименія притяжательнаго посредствомъ личнаго, „краткою“ формою (Conjunctum) дат.-род., представлена и другими восточно-балканскими языками: греческимъ, румынскимъ и отчасти албанскимъ. Въ этихъ случаяхъ форма дат.-род. Conjunct. употребляется энклитически при существительномъ, находясь въ тѣсномъ сочетаніи съ нимъ. При сочетаніи прилагательнаго съ слѣдующимъ за нимъ именемъ форма дат.-род. личнаго („краткаго“) мѣсто-

именія находится за прилагательнымъ. На то, какъ тѣсно примыкаетъ энклитика къ имени или глаголу,—при послѣднемъ можетъ находиться и проклитика,—свидѣтельствуетъ такая передача этихъ сочетаній въ писаніяхъ старыхъ книжниковъ: форма имени или глагола съ „конъюнктнымъ“ мѣстоименіемъ передаются въ написаніи, какъ одно слово. ср. въ Дидаскаліи: Βουλγ. ἤ τὰ ἰούτζαετ; Ἀλβ. ἐδέ τημουσώϊννα 160. Ср. въ болг. ѣ (вин. мн.), а въ алб. въ одномъ написаніи переданъ и союзъ, соотвѣтствующій болгарскому da (τε), и мѣстоим. i (tɛ-i→ti) и глаголъ. Въ изобиліи такія передачи встрѣчаются и у другихъ книжниковъ. Напр. у Кирилла Пейчиновича: майкамѫ, рица майкинамѫ; испрáтитего и др. (подробнѣе во II т.). Также у старыхъ румынскихъ книжниковъ: cinemâ [cine-mâ] gonià, ajutoriumi [ajutoriu-mi] fii (16 в.) и др. [1]).

Въ н.-греческомъ вообще прежнія формы притяжательныхъ мѣстоименій утрачены. Только въ отдаленныхъ каппадокійскомъ и понтійскомъ діалектахъ представлены эти формы [2]). ὁ πατέρας μου. ὁ ἀδελφός του. τὰ παιδιά μας... ὁ πιστός μου φίλος.

Въ румынскомъ языкѣ формы притяжательныхъ мѣстоименій существуютъ. Но, кромѣ этихъ формъ, въ значеніи притяж. мѣстоименія въ народныхъ говорахъ употребляются „краткія“ формы дат. личнаго мѣстоименія.—Въ современномъ литературномъ румынскомъ языкѣ такое сочетаніе не часто встрѣчается.—Аром. frate ni. hoarats [3]). fatsa ts din trăndáfilă. luludzli n', bunlu n', efendiá ts [4]). Дако-рум.: în minte-mĭ; prin mîna-ĭ; în urmă-ĭ [5]).

Какъ видно, форма дат. Conjunct. мѣстоименія энклитически находится при существительномъ. Но въ аромунскомъ и дако-румынскомъ формы этихъ мѣстоименій находятся въ такомъ же положеніи и при глаголѣ. Аром. va ni skoate vestulu [6]). Д.-рум. bună să-ți fie inima, cum ți-ĭ căută-tura [7]).

---

[1]) H. Tiktin. Zur Stellung der tonlosen Pronomina u. Verbalformen im Rumänischen. „Zeitschr. f. rom. Phil“. IX, 595.

[2]) A. Thumb. Handbuch d. n.-gr. Volksspr. 63.

[3]) Weigand. Die Spr. d. Olympo-Walachen. 78.

[4]) Weigand. Aromunen. II. 14, 254, 260.

[5]) Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. XIV 55.

[6]) Weigand. Die Spr. d. Ol.-Walach. 78.

[7]) Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr. XIV. 55.

Въ албанскомъ языкѣ образованіе формъ, служащихъ въ качествѣ притяжательныхъ мѣстоименій, не ясно. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ возникли несомнѣнно въ связи съ Conjunct. личныхъ мѣстоименій. Таковы формы, соотвѣтствующія русскимъ 1) „мой", „моя", 2) „вашъ". 1) im[ɛ] (èm, i (j)èm) —м., ime (eme. e (j)eme) —ж., —формы, образованныя, какъ прилагательныя: i+„краткая" форма личнаго мѣстоименія дат.- вин. m[ɛ]. 2) juaj (jūj, i jūj)— м., juaj (jūj, e jūj)— ж.,— образованныя подобно первымъ: i+uaj —м., e+uaj —ж.; u, ju— „краткія" формы дат.-вин. для 2 мн. [1]). Притяжательныя мѣстоименія въ албанскомъ языкѣ находятся за существительнымъ. Но при нѣкоторыхъ именахъ родства притяж. мѣстоименіе предшествуетъ этому имени [2]).

toi, ta[i]a, toa-too-tè[i]a.

Во всѣхъ говорахъ Македоніи форма именит. муж. имѣетъ гласный *о*. Съ тѣмъ же гласнымъ это мѣстоименіе находится уже въ Саввиной книгѣ (то), не знающей о вм. ѫ въ другихъ положеніяхъ (В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе о яз. Савв. книги, 100). Гласный *о* въ этомъ мѣстоименіи (тои) представляютъ и ранніе среднеболгарскіе памятники независимо отъ судьбы „сильнаго" ъ въ языкѣ ихъ. toi свойственно и современнымъ говорамъ не только юго-западнымъ, но и восточнымъ. На сѣверѣ Кратовской области находятся элементы другой діалектической группы—юго-восточной Сербіи: tъi, tai, но и toia. Для средн. р. наиболѣе распространена въ Македоніи форма toa, развившаяся изъ болѣе ранняго toua. Охридское toŏ также предполагаетъ предшествующее toa: *а* ассимилировалось съ предшествующимъ лабіализованнымъ гласнымъ: ср. здѣсь и другіе случаи oa→oŏ, напр., sekoš—sèkoŏš вм. sèkoaš←seko[g]aš. [3]).

teia свойственно мало-рѣканскому говору.

ovoi—ovai—ovia(ov'a), ova[i]a—ova, ovoa (ovoo)—ova -ove[i]a. -onoi -onai -on'a, ona[i]a -ona, onoa (onoo)- ona- one[i]a. Употребленіе формъ имен. муж. съ *о* или *а* въ основѣ не разграничено по діалектамъ. Часто въ одномъ и томъ же говорѣ употребительны оба сочетанія: ср. записи и описанія

[1]) Pekmezi. Gram. 136.

[2]) Weigand. Alb. Gram. 62, 64.

[3]) oa→oo знаютъ и нѣкоторые другіе говоры. Напр, въ Рѣсенѣ: (Псп. XLI—XLII, 888; здѣсь и—ao→oo: бог доо[да го] прости. ib. 885); такъ же въ положскомъ селѣ Стенче: koa͡ и koo͡; too͡ril вм. toaril—to[u]aril (Минало I 1, 72).

леринскихъ, рѣсенскихъ, прилѣпскихъ, велесскихъ, штипскихъ говоровъ.

о основы формы муж. обязано вліянію формы toi̯. Что касается *а*, то онъ представляетъ результатъ вторичнаго измѣненія *ъ* [1]). Въ Кратовѣ ovъi̯, opъi̯.

Въ разныхъ областяхъ Македоніи, преимущественно—на сѣверо-западѣ и востокѣ, находится для муж. ед. ovi̯a-ov'a, op'a. Происхожденіе этой формы, какъ замѣтилъ и А. Беличъ (Дијал. 422), могло быть двояко: 1) v и p оказались передъ i̯a вслѣдствіе утраты редуцированнаго гласнаго на мѣстѣ *ъ передъ i̯; 2) i̯a присоединилось къ формамъ ov, op, которыя давно уже передъ тѣмъ утратили конечный *ъ*. pi̯+гл. обычно въ македонскихъ говорахъ измѣнялось въ p', а въ сочетаніи губ. согл.+i̯+гл. удерживался i̯ или онъ ассимилировался съ смягченнымъ губнымъ (ср. о замѣнахъ *-iie-a).

Множ. ч. Во множеств. существуетъ одна форма для трехъ родовъ: ti[i̯]e, ovi[i̯]e, opi[i̯]e или ti[i̯]a, ovi[i̯]a, opi[i̯]a.

Въ охридскомъ говорѣ при tiie имѣются ovie и op'e, т. е. ie присоединялись къ основѣ на согласный -v, -p, но не на гласный -i (-vi, -pi).

Въ отдѣльныхъ говорахъ Македоніи нерѣдко встрѣчаются формы мѣстоименіи op..., ov... безъ начальнаго гласнаго *о*.

Въ отношеніи формы toi̯ македонскіе говоры издавна объединяются съ болгарскими гласнымъ *о*. Исключеніемъ, давнимъ или позднимъ, являются сѣверно-кратовскіе говоры, примыкающіе въ этомъ отношеніи къ сосѣднимъ говорамъ областей на сѣверѣ.

Образованіе формы для множ. ч. единственной для 3 родовъ, тожественно въ македонскихъ и многихъ болгарскихъ говорахъ въ особенности юго-западныхъ.

Въ сосѣднихъ съ македонскими говорахъ юго-восточной Сербіи форма им. множ. различна для каждаго рода: 1) ti-tiia м., te-tei̯-teia ж., tai̯-taia ср. 2) ovi-oviia (-ie) м., ovei̯-oveia ж.,

[1]) Намъ неясны условія сохраненія *ъ* въ этой формѣ. Кромѣ того, *а* вм. *ъ* не совпадаетъ со вторичной замѣной *ъ* въ отдѣльныхъ говорахъ: ср. леринскіе, рѣсенскіе, а также охридскіе; въ Охридѣ отмѣчено: ovāi̯, onāi̯ (ā -редуцир. *а*. Изв. на сем. III, 251.) Не имѣла ли значеніе неударенность слоговъ въ этомъ образованіи со вторичнымъ ъ? Не можемъ видѣть въ opai̯, ovai̯ отраженіе сербскаго вліянія: почему бы не появиться и tai̯ въ такомъ случаѣ?

3) oní-oníja м., oné - onéi - onéja ж., oná - onái - onája ср. Въ южной части южно-моравскаго діалекта Брокъ отмѣтилъ tija для муж. и ср. (Dial. 107).

Наконецъ, отмѣтимъ значительное распространеніе [u]-v въ мѣстоименныхъ формахъ послѣ гласнаго *o* въ говорахъ Македоніи и Болгаріи. Напр., to[u]a — общемакедонское (за исключеніемъ дебърскаго teja); onògova, ovògova (М. Рѣка) и др. Въ юго-восточной Сербіи tova, onova... встрѣчаются лишь въ небольшой области, пограничной съ Болгаріей.

Числительныя.

éden (136, 140), восходящее *jedьnъ (См. у Б. М. Ляпунова: „Изслѣдованіе". 165, 286). То же образованіе представляютъ и другіе македонскіе говоры,—представляютъ издавна, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ранніе среднеболгарскіе памятники, относящіеся къ Македоніи. Только въ восточной полосѣ Македоніи имѣется иное образованіе—съ -in: edin: въ Воденѣ (адúн), Кукушѣ (адúн и едúн;—Сбм. XVIII, 439; Книжици I, 30), въ Струмицѣ („Македонія" III, № 31 ʾεδῆν), въ солун. с. Киречкʻой и Н. Селѣ (едúн: Книжици II, 40; Rad, knj. 145, стр. 126; Oblak. Mac. St. 81); въ Дойранѣ (едúн: Шапк. IX, 370). Но и въ восточной Македоніи такихъ говоровъ немного. Уже въ солунскихъ говорахъ (въ с. Вардаровци) jědèn (Oblak. Mac. St. 13). Въ Мегленской области, въ діалектическомъ отношеніи примыкающей къ Кукушской,—адéн (Сбм. III, 190). Далѣе къ сѣверо-востоку—также съ *-ен.* Даже въ такихъ областяхъ, какъ Радовиштъ и Малешово, находящихся въ тѣснѣйшей связи по чертамъ говора съ сосѣдними областями юго-западной Болгаріи, гдѣ [j]едúн и [j]едéн, имѣются образованія на —*ен*: едéн —jедéн (Радовиштъ: „Караџ". I, № 11, III, № 5; Сбм. XI, 63. Малешово: Новини II, № 48). Въ Штипѣ также —едéн (Сбм. XI, 587 и зап.). О Кратовѣ Ефр. Карановъ (кратовецъ) замѣчаетъ: *„един, еден, едън* се употребляватъ безразлично". (Псп. V, 122).

édna (128, 132--2 р.). édno (178).

O dva-dve, šeš была рѣчь раньше.

četiri 178. Въ одномъ случаѣ съ утратой i послѣ t: četri sta 180. Съ конечнымъ гласнымъ i это числительное извѣстно и прочимъ македонскимъ говорамъ.

Въ числительныхъ11—19 второй частью является—náeset.

Сочетанія для „11“, „12“, „13“, „15“, „16“ переданы слитно: ѣтенάη[η вм. е]сет (у Лика—etenáeset, 401), ѳнанάесет, тринάесет, петнάесет, сседсмάесет (179). „14“, „17“, „18“, „19“—раздѣльно: тζетирη νάесет, сέтоум νάесет, ѳсоум νάесет, тέвет νάесет (179). Въ составъ формъ для числительныхъ 20—60 входитъ—eset, какъ вторая часть сочетанія. ѳвάесет, ѳвάесет ѝ ѣтчо..., трίесет, тζетирήесет, пέтесет, ссетесет (179—180). Передача „60“ нѣсколько отступаетъ отъ указаннаго образованія: она примыкаетъ къ предшествующему числительному „50“—pedeset; по аналогіи къ нему появилось и šedeset. -deset находится въ одномъ случаѣ и въ „40“: četírdeset 132. -deset (а не -eset) объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что предшествующее сочетаніе оканчивается согласнымъ (r), а не гласнымъ (ср. выше объ утратѣ d между гласными). Для „70“, „80“, „90“ служитъ форма для „7“, „8“, „9“+deset. сέтоум тέсет, ѳсоум тέсет, тέвет тέсет (180). „200... 900“ переданы посредствомъ „2... 9“+sta: ѳвέста, трίста, тζέтри стъ̃. пέт стъ̃, ссέс стъ̃, сέтоум стъ̃, ѳсоум стъ̃, тέвет стъ̃ (180—181). „1000“—χίλιατα; „2000“—ѳвέ χίλιαѳε 181. (О звуковомъ значеніи сочетанія -λια—см. выше). „1000000“—μιλιούν—miliún 181.

Членъ.

Βουλγάρικα Дидаскаліи, какъ и другіе болгарскіе говоры, знаетъ членныя формы въ условіяхъ употребленія ихъ. Окончаніемъ членной формы именъ и мѣстоименій муж. р. въ ед. ч. является—ot: ѳрманот, ѳрелот, пέтокот, мάдриот и др. (см. выше). Для членныхъ формъ жен. р. окончаніемъ служитъ-ta: мέчката, лисѝцата 118, на прѳлета 124, глάвата 136, тфѳ̀ата кýк'а 144 и др. Въ среднемъ р. членныя формы оканчиваются на-to: жѝтото 130, вρέмето 162, и вρέмесо 163: по опечаткѣ съ σ вм. τ.

Употребленіе -to находится въ зависимости отъ предшествующаго гласнаго. Ср. формы множ. на 'е—је: крѝл'ето спрѳстрени 124, снопјето 164. Но—зέл'ета 117,—сочетаніе, имѣвшее значеніе, м. б., множ. ч, какъ въ аромунской и албанской параллеляхъ: вεάртζ(dz)ηλλε (аром.), λιάχρατ (алб).

Имѣется одинъ примѣръ съ -то въ муж. р.: зе́тото 160. Если такая форма дѣйствительно существовала въ живомъ говорѣ, то окончаніе -о въ -зето- появилось по аналогіи къ именамъ родства на -о: дедо, чичо. Но скорѣе всего -зетото- явилось въ Дидаскаліи вслѣдствіе того, что составитель болгарской параллели ея нерѣдко смѣшивалъ категоріи рода, въ особенности муж. и сред.: ве́трото 165, га́вранот јет църно 125, во гро́б но́во 171, че́лот 139, не́бот 139, хо́рот 176, за́мразен ме́стото 174 и др.

Во множ. ч. членныя формы оканчиваются на -te для мужскаго и жен. и -ta ср.—харами́ите 145, судни́ците, па́шаіте 146; ре́к'ите, ри́бите 116; тфои[ј]те ра́боти 136[1]); дѐцата 145; сфет'ата 117.

О -t въ формахъ множ. на 'e(ie) сказано выше.

Формы съ постпозитивнымъ членомъ извѣстны также языкамъ албанскому и румынскому. Сравнительный анализъ употребленія членныхъ формъ въ болгарскомъ, румынскомъ и албанскомъ языкахъ представленъ въ работѣ Д. Михова: „Die Anwendung des bestimmten Artikels im Rumänischen, verglichen mit der im Albanesischen und Bulgarischen". „Jahresber. d. Inst. f. rum. Spr." Bd. XIV,[2]).

Членная форма мѣстоименія цьѕь. Интересныя указанія на судьбу членной формы для мѣстоименія цьѕь представляютъ говоры Македоніи. Если не во всѣхъ изъ нихъ, то въ нѣкоторыхъ несомнѣнно, сочетанія, въ составъ которыхъ входила форма этого мѣстоименія и формальная часть членной формы (-t, -ta...), утратили значеніе, свойственное членной формѣ, и -t является въ этихъ формахъ просто согласнымъ, оканчивающимъ форму муж. р., -ta— форму жен. р. и т. д. Сочетанія съ -t, -ta, -to, -te (-ti)—это единственныя формы для муж., жен. и ср. р. ед. и мн. ч. этого мѣстоименія. Только замѣна прежней формы ср. ед. цьѕе имѣетъ во всѣхъ говорахъ *се*. Но это сочетаніе употребляется при слѣдующихъ опредѣленныхъ условіяхъ (не чередуясь съ „съто", „сето"): когда оно имѣетъ 1) абсолютное значеніе (omnia—πάντα) или 2) адвербіальное значеніе (рус. „всё"). 1) Ка́ко шчо́ имам?—Се́ имам (Велесъ.

[1]) νεβέστησε 178;—ѳ вм. ѳε попало такъ же, какъ и въ βρέμεσο.

[2]) Данныя говоровъ, въ особенности болгарскихъ, мало использованы, что отрицательно отразилось на нѣкоторыхъ положеніяхъ.

Сбм. V, 148). сé им изгóрело (Велесъ. Сбм. V, 171). и́зеде сé (Битоля. Сбм. XV, 91). 2) облекал цáрците [алúшта] сé [=всё] у злáто. да òдиш сé [=всё] со тóа д'éте (Леринъ. Сбм. V, 144, 146). ако не сé думаш за нúшчо, а само за тó, шо трéбит (Охридъ. Сбм. XVI—XVII, 345). Затѣмъ 3), когда за *се* слѣдуетъ *шчо* (*шо*, *што*) или другое мѣстоименіе или нарѣчіе, тѣсно примкнувшіе къ *се-* и утратившіе въ этихъ сочетаніяхъ самостоятельное значеніе, представляя одну форму съ *се-*. сé-шчо úмаме ни úзгоре (Велесъ. Сбм. V, 172). сé шо завáрил (Леринъ. Сбм. V, 142). δὰ μπίδιτ μούκαετλια νά μεμούρλακοτ ζά σε στο. (Конецъ предлож. Κανοναμε. Сбм. XV, 379). σὸ σὲ-χάκφο τζαρε (ib. 381). Но когда „што“ или другое мѣстоименіе сохраняетъ самостоятельное значеніе, тогда употребляется „сето“: сéто шо трéбеше (Охридъ. Сбм. XVI—XVII, 345). Нарѣчіе „секъ[а]де“. Также въ нарѣчныхъ сочетаніяхъ употребляется и замѣна цьsa: санош, сагодина (ср. стр. 107). Но въ обычныхъ условіяхъ употребленія этого мѣстоименія находятся формы съ t. Эти формы не препятствуютъ употребленію членныхъ формъ находящихся при нихъ существительныхъ. —úзгорел дúванот сéiот (М. Рѣка. Изв. на сем. II, 283). сътú пътúштата (Леринъ. Сбм. V, 146). σίτε σέλιανοι, σίτε σελιάνιτε; σίτε τίε μεμούριτε (Κανοναμε. Сбм. XV, 379). На югѣ и востокѣ формами для мѣстоим. цьsь служатъ сочетанія „сът“, „съта“, „съто“ „съто“ „(съти“); —ср. стр. 107. Самый видъ этихъ сочетаній (для муж. ед. „сът“) могъ затемнять значеніе этихъ формъ, какъ членныхъ. Дѣйствительно, для нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ можно указать несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія, что эти сочетанія не имѣютъ значенія членныхъ формъ. Ср. въ леринскомъ говорѣ форму множ. съ окончаніемъ *и* (*-ти*), не *-е* (*-те*), какъ это свойственно ч л е н н о й формѣ множ. —съти нéгови л'уíг'е, л'уíг'ата съти си разотúшле. царо заповедал от съти градове да излезе. съти плачки (Сбм. VI, 168, 166). И еще ясное указаніе на то, что сочетанія сът, съта .. не чувствуются, какъ членныя формы: когда нужно выразить опредѣленное значеніе, свойственное вообще членной формѣ, за сът... употребляются обычныя формальныя принадлежности членной формы. Такъ въ леринскомъ говорѣ: тói знáе сът тója мемлекéт. Но—царо собрал сътио народ (Сбм. VI, 164, 168).

Аналогичный процессъ „морфологической абсорпціи“ [1]), „переразложенія“ [2]), состоявшій въ отнесеніи формальныхъ принадлежностей членной формы къ формѣ имени (или мѣстоименія), въ растворенiи этой принадлежности въ формѣ имени (или мѣстоименія) съ утратой значенія, свойственнаго этой принадлежности, былъ пережитъ въ отдѣльныхъ словахъ романскими языками, а также албанскими и греческими діалектами. Таково происхожденіе исп. loppio (лат. opium), франц. lierre, ст.-фр. yerre (лат. hedera) и др. [3]). Алб. tjatɛr[ɛ], tjetrɛ—другой вм. tɛ-játɛrɛ, tɛ-jetrɛ [4]). Греч ὁμυαλός вм. ὁ μυαλός, ὀφτώ вм. ὁ φτών, ἡγγῆ (τῆς ἠγγῆς) вм. ἡ γῆ и др. [5]).

Всѣ указанные до сихъ поръ случаи растворенія членныхъ элементовъ въ формѣ имени относятся къ препозитивному члену. Только въ одномъ словѣ Г. Мейеръ указалъ на подобное явленіе и по отношенію къ постпозитивному члену: въ мадьярскомъ alakor, представляющемъ заимствованіе изъ румынскаго: alacu-l (полба): „der einzige mir bekannte Fall von Anschmelzung des postpositiven Artikels“ (Zur neugr. Gr. 23). Но этотъ единственный примѣръ не достаточно показателенъ, ибо отмѣченное заимствованное слово не опредѣляетъ еще, что и въ томъ румынскомъ діалектѣ, откуда взято оно, морфологическая граница, какъ нечленной формы, проходила за -ul, и послѣднее звуковое сочетаніе не чувствовалось въ значеніи принадлежности членной формы. Македонскіе говоры цѣлой категоріей мѣстоименія, замѣнившаго прежнюю членную форму для цьсь, представляютъ указаніе на растворенiе постпозитивнаго члена въ предшествующей формѣ.

Членныя формы муж. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій. О діалектическихъ областяхъ, имѣющихъ і или і передъ -o[t], говорилось выше (стр. 92). Въ отдѣль-

---

[1]) Терм. Н. В. Крушевскаго: „Лингвистич. замѣтки“. „Р. Ф. Вѣст.“ 1880, № IV, 54.

[2]) Терм. В. А. Богородицкаго: „Этюд по психологіи рѣчи. „Р. Ф. Вѣст.“ 1882. 145.

[3]) Diez. Gram. der Rom. Spr. I (1856). 191. W. Meyer-Lübke. Gram. d. Rom. Spr. I. 356.

[4]) G. Meyer. Alb. Gram. 28. Pekmezi. Gram. 149. N. Jokl. Studien zur albanes. Etymologie u. Wortbildung. Wien. 1911. 93 (изъ Sitzber. Bd. 168)

[5]) G. Meyer. Zur neugriech. Grammatik. „Analecta Graeciensia“. Graz. 1893. 6 слѣд.

ныхъ говорахъ Македоніи изрѣдка встрѣчается -ја вм. -о[т], заканчивающаго собою членную форму прилагат. Напр., Леринъ: та́тковӣја прија́тель (Шапк. IX, 327). Д. Пологъ: постариот син ми [ј]е у мед'ж'ӯдија, а дрӯг'ија син ми [ј]е до́ма (Отчетъ 26). Такое же расхожденіе съ членной формой существ. наблюдается и въ нѣкоторыхъ говорахъ западной Болгаріи. При этомъ важно замѣтить, что членная форма прилаг. на -ја оканчивается преимущественно въ прилагат. притяжательныхъ, при окончаніи -о[т] въ другихъ случаяхъ. Такое различіе въ окончаніи член. прилагат. нѣкоторыми говорами проведено послѣдовательно. Полагаемъ несомнѣннымъ, что -ја въ членной ф. прилагат. македонскихъ и западно-болгарскихъ говоровъ по своему происхожденію не находится въ связи съ образованіемъ членной формы существ. муж. ед. Именно, это -ја представляетъ собою частицу, которою очень часто распространены формы мѣстоименій, въ особенности личныхъ, указат. и притяжательныхъ: ніја, тоја или тіја (на с.-зап.)—м. ед., моја—м. ед. и др.—Подробнѣе объ этихъ формахъ прилагат. говорится во II томѣ. (Тамъ же и о другихъ окончаніяхъ членныхъ формъ).

Глаголъ. Настоящее время.

Форма 1 ед. оканчивается на -am въ глаголахъ всѣхъ основъ. Предшествующій согласный во всѣхъ основахъ—твердый. Только согласный l въ прежнихъ основахъ на -i (и -je?) сохранилъ мягкость.—и́мам 133, 137, 138; бпитвам 181, про́даам 138, дота́сам 137, ма́кам 131, зе́мам 133, че́кам 131, чӯам 138; вле́зам 138, не се сли́знам 161, по́минам 137, к'иснам 131, не мо́жам 140; ва́рдам 138, и́звадам 140, но́сам 132, по́лнам 131, чи́нам 138, фърл'ам 132, 136, ку́пам 132, λώϊαμ 136, те́[ъ]рпам 140.

Окончаніями для формы 2 ед. служатъ -aš, -iš, -eš. Первое изъ окончаній употребляется въ глаголѣ -ímaš и въ глаголахъ съ новой основой на -*a* (въ прежнихъ на -aje, -uje). -eš свойственно глаголамъ съ прежней односложной инфинитивной основой на i, y: *biti, *piti, *myti, *kryti... Къ формамъ, восходящимъ къ этимъ глаголамъ, присоединились формы глагола *sъpati. Форма 2 и 3 ед. для этого глагола оказалась односложною (spiš, -t) съ гласнымъ i, который

сталъ восприниматься, какъ гласный корня, вслѣдствіе чего наступило уравненіе формъ наст. вр. этого глагола съ формами для глаголовъ *biti, *myti... (bi-eš | spi-eš...) То же окончаніе (-eš) получила и форма для прежняго глагола *žęti, представляя въ основѣ сочетаніе žni←žьni-: žni-eš.

-iš находится въ прочихъ глаголахъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно вытѣсняетъ и окончаніе -aš, хотя этотъ процессъ обобщенія окончанія -iš слабо обнаруженъ въ говорѣ Дидаскаліи: -iš вм. -aš засвидѣтельствовано немногими примѣрами; кромѣ того, на-ряду съ -iš употребляется и форма на -aš въ тѣхъ же глаголахъ.

-aš: и́маш 147; да́аш — да́ваш 171, 128, о́стааш 164, га́[ъ]лташ 169, не глеа́ш 149, жва́кааш 169, за́копаш 171, и́граш 176, са́каш 153, ту́ркаш 141, те́раш 151; к'и́нисаш 127, ка́лесаш 129, телио́саш 136, се ви́саш 175; ʿΡωμ. βιασθῇς.

-eš: би́еш 140, 143, и́змиеш 155, пи́еш 170, по́криеш 154, ши́еш 127, 152; спи́еш 169, жни́еш 175.

-iš. се молиш 127, и́сушиш 175, лу́биш 135, по́ветиш 136, се по́стелиш 135, по́стиш 128, пу́стиш 129, слу́жиш 128, хо́диш 174, фа́тиш 135; бе́риш 127, 177, би́диш 127, 159, мо́жиш 128, по́можиш 128, на́дидиш 159, о́блечиш 152, 178; о́станиш 169, ра́ск'иниш 177, се со́пниш 152, ста́ниш 164; ве́иш 165, о́здравиш 141, се о́слабиш 170, се у́миш 149, ја́диш 170 и др.

-iš | -aš: се зе́маш 150,—зе́миш 170, 173; кла́аш, ʿΡωμ. βάλῃς, 143, 149, 164,—кла́иш, ʿΡωμ. βάλῃς 173, 174, 177. Двойственность окончанія въ формахъ указанныхъ глаголовъ вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что раньше въ говорахъ эти формы при опредѣленныхъ условіяхъ могли имѣть разное образованіе, восходя къ основамъ на -e: zeme—(zemiš), klade—(kla[d]iš) и къ основамъ на -ǫa съ ǫ, позднѣе утратившимся: zemǫa—zema—(zemaš), kladǫa—klaa—(klaaš). се ужалвиш 144, —по аналогіи съ—ужалиш. Подъ вліяніемъ двойственности окончанія въ такихъ глаголахъ могло появиться и—се ра́двиш 144.

Въ 3 ед. -at—it употребляются въ тѣхъ же условіяхъ, при какихъ находятся aš—iš для формы 2 л.

-at: и́мат 123, 141, 148, 162; да́ват 130, 153; ви́кат 121, и́стерат 168, се те́рат 148, ра́нисат 150, са́кат 123, 133, 176; се у́риват 174, про́копсат 176, се ле́кфат 133; ч'у́ват 119, 134; ми́рисат 148; и́зваат 148, ле́тат 124, ра́сипат 153; безл.—при́легат=подобаетъ, 126, 141, 166, 170. ʿΡωμ. πρέπει.

-it: бо́лит 139, 140, се ва́дит 139, се ва́рдит 134, да́[ъ]ржит 124, и́сушит 153, л'утит 146, ма́чит 146, ра́нит 125, 126, се́дит 123, 168, 171, си́рит 169, сто́ит 168, се стра́мит 175, у́мирит 170, чи́нит 119, 126, 137, бе́рит 126, би́дит 182, вле́зит 153, върнит 164, до́несит 142, зайдит 148, и́дит 139, 168, ме́тит=мететь (143), о́станит 149, се́чит 154, 155 (2р.), се стре́сит 174; ве́ит 165, пе́ит 123, у́греит 147, тра́ит 152, ја́дит 126, 133, 134 и др.

-at | -it: -зе́мат 167,—зе́мит 142 (2р.); се и́ск'инвит 152; у́жалвит 150.

Синонимъ: о́станвит. за́станат 123.

по́бегнат 147 съ -at: вм. ит. Также, м. б. о́тк'инам 137, если только это сочетаніе не представляетъ образованія на -[u]a-.

Имѣются двѣ формы 3 ед. безъ -т: μέλτζη—ме[ъ]лдзи 169. па́дни 165 (на 153—па́днит). Отсутствіе -т не представляетъ недосмотра, а отражаетъ соотвѣтствующее явленіе говора: при формахъ 3 ед. на -t изрѣдка употреблялись и формы безъ t. То же наблюдается и въ современныхъ юго-западныхъ македонскихъ говорахъ.

Форма 1 множ. оканчивается на -me (-ame, -ime [-eme]): и́маме 130, 156, 157; са́каме 156, отк'инаме 137, пли́ваме 137, жи́виме 121, зе́миме 181, доне́симе 162, сте́чиме 182, де́[ъ]ржиме 181, мо́лиме 181, се́диме 181, но́симе 157, обе́симе 155, че́шлиме 156; не пи́еме 133.

Въ формѣ 3 множ. Дидаскалія обнаруживаетъ, что въ ея болгарскомъ говорѣ еще не установилась опредѣленная передача этой формы. Она имѣетъ окончанія -aet, -aat и -at и въ одномъ случаѣ -et. Если окончаніе -at развилось непосредственно изъ -aat, то можно полагать, что въ формахъ съ -at *a* имѣло въ нѣкоторыхъ случаяхъ долготу, и въ отношеніи ударенія этотъ слогъ шелъ, какъ двухслоговой. Такъ можно бы объяснить—изле́зат 118, 168, если мѣсто ударенія обозначено вѣрно. Но въ другихъ трехсложныхъ сочетаніахъ удареніе показано на 3-мъ слогѣ: до́несат 120, се на́ідуат 117, не о́тлепат 144, при́легат 178, ра́ботат 118 и др.

Употребленіе окончаній -aat, -at и -aet не связано съ видомъ основы: нерѣдко формы для однихъ и тѣхъ же глаголовъ имѣютъ различныя окончанія.

Согласный передъ каждымъ изъ этихъ окончаній яв-

ляется твердымъ. Только l въ прежнихъ основахъ на -је и і имѣетъ мягкость (ср. l' въ формѣ 1 ед.).

-aet: арéсает 162, се бéрает 143, бúдает 151, 159, бóл'ает -πόλιαετ 141, вáрдает 163, гáзает 146, глéдает 172, се жéнает 163, зáкол'ает -ζάχολιαετ 173, úзбрасает 172, излéгвает 149, излéзает 146, úмает 161, 172, се иск'úнает 152, испáднает 163, јáдает 133, 162, нáјадает 162, кáрает 160, крáдает 145, кѣлнает 172, лýбает 160 (2 р.) се мúает 155, мóжает 163, се мóл'ает -σεμόλιαετ 143, омéкнает 134, пáднает 172, пáсает 162, плáчает 130, прéдает—прядутъ (145), рáстает 163, сáкает 130, сéает 122, слýшает 123, 161, στώϊαετ 125, се стрáмает 161, се убláджает 131, чáдает 154, чúнает 134, 173, фтéсает 173.

-aat: бéгаат 142, викаат 130, влéзаат 126, глéдаат 163, зéмаат 122, излéгваат 148, úмаат 119, 122, 167 (2 р.), 172, 173, нéмаат 120, кóпаат 138, кýпаат 130, покрúваат 166, прóстаат 129, рáдваат, расúпаат 119, рóдваат 123, угóлваат 146, се фáштаат 122, 121, 115, фéлаат 120, фтáсаат 131 (2 р.); úдаат 124, нéсаат 121, óраат 122; пéаат 122; вáраат 131, нóсаат 121, рóстаат 121, не сéдаат 122, хóдаат 122, чинаа[т] 126.

-at: бáрат 119, дáват 119, имат 163, се нáјдуат 117, прúлегат, ʿΡωμ. ἁρμόζουν 178 (прúлегат- въ ед., въ смыслѣ „подобаетъ“, см. выше; ʿΡωμ. πρέπει); рáботат 118, рáзбират 124, пúат 146, τχάϊατ 145, тóпливат 134, úриват 154, фáштат 156, бúдат 156, 174, дóнесат 120, излéзат 118, 168, не óтлепат 144, рóдат 123, фърл'ат 157, хóдат 144, се јáдат 118.

Неясна передача σγήβιατ вм. σγ[ν]ήιατ, ʿΡωμ. σήπονται 164.

Въ одномъ примѣрѣ употреблено окончаніе-et: се гóјет -σέ χώϊετ 162.

Одинъ разъ встрѣтилась форма безъ -t: чúнаа 126.

Др.-ц.-слав. бѣти.

сум	[сме?]
си	[сте? сфе?]
јет- јет -је	се.

По исторіи формъ 1 ед. и 3 мн. сдѣланы въ послѣднее время цѣнныя указанія В. Н. Щепкинымъ (Болон. Пс. 170-186). Но о нѣкоторыхъ македонскихъ областяхъ въ очеркѣ В. Н. Щепкина не имѣется никакихъ свѣдѣній. Таковы области Кичевская, Положская, Скопская,—области наименѣе

изученныя. Ниже дополняемъ обозрѣніе глагольныхъ формъ 1 ед. и 3 мн. данными и этихъ говоровъ, нѣсколько видоизмѣняющими діалектическую группировку, предложенную В. Н. Щепкинымъ. Имѣющійся діалектическій матеріалъ позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и по отношенію къ діалектамъ, указаннымъ В. Н. Щепкинымъ.

Насколько позволяютъ судить памятники старо-болгарскіе и средне-болгарскіе, измѣненія, переживавшіяся болгарскими и македонскими говорами въ области формъ 1 ед. и 3 мн., находились въ неразрывной связи въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Къ тому же заключенію приводитъ изслѣдователя и обозрѣніе современнаго состоянія въ отношеніи этихъ формъ. Въ говорахъ Болгаріи и Македоніи въ к. XII-го, въ XIII в. формы 1 ед. имѣли слѣдующій видъ: плєтѫ, д[в]игнѫ; колѫ, молѫ, хранѫ, лавѫ, горѫ; имам, глѣдаѭ или глѣдаѭм. Появленіе ѫ вызвано фонетическимъ измѣненіемъ ѫ послѣ л̂, р̂, й̂ по направленію къ ѫ. Тогда же въ тѣхъ и другихъ говорахъ появляются вызванныя аналогіей формы насытѫ сѧ, извѣстѫ, възвысѫ, оправдѫ—въ Норовской Псалт., восточно-болгарскаго происхожденія (Щепкинъ. Бол. Пс. 171). О такомъ же измѣненіи основы свидѣтельствуетъ и Добрѣйшово Ев., отражающее черты говоровъ, близкихъ къ сѣв.-македонскимъ: ѿпоустѫ, сѣдѫ сѧ, въпросѫ, приходѫ (Бълг. Стар. I, 88, 186, 196). Утрата въ этихъ формахъ результатовъ прежняго измѣненія *stj, *sj, *tj, *dj вызвана уравненіемъ съ видомъ основы, съ ея послѣдними согласными, въ формахъ для прочихъ лицъ. Дальнѣйшее измѣненіе въ формахъ 1 ед. во всѣхъ говорахъ Болгаріи и Македоніи состояло въ вытѣсненіи замѣны средне-болгарскаго ѫ замѣной гласнаго ѫ, т. е. переносъ этого окончанія отъ глаголовъ плєтѫ, дигнѫ... на всѣ прочіе, кромѣ глаголовъ съ основою на -а, стараго и новаго происхожденія: имам, глѣдаѭм (при діалектическомъ глѣдаѭ). Въ однихъ говорахъ глаголы типа молѫ-молѭ сохраняли мягкость согласнаго, предшествовавшаго окончанію; въ другихъ мягкость этого согласнаго утрачена, не фонетически, а по аналогіи съ тѣми же глаголами, откуда пришло и новое окончаніе,—типа плєтѫ.. Говоры съ сохраненіемъ мягкости согласнаго передъ новымъ окончаніемъ ѫ (а) находятся въ восточной Болгаріи, въ юго-восточномъ углу Македоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ южныхъ областяхъ послѣдней. Говоры съ твердымъ согласнымъ (l) въ

молѧ (ъ, а)—въ западной части восточной Болгаріи (въ западныхъ Балканахъ и въ Средней горѣ), въ нѣкоторыхъ ѳракійскихъ мѣстностяхъ, въ западной Болгаріи и Македоніи. Во многихъ македонскихъ говорахъ къ окончанію ѧ (его замѣнѣ) присоединился согласный т, перенесенный отъ основъ на *-а* [1]). Говоры съ окончаніемъ на *-а* (безъ- *т*) занимаютъ въ Македоніи юго-западныя и сѣверо-западныя области: Костуръ, Леринъ, Рѣсенъ, Стругу, Дебъръ (и у міяковъ Крушова). Для послѣднихъ двухъ областей (и для крушовскихъ міяковъ) В. Н. Щепкинъ отмѣчаетъ колебаніе: при формахъ на *-а* находятся и на *-ат* (Бол. Пс. 179). Но то же колебаніе наблюдается и въ другихъ указанныхъ областяхъ, хотя во всѣхъ этихъ говорахъ, за исключеніемъ леринскаго, формы на -ат въ меньшинствѣ. Костуръ: земам, нафърлям („Новини", 1890, № 5; с. Жупе); также у Шапк. (IX, 336): са́кам да се же́нам. Леринъ: о́дам, отко́пам, ку́пам, ви́дам и т. д. (Сбм. VIII, 160-161). Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ горно-рѣканскомъ селѣ Нивища форма 1 ед. также оканчивалась на -ат. Въ записи игумена Герасима, происходившаго отсюда,—се моламъ (Уставъ. Хлуд. собр. № 122). Кромѣ того, слѣдуетъ указать, что говоры, имѣющіе *-а* (при рѣдкомъ -ат), продолжаются дальше къ сѣверу. Такъ, въ кичевскихъ говорахъ форма 1 ед. оканчивается на *-а* и изрѣдка на -ат: см. обширныя записи изъ с. Църска (въ Сбм. XIX), въ діалектическомъ отношеніи принадлежащаго Кичевской области, и въ самомъ Кичевѣ: на́уча, до́ида, зе́ма, се ја́ва, но—чинам (Сбм. II, 186). Къ сѣверу отъ кичевскаго окружія, въ Порѣчьѣ, формы на *-а* и -ат употребляются уже смѣшанно: залуба, разбуда, раста, припраа, гора; чинам, налеја́м, избелам, купам, одам, идам, пра́м, женам („Карацъ". III, № 5). Къ сѣверо-востоку отъ Порѣчья и Кичева, въ области Велесской, также *-а*. Въ гор. Велесѣ—ат [2]).

---

[1]) но не подъ вліяніемъ сербскихъ формъ на -ѣт—ет, какъ полагаетъ В. Н. Щепкинъ. Почему бы не утвердиться и гласному основы передъ т, на сербскій манеръ, какъ это случилось въ небольшой сѣверной полосѣ Македоніи и въ западной Болгаріи?

[2]) Ср замѣчаніе Бонджіева: „Глаголите 1-во и 2-ро спряжение у 1-во лице, нас. време [Изяв. нак.], ед. число, у по́-веке одъ на нашите села, а най-много у по́-далечните отъ градотъ, окончаваатъ на *-а* и *-я*, а не како у насъ во Велесъ, на *ам* и *ям*. Така нашите речови: метам, пеям, държам, судам и пр. селаните ни ги произнесуятъ: мета, пея, држа, суда и пр. (б. Псп. год. I, кн. IX—X, 25).

Къ сѣверу отъ дебърской М. Рѣки, въ сосѣднихъ говорахъ Гор. Полога, формы 1 ед. на -*а*: жала, прозбора: села Никифорово, Врутокъ (Стояновъ: 80, 84). Въ другихъ говорахъ Г. Полога и нѣкоторыхъ Дольняго эта форма оканчивается на -am: ка́жам, ре́чам: с. Стенче (Минало I 1, 72) и нѣкоторыхъ другихъ (Отчетъ 32).

Въ говорахъ небольшой сѣверной полосы Македоніи, въ Д. Пологѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кратовскаго округа, форма 1 ед. оканчивается на гласный основы (а, е, і) +m Д. Пологъ: и́мам, викам, можем, зе́мем, и́згребем, ко́ем, чу́ем, ка́жуем, блабсуем, идем, о́солим, уло̣им, то́чим... (Отчетъ 21; Псп. XXXIX, 426, 427; Стояновъ. XIII, XX). Въ нѣкоторыхъ говорахъ на-ряду съ такими формами встрѣчаются и формы на -am: идем, отморим, земем, но и—дойдам, земам, слезам (Стояновъ, XIII, XV); бидем, не смеѣм да носам, земам (Сбм. XI, 52, 54). Говоры Кратовской области и въ формѣ 1 ед. неоднородны. Въ селахъ къ югу отъ Кратова она имѣетъ образованіе такое же, какъ въ сосѣднихъ скопско-велесскоштипскихъ говорахъ (-am, при рѣдкомъ—em: кажу̣ем. Лесново. Минало I 1, 78). Въ сѣверной и восточной частяхъ Кратовской области форма 1 ед. оканчивается на гласный основы +m. Въ говорѣ гор. Кратова также употребительны формы такого образованія. Но чаще здѣсь окончаніемъ является -и (-am въ основахъ на -а: имам, питам): зему, преврату, готву, кладу, речу, обричу, буду, не можу да га дою, чую. См. въ Сбм. IV, 318—319; бПсп. XI—XII, сПсп. V записи и замѣчанія[1]). Форма наст. 1 ед. на гласный основы +м употреблялась въ Кратовѣ и въ XV-мъ в.: въ записи дьяка Дмитра Кратовскаго—молимь, боудемь (Рум. Муз. Собр. Григоров. № 1707). Говоры д.-положскіе и кратовскіе, имѣющіе форму 1 ед. съ окончаніемъ на гласный основы +m, отличаются отъ территоріально близкихъ къ нимъ говоровъ Скопской Черной Горы. Примѣчательно, что и говоръ села Црешева, находящагося на старинной межѣ съ черногорскими селами, не знаетъ окончанія и, а представляетъ тѣ же сербизмы въ этомъ огношеніи, какіе отмѣчены для нѣкоторыхъ кратов-

---

[1]) Въ записи кратовскаго уроженца Ефр. Каранова (сПсп. V) въ одномъ случаѣ находится: кье го ископам и кье го направам (116). Но несомнѣнно, это рѣдкій варіантъ формы, несоотвѣтствующій формамъ 1 ед. въ обычной разговорной рѣчи. Ср. и другую некратовскую черту: го вм. га.

скихъ и отдаленныхъ д.-положскихъ: форма 1 ед. оканчивается на гласный основы +m. Въ Скопской же Черной Горѣ эта форма оканчивается на -u (у): туру, куту, ожену, прау, нéспију, иђу, виђу, пашу (Насел. III, зап.; Етн. Зб. VII 508). Рѣже встрѣчаются образованія съ окончаніемъ на глас. основы +m: напраим (Чучеръ. Насел. III, 493).—Основы на -*a* всегда, конечно, на -am: имам, питам. Въ началѣ прошлаго вѣка въ Скопской Черной Горѣ формы 1 ед. употреблялись въ такомъ же видѣ. Въ „Жизнеописаніи Митрополита Охридо-Пловдивскаго Натанаила“ (Сбм. XXV), уроженца черногорскаго села Кучевишты (Кучевисты), находится нѣсколько фразъ на языкѣ населенія этого села. „Е, мой синко! кете *изпратю*, да те не *видю* цѣлу годину“,—слова отца Недѣлка (Натанаила); „ке ти *отспчу* язичето“,—слова его дяди (стр. 7, 8); „нѣма веке да те видью“,—слова матери Недѣлка (стр. 12). Но и—„ке те жалим“,—слова отца (12).

Въ отношеніи формы 1 ед., оканчивающейся на -u (у), говоры скопско-черногорскіе и кратовскіе (г. Кратова) раздѣляютъ общія явленія съ говорами кумановскими, прешевскими (Хц.-Васильевъ I, II) и южно-моравскими (Broch. Dial.; Белић, Дијал.), имѣющими то же окончаніе, хотя и непослѣдовательно проведенное, замѣняемое нерѣдко другими, болѣе поздняго происхожденія элементами: гласный основы (e, i) +m. Формы такого образованія появились подъ вліяніемъ другого нарѣчія, раньше развившаго это образованіе. Въ Скопскую Черную Гору, Кратово и Д. Пологъ формы на гласный основы (e, i) +m пришли не съ юга, изъ Македоніи, а съ сѣвера и сѣв.-запада.

Въ западной Болгаріи форма 1 ед. имѣетъ или общеболгарское образованіе, на -*a*, или на гласный основы +m (О нихъ у Щепкина: Бол. Пс. 177—178; ср. и цитировавшіяся записи).

Итакъ, обозрѣніе формъ 1 ед. въ македонскихъ говорахъ позволяетъ намѣтить слѣдующую группировку. На юго-западѣ, на западѣ и сѣверо-западѣ и въ сосѣднихъ областяхъ центральныхъ,—въ Костурѣ, Леринѣ, Рѣсенѣ, Дебрѣ, М. Рѣкѣ; Крушовѣ—у міяковъ, Кичевѣ, части Гор. Полога, Велеса,—форма 1 ед. оканчивается на—*a*; но изрѣдка въ тѣхъ или иныхъ областяхъ встрѣчаются и формы на—*am* (въ леринской области часто). О Крушовѣ надо замѣтить, что—*a* свойственно только говору міяц-

каго населенія. У бърсяковъ Крушова уже въ XVII в. эта форма оканчивалась на—*ат*, какъ и въ сосѣднихъ бърсяцкихъ селахъ. Такъ, въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. находятся:—моламъ, чинамъ, седамъ, ѡдамъ,—разумѣется и—пишувамъ (Минало I 3, 291—293).

Далѣе къ востоку и сѣверу отъ западныхъ говоровъ находятся говоры, имѣющіе форму 1 ед. съ окончаніемъ—*ат*. Но и этимъ говорамъ не чужда форма на—*а*. Ее можно наблюдать въ Битольской (Шапк. IX, 299, 300), Маріовской (Псп. XLVII, 809, прим. 2) областяхъ, въ малешовскомъ селѣ Пехчовѣ („Новини", II, № 48) и въ нѣк. другихъ. Присутствіе здѣсь формъ на *-а* понятно: эти говоры находятся между говорами, имѣющими форму на *-а*: съ одной стороны западные предѣлы Македоніи, съ другой области юго-западной Болгаріи.

Въ окраинныхъ областяхъ сѣвера отражается вліяніе сербскихъ говоровъ,—вліяніе, не для всѣхъ этихъ окраинъ тожественное въ отношеніи времени воздѣйствія и направленія, откуда оно шло. Такъ, въ д.-положскихъ говорахъ форма 1 ед. имѣетъ образованіе на гласный основы +т. Также въ нѣкоторыхъ сѣверно-кратовскихъ говорахъ. Но въ самомъ Кратовѣ, затѣмъ въ Скопской Черной Горѣ форма 1 ед. оканчивается на—*и*(*у*), т. е. имѣетъ то же образованіе, какое свойственно говорамъ Кумановскаго и Прешевскаго округовъ и области южной Моравы. Образованіе на гласный основы +т, общераспространенное въ сербскихъ говорахъ, извѣстно также въ указанныхъ областяхъ. При этомъ, въ говорахъ южно-моравскихъ это образованіе вытѣсняетъ собою образованіе съ окончаніемъ *-и*(*у*).

Несомнѣнный сербизмъ въ македонскихъ говорахъ представляетъ форма k'ц, пе[ј]k'ц, или k'ит, пе[ј]k'ит, извѣстная во всѣхъ краяхъ Македоніи.

Какъ въ формахъ 1 ед. во всѣхъ говорахъ Болгаріи и Македоніи переносилось окончаніе—ѫ (его замѣна) въ формы, имѣвшія въ средне-болгарскую эпоху окончаніе ѧ, такъ и въ формахъ 3 мн. происходило въ такомъ же направленіи объединеніе въ гласномъ окончанія. Только въ юго-западной и западной части Македоніи это объединеніе совершалось въ иномъ направленіи,—отъ глаголовъ, имѣвшихъ окончаніемъ средне-болгарское ѧ[т]. Что касается качества предшествующаго согласнаго, то сохраненіе или утрата мягкости въ большинствѣ говоровъ соотвѣтствуетъ тому же явленію

въ формѣ 1 ед., но не во всѣхъ: l' въ формѣ 3 мн. (kol'at, а также вторичное l' въ mol'at) находится и въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ—mola[m]. Такъ въ Штипѣ, Струмицѣ (Щепкинъ. Бол. Пс. 181).

Въ восточной и западной Болгаріи развились окончанія, одинаковыя для всѣхъ основъ: ъt→at: mol'at—molat, vikat. Такое же образованіе свойственно формѣ 3 мн. и въ говорахъ восточной Македоніи, напр. въ Струмицѣ, въ Солунскомъ краѣ. Съ -at (nesat, imat, vikat) имѣются эти формы и въ говорахъ Кукуша (Сбм. XVIII, 463), Меглена (Сбм. III, 190), Водена (Сбм. XVIII, 464). Встрѣчается -at въ основахъ на *-а* и на юго-западѣ. Такъ, въ рѣсенскомъ говорѣ at изъ āt←aat. Также въ западно-битольскомъ Καγοναμε: δαβατ. χάζβατ (Сбм. XV, 379).

Въ области срединныхъ македонскихъ говоровъ также является -at; но въ основахъ на *-а* имѣется -aat: imaat, vikaat. Приблизительную западную границу этихъ говоровъ В. Н. Щепкинъ опредѣляетъ косой линіей — Велесъ, Прилѣпъ, Битоля. Далѣе на западѣ -at, -aat господствуютъ въ Рѣсенѣ. На югѣ то же окончаніе свойственно леринскому говору. На востокѣ эта область доходитъ приблизительно до Струмы (Бол. Пс. 181). Но такое опредѣленіе западной границы at—aat—говоровъ требуетъ значительнаго измѣненія: и въ дальнѣйшихъ областяхъ къ сѣверо-западу господствуютъ формы 3 мн. на at—aat. Въ областяхъ Крушова (не у міяковъ, а у бърсяковъ;—земат—въ письмѣ 1637 г.), Кичева, Порѣчья, Полога, Скопья форма 3 мн. оканчивается на -at и -aat въ осн. на *-а*. (Записи). Наблюдается и слѣдующее явленіе: -aat употребляется въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ основахъ на *-е*, *-i*. Напр., въ Прилѣпѣ: óдаат и óдат (Сбм. XX, 28); въ с. Църско: фърлаат (Сбм. XIX, 109); такъ, кажется, и въ говорѣ потурченцевъ въ Кичевской области (Материали по изучването на Македония. 475).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, имѣющихъ формы 3 мн. на at—aat употребляются изрѣдка формы безъ t. Такъ, наприм., въ областяхъ Битольской („пливци вò вода плива". „Караџиќ". II, № 5), Прилѣпской (Сбм. XX, 26, прим.), Маріовской (Сбм. XVI—XVII, 288, 289; Псп. XLVII, 811), Велесской (Сбм. III, 218, прим. 4). Въ рядѣ случаевъ отсутствіе t находится въ связи съ слѣдующимъ согласнымъ. Это ясно изъ такого

примѣра: измек'арите да поíда да го земат (Маріово. Сбм. XVI—XVII, 288). Въ говорахъ Тетова и д.-положскихъ селъ формы безъ t употребляются смѣшанно съ формами на t (Отчетъ 21—22 и зап.).

Съ другой стороны, уже въ бассейнѣ Вардара, а не Струмы, находятся говоры, имѣющіе западно-болгарскій типъ образованія формы 3 мн. Такъ, въ Штипѣ (ка́рат, терат, проклетисуат, зако́пат. Сбм. VIII, 239—243; IX, 208); въ южнократовской области (пуштат. Срп. Књиж. Глас. № 133, стр. 208), въ Мегленѣ (пи́тат. Сбм. III, 190), въ Гевгели (прерану́ват, търкат. Шапк. IX, 344, 341), въ Дойранѣ (ка́рат. ib. 374), Кукушѣ (Сбм. XVIII, 463), Воденѣ (ви́кат, и́грат. Сбм. II, 188).

На юго-западѣ, въ Костурскомъ краѣ, объединеніе звуковыхъ элементовъ въ формѣ 3 мн. происходило въ другомъ направленіи: аналогія шла отъ формъ съ среднеболгарскимъ ѧ (соотвѣтствовавшимъ ст.-болгарскому ѧ и ъ̃ѧ) и распространялась на формы съ ѧ̃ (основъ е/о, пе/по). Въ результатѣ стало употребляться только одно окончаніе *е*, перешедшее даже въ основы на *-а*: nese, mole, gore, vike.

Къ сѣверо-западу, въ области Охрида и Струги, аналогія дѣйствовала также отъ формъ на -ѧт (-т присутствуетъ), но дѣйствовала болѣе сложнымъ путемъ. По аналогіи molet, goret стали произноситься neset. Въ основахъ на *-а* тематическій гласный былъ удержанъ: vikaet, imaet. Подъ вліяніемъ послѣднихъ формъ стали произноситься moleet, neseet. Затѣмъ и формы на -aet подчинились вліянію moleet, noseet, и окончаніе—eet смѣнило собою -aet. Такое объясненіе предложено Л. Милетичемъ (Сбм. XV, 384) и В. Н. Щепкинымъ (Бол. Пс. 180). Въ дальнѣйшемъ -eet замѣнились посредствомъ еѣt, -ēt, -et. Послѣднее окончаніе является обычнымъ въ Охридской области. Но сохраняются еще и болѣе раннія стадіи съ -еѣt, -ēt; изрѣдка встрѣчается и -aet въ основахъ на *-а*. -са́кеет и -са́кает (Шапк. VIII, 78, 84). ви́кает (ib. 136).

Далѣе на сѣверо-западѣ, въ Дебърскомъ краѣ, аналогія исходила такъ же, какъ въ Костурѣ и Охридѣ, отъ формъ на -ѧt. -et находится въ основахъ на -е, -і. Въ основахъ на -а тематическій гласный удержанъ: imaet, vikaet; neset, molet. Въ М. Рѣкѣ (Изв. на сем. II, 272) происходило и дальнѣйшее измѣненіе: проникновеніе гласнаго основы и въ окончаніе 3 мн.: molit. Дебърскія формы 3 мн. свойственны

и говору крушовскихъ міяковъ. Замѣтимъ, что крушовскіе міяки находятся въ ближайшемъ діалектическомъ родствѣ съ міяками мало-рѣканскими, а не съ міяками западныхъ краевъ Дебра. У крушовскихъ міяковъ форма 3 мн. въ основахъ на -і оканчивается на -it: жалит, одит (Сбм. XV, 164). Ср. такое же образованіе этой формы въ основахъ на -і въ м.-рѣканскомъ говорѣ. Но въ западномъ и южномъ Дебрѣ форма 3 мн. въ основахъ на -і оканчивается на -et: storet, odet—на юго-западѣ, въ Кленьѣ; mislet, bolet—на сѣверо-западѣ, въ Обоки (Oblak. Mac. St. 112).

Процессъ въ образованіи формы 3 мн., распространеніе окончанія -e[t] на счетъ -a[t], переживавшееся въ говорахъ костурско-охридско-дебърскихъ, захватывалъ и близкіе говоры юго-западной части Битольскаго округа. Въ Καγοναμε ζα σελατα μπιτωλσκοι (1851 г.) еще имѣются формы на -aet: σὲ κλάβαετ, σε πουσταετ (Сбм. XV, 379); имѣются 2 примѣра и на -eet: ἀρτίσφεετ, ζαπτίσφεετ (ib. 379, 381). Въ одномъ случаѣ находится -et: νὲ μόζετ, при обычномъ νέμοζατ (ib. 379). Формы на -aet, -eet и -et въ говорѣ Καγοναμε, какъ видно, представляютъ собою рѣдкіе варіанты. Обычно формы 3 мн. оканчиваются на -at и -aat. Употребленіе этихъ окончаній не всегда связано съ видомъ основы: -aat не только въ основахъ на *-a*, но и на *-i*(и *-e*?): ἴμαατ, σάκαατ и φάρλαατ (ib. 379 — 380). Окончаніе -at въ свою очередь находится и въ основахъ на *-a*: σάκατ, δαβατ, κάζβατ (ib. 379).

Итакъ, по свидѣтельству Καγοναμε, въ юго-западной части Битольскаго округа, куда относится этотъ памятникъ по чертамъ своего языка, къ половинѣ XIX в. господствовали формы 3 мн. на -at, -aat. Появившись здѣсь подъ вліяніемъ сосѣднихъ сѣверо-восточныхъ говоровъ, эти формы почти совсѣмъ вытѣснили прежнія образованія на -aet, -eet въ основахъ на *-a*, и -et въ основахъ на -і и -e.

Дидаскалія представляетъ цѣнныя данныя для исторіи формъ 3 мн. Въ ней -aet употребляется не только въ основахъ на -a, но и въ другихъ случаяхъ,—явленіе, уже неизвѣстное современнымъ говорамъ Македоніи (по крайней мѣрѣ, нигдѣ до сихъ поръ не отмѣченное). Изъ предыдущаго изслѣдованія ясно обнаруживается, что Βουλγάρικα Дидаскаліи и по фонетическимъ и по морфологическимъ измѣненіямъ относится къ центральнымъ македонскимъ говорамъ вообще и въ частности къ западнымъ предѣламъ ихъ,—

въ западно-битольской области. На то же діалектическое происхожденіе τῆς Βουλγαρικῆς укажетъ и дальнѣйшее обозрѣніе морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей ея. И въ этой части Македоніи, по свидѣтельству Дидаскаліи, отражался процессъ распространенія -et на счетъ -at. Процессъ остановился на стадіи, какую представляютъ говоры дебърскіе: -aet, -et. Но уже къ половинѣ XVIII в. здѣсь обнаруживаются слѣды сильнаго вліянія, шедшаго отъ говоровъ сѣверо-восточныхъ мѣстностей, имѣвшихъ формы 3 мн. на -aat (въ осн. на -a) и -at. Пришлые элементы почти совсѣмъ вытѣснили -et. Въ цѣлой Дидаскаліи встрѣтился только одинъ примѣръ съ -et: χωιετ—gojet, если несчитать общезападно-македонской формы se[sѫ(t)]. Устойчивѣе оказались формы съ основами на -a: -aet. Это окончаніе не только не утратилось къ этому времени, но, смѣшавшись съ инодіалектическимъ окончаніемъ -aat (vikaet, vikaat), распространилось на пришлыя образованія съ -at: nosat, storat | nosaet, storaet. Конечно, въ первое время держались и прежнія мѣстныя формы на -et: neset, storet. Не могли раствориться въ -aet и инодіалектическія образованія на -aat, at: vikaat, nesat, storat. При наличности vikaet и vikaat стали произноситься при nesaet и nesaat, при storaet и storaat. Образованія на -et вымирали. Ослабѣвали и формы на -at, хотя все же онѣ были сильнѣе формъ на -et: -at употреблялось не только въ основахъ на -e, -i, но заходило и въ основѣ на -a. Въ послѣднихъ это окончаніе могло развиться и вм. -aat. См. вышеприведенный матеріалъ изъ Дидаскаліи.

Къ какимъ говорамъ примкнулъ въ дальнѣйшей жизни, въ теченіе XIX в., говоръ Дидаскаліи въ отношеніи формы 3 мн.,—къ битольско-прилѣпскимъ или къ охридскимъ, дебърскимъ? Повидимому, къ битольско-прилѣпскимъ.

Подобно тому, какъ въ формѣ 1 ед. сѣверно-кратовскіе и скопско-черногорскіе говоры находятся въ связи съ говорами Кумановской и Прешевской областей и южной части юго-восточной Сербіи, такъ и въ формѣ 3 мн. обнаруживается то же отношеніе: она оканчивается на гласный основы +v[1]). Кратово: питав, берев, молив... (Сбм. IV; бПсп. XI—XII, сПсп. V). Черная Гора: питав, паднев, и́дев, па́сев,

[1]) Говоры южно-кратовской области и по формѣ 3 мн. примыкаютъ къ прочимъ македонскимъ, въ частности штипскимъ говорамъ.—седа́т, видат, чи́нат, де́л'ат, пу́штат (Срп. Кньиж. Глас. № 133, стр. 208; Минало I 1, 76).

лаев, кажуев, зборив (Насељa III, зап.; Етн. Зб. VII, 507, 508). Для Куманова и Прешева см. записи у Хџ.-Васиљ. I, II. Для юго-восточной Сербіи (преимущественно въ области между Враней и Лесковцемъ) у Брока (Dial. 111, 142), у Белича (Дијал. 156—160, 514—515).

Но въ XIV в. въ говорахъ Кумановской области форма 3 мн. наст. оканчивалась на *у*: до кого дойдоу сиѣ книге— въ зап. Радина изъ с. Нагоричина (Отч. Рум. М. за 1876—78 г. 9).

Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ д.-положскихъ селахъ форма 3 мн. на-ряду съ формами, оканчивающимися на a[t], aa[t], имѣются и такія образованія формы 3 мн.: за гласнымъ основы слѣдуетъ гласный *и* (*у*), не перешедшій еще въ w—v: береу, ореу, пиеу, песне појоу (с. Теарце. Отчетъ 22).

-u и -u̯ (w) послѣ гласнаго основы въ формахъ 3 мн. слышатся и въ указанной области южно-моравскаго діалекта.

2. 3 ед. Дѣйствіе аналогіи отразилось и на формахъ 2 и 3 ед. Но направленіе, въ какомъ дѣйствовала здѣсь аналогія, было не одинаково для всѣхъ македонскихъ говоровъ: въ однихъ (въ большинствѣ) она исходила отъ основъ на -i, въ другихъ отъ основъ на -e. Иногда даже въ одномъ и томъ же говорѣ направленіе аналогіи для формы 2 л. отличалось отъ направленія для 3 л.: при обобщеніи—iš во 2 л. утверждалось -e въ 3 л. Но это рѣдкое явленіе.

Имѣющійся діалектологическій матеріалъ позволяетъ намѣтить слѣдующія группы по формѣ 2 и 3 ед.

На сѣверо-западѣ и сѣверѣ Македоніи, затѣмъ въ юго-восточномъ углу ея сохранено прежнее образованіе этихъ формъ въ отношеніи тематическаго гласнаго: 2.—глас. основы (a, e, i) +š; 3.—глас. основы [+t]. Это области дебърской М. Рѣки, (но не Дримкола, Голо-Бърда, Джупы и Поля), Гор. и Дол. Пологовъ, Скопья, Велеса, Солуня. Напр., М. Рѣка: па̀г'аш, мѐтеш, су̀шиш (Изв. на сем. II, 271). Пологъ: ви́каш, мо́жеш, фъ́рлиш (Отчетъ 21. Псп. XXXIX, 421 и др.). Скопье: у́тепаш, мо́жеш, не́ знаеш, о́диш (Сбм. XI, 110, 111; Минало I 1, 70, 71) и др.

Въ прочихъ македонскихъ говорахъ на формахъ 2 и 3 ед. отражается въ томъ или иномъ видѣ дѣйствіе аналогіи. Но форма отъ основы на -a осталась во многихъ изъ этихъ говоровъ незатронутой аналогіей и оканчивается на -aš, a[t]: imaš, ima[t], vikaš, vika[t]. Но на востокѣ, въ Кукушѣ, Мегле-

нѣ и въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ нимъ, аналогіи подверглась и эта форма: vikiš, vike.

Форма 2 ед. на -iš (вм. -eš и -iš) развита говорами въ южныхъ, центральныхъ и восточныхъ областяхъ Македоніи: pletiš, pečiš, vikniš, umeiš, moliš и т. под. Такъ 1) въ Костурѣ, Корчѣ, Рѣсенѣ, Охридѣ, въ западныхъ и юго-западныхъ дебърскихъ краяхъ: въ Джупѣ, Дримколѣ, Голо-Бърдѣ, Полѣ; въ Кичевѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Маріовѣ; 2) Леринѣ, Воденѣ, Кукушѣ, Мегленѣ.—Записи и описанія.

Въ послѣднихъ четырехъ областяхъ сочетаніемъ iš оканчиваются формы и съ основой на -*a*: vikiš. Происхожденіе -iš въ кукушско-мегленскихъ и воденскихъ говорахъ было иное, сравнительно съ -iš въ говорахъ южныхъ и центральныхъ: кук.-мегленское и воденское -iš возникло не по аналогіи, а вслѣдствіе измѣненія неударенаго e въ i,—явленія, свойственнаго этимъ говорамъ. На то, что въ этихъ говорахъ окончанію -iš въ основахъ на -i, -e предшествовало -eš указываютъ формы съ -eš въ ближайшемъ къ воденскому говорѣ Острова (см. ниже).—Но въ конечномъ открытомъ слогѣ неудар. *e* произносится какъ e. Кук.: вичѐра, ка́мин, жина̀т-му, бо̀лин, тѐлї̀то. Воденъ: нико̀лку вичѐри, ричѐ, си отимни́лу, и́мїту (Сбм. XVIII, 433—434). Мегленъ: мигле́ниц (Сбм. IV, 187), и́миту, нико́лку време (Сбм. III, 190). Но кукушско-мегленское vikiš обязано, конечно, аналогіи.

Въ южныхъ и центральныхъ говорахъ, имѣющихъ формы на -iš и -aš, представлено еще одно окончаніе -eš, послѣ гласнаго i односложной основы: pi[i]eš, bi[i]eš, vi[i]eš, kri[i]eš, spi[i]eš, žni[i]eš.—По говорамъ -eš находится и послѣ другихъ гласныхъ: greeš, peeš, stoeš (напр. въ Костурѣ).

Въ охридскомъ говорѣ въ формахъ для этихъ глаголовъ утвердилось окончаніе по аналогіи съ основами на -*a*: пи́іъш, ши́іъш..., какъ и въ—ви́къш, тъ́ркъл'ъш. -ъш вм. неудареннаго -аш (Е. Спространовъ. Сбм. XVIII, 541; Ср. въ записи того же лица: до́жниам, до́жниаш. Сбм. XVI-XVII, 345).

На сѣверо-востокѣ, въ Штипѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, обобщено окончаніе -eš въ основахъ на -e, (-не) и на -i. Штипъ: несеш, наго́реш, насадеш, пра́теш.. (Сбм. IX зап.). Радовиштъ: пу́штеш, видеш („Караџић", I, № XI, III, № 5). Штипскій типъ формъ 2 ед. находится и въ Кратовской области, но съ примѣсью формъ на -iš въ основахъ на -i (за-

писи). То же явленіе отражается и на юго-востокѣ, въ говорѣ Острова: нàйдеш, крѣстеш (Книжици III, 56). -eš характеризуетъ говоры всей юго-восточной и восточной полосы: Кайляръ-Леринъ-Острово-Воденъ-Кукушъ на югѣ, Штипъ, Радовиштъ на сѣверѣ.

3 ед. Не всѣ тѣ говоры, въ которыхъ форма 2 ед. оканчивается на-iš, имѣютъ тотъ же гласный въ формѣ 3 ед. Нѣкоторые говоры эту форму объединили съ гласнымъ *е*. Таковы говоры въ Кайлярѣ и Леринѣ. Съ другой стороны, формы на -е свойственны восточно-македонскимъ говорамъ: Кратова (носе, варе, стое), Штипа, Радовишта, Гевгели, Дойрана, Кукуша (здѣсь и саке, вике), Меглена (и—вике), Водена. (Записи). Въ говорахъ всѣхъ этихъ областей форма 2 ед. характеризуется окончаніемъ -eš, которое на юго-востокѣ, какъ неударенное, измѣнилось въ -iš. Въ формѣ же 3 ед. -е сохранялось, такъ какъ въ конечномъ открытомъ слогѣ неударенное е въ этихъ говорахъ не измѣнялось въ і (см. выше).

Въ центральной и юго-западной Македоніи при формѣ на -iš 2 ед. находится форма на -i[t] 3 ед. Именно, это въ говорахъ Костура, Рѣсена, Охрида, Битоли, Кичева, Прилѣпа, Маріова. Въ крушовскомъ бърсяцкомъ говорѣ уже въ первой половинѣ XVII в. имѣлось—даитъ, дръжитъ, останитъ (письмо 1637 г. Минало I 3, 292—293).—Записи.

Во всѣхъ этихъ говорахъ употребляется окончаніе e[t] при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ во 2 ед. находится -eš: pie[t], krie[t], spie[t]. Въ охридскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ имѣется ъi, параллельно съ -ъš во 2 ед.: пиjът, шиjът (Сбм. XVIII, 541).

По отношенію къ согласному t отмѣтимъ, что имъ оканчивается форма 3 ед. въ слѣдующихъ областяхъ: Рѣсена, Охрида, Битоли, Прилѣпа, Маріова, Дебра, Крушова (у міяковъ и бърсяковъ), Кичева, Порѣчья, Гор. Полога, т. е. преимущественно въ областяхъ центральныхъ и примыкающихъ къ нимъ съ юга, запада и сѣверо-запада (записи и опис.).—Въ тѣхъ же областяхъ и членная форма муж. ед. имѣетъ -t (см. выше).—Въ Битольской, Прилѣпской, и Маріовской областяхъ на-ряду съ формами на -t употребляются и формы безъ -t. Чаще встрѣчаются формы безъ -t въ Прилѣпской и Маріовской областяхъ. Тамъ же употребляются иногда и формы 3 мн. безъ -t.

1. 2 мн. По отношенію къ 1 и 2 мн. замѣтимъ, что гласный передъ -me и -te является тотъ же, какой имѣется во 2 и 3 ед.

Леринъ: жи́виме, ре́чите (Сбм. VIII, 160). Охридъ: жи́виме, жи́вите, пи́шиме, пи̯ъме... (Сбм. XVIII, 541). Прилѣпъ: пле́тиме, -ите, но́симе, ми̯еме. Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г.: речите, наите=найдете, но и—спасете (Минало I 3, 293). Рѣсенъ: χάζ(=ж)ιμε („Македонія", I, 1867, № 39). Кичево: за да ти до́йдиме („Новини", III, № 40). Штипъ: дочека́ме да ви́деме (Сбм. IX, 187), и́дете, сва́рете (ib. 160). Кратово: ловемо, носемо, носете (Псп. V, 116, 117, 122). Кукушъ: пле́тиме, ви́книме, но́сїме, сакїме (Сбм. XVIII, 463).

Др.-ц. сл. бѣти.

Ед. съм, сом, сум, су.	Мн. сме, сне
си	сте, све-сфе
[i]е, [i]ет	са, са̂, се, сет, сат.

О съм... ср. замѣчанія о замѣнахъ -tъm.

[i]е и [i]ет въ центральныхъ и юго-западныхъ областяхъ. етъ (2 р.), е—и въ крушовскомъ письмѣ 1637 г. (Минало I 3, 291—293).

сне—на югѣ, въ Костурѣ (Книжици II, 51), Кайлярѣ (Сбм. XVI—XVII, 65). Также къ востоку отъ Солуня (Oblak, Mac. St. 110).—*н* подъ вліяніемъ формы мѣстоименія мн.: ni[i]e—ni[i]a. Аналогичное явленіе представляетъ све—сфе: Дебъръ (Oblak. Mac. St. 110). Въ письмѣ изъ Крушова 1637 г. тоже—све: ви све сами умни (Минало I 3, 293).

сет, се—имѣютъ говоры южныхъ, юго-западныхъ и центральныхъ областей. На сѣверѣ говоры, имѣющіе -се, достигаютъ области Велеса (Сбм. V, 172; XII, 132). Но въ Рѣсенѣ отмѣчено -са- (Сбм. VIII, 230). Также въ Маріовѣ (Сбм. XVI—XVII, 286). Дальше къ востоку и сѣверо-востоку—*са*.

са̂—съ гласнымъ *а*, произносящимся съ небольшимъ подъемомъ языка и напряженной артикуляціей, отмѣчено мною въ говорахъ Д. Полога (Отчетъ 22). Въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ Г. Полога произносится—сат[са̂т?] (с. Стенче: Минало I 1, 72. сӑ[ъ]тъ—и въ „Макед.—слав. сбор." Драганова, № 83).

Аористъ и имперфектъ.

Форма аор. 1 ед. имѣетъ въ Дидаскаліи слѣдующее образованіе. За гласнымъ инфинитивной основы находится ch (f) или же этотъ согласный учраченъ. Въ односложныхъ инфинитивныхъ основахъ на согласный и для глагола *iti удержано образованіе на -och. -och распространено и на *vidĕti. Формы для глагола *цъzęti распространены посредствомъ -do- (-de- во 2 и 3 ед.). Для глагола *byti 1 ед. аор.—bech (157).

Во 2 и 3 ед. формы аор. оканчиваются тематическимъ гласнымъ.

Для множ. ч. аор. представлены формы только для 3 л., одинаковыя съ формами имперфекта на -chǫ, т. е. на [ch]a.

Примѣры. 1. се за́страших 136, се у́плаших 161, се ка́чи 161, о́тк'инах 158, и́злегоф 132, сле́гох 161, ви́дох 132, 157, на́i̯дох 136, кла́дох 138, зе́дох 139.

2. за́г'ина 181, се скри́ 181. не каза́ндиса 144, γᾰ́ητε-на́i̯де 144.

3. у́дри, ῾Ρωμ. ἐβάρεσε 139, тече, ῾Ρωμ. ἔτρεξε 139, ре́че 116, зе́де 158, по́ел'а 116; сто̀и[-i̯]: σχάπια κ[г]ώλεμα στώη; ῾Ρωμ. ἐστάθηκε; Βλάχ. στατοῦ; Ἀλβ. ντενν = nden' (130). Но ср. форму наст. 3 ед.: вили́цата сто́ит бли́зу од бра́дата (168); ῾Ρωμ. στέκεται; Βλάχ. στᾶ; Ἀλβ. ῥῆ.

Имперф. 2 ед. бе́ше 181; се ше́таше 181.

3 мн. тъ́ргаа, ῾Ρωμ. τραβοῦσαν 157.

Образованіе формъ имперфекта и аориста тожественно какъ въ говорахъ македонскихъ, такъ и болгарскихъ: новообразованія, пережитыя этими формами, были одинаковы въ тѣхъ и другихъ говорахъ. Такъ, проведеніе -ĕch... и въ формы имперфекта основъ на -i, окончанія -chme, -chte, chж(a) въ формахъ имперфекта и аориста, все это представляетъ общее явленіе въ македонско-болгарскихъ говорахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ новообразованій отражаются уже въ раннихъ средне-болгарскихъ памятникахъ. Такъ, въ Болонской Пс. находятся написанія: вл҃вѣхѫ, ходѣахѫ, указывающія на распространеніе типа -ѣχ, -ѣχѫ въ основахъ на -i (В. Н. Щепкинъ. Бол. Пс. 228).

Въ отношеніи формъ аориста въ средне-болгарскихъ памятникахъ к. XII—XIII в. отражается во многихъ примѣрахъ распространеніе -χѫ въ формѣ 3 мн. Ср., напр., въ

Болон. Пс. (Щепкинъ, ib. 232), въ Добрѣйшовомъ Ев. (Бълг. Ст. I, 89) и другихъ памятникахъ (Лавровъ. Обзоръ 204). Въ Добрѣйшовомъ Ев. имѣется уже ѫ въ формѣ 1 мн.: не работаѫмъı (ib., 90).

Въ настоящее время такіе примѣры, какъ — pletech, pečech, melech, viknech, umeech, gorech, nosech, seech, gle-[d]ach, kupu[u]ach являются общими для всѣхъ македонскихъ говоровъ. Соотвѣтствующія образованія представляютъ и болгарскіе говоры (М. Ивановъ. За спрѣжението въ новобълг. езикъ. Сбм. VIII, 123-125). Разумѣется, въ тѣхъ или иныхъ говорахъ эти формы разнообразятся, вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, пережитыхъ той или иной діалектической группой: въ замѣнахъ ě, ch. На гласномъ окончанія могла отражаться и аналогія съ формами 2 и 3 ед. Такъ, напр., въ средне-горскихъ говорахъ — četech, pletech...

1. 2. имперф. pletechme, -chte, nosechme, -chte, gledachme, -chte.

1. 2. аор. pletochme, -chte, nosichme, -chte, gledachme, -chte.

3 мн. имп. pletecha, nosecha, gledacha.

3 мн. аор. pletocha, nosicha, gledacha.

Формы множ. аор. и имперф. одинаковы въ болгарской и македонской языковыхъ областяхъ. Конечно и на этихъ формахъ въ томъ или иномъ говорѣ отражается результатъ измѣненія въ области звуковъ и дѣйствія аналогіи.

Въ тѣхъ южныхъ и юго-западныхъ македонскихъ говорахъ, въ которыхъ форма наст. 3 мн. имѣетъ въ окончаніи гласный *е*, тотъ же гласный находится и въ формахъ имперф. и аор. 3 мн. Таковы говоры дебърскіе, костурскіе, стружскій и охридскій: plete[i]e, pleto[i]e, igra[i]e, uče[i]e, učі[i]e...— Записи и описанія.

Въ костурскихъ и охридскихъ говорахъ встрѣчаются и формы на *-а*. Въ костурскихъ говорахъ эти формы на *-а* встрѣчаются спорадически, въ отдѣльныхъ случаяхъ (см. записи въ Книжици II). Формы на *-а* появляются здѣсь подъ воздѣйствіемъ ближайшихъ говоровъ. Уже въ сосѣднемъ Кайлярѣ формы имп. и аор. 3 мн. оканчиваются послѣдовательно на *-а* (Сбм. XVI—XVII, 64, 65). Въ охридскомъ говорѣ *-а* (ă) проведено уже послѣдовательно въ формахъ аор.: и́граă, плѐтоă→плѐтоб. Въ этомъ говорѣ окончаніе *-е* присутствуетъ въ формѣ имперф. 3 мн., хотя и въ этихъ формахъ иногда появляется *-а*: пи́шеě и пи́шеă. -ă обычно въ основахъ на -а: и́граă. (Сбм. XVIII, 452. Изв. на сем. III,

253). Отъ этихъ основъ оно распространяется здѣсь и на другіе случаи [1]).

Въ Кратовской, Кумановской и Скопско-черногорской областяхъ говоры имѣютъ образованіе формъ имперфекта и аориста, уже отличное отъ македонско-болгарскихъ формъ, но общее съ образованіемъ въ говорахъ юго-восточной Сербіи.

Въ говорахъ Скопской Черной Горы -še проведено по формамъ имперф. въ ед. и мн.: 1. 2. 3 ед. ideše; 1 мн. idešemo, 2 мн. idešete, 3 мн. idešev. Формы аор.: dojdómo, dojdoste, dojdoše (Насеља III; Срп. Етн. Зб. VII, зап.). Изрѣдка проскользнетъ и южное *-a* въ 3 мн. iskočiva (Етн. Зб. VII, 499).

Въ южной части Краговской области формы имперф. и аор. сходны съ формами прочихъ македонскихъ говоровъ. Въ говорѣ г. Кратова формы имперф. ед. ч. имѣютъ такое же образованіе, какъ въ Скопской Черной Горѣ. Формы имперф.—аор. 1 мн. на—chmo[-mo], 2 мн. на—[ch]te, 3 мн. на—[ch]a. Ближе къ Пчинѣ формы аор. во множ. употребляются съ окончаніями -smo, -ste, -še (зап.).

Кумановскіе говоры имѣютъ такія же формы аор., какія отмѣчены для скоп.-черногорскихъ и пчиньско-кратовскихъ говоровъ: уседомо, бе́смо, направи́сте, рекна́ше, најдо́ше (Минало I 1, 75—76; Хц.-Васиљ. I, зап.). Но говоры кумановскаго Овчаго Поля въ формахъ аор. и имперф. согласуются съ говорами македонскими (Хц.-Васиљ. I, 346, запись изъ с. Кокошиње).

Какъ общую черту для говоровъ всѣхъ этихъ областей, а также областей юго-восточной Сербіи съ одной стороны и македонско-болгарскихъ—съ другой, надо отмѣтить гласный *е* въ окончаніи имперфектной основы глаголовъ съ основой на *-е* и *-i*: носеше, молеше.

Будущее время.

Будущее время передается въ Дидаскаліи посредствомъ к'е [κε, και] + формы наст. вр.: к'е чакам, к'е влёзам, к'е купам, к'е върнит и др.

Такимъ же образомъ передается буд. вр. и во всѣхъ другихъ македонскихъ говорахъ. Діалектическое различіе

[1]) Отмѣтимъ еще одну діалектическую особенность. Въ леринскомъ говорѣ форма имперф. 2-3 ед. употребляется иногда для 1 ед. и мн. -јас са́каше (Сбм. V и прим. 3).

заключается въ первой части: 1) въ качествѣ k', 2) въ видѣ гласнаго, находящагося за k'. Въ большинствѣ говоровъ этимъ гласнымъ является *е*. На западѣ Македоніи, въ Дебърскомъ краѣ, включая М. Рѣку и Крушово (міяцкую часть), и въ Кичевскомъ округѣ (при k'e) въ составъ передачи буд. вр. входитъ k'a. На югѣ и юго-востокѣ служитъ k'i. Въ Костурѣ k'i явилось въ результатѣ обобщенія съ формою 3 ед. прочихъ глаголовъ, оканчивающеюся на -i. Въ Кайлярѣ, Леринѣ, Воденѣ, въ Солунскомъ краѣ, Кукушѣ, Мегленѣ k'i имѣетъ гласный i, повидимому, вм. неударенаго *е*. Это *е* не подходило къ категоріи сохраненія неударенаго *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ, ибо *к'е(ке)*, какъ проклитика, примыкало къ глагольной формѣ.

Повелительное наклоненіе.

Примѣровъ повелит. н. въ Дидаскаліи было бы много, если бы въ соотвѣтствующихъ случаяхъ употреблялась форма этого наклоненія. Обычно въ этихъ случаяхъ находится conjunctivus, какъ и въ другихъ параллеляхъ.—да не ходиш на сфадбите (135) и т. п. Рѣже употребляется —нека+форма наст. вр. (для 3 ед. и мн. и 1 мн.): нека и сфършит 162; нека вардает 158; нека и пустиме 162.

Въ восточномъ и западномъ болгарскихъ нарѣчіяхъ въ формахъ повелительнаго наклоненія было пережито измѣненіе, аналогичное съ измѣненіемъ въ формахъ имперфекта: распространеніе ѣ—отъ основъ наст. вр. на -е(-пе) на основы на -i: molѣ(e)te, falѣ(e)te. Ту же черту въ формахъ пов. и 2 мн. представляютъ и говоры юго-восточной Сербіи.

Отклоненіе отъ такого образованія формы 2 мн. представляютъ нѣкоторые говоры въ области Родопъ (Miletič. Das Ostb. 267—268; Die Rhodopm. 67—68, 161—162, 189, 223) и Македоніи: molite, falite; pletite, dignite. Въ Македоніи къ говорамъ, имѣющимъ формы пов. н. на -ite, относятся говоры въ юго-западной, западной и сѣверо-западной областяхъ: въ Охридской, Стружской, М.-Рѣканской, Положской (записи и опис.). Но уже въ Скопской области одни говоры знаютъ -ite, другіе -ete. Въ Скопьѣ -ite: идите (Минало I 1, 66). Но въ Н. Селѣ -ete: отсечете (Сбм. XI, 111). Въ южно-кратовской области колебаніе между фор-

мами на -ete и -ite: затворéте, и́дите, ви́дите (с. Лесново. Минало I, 1, 77—78). Въ самомъ Кратовѣ -ete.

Всѣ прочіе македонскіе говоры имѣютъ -ete. Уже въ сосѣдней съ Дебромъ области Кичевской форма пов. н. 2 мн. оканчивается на -ete: покрепéте, кърстéтего („Новини", III, № 40); фатете, исфърлете, спрегнете го него (Сбм. XIX, зап.). Также въ близкомъ Порѣчьѣ: излезете („Караџ". III, № 5). То же въ Прилѣпской области (Сбм. XX, 28). Въ письмѣ крушовскаго бърсяка 1637 г.: речете (Минало, I 3, 292). Въ Рѣсенѣ: кажéте, наточéте, покосете (Псп. XLI—XLII, 893). Съ окончаніемъ -ete эта форма извѣстна и на востокѣ Македоніи. Напр., въ Штипѣ (бранете); въ Кочани (берете ме, носете ме. Сбм. XVI—XVII, 184).

Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ македонскихъ говорахъ -ete распространено посредствомъ i̯ (-ei̯te), перешедшимъ въ эти основы отъ глаголовъ съ основой на -i̯e послѣ гласн.: по аналогіи съ формами vikai̯te, imai̯te появились doneseiˇte, kupeiˇte. Такія формы извѣстны говорамъ Солунской области (Oblak. Mac. St. 113—114), Кукушской (Сбм. XVIII, 467) и Дойранской (Шапк. IX, 372, 373).

Причастія.

Дидаскалія представляетъ примѣры только для прич. прош. страд. Суффиксомъ формъ этихъ причастій служитъ еп и лишь въ двухъ случаяхъ in. Имѣется образованіе и съ суффиксальнымъ элементомъ t.—ва́рено [пи́ле] 170, вé[ъ]рзен 157, за́мразен 174, напра́ени 156, отфо́рени 168, о́блечен 127, поте́чен 177, изми́ени 158, по́крием 169, надуе́ни 177, г'еми́а ска́[ъ]ршена 136. [бе́а] ска́[ъ]ршини 161, пе́чино [мѐсо] 170. ле́гнат 140.

Въ такомъ же видѣ формы прич. прош. страд. извѣстны и современнымъ македонскимъ говорамъ. -t употребляется иногда въ основахъ, гдѣ раньше было -n. Напр., въ Прилѣпѣ: менето—обмѣнено (Сбм. XI, 128), потѐмнет, ка́нет (Сбм. XX, 29). Подобные примѣры можно указать для многихъ говоровъ Македоніи [1]). Въ кукушскомъ же говорѣ не только не имѣется распространенія суф. -t на счетъ -n, но

[1]) То же явленіе извѣстно и восточно-болгарскимъ говорамъ. Въ шуменскомъ говорѣ отмѣчено: ǒženit, kupìt, iskopàt (Miletič. Das Ostb. 143). Въ центрально-родопскомъ: zakopàt, zberàti (Miletič. Die Rhodopm. 165).

наоборотъ,—онъ совсѣмъ утраченъ здѣсь: извѣстны только формы съ суф. -п (Сбм. XVIII, 466).

Въ передачѣ прош. вр. вмѣсто прич. на -l находится иногда прич. страд. на -п или -t. Напр.: Леринъ: пе́тлите не би́ле пеја́ни (Сбм. III, 155). М. Рѣка: ср. замѣчаніе М. Григорова: „Въ извѣстни случаи дѣйств. и страд. причастия могатъ да се замѣстятъ едно съ друго: тòі је па́днат, или тòі паднал; ушче нѐ легнат или ушче нѐ легнал; ја беф ста́нат или—ста́нал... (Изв. на сем. II, 275). Для Прилѣпа примѣры въ Сбм. XX, 29. Въ Дидаскаліи также имѣется сочетаніе, въ которомъ употреблено причастіе страд. вм. причастія на -l: и сум на посте́л'ата ле́гнат 140. И въ другихъ параллеляхъ находятся сочетанія формы глагола „быть“ (вм. „имѣть“) съ формою прич. прош. для страд. зал.:—μένος -греч., -tu- аром., -пε- алб. Ῥωμ. εἶμαι εἰς τὸ στρῶμα πλαγιασμένος. Вл. ἔσκου τρου στ[št]ρούτου μπαχάτου—băgatu. Ἀλβ. ἰαμ ντᾶ ταστρούαριτ [tε štrúarit] ἰρέννα.—Употребленіе для прошедшаго вр. сочетаній, обычныхъ для передачи страдат. зал., встрѣчается въ балканскихъ языкахъ.

Что касается двойственности гласнаго въ суффиксѣ прич. страд. -еп, -іп, то і появилось здѣсь отъ формъ наст. вр. То же явленіе можно наблюдать и въ современныхъ говорахъ Македоніи: при обычномъ -еп изрѣдка встрѣчается и -іп. Напр., въ записи изъ с. Църска: затворена и заключена (Сбм. XIX, 17), но и—беше напраина (ib. 16). остаино (ib. 32). Струга: налютина (Зап. В. И. Григоровича. Румянц. М. № 1858).

Македонскими и болгарскими говорами было пережито одинаковое измѣненіе въ образованіи формъ прич. прош. страд. въ отношеніи подновленія основы глаголовъ съ осн. на -і. Въ тѣхъ и другихъ говорахъ основа съ результатомъ давняго измѣненія согл. +j была вытѣснена новой основой, въ которой суф. еп присоединялся непосредственно къ согласному корня: roden, pozlaten, zaľuьen, zaloven, kupen, pokъrsten, obesen, porazen, razvalen. Примѣры для Дидаскаліи ср. выше. Такое же образованіе знаютъ и говоры юго-восточной Сербіи. Но тамъ находятся и образованія съ результатомъ измѣненія согл. передъ j-еп: рођен, кићен, повесељено, чи́њено и др. (Белић. Дијал. 148-153, 617-618). Повидимому, послѣдняго вида причастія явились подъ вліяніемъ сербскихъ говоровъ на сѣверѣ и западѣ.

Причастіе на -l. Въ говорахъ Македоніи, какъ и въ говорахъ Болгаріи, формы причастій на -l, -la... имѣютъ двоякое образованіе: 1) отъ основы инфинитива (аор.), 2) отъ основы имперфекта. 1) bral, -a..., nesъl, nesla..., tekъl, tekla..., molil, molila...; 2) berel; -a.., nesel, nesela..., tečel, tečela, molel, molela... Во множ. ч. формы причастій имѣютъ окончаніе -le для всѣхъ трехъ родовъ. Только въ нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ Македоніи (Гевгели, Кукушъ, Дойранъ, Піянецъ) эта форма оканчивается, хотя и не исключительно, на -li. Въ ближайшихъ говорахъ Г. Джумаи -li. Въ другихъ областяхъ юго-западной Болгаріи употребляются -li и -le независимо отъ рода и значенія ударенія. Форма на -le извѣстна и многимъ говорамъ восточной Болгаріи. Съ окончаніемъ -le форма прич. муж. мн. употребляются, хотя и „врло ретко“, въ южной части южно-моравской области (Белић. Дијал. 626). Формы на -le отражаются уже въ раннихъ среднеболгарскихъ памятникахъ. Болѣе подробный обзоръ причастныхъ формъ на -l, -le представленъ во II т.

Формы прич. на -l для глагола viděti представляютъ любопытную особенность въ говорахъ западной Болгаріи и юго-восточной Македоніи. Эти формы имѣютъ видъ višъl (съ діалектической замѣной -ъl), višla... Въ такомъ видѣ эти формы извѣстны говорамъ Софіи, Радомира, Дупницы, Г. Джумаи[1]), а также Кюстендила (Македонски - Георг. Зим. Нощи. 8, 10), Самокова (Шапк. IX, 380), Лерина (Сбм. V, VI, VIII, зап.), Костура (Шапк. IX, 335) [2]). Кромѣ višъl въ говорахъ юго-восточной Македоніи (и юго-западной Болгаріи?) употребляются также и для другихъ глаголовъ формы причастій на -šъl, -šla... да́шле=дали (Костуръ: Книжици II, 50). да́шал (Леринъ: Сбм. VI, 169). ја́шле=ѣли (Костуръ: Сбм. VI, 11). изва́шла=извадила=извлекла (Леринъ: Сбм. VI, 171). Какъ видно, эти глаголы принадлежатъ или къ нетематическимъ глаголамъ съ основой на -d, или къ глаголамъ съ согласнымъ d передъ тематическимъ гласнымъ (i- въ наст., ě, i—въ инфин.) [3]).

---

[1]) Ст. Младеновъ. Западнобълг. вишел—вишъл вм. ВИДѢЛЪ. „Zbornik u slavu Jagića“. 220-221.

[2]) „вишел“ отмѣчено и для Велеса (Сбм. III, 218, прим. 2); но въ другихъ записяхъ—„видел“ (Сбм. XII).

[3]) Предложены два объясненія этихъ формъ. 1) š перешло сюда отъ формъ повелит. н. (П. А. Лавровъ. Обзоръ. 211); 2) по аналогіи съ форма-

Инфинитивъ.

Форма инфинитива болгарскому говору Дидаскаліи неизвѣстна. Въ этомъ отношеніи Βουλγάρικα, какъ и прочіе македонскіе говоры, пережила тожественныя измѣненія съ сосѣдней славянской языковой областью—болгарской. Различіе лишь въ темпѣ и послѣдовательности языковаго процесса утраты формы инфинитива: македонскимъ говорамъ эта форма въ настоящее время совсѣмъ неизвѣстна; въ говорахъ же восточной Болгаріи она сохраняется или въ опредѣленныхъ категоріяхъ или только по говорамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Употребляющаяся на востокѣ Болгаріи форма инфинитива представлена не въ полномъ видѣ ея прежняго звукового состава: она оканчивается на -t или на гласный инфинит. основы. Вм. прежней инфинитивной формы въ Болгаріи и Македоніи употребляется сочетаніе da+форма наст. вр. Дидаскалія: нѐможам да тѐ[ъ]рпам 140. нѐмаат со што да кýпаат 130. сáкат да лѐкфат 133. сáкаме да не ѝмаме бъл'и 156—157.

Вм. da иногда находится za da.—зѐмаат вóлоiте и хóдаат за дъ[да] óраат и да сéает 122. да имаш вýме за да и [рубите] чѝниш шѝрок'и 151.—Посредствомъ da (или za da)—форма наст. вр. замѣняется форма инфинитива и въ другихъ болгарскихъ говорахъ.

Въ сербскомъ языкѣ также нерѣдко вм. формы инфинитива употребляется сочетаніе da+ф. наст. вр. Но наряду съ такими сочетаніями находятся и формы инфинитива. —mi ćemo po travici voditi tance, mi vas prvo da čujemo. Gotovi da idu. Došao sam, da dam blago, da vodim devojku[1]). Но сербскому языку неизвѣстно употребленіе сочетаній съ za da, параллельное съ da[2]). Очевидно, что развитіе сочета-

ми otišel...: при сходствѣ послѣднихъ звуковъ въ формахъ аор. (otidoch... vidoch...) были уравнены и формы причастій: otišel... višel... (Ст. Младеновъ въ цит. статьѣ).—Но при глаголѣ izvadich... совпаденія съ otidoch .. не было, а причастіе izvašъl, izvašla... имѣется. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ 1-е объясненіе.

[1]) См. многочисленные примѣры въ статьѣ A. Musića: „Rečenice s konjunkcijom „da" u hrvatskom jeziku". Rad, knj. 142, стр. 26—33. См. также у T. Maretića: „Veznici u slovenskijem jezicima". Rad, knj. 86, стр. 141; въ акад. Rječniku, sv. 5, стр. 163—214.

[2]) Встрѣчающіяся (не въ народныхъ говорахъ) сочетанія съ za da появились по итальянскому образцу (perchè или affinchè). Maretić. Veznici. 144.

ній съ za da въ говорахъ Македоніи находится въ неразрывной связи съ такимъ же процессомъ въ говорахъ Болгаріи.

Иной вопросъ, чѣмъ вызвана утрата формы инфинитива и замѣна послѣдней посредствомъ da или za da+форма наст. вр. Давно уже обращено вниманіе, что утрата формы инфинитива и описательная передача его извѣстны не только болгарскому, но и другимъ балканскимъ (неславянскимъ) языкамъ: ново-греческому, албанскому, румынскому. Въ послѣднее время вопросу о судьбѣ инфинитива въ балканскихъ языкахъ была посвящена работа Kr. Sandfeld Jensen'a: „Der Schwund des Infinitivs im Rumänischen und den Balkansprachen“ (въ IX т. Jahresbericht d. Instituts f. rum. Spr.)[1]). Вслѣдъ за Г. Мейеромъ и Г. Педерсеномъ С. Іенсенъ полагаетъ, что происхожденіе балканскихъ конструкцій въ замѣнахъ инфинитива слѣдуетъ искать въ греческомъ языкѣ. Главное основаніе для положенія о первенствѣ греческаго языка въ утратѣ формы инфинитива и замѣнѣ ея сочетаніемъ νὰ (ἵνα) съ личною формою глагола заключается въ томъ, что такое вытѣсненіе формы инфинитива обнаруживается „очень рано“ (115). Но не извѣстно, раньше ли, чѣмъ подобный процессъ имѣлъ мѣсто въ языкахъ старо-албанскомъ и старо-румынскомъ. Не зная исторіи (въ полномъ ея объемѣ) звуковъ и формъ и основныхъ датъ для процессовъ, пережитыхъ этими языками, невозможно утверждать сравнительной древности аналогичныхъ явленій въ греч., алб. и румын. говорахъ и приматъ того или иного языка въ этомъ отношеніи. Если и не вскрыта до сихъ поръ основная причина, вызвавшая утрату формы инфинитива и сходную замѣну ея въ восточно-балканскихъ языкахъ, то все же замѣчательный параллелизмъ въ судьбѣ инфинитива въ этихъ языкахъ заставляетъ предполагать, что этотъ параллелизмъ находился въ зависимости отъ какой-то одной или одинаковой для всѣхъ восточно-балканскихъ языковъ причины.

Форма инфинитива замѣнилась въ этихъ языкахъ сочетаніемъ союза съ личною формою глагола. Союзами являются слѣдующіе: гр. νὰ, алб. tə, рум. să(se—Дид.).

---

[1]) Работа представляетъ собою извлеченіе изъ изслѣдованія, появившагося въ Копенгагенѣ въ 1900 г.

1) греч. δὲν ἠμπορῶ νὰ ὑποφέρω; аром. νοῦ πότου τε[по опеч. вм. σε] ἀραύτου (arávdu); алб. νούκα μούνητ τά ντουρόνν (durón') 140. 2) греч. δὲν ἔχουν μὲ τί νὰ ἀγοράσουν; аром. νοῦ ἄου νοῦ τζή σε κούμπαρα; алб. σ κάννα με σέ τα π[b]λέννα 130. 3) греч. ἀγαπᾶ νὰ ἰατρευθῇ; аром. βρούρη σέ σεγιτριψιάσκα; алб. τάσστα (daštə) τά σσαροετ (šaro[h]et[ə]) 133.—Ср. болгарскія параллели.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда conjunctiv'омъ (вм. intiniliv'a, повелит. накл. и въ другихъ случаяхъ) выражается цѣль, намѣреніе или желаніе, то передъ *да* послѣдовательно употребляется *за*. Опускается *за* лишь во второмъ изъ двухъ равносильныхъ предложеній цѣли, соединенныхъ союзомъ *и*. Тогда же, когда одно предложеніе цѣли зависитъ отъ другого предложенія цѣли, то *за* присутствуетъ и во второмъ предложеніи. Вполнѣ согласно съ болгарской параллелью находится употребленіе conjunctiv'a и въ другихъ текстахъ. Болгарскому *за да* въ нихъ соотвѣтствуетъ διὰ νά—въ греч., τρά σέ—въ аром., κὴ τά—въ алб. Примѣры весьма многочисленны. Отмѣтимъ лишь 3 изъ нихъ. 1) да шиеш за да бидиш облечен; гр. νὰ ράψῃς διὰ νὰ ἦσαι ἐνδυμένος; аром. σὲ κόσση τρά σέ χίη νβισκούτου; алб. τά κέπησσ κὴ τά γιέσσ ἠνβέσ[š]ουρ (127). 2) сега кладох двé мастори за да копаат двá хъндека за да идит многу водa и да се вадит бáхчета; гр. τώρα ἔβαλα δύο μαστόρους διὰ νὰ σκάψουν δύο αὐλάκια διὰ νὰ ἔρχηται πολὺ νερό καὶ νὰ ποτίζηται ὁ κῆπος; аром. τώρα μπακάη (băgaj) τ[d]όη μάστορη τρά σέ ἀρέμα τόη τράπουρη τρά σέ γήννα μούλτα ἄπα σσὴ σε ατ[d]άπα κ[g]αρτ[d]ούννα; алб. τασσὴ βούρρα τιού [dü] μιεσταρ κὴ τα ρμιέννα τιού χεντεκ κὴ τά βγιεν σσοῦμα οὐϊε ἐδέ τα βατ[d]ητετ κόφσ[š]τα (138—139). 3) ходаат за дъ[да] ораат и да сеает; гр. πηγαίνουν διὰ νὰ ὀργώνουν καὶ νὰ σπείρουν; аром. νέρκ[g]ου τρά σέ ἄρρα σσὴ σε σιάμιννα; алб. βέννα κὴ τά λερρόννα ἐδέ τᾶ μπιελνα (122).

Отражались ли въ такой единообразной передачѣ предложеній цѣли соотвѣтствующія явленія живыхъ говоровъ греческихъ, албанскихъ, аромунскихъ и болгарскихъ? Не явилась ли такая описательная передача указанныхъ предложеній въ нѣкоторыхъ параллеляхъ лишь какъ результатъ стремленія составителя Дидаскаліи къ точному согласованію въ формахъ всѣхъ параллелей?—Наиболѣе вѣроятнымъ представляется утвердительный отвѣтъ на первый

вопросъ и отрицательный на второй. Во всѣхъ восточно-балканскихъ языкахъ, греч., болгар., аромун., албан., широко распространено указанное выше описательное выраженіе предложеній цѣли. Въ каждомъ изъ нихъ, въ большей или меньшей степени, такая же передача перешла и на нѣкоторыя другія предложенія, имѣющія очень слабое финальное значеніе или даже совсѣмъ лишенныя этого значенія. Такъ, въ албан. k'i (или k'ɛ)tɛ входитъ въ составъ передачи и опредѣлительныхъ предложеній, выражающихъ хотя бы въ слабой степени финальное значеніе. Сочетаніе k'i tɛ... въ такомъ частомъ употребленіи, что стало „стереотипнымъ“ [1]. Значеніе k'i (k'ɛ) въ другихъ случаяхъ—значеніе опредѣлительнаго союза „что“, „который“...: unɛ edi, k'ɛ ɛštɛ nisur—я знаю, что онъ уѣхалъ; n'ɛ kasabá k'ɛ iš aíer fšatit—одинъ городъ, который былъ недалеко отъ деревни.—Въ говорахъ южныхъ геговъ и въ говорахъ тосковъ въ сочетаніяхъ для выраженія цѣли употребляется не только k'ɛ tɛ..., но и pɛr tɛ... Въ албанскихъ говорахъ Греціи—prɛ tɛ...[2]). pɛr (prɛ)—по своему значенію точно соотвѣтствуетъ болгарскому *за*, греч. διά.

Страдательный залогъ.

Страдательный залогъ передается въ Дидаскаліи обычнымъ образомъ: посредствомъ формъ дѣйств. з. для глагола „быть“+прич. прош. страд.: би́дит о́блечен 127; да би́дат напра́ени 156; бе́х ве́[ъ]рзен 157; бе́а ска́[ъ]ршини 161.

Иногда сочетаніе для передачи страдательнаго з. замѣняется возвратною формою: е́дни се ја́дат 118; кра́стата се те́рат со пе́пелта 148.—Такъ же въ аромунской параллели: ɜé ἀγουγιάστε[-šte]. Но въ албанской—сочетаніе для страд. зал.: δπώετα—dbó[h]etɛ.—Какъ видно, значеніе этихъ сочетаній нерезультативное.

Нарѣчія. Предлоги. Союзы.

то́ко (119, 120)—*то́ку* (122, 123...). Значеніе его—„только“ или союза „но“.—то́ко го́спод го ч'у́ват 119. да не хо́-

---

[1]) Weigand. Alb. Gram. 118. S. Jensen Der Schwund des Infinitivs. 98.

[2]) G. Meyer. Beiträge zur Kenntniss der in Griechenland gesprochenen alb. Mundarten. „Sitzber“. Bd. 134.

дит пра́знен, току [=но] да зе́мит сфе́шта 142. На такое же значеніе указываютъ и иноязычныя параллели Дидаскаліи: болгарскому токо (току) соотвѣтствуетъ греч. μόνον, ὅμως. πλήν, ἀμή, аром. μά (и разъ ἀμου 122)=„но", алб. πῶ=„но". Съ этимъ значеніемъ „токо"—„току"—„туку" употребляется по всей Македоніи. Русскому „столько" соотвѣтствуетъ—„толку" (ср. выше стр. 153—155).

ко́лку (161, 181)=сколько. Греч. ὅσον, аром. κάτου, κάτζη, алб. σά. Съ *л* (или съ результатомъ его фонетическаго измѣненія) это нарѣчіе употребляется по всей Македоніи (ср. стр. 153—155).

одва́=едва (158). Съ *о-* это нарѣчіе извѣстно многимъ македонскимъ говорамъ. При этомъ, конечное *-а* распространено посредствомъ *j*: одва́j. Но въ Македоніи имѣются и такіе говоры, которые представляютъ образованіе съ гласнымъ *е-*: едваj (см. стр. 87). Интересныя соотвѣтствія представляютъ иноязычныя параллели Дидаскаліи: греч. μετὰ βίας, алб. μιζῆ=mizī—mezī [me („съ")+zī (забота, затрудненіе, печаль)], аром, μεζίε (отъ алб.).

ка́ко—какъ, гр. πῶς, аром. κοῦμ, алб. σὴ (171).

та́ка=такъ, такимъ образомъ (127, 137...) Въ соотвѣтствующемъ значеніи и другія параллели: греч. ἔτζη, аром. ἀσσῆτζε (aši-[ce]←a+sīc. Puşcariu. Etymol. Wörterbuch der rum. Spr. 11); алб. ἀστιου-ašt'u.

Въ соотвѣтствіи ἄμὴν греческой параллели въ другихъ находятся сочетанія „такъ+conjunctivus („да будетъ"): болг. та́ка да би́дит, аром. ἀσσῆτζε σὲ γίπ[b]α, алб. ἀσ[š]τιου ταμὲτ [tę jet] (182).

бъ́рго=скоро (152). Съ *-го* или *-гу* это нарѣчіе употребляется и въ другихъ македонскихъ говорахъ. Соотвѣтствія Дидаскаліи представляютъ слѣдующія любопытныя образованія: греч. ὀγλίγωρα,—съ начальнымъ ὀ-, какъ на Критѣ (Kretschmer. Der lesb. Dialekt. 140) вм. обычнаго γλήγορα. γρήγορα; аром. χουρουντον [-ndu],—герундій къ глаг. kur—. (Puşcariu. Wrtb. 40); алб. τζάσσ—čaš вм. čas-čast—„моментально", „тотчасъ„ (слав. заимств. Meyer. Wrtb. 445).

мо́шне—очень (120, 123, 179). Такъ и во всѣхъ другихъ болгарскихъ говорахъ. Параллели Дидаскаліи имѣютъ слѣдующія образованія: греч δυνατᾶ, аром. βαρτὸσσ (-vărtos,—лат. virtuosus,—a, -um. Papahagi. Scriit. 257); алб. φόρτ (ит. forte. Meyer. Wrtb. 110). Въ одномъ случаѣ (123) болгарскому

„мóшне“ соотвѣтствуютъ другія нарѣчія: греч. πολλά, аром. μούλτου, алб. ссоύμμα; эти же нарѣчія обычно соотвѣтствуютъ болгарскому „многу“.—*„по мóшне“* (ср. ст.); греч. περισσότερον, аром κάμα μούλτου, алб. μά φόρτ (160).

со́ е́днош=сразу; греч. μὲ μίαν φοράν; аром. κοῦ οὔννα ῥάρα (ῥară—часъ, время, разъ); алб. μέ ννί χέρα (hērɛ—время, разъ) 170.

заедно—вмѣстѣ; греч. ἀντάμα, аром. τεατούνου [=de-ad-unu, лат. de-ad-unum. Puşcariu. Wrtb. 4); алб. μπάσκα—baškɛ (162). „заéдно“ обычно и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Но въ зап.-битольскомъ говорѣ Καγοναμε употреблено ot- вм. za-: σίτε ὅτ ἔντνο (Сбм. XV, 378–379).

скри́шно—тайно; въ другихъ болгарскихъ говорахъ и—скри́шом, -ум.- Параллели: греч. κρυφᾶ, аром. ἀσκουμτᾶ (прич. къ лат. abscondo. Puşcar. Wrtb. 12); алб. φσέουρα -fše[h]ura (прич. къ fšeh-) 166.

сти́снато—сжато. Въ другихъ параллеляхъ находятся соотвѣтствующія образованія: греч. σφιχτᾶ, аром. στρέμπτου [strimptu], алб. στραγκρούαρα [štrɛngúarɛ] 174.

кно́чко—тонко, мелко. Встрѣчается и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Параллели: греч. ψιλά, аром. σουπτζηρε (лат. sŭbtīlis, -e), алб. τα χόλ. 169.

ко́лаj—легко. Общераспространенное на Балканахъ турец. заимствованіе koláj. Аром. и алб. паралл. κολάη; но въ греч. εὔκολα 125.

ко́мати ко́мати (154) въ значеніи нарѣчія: „кусками“, „на-куски“.—ск'е́парот дро́бит бори́ната ко́мати ко́мати.—Соотвѣтствующая передача представлена и другими параллелями: греч. κομμάτια κομμάτια; аром. π[b]ουκάτζη πουκάτζη; алб. τζόπαρα τζόπαρα. Въ болгарскихъ говорахъ такая передача нарѣчія, посредствомъ двойной формы именит.-вин. имени, не въ ходу. Но въ другихъ восточно-балканскихъ языкахъ (греч. и алб.) такая передача представляетъ обычное явленіе. Напр. греч.: ἐπήγαινε κώχη κώχη.—σπηλιὰ σπηλιά; φασούλι φασούλι γεμίζει τὸ σακκούλι[1]). Такъ же въ алб.: fela fela, čika čika (кусочками) pika pika (каплями)... Ср. и въ аром. зап. Вейганда: násturile pale pale (пуговицы густо насаженные.—Arom. II, 86).

[1]) Cette habitude de répéter est un des idiodismes les plus caractéristiques de la langue. Ém. Legrand. Grammaire grecque moderne. 1878. 142.

ка́де. Значеніе—„гдѣ“ и „куда“.—те о́питвам, ка́де бе́ше, ка́де за́г'ина, ка́де се скри́ 181. Съ тѣмъ же значеніемъ, а также съ значеніемъ опредѣлительнаго союза „что“ и предлога „къ“ „при“ („у“) сочетаніе „каде“ или „къде“, „коде“,—съ замѣною *ę,—употребляется и въ другихъ македонскихъ говорахъ (подробнѣе во II т.). Въ другихъ балканскихъ языкахъ также утрачены отдѣльныя нарѣчія для „гдѣ“ и „куда“: въ значеніи того и другого употребляется о д н о нарѣчіе: греч. ποῦ (ὁπού), аром. ju[1]), алб. ku, ke, или tuk, tek. Въ соотвѣтствіи указаннымъ болгарскимъ примѣрамъ Дидаскаліи въ другихъ параллеляхъ находятся такія сочетанія: греч. ...σὲ ἐρωτῶ ποῦ ἤσουν, ποῦ χάθηκες, ποῦ κρύφθηκες; аром. τὲ ντρέπ[b]ου ἴου φούσαι, ἴου κυρούσση, ἴου τεασκουμσέσση; алб. τᾶ πιούεσσ κοῦ κιέ, κοῦ χούμπ[b]ε, κοῦ οὐμφέε.—Въ греч. ποῦ можетъ имѣть значеніе опредѣлительнаго союза „что“. Въ албан. ke употребляется и въ качествѣ предлога „къ“, „при“, (въ соотв. болгар. „къde“). Въ трехъ случаяхъ болгарскому „каде“ соотвѣтствуетъ въ аром. ἰουτζητῶ (ju-cido),—нарѣчее болѣе общаго значенія: „куда бы ни...“, „гдѣ бы ни“.... Въ алб. разъ употреблено κουτῶ (kudò), имѣющее то же значеніе.

се́каде—всюду, повсюду. Греч. παντοῦ, аром. ἰουτζητῶ (ju-cido), алб. κουτῶ (kudò). 128, 129.

негде—гдѣ-нибудь. Греч. πουθενᾶ, аром. ἰουβᾶ, алб. γιακούντ—g'akund[t]. 152.

го́ре—вверху, в-, наверхъ, ве́рхомъ. Греч. ἀπάνω, аром. τ[d]ε-σοῦπρα, алб. σήπαρ (116, 131, 161, 171, 177).

доло—внизъ, внизу. Греч. κάτω, аром. γκιόσου — ng'osu (←deosum. Puşcar. Wrtb. 80), алб.—πώσστ[ą]—pošt[ε] (инд.-еврп. pēd-su. Pedersen, Texte. 180, сравниваетъ съ слав. pěšь 136, 175.—въ аром. μπατε—m-pade).

от отóздола—снизу. Греч. ἀπὸ κάτω, аром. πρέχιόσου (g'osu), алб. παρπώσσ[š] (169).

от óзади и *от óспреди*—сзади и спереди. Греч. ἀπὸ ὀπίσω καὶ ἀπὸ ὀμπροστᾶ; аром. τ[d]ὲ τ[d]εναπόη σσὴ τ[d]ε τ[d]ενὲ-[ą]ντε (de-năpoe къ лат. de-ad-pŏst; denănte къ вульг.-лат. in-ante съ предшеств. de. Kurth. Der Gebrauch der Präposit.

[1]) Одно нарѣчіе и въ прочей румынщинѣ какъ и вообще въ романщинѣ. Ср. Meyer-Lübke. Einführung in das Studium der Rom. Sprachwissenschaft. 2—te Aufl. Heidelb. 1909. 194—195. Gram. der. Rom. Spr. III, 510 слѣд.

im Rumän. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ X, 630—631. О другихъ объясненіяхъ въ статьѣ Moser'a: „Der Ursprung der rum. Präposit.“ Ib. 431); алб. πὲ σαπράπα δὲ γκα[nga] πραπάρα (157).

блúзо,-у. Греч. συμμᾶ, алб. ἄφαρ[=ἄφαρ; Jokl считаетъ заимствованнымъ отъ герман.: ср. гот. fēra—сторона. „Studien zur alban. Etymologie“, 104; Meyer возводитъ къ предполагаемому латин. affinare, affinis. Wrtb. 3]. Въ аром. ἀπροάπε — вблизи (къ вульглат. adprope. Kurth. Op. cit. 612—613), а также νίγκα [ningă]—возлѣ, рядомъ, при (въ д.-румын. lîngă; восходитъ къ лат. *longum ad. Kurth. Op. cit. 565—566).

на́-стреде—посрединѣ 156. Греч. εἰς τὴν μέσην; аром. τροῦ γνιόλτζουκ [n'oldžuk]—средина (къ лат. *mĕdiolus locus. Puşcar. Wrtb. 93); алб. νταμέσσ (ndɛ—въ, mes—средина, греч. μέσον. Meyer. Wrtb. 270, 299).

на́тре. Съ гласнымъ, замѣнившимъ прежній ъ, это нарѣчіе извѣстно всѣмъ говорамъ Македоніи. Греч. μέσα, аром. νασύντρου, алб. μπρέντα- brénda (153).

вýме: имам вýме 151. Ср. выше стр. 173—174.

сéтне—сéдне—потомъ, послѣ. (116, 143, 166). Съ *д* это нарѣчіе произносится во всѣхъ центральныхъ областяхъ Македоніи. Въ другихъ мѣстностяхъ находится „сетне“. Параллели: греч. ὕστερα, аром. ταπόϊα, ἀπόϊα (лат. ad-pŏst. Puşcar. Wrtb. 9), алб. παστάη, πασαντ[d]άη (распространеніе предлога pas—за, по). Въ двухъ случаяхъ болгарскому „сéдне кóга“... соотвѣтствуетъ въ другихъ параллеляхъ только „когда“ („какъ“): греч. ἀφ' οὗ (131), σὰν (163), аром. χάρα, алб. si. *лáн'и и годинáа*—въ прошломъ году и въ этомъ году. Въ видѣ „лани“, „годинáа“ эти нарѣчія употребляются и въ другихъ македонскихъ говорахъ (объ удар. на *-на-* см. ниже). О солунскомъ лаіни см. стр. 95. Параллели: греч. πέρσυ [←πέρυσι] καὶ φέτω; аром. ἄννου σσὴ ἔσταννου [←ĭstum annum], алб. βγιετ εδὲ σηβγιέτ [vjet—годъ, si—указат. мѣстоим., совпадающее по формѣ съ ablat.(locat.) указат. мѣстоим. Pedersen. Festkrift til V. Thomsen. 255 слѣд. Texte. 190]. (129).

дéн'а—днемъ. Въ другихъ македонскихъ говорахъ—„дé[i]н'а“ или „дé[i]н'е“. Параллели: греч. τὴν ἡμέραν, аром. τζούα [dzúa—къ лат. dīes,-em, д.-рум. zi]; алб. τήταγα [ditɛnɛ—нарѣчіе „днемъ“, по формѣ—вин. ед. член. dita] (146).

нóк'ата—ночью. Въ другихъ македонскихъ говорахъ—нòшја, нóшје, нóшта, нóшк'а, нóк'а, нóк'е, нóк'та. Параллели: греч. τὴν

νύκτα, аром. νοάπτια, алб. νάτανα [-ночью; по формѣ вин. ед. член. náta] (145).

на-по́лнош (пе́телот ви́кат на по́лнош). Въ греч. болгарскому „на-полнош“ соотвѣтствуетъ τὰ μεσάνυκτα. Въ аром. и алб. параллеляхъ описательная передача: „средина“ и род. п. „ночь“: аром. τροῦ τζουμετατε [džumeta[t]-de-] νοάπτε; алб. ντᾶ [ndɛ] μέσ τα νάτεσα (121).

τοβέτζαρα- *довéча[е?]ра*—сегодня вечеромъ. Ср., напр., въ велесскомъ говорѣ: довéчера кога к'е си лéгнат сúте...; на вéчерта нé довог'а... (Сбм. XII, 163) довéчера дéфот к'е ни дáде вéчера (Сбм. V, 148). Ср. то же сочетаніе въ охридскомъ говорѣ (Сбм. XVIII, 543). Греч. ἀπόψε; въ аром. и алб. сочетанія „эта ночь“ (им. -вин.): употребляющіяся въ значеніи нарѣчій „сегодня ночью, вечеромъ“: ἄστανοάπτε. σόντε [so—указат. мѣст., nte– nate—ablat. къ natɛ -ночь) (157).

ка́та-де́н. Параллели: греч. καθημερούσιον, алб. τε χάθε τζουα [de kaθe dzuă], алб. ντίτ πρεντίτ [dit-pre dit -день за днемъ] (156).

уште (см. выше стр. 86); греч. ἀκόμα, аром. νίκα, алб. ἐδὲ (обычно союзъ „и“) (131).

то́га (165), *то́гаш* (131). Въ другихъ параллеляхъ одинаковыя соотвѣтствія для „тога“ и „тогаш“: греч. τότε, аром. ἀτούμτζια, [←ab+tŭnc-ce] алб. ἀταχέρα [atɛ -мѣстоим. вин. „тотъ“—aj(aŭ), ajó; hérɛ—разъ, время].

ко́га, се́га; о́ти, а́ко, ами́, (159, 178) пак, ду́ри, во, со (Дид.).

Предлогъ от.

Употребленіе предлога от представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ интересную черту болгарскаго говора Дидаскаліи. Обычными категоріями употребленія от являются слѣдующія: 1) исходный пунктъ дѣйствія, времени, удаленіе, отдѣленіе, освобожденіе; 2) происхожденіе; 3) матеріалъ; 4) различныя отношенія частей цѣлаго; 5) сравненіе; 6) причина; 7) предметъ, отъ котораго исходитъ пассивное состояніе [1]).—Примѣры изъ Дидаскаліи. 1) по́минам от кра́јот 137. от да́леку 120. ста́нах от спа́н'ето 158. излéзат от ду́пката 168. да се ва́рдит от ко́стени, от крастаици... 134. за да зéмиме от то́ј 181.—*от* находится и послѣ нарѣчія „близу“: вили́цата сто́ит бли́зу от бра́дата 167—168. Въ болгар-

[1]) Болѣе частныя категоріи и примѣры см. у Миклошича: Syntax. 1883. 547—559.

скихъ говорахъ въ сочетаніяхъ съ „близу“ употребляется обычно предлогъ *до*:—близу до брадата—и т. под. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи и юго-западной Болгаріи встрѣчаются и „близу от.,.“: πλήζου ὁτ τόα μέστο—въ зап.-битольскомъ Καγοναμε (Сбм. XV, 380). близу од Дебър—отмѣчено мною въ Кюстендилѣ. от употребляется и послѣ существительнаго, имѣющаго значеніе пункта отправленія, отдаленія, а также значеніе освобожденія.—крáјот от мóрето 136. прошта́ането от грехóи[ј]те 182. Въ зависимости отъ глаголовъ „браться“ за что-л., „касаться“, „схватывать“. за да се фáштаат от рáбота 122.—Въ ст.-болгарскомъ—родит. (Wondrák. Altkirchsl. Gr.², 591). 2) от лóша фáра 149. 3) сок от трúците 144. от лéнот и от кóнопот излéгваат ка[ъ]лчишта 143. 4) éдна нúза от смокфи 132. вúдох мнóгу сфéт от лýг'е 132. снóпјето от клáсои 164.—Послѣ глагола „наполнять“ и прилагательнаго „полный“: и јет земјата пóлна от дърва, от бýка, от дабои[-ј], от върба... 117, за да го [пáгурот] пóлнит от рáкиа 176. 5) пó мóшне лýбает к'ерката нúхна и от снáата 160. 6) не мóжам да тé[ъ]рпам от бóл'а 140. 7) да не се зéмаш от óк[о] 150; гр. νὰ μὴ βασκανθῇς.

8) Болгарскій говоръ Дидаскаліи въ отношеніи употребленія предлога от представляетъ ту интересную особенность, что этотъ предлогъ находится вмѣсто общеболгарскаго па въ тѣхъ случаяхъ, когда выражается принадлежность одного предмета другому, т. е. въ соотвѣтствіи прежнему genet. possessiv.:—вéтката от триандáфилот 148. обéсиме от ýшите от жéните 155—156. Сюда, можетъ быть, относится и примѣръ, отмѣченный въ 1): крајот от мóрето 136. На этихъ примѣрахъ обнаруживается процессъ болѣе широкаго употребленія предлога от по сравненію съ употребленіемъ его въ старо-болгарскомъ языкѣ. Многимъ изъ вышеприведенныхъ сочетаній съ от соотвѣтствовали раньше формы родит. пад. безъ предлога.

Говоръ Дидаскаліи въ отношеніи употребленія предлога от не стоитъ одиноко въ болгарской языковой области: въ первыхъ 7 категоріяхъ и другіе болгарскіе говоры знаютъ сочетанія съ от. Что же касается 8-ой категоріи, то въ этихъ случаяхъ употребленіе от характеризуетъ собою говоры центральной и юго-западной Македоніи. Это говоры слѣдующихъ областей: Прилѣпской, Моріовской, Битольской,

Охридско-стружской, Дебърской, Кичевской. Прилѣпъ: ма́ката от же́ната; к'ерк'и од деда Ноја (Сбм. XI, 96). кук'ата от бабата (ib. 142) и др. См. также замѣчаніе Мирчева въ Сбм. XX, 17, 34. Маріово: одајата от домак'ино (Сбм. XVI—XVII, 290); кук'ата от Каина (ib. XV, 290). Охридъ: Всѣкога вмѣсто прѣдлога на прѣдъ сжществително съ притежателно значение се употрѣбява от: си́нот от Ио́нчета... (Изв. на сем. III, 255). Струга: звукотъ одъ гайдата, времето одъ Марка Крале, захожданіе одъ сжнцето... (Сб. Миладин., Предговоръ). М. Рѣка: ши́шето од ла́мбава; петли́цата от рокавоф (Изв. на сем. II, 282). јуна́ството од зе́тот (Сбм. XI, 149). Кичево: вървот от кулата (Шапк. IX, 223). Въ зап.-битольскомъ Καναναμε: νὰ μπιτισφάγιετο ὄτ μέσετζοτ—въ концѣ мѣсяца (Сбм. XV, 378). ὀτμπιρβάγιετο ἴ κλαάγιετο ὄτ βέκιλιοτ ἴ ὄτ κοτζαμπασία—избраніе и назначеніе векиля и коджабаши (ib. 379), ῥάκατα ὀτ βλαδίτζιτε (ib. 382) и др.—Въ этомъ памятникѣ от употреблено и въ слѣдующемъ сочетаніи: σίτε ὄτ ἔντνο (ib. 378—379) вм. — za-edno другихъ болгарскихъ говоровъ.

Въ 1—6 категоріяхъ и неславянскіе балканскіе языки имѣютъ сочетанія, соотвѣтствующія болгарскимъ от+форма имени. Въ н.-греческомъ ἀπό, въ румынскомъ (дако-рум. и аромунскомъ) de(di), въ албанскомъ prej (въ Дидаскаліи πε, вм. pre) и nga (ka, kah) соотвѣтствуютъ славянскому от. Албанскій языкъ иногда имѣетъ и иное соотвѣтствіе славянскому от, греч. ἀπό, рум. de. Такъ, при сравнительной степени онъ употребляетъ не только nga, но и se. Въ Дидаскаліи находится именно se: μά [mε] φόρτ ντούαννε ταμπίεννα[tε bίεnε] ἐ τοῦρε σέ νούσεννα 160 (ср. болгарскій примѣръ въ 5-ой категоріи). И въ н.-греческой параллели въ этихъ примѣрахъ употреблено не ἀπὸ, но παρά. Вообще же въ н.-греческомъ языкѣ въ соотвѣтствіи русскому „чѣмъ“ при сравнительной степени находится ἀπό или παρά. Ближе къ болгарской параллели аромунская передача, имѣющая de-pre-ka въ соотвѣтствіи от. Въ одномъ случаѣ албанская параллель отступаетъ отъ всѣхъ другихъ параллелей въ употребленіи соотвѣтствія болгарскому от: послѣ глагола „наполнять“ употреблено не pe, a me[=съ], въ соотвѣтствіи греч. ἀπὸ, аром. de, болг. *от*: χῆ τα [t a] μποῦσσ [=mbuš] μέ ῥαχῆ 176. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ прилагат. „полный“ (πλιότ) находится pe (117).

Изъ греч.-аром.-албанскихъ параллелей къ болгарскимъ примѣрамъ 1—6 категорій отмѣтимъ еще слѣдующіе. 1) Болгар. бли́зу от бра́дата 168. Въ другихъ параллеляхъ этому от нѣтъ обычнаго соотвѣтствія: въ греч. и алб. это сочетаніе передано съ предлогомъ „въ“: συμμα εἰς τὸ πηγοῦνι; ἄφαρ ντα[=ndɛ] πηρούνν. Въ аром. употреблено [artoáre] ninga; дак.-рум. lîngă, лат. *longum ad [1]). Но въ румынскихъ діалектахъ извѣстно и полное соотвѣтствіе болгарскому близу от: artoare de [2]). 2) Болгар. прошта́н'ето от грехо́ите 182. Въ другихъ параллеляхъ, не исключая и аромунской, находится форма родит. п.: Ῥωμ. τὴν συγχώρησιν τῶν ἁμαρτιῶν. Βλ. λλιρτατζιούνια ἀ ἁμαρτύελορ. Ἀλβ. τα ντίερατ τα γκηνάχαβετ. 3) Болгар. на кра́јот от мо́рето 136. Въ греч. и алб. параллеляхъ находятся формы род. пад.: εἰς τὸν αἰγιαλόν τῆς θαλάσσης. μπᾶ μπούζατ ντα [tɛ] τέτητ [detit]. Но аромунская параллель совпадаетъ съ болгарской: πρέ πούτζα[budza] τὲ [de] ἀμάρε. Примѣръ 7-ой категоріи представляетъ собою балканизмъ: и въ другихъ балканскихъ языкахъ имѣются соотвѣтствующія выраженія одинаковаго значенія. Βλ. σε νοῦ λεη τε[de] ὀχλίου. Ἀλβ. τα μός με ρεσσ πεσιου[pe siu]. Въ греч. параллели передано иначе: νὰ μὴ βασκανθῇς. Но греческому языку извѣстно и выраженіе „брать отъ глаза“—„глазомъ“ = „бросать на к.-н. злой взглядъ“: παίρνω ἀπὸ μάτι [3]).

Болгарскимъ примѣрамъ 8-ой категоріи употребленія предлога от соотвѣтствуютъ въ другихъ параллеляхъ формы родит. п. Но относительно аромунской параллели слѣдуетъ замѣтить, что въ румынскихъ діалектахъ въ обычномъ употребленіи въ этихъ случаяхъ и сочетанія съ de. Иногда употребленіе такихъ сочетаній обусловлено тѣмъ, что предшествующее существ. нечленное; послѣ же членнаго существительнаго употребляется форма родит. [4]). Въ примѣрахъ Дидаскаліи предшествующее существ. находится въ членной формѣ: τρέμμα [drăma] ἀ τρανταφύλλουη 148. *οὐρέχλλε ἀμουλλέρλορ* 155—156.

[1]) R. Kurth. Der Gebrauch der Präpos. im Rumän. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ X, 565—566.

[2]) Ibid. 612.

[3]) P. Papahagi. Parallele Ausdrücke und Redensarten im Rumänischen, Albanesischen, Neugriechischen und Bulgarischen. „Jahresber. d. Instituts f. rum. Spr.“ XIV. 122.—Болгарской параллели не отмѣчено.

[4]) Kurth. Op. cit. 502.

Извѣстно, въ какомъ широкомъ употребленіи предлогъ de въ романскихъ языкахъ. [1]). Румынскій языкъ (въ его діалектахъ) пошелъ еще дальше въ этомъ отношеніи: онъ имѣетъ сочетанія съ de и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ другіе романскіе языки представляютъ сочетанія съ a [2]).

Выше было указано, что употребленіе предлога ot въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, въ особенности въ Македоніи, извѣстно въ гораздо бо̀льшемъ числѣ категорій, чѣмъ это отражается въ раннихъ болгарскихъ памятникахъ письменности. И замѣчательно, что частое употребленіе „отъ“ въ позднихъ памятникахъ характеризуетъ собою памятники, написанные въ румынскихъ областяхъ. Многочисленные примѣры изъ этихъ памятниковъ указаны Л. Милетичемъ въ статьѣ: „Дако-ромънитѣ и тѣхната славянска писменость“ (Сбм. IX. 313—315). А вотъ „Knigice od molitvi“, составленное павликіаниномъ I. Яковскимъ и напечатанное въ Римѣ въ 1846 г. [3]). Эта книжица изобилуетъ сочетаніями съ ot, появившимися подъ вліяніемъ итальянскихъ конструкцій съ de. Позднѣйшій издатель ея Клобучаръ [4]) нашелъ нужнымъ во многихъ мѣстахъ замѣнить ot посредствомъ па.— Позволительно думать, что многочисленные случаи употребленія ot въ болгарскихъ говорахъ, преимущественно югозападныхъ, находились въ связи съ иноязычнымъ элементомъ, родственнымъ румынскому.

Непосредственное приглагольное дополненіе. Винительный и дательный.

Въ македонскихъ говорахъ употребляется двойная передача приглагольнаго дополненія (винит. и дат.), относящагося къ сказуемому непосредственно (съ точки зрѣнія прежняго языковаго состоянія, до развитія *на* въ передачѣ дат. пад.): 1) двумя формами личныхъ мѣстоименій: „полной“ („абсолютной“) и „краткой“ („конъюнктной“): мене ме, мене ми, тебе те, него го и т. д. 2) и въ особенности часто по-

[1]) W. Meyer-Lübke. Gram. d. Rom. Spr. III, 261—275.

[2]) R. Kurth. Op. cit.

[3]) Л. Милетичъ. Нашитѣ павликяни. Сбм. XIX, 263—266

[4]) Duhovni Glas ali mulitvi kasi... U Szigydin. 1860. Л. Милетичъ. Книжнината и езикътъ на банатскитѣ българи. Сбм. XVI—XVII, 345—346.

средствомъ формы существительнаго и „краткой“ формы личнаго мѣстоименія того же падежа. Положеніе „краткой“ формы мѣстоименія всегда опредѣленное: она находится или непосредственно передъ глаголомъ, или за глаголомъ. Условія того или другого положенія совершенно тѣ же, какъ и въ прочихъ случаяхъ употребленія „краткой“ формы мѣстоименія, внѣ сочетанія съ „полной“ формой мѣстоименія и съ существительнымъ того же падежа. „Краткая“ форма находится обычно передъ глагольной формой. Въ случаѣ, если рядомъ употребляются двѣ „краткихъ“ формы, то передъ глагольной формой непосредственно находится форма винит., которой предшествуетъ форма дат.. Въ двухъ случаяхъ положеніе „конъюнктнаго“ мѣстоименія за глаголомъ: при повелительномъ наклоненіи и при дѣепричастіи. Что же касается „полной“ формы мѣстоименія или формы существительнаго, то онѣ не имѣютъ опредѣленнаго положенія относительно „краткой“ формы мѣстоименія: онѣ или предшествуютъ (непосредственно или посредственно) „конъюнктному“ мѣстоименію или слѣдуютъ за нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если „краткая“ форма мѣстоименія находится передъ глаголомъ, то „полная“ форма мѣстоименія или форма существительнаго употребляется за глаголомъ (непосредственно или посредственно); если же краткая“ форма мѣстоименія слѣдуетъ за глаголомъ, то вторая часть такого дополненія употребляется послѣ первой (опять-таки непосредственно или посредственно). Но въ повелит. н. „полная“ форма употребляется и передъ глагольной формой, а „краткая“ по обыкновенію слѣдуетъ за глагольною формой.

да въ conjunctiv'ѣ, *к'е* въ будущемъ, отрицаніе *не* находятся передъ „краткой“ формой мѣстоименія. Рѣже отрицаніе *не* стоитъ между „краткой“ ф. мѣстоименія и глаголомъ. Союзъ *и* предшествуетъ „полной“ формѣ мѣстоименія или формѣ существительнаго.

Двойная передача встрѣчается также въ замѣнѣ genetivi [dat.] prossess.: за дательной энклитикой мѣстоименія слѣдуетъ существительное въ формѣ для дат. п. или „полная“ дат. форма мѣстоименія.

Необходимое условіе въ употребленіи „конъюнктнаго“ мѣстоименія составляетъ то, чтобы имя существительное въ casus obl. относилось къ извѣстному предмету, находилось бы въ членной формѣ или въ сочетаніи съ указательнымъ мѣсто-

именіемъ. Вмѣсто „полной“ формы мѣстоименія или формы сущ. можетъ употребляться форма какого-нибудь мѣстоименія, относящагося къ о п р е д ѣ л е н н о м у предмету (о́нсица го не́матъ оу̑ цр̄ква—такого-то нѣтъ въ церкви. Огледало Кирилла Пейч. 92). На сообщаемыхъ ниже примѣрахъ ясно обнаруживаются категоріи употребленія и расположеніе частей двойной передачи casus obl. въ предложеніи.

Примѣры двойныхъ формъ для непосредственнаго приглагольнаго дополненія въ Дидаскаліи немногочисленны: ея тексты, состоящіе изъ коротенькихъ фразъ, не представляли подходящихъ условій для употребленія такихъ формъ. ку́ршумот го ра́нисат тру́пот 150. клепа́лото да го би́еш со ченка́ните но́ви 143. лали́ците, пани́ците да и дъ́ржиш изми́ени ха́рно, и садо́ите тфо́и[-і] да и и́маш на него́и[-і]те ме́ста 158. Во второмъ и третьемъ примѣрахъ и другія параллели имѣютъ соотвѣтствующія двойныя формы. Въ первомъ въ греч., аром. и алб. „конъюнкт“. мѣстоименія не имѣется.

Переходя къ говорамъ прочей Македоніи, замѣтимъ, что двойная передача вин. и дат. дополненія представляетъ собою обычное явленіе въ этихъ говорахъ. Ограничимся немногими примѣрами. М. Рѣка: тоі̯ ја ви́де кни́гата. им да́дофме на де́цата кру́ши. Пе́тко го ви́дел та́тка.—Никога нѣма да се каже: Петко видел татка (безъ *го*); дадофме на децата круши (безъ *им*) и пр. (Изв. на сем. II, 279). Ајде и нас фрли не (Браство, IX—X, 386). У славянъ Г. Рѣки, существовавшихъ въ этой области еще въ началѣ прошлаго вѣка, была въ употребленіи подобная же передача дополненія: каменетѡ гѝ донесохъ ѿ кѵ̑мановѡ—въ записи игумена Герасима (Уст. Хлуд. Собр. № 122). Кичево: тебе в рай те не пущаат (Сб. Икон. 126). не́го го и́мат за сфе́тец (Новини, III. № 40). ти го даа него (Сбм. XIX, 4). спрегне́те го не́го (ib. 130). неа да а земет (ib. 66). нему му остана (ib. 1). ними им се чинеше (ib. 113). Татко *е* неі̯зе, царот, се научил от луг'е, оти арапот го немат век'е; сега к'ерка му ја имат други бел чоек (ib. 18). што на чоика никогаш не му идет на умот... (ib. 108). земи ми ја и душата (ib. 5). де́тево го да́доф на́ даскал (Сбм. II, 186). покрене́те-а гѣ[=г'е]миа́ва (Новини, III, № 40). Порѣчье: Велигден да го не дочекаш („Карац.“ II, № 4). в раце го држит Ристоса (ib. III, № 5). Струга: и си ѩ венча Бояна (Миладин. V). кажи ми ме́не (Шапк. IX, 485). Охридъ: Ку́з-

мана не го у́бивъм; да ми го пу́лит Ку́змана (Изв. на сем. III, 255). ме́не дай ми (Шапк. VIII, 116). у́би ме и ме́не (ib. 114). ме́не баре не гу́би ме (ib. 210). го ви́де Пе́трета? (Изв. на сем. III, 255). Рѣсенъ: и неја да не ја фа́тит (Сбм VI, 139). кади́ата го о́прале (Сбм. VIII, 231). Сътá слама ја и́зеде (Сбм. VIII, 256). за коу́ку-је-си-го́-купиу́ ге́рданот? (Псп. XLI—XLII, 888). Костуръ: ти сакаш да ме загиниш на мене (Книжици II, 53) невести́чка гро́бо си го ко́па (Сбм. VIII. 255). жена́та му на ца́ро (Шапк. IX, 333). Кайляръ: зе́ми ме ме́не. мене ки ме оста́виш (Сбм. XVI—XVII, 68). Леринъ: ја́с те́бе не те позна́вам (Шапк. IX, 320). и́спи ја ре́ката (Шапк. IX, 315). г'ими́ата му ја́ продадо́ја (ib. 318). Битоля: и не́му му ја зе́де гла́вата (Шапк. IX, 269). а гро́бот го напра́йле (ib. 300). μαματ ἤ [1]) σφέτοτ (Κανοναμε. Сбм. XV, 382). Крушово: здѣсь и въ 17-мъ в. употребляли: тебе те чинамъ. речете му на Дима Секулоика (письмо изъ Крушова, 1637 г. Минало I 3, 292). Прилѣпъ: „Допълнението въ изречението се изказва два пѫти вмѣсто еднажъ—ја́с му го да́доф на чо́екот; ме́не ми го доне́соа сто́лот“... (Сбм. XX, 32). Маріово: тебе те барам (Сбм. XVI—XVII, 287). нему да му се стора (ib. 288). псите ги начмуват (3 ед. ib. 288). Велесъ: ни́х к'е му г'и да́дам за ка́вази. да не зе́ме и на́с. еден ри́бар го и́звади бра́та ми и не́го го да́де на ца́рот (Сбм. V, 172). се́то го и́слушал (Сбм. VIII, 189). да́ ми го мене ја́бъкото (Сбм. V, 148). ъ́рслан'о го оста́виле (Сбм. II. 214). на та́тка му на де́тето (Сбм. VIII, 189). Скопье: ме́не ми се не ве́чера (Минало I 1, 67). нас к'е не са́каат (Сбм. XI, 111). кой ми е та́тко ме́не? за да го уте́паа не́го (Минало I 1, 70). по́сей г'и мо́йте ядове (ib. 67). Пологъ: турай га нея, лудо; земи ме мене (Стояновъ. 87). га гледам жената. го за́клале Ми́тота. го зеде ᶜатот со рука. ко́н'от татко го държе́ше (Отчетъ 20, 24...) га и́скорна ба́фчата па и г'и ви́кнал измек'а́рете; Бог да го би́е ᶜАлия (Минало I 1, 74, 73). Я не я жалим бурмата (Стоян. XVII) и др.. на дете му дойде мло́гу мука; после му го́вори на детето (Отчетъ 20). он им беше и́змек'ар на сви́те войска (ib. 28). да припа́днишъ на мо́ленѣ ни ма́йкамꙋ царотомꙋ (Утѣш. грѣшнымъ 23).

Въ Д. Пологѣ наблюдается и отклоненіе въ расположеніи мѣстоименныхъ формъ: въ вопросительномъ предло-

[1]) Прилагательное при „свет“ [=народъ] также во множ. ч.: бо́гати све́т (Велесъ. Сбм. V, 172).

женіи „полная“ форма находится передъ глагольной ф.: кой те тéбе заповéдуе? (Минало I 1, 74).

Воденъ: Ми дадеж и на мéне нóгу пáри [=и мнѣ дали много денегъ] (Сбм. II, 189). и му ж дáл кéрка му (ib.) девај ми ж глáвата (ib.). му кажáлу на цáрут (ib. 188). Гóспод и на нéго му вéле (Шапк. IX, 338). Мегленъ: дај ми гу на мен (Сбм. III, 120). дýпката му ж наóг'аме. си ж свúл пашката. на тóа чувéк му вúкахте, (Сбм. IV, 190, 191, 188). Солун. село Киречк'ой: го опитà на той Христос [=его спросилъ Христосъ] (Книжици II, 40). нé те сáкам на ти (ib. 41). jáz na tébe, góro, ćé te pítam, ti na méne právo da mi kážeš (Rad, knj. 145, стр. 141). da mi kážeš na mén (ib. 156). tóga mu véli vъ̀lkot na lisícata (ib. 156). Гевгели: зéмаш ли ме и мéне? (Шапк. IX, 341).

Перечисленныя области занимаютъ сплошь Македонію до Вардара. Въ говорахъ этихъ областей были отмѣчены и другія особенности, характерныя для говоровъ Македоніи. Въ говорахъ областей, расположенныхъ къ востоку отъ Вардара, отсутствуютъ нѣкоторыя типично-македонскія черты. И передача вин.-дат. дополненія въ этихъ говорахъ не вполнѣ тожественна съ передачей въ типично-македонскихъ діалектахъ. Понятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по лѣвой сторонѣ Вардара могутъ находиться говоры, двойной передачей дополненія примыкающіе къ говорамъ западной Македоніи. Таковы говоры Дойрана, Солунской области, напр., села Киречк'ой. Но дальше къ сѣверу наблюдается существенное отличіе въ этой передачѣ. Употребленіе двухъ формъ для дополненія встрѣчается тамъ рѣдко. Ихъ расположеніе также не всегда соотвѣтствуетъ западно-македонскимъ сочетаніямъ. Штипъ: ја́, и́маш ме мéне, какó нéкоа робúн'а! (Сбм. X, 140). Кратово: я к'е гу нума отрую (бПсп. XI—XII, 71; ср. положеніе „полной“ формы мѣстоим.). па га викнале и него (сПсп. V, 120). да ве изнесу и вас (сПсп. V, 119). Кáмен'ето г'и дéл'ат на три цéни (Минало I 1, 76). пáрите от дáноко си г'и дéлили (ib. 77). Но—Томá одúл, раздавáл г'и пáрите (ib. 77). Изъ сообщенныхъ примѣровъ видно, что conjunct. мѣстоименіе не начинаетъ собою предложенія, какъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ. Ср. также: „Не верувал гу татко ву“ (Псп. V, 120). Въ говорахъ же западной Македоніи эти формы мѣстоименій находятся и въ началѣ предложенія. Кромѣ того, примѣръ „гу нума отрую“ свидѣтельствуетъ, что здѣсь возможно употребленіе „полной“ формы

мѣстоименія непосредственно передъ формой глагола изъяв. н. Между тѣмъ, по ту сторону Вардара при весьма частомъ употребленіи двойныхъ формъ для дополненія такого положенія „полной“ формы мѣстоименія не встрѣчается. Только для Д. Полога былъ указанъ примѣръ (весьма рѣдкій) нахожденія „полной“ формы мѣстоименія непосредственно передъ глаголомъ. Но эта область—пограничная въ Македоніи. Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Полога находятся говоры съ инымъ, болѣе свободнымъ, расположеніемъ двойныхъ формъ для дополненія (см. ниже).

Въ западной и восточной Болгаріи также извѣстна двойная передача указаннаго дополненія. Нѣсколько примѣровъ. Г. Джумая: неја ја фана́ло страх. ме́не к'е ме пи́та. ме́не ни́кој не ме носи́л к'и́тка (Сбм. XX, 26, 30, 27). Остаи́л го на́-мира не́го (ib. 25). Търнъ: да те вържем тебе. дай ми мене ножът (Псп. XI, 137). Видинъ: Н'е́му съга му тре́бе. Н'и ги зака́раа... (Сбм. XIX, 26). Сѣв.-восточная Болгарія: kój tą téb'ą́ píta bré! (Милетичъ. Das Ostb. 117). nám ni j drágo (ib. 116).

„Краткая“ форма мѣстоименія въ началѣ предложенія не можетъ находиться.

Что касается передачи casus obl., состоящей изъ формы существ. и conjunct. мѣстоименія, то она не чужда говорамъ Болгаріи, хотя она и встрѣчается тамъ не часто. Такъ, двойная передача винит. пад. употребительна въ случаяхъ, когда форма существ. въ винительномъ пад. совпадаетъ съ формою именительнаго: -дѣтето го ухапа куче. майка ми я боли глава. дѣцата ги пуснаха [1]). i livórverŏ ó-sąát gu skríl f tŏr-bъ́tъ si (Милетичъ. Das Ostb. 290. Тексты). dą nĕ g'í rązvĕ́rzeš ŏt kŏsъ́tъ mi kl'účoveť'e (Ib. 291). умичинциту гу ту́рилъ пуд инно́ куриту (Сбм. IV, 516). Что касается двойной передачи для дательнаго пад., то она встрѣчается послѣ энклитики личнаго мѣстоименія, замѣняющей притяжательное мѣстоим. Pišete li često na-baštû mu na-Rátka? (Cankof. Gram. 40). líce mu na cár'ątŏgŏ ną siná mu (Милетичъ. Das Ostb. 294). ма́к'а му на ца́ро. ма́к'а му на г'емиџи́ата (Г. Джумая. Сбм. XX, 26).

Двойныя формы непосредственныхъ приглагольныхъ дополненій были въ частомъ употребленіи и въ вымершемъ говорѣ семиградскихъ болгаръ.—1) szprovodi ma mane. tebe

[1]) М. Ивановъ. Синтаксисъ на бълг. езикъ. 2 изд. Пловдивъ. 1905 20.

ta napustam. Bog ne ni osztava naz. Bog vam vi e szereszuval (Сбм. XIII. 204, 209, 212, 243). da tta molime tebe boga. ne ni osztavi nasz. sto tebe ne ti drago (Denkschr. VII. 114, 111, 109). 2) cse Christusa go glendam. Kogi Jesusa go rasztegnuha. Daniela Bog ne go bi szabil. glavata mu ie szdarbaha (Сбм. XIII, 217, 236, 239. Denkschr. VII, 146).

Выйдя за діалектическіе предѣлы Македоніи въ сѣверномъ и сѣв.-западномъ направленіи, мы наблюдаемъ въ отношеніи передачи вин.-дат. дополненія слѣдующее. Въ областяхъ, сосѣднихъ съ Македоніей, въ Скопской Черной Горѣ и Кумановѣ, встрѣчается того же вида двойная передача, какъ и въ сосѣднихъ на югѣ македонскихъ, говорахъ: 1) посредствомъ „полной“ и „краткой“ формъ мѣстоименія, 2) посредствомъ формы существ. и „краткой“ формы мѣстоим.; формы мѣстоименія занимаютъ тѣ же положенія, какъ и въ западно-македонскихъ говорахъ; но наблюдаются уже и отступленія въ ихъ расположеніи.

Примѣры. Скоп. Ч. Гора: мене ме он сака. тебе да ти бидне (Етн. Зб. VII, 379, 407). ће тебе да те љуби. и њума одсечите гу. њујма гу бегендиса. шо ће ми остане мене. што ми мени ти напра(ј)и (Насеља III, 478, 491, 494, 490, 482). Дéда га' прáшал измéк'арот защо тáка г'и прéгнал волóвите. на дéда му му падналó страм. слáбите г'и товáрил млóгу, кáко им направил на кон'ите (Минало I 1, 68). На невиканога госта место му е зад врата. и му рекал на рибаротога (Етн. Зб. VII, 376, 509).

Куманово: ти ме мéне зáбраи. немóй мéне да ме забráиш (Минало I 1, 76, 75). кој те тебе сече. и њумај гу попоскáло. и њи ги збирамо (Хц.-Василь. I, 342, 338). мéне ће ми гу дáдеш. што ти је тебе (ib. 337, 345). и н'ему му цар направил цркву (Минало I 1, 76). удáвив га вýка. заковали га бунар и нигде гу не пуштал ћерку си. родитељи пазили га тој девојче. А он ву на змију одговора. оно ву рекнáло на бáбу (Хц.-Василь. I, 339, 341, 341, 339, 338).

Двойная передача вин.-дат. дополненія извѣстна и сосѣднимъ, прешевскимъ говорамъ.—и њега га потурчиле. и њи ги поцепаја. што ми мене. мужа га испрати ја. сварија гу крушку (Хц.-Василь. II, 297, 295, 293, 296, 287).

Далѣе къ сѣверу и сѣв.-зап. также находятся говоры, знающіе двойную передачу casus obl., но представляющіе то существенное отличіе отъ говоровъ южныхъ, что эта пере-

дача ограничена формами личныхъ мѣстоименій. Передачи, состоящей изъ формы существительнаго и „краткой“ формы мѣстоименія здѣсь не встрѣчается. Только на Косовѣ изрѣдка употребляется, вѣроятно, и эта передача. Расположеніе формъ мѣстоименій не всегда совпадаетъ съ расположеніемъ ихъ въ западно-македонскихъ говорахъ: „краткая“ форма мѣстоименія очень часто находится за глаголомъ; „полная“ форма нерѣдко употребляется непосредственно передъ глаголомъ. Это говоры областей въ бассейнѣ южной Моравы, Косова поля и Тимока. Въ географическомъ отношеніи эти области примыкаютъ къ Македоніи (область южной Моравы и Старой Сербіи) и къ западной Болгаріи (область Тимока). Въ этихъ областяхъ юго-восточной и Старой Сербіи существуетъ и рядъ другихъ особенностей, свойственныхъ говорамъ Македоніи съ одной стороны и Болгаріи—съ другой. Многочисленные примѣры для говоровъ южно-моравской и тимочско-лужничской группъ сообщены въ книгѣ А. Белича: Дијалекти (стр. 400—416). ме́не ме истепа́ше. овъ^{а}ј ће ме ме́не изе́де. то́ј ни нас за́губи. вика́ше ни нас. те́бе ћ'у ти да́м. ја не́ ти те́бе рекна́. ја́ съ^{а}м те те́бе печали́л. пи́там га ја не́га. докара́ше га ње́га. Для говоровъ средняго Тимока см. указаніе Б. Станојевича, въ „Дијал. Зб.“ II, 405. Косово: мене ме је земља притиснула. Благо мајке што га њега роди. фала ти и тебе (Етн. Зб. VII, 198, 199, 194). После му каже медвед њему. и њега га уби. мене па ћаше да ме обеси (Књиге Матице. № 6, 155, 157). куј те тебе пије, куј те тебе пије, без невесте спије, куј те тебе љуби, капу да изгуби (Етн. Зб. VII, 233). Ср. также указаніе Гл. Елезовића на существованіе двойныхъ формъ мѣстоименій въ говорахъ Пећи и бассейна Ситницы (Дијал. Зб. II, 471). Для говоровъ Косова можно отмѣтить и форму существ. съ „краткой“ формой мѣстоименія:—Медведу стало му мука (Књиге Матице, № 6, 156).

Въ другихъ восточно-балканскихъ языкахъ такъ же, какъ въ говорахъ Македоніи и Болгаріи, находятся въ обычномъ употребленіи двойныя формы для вин.-дат. приглагольнаго дополненія, употребляемаго при тѣхъ же условіяхъ, какія отмѣчены для славянскихъ говоровъ Македоніи. Положеніе „краткой“ („конъюнктной“) формы мѣстоименія всегда опредѣленное относительно глагола: она или непосредствен-

но предшествуетъ формѣ глагола или непосредственно слѣдуетъ за формою глагола. Условія того или иного положенія conjunct. мѣстоименія тѣ же, что̀ и для славянскихъ говоровъ Македоніи.

Н.-греческій языкъ. 1) ἐμένα μὲ ξέρεις. ἐσένα πῶς σὲ φαίνεται. αὐτοὺς τοὺς φοβᾶται. ἐμένα δὲ μὲ ῥώτησε, αὐτὸν θὰ τὸν ἀκούσω. При повелительномъ накл. (2 л.) „конъюнктное“ мѣстоименіе находится за глаголомъ.

2) Изъ разсказовъ Харлампія Аннини (Ἀττικαὶ ἡμέραι. Аѳины, 1894): καὶ πῶς τὸν λέγουν τὸν ἐξάδελφόν σου (зѣл. 66); καὶ ποῦ νὰ τὴν ἰδῶ τὴν ὥρα (95); τὴν ἔφαγα τὴν πεντάρα! καὶ τί τὰ ἔκαμες τὰ ἀντερία (99); τὰς περαιτέρω ἐντυπώσεις μου θὰ σᾶς τὰς πέμφω ἐγγράφως (92); τὰ πετάλια τὰ ἐτίναξεν ἀπὸ τὸ κρύον (108); ὅλα ταῦτα τὰ γνωρίζω (104). Изъ простонароднаго романа начала XVI-го вѣка: „Еротокритъ“ (Аѳины, 1894): ὑιὸν ὁποῦ τὸν εἶχα θάρρος μου (зѣл. 317); νικοῦν τηνε τὴν γνώμην σου. Καὶ τὰ τραγούδια ποὖγαλα μέσ' στὴν φωτιὰν τὰ κάψαι (196); τὴν στόρησίν σου τὴν ἰδοῦν (197); Διῶξέ την ἀπὸ λόγου σου τὴν ἄφαντην ἐλπίδα (361)[1]).

Двойныя формы личныхъ мѣстоименій для дат. и винит. дополненія представлены также албанскимъ языкомъ во всѣхъ его говорахъ. „Краткая“ форма мѣстоименія находится передъ глаголомъ. Даже при повелительномъ накл. (2 л.) она употребляется иногда проклитически, въ чемъ отразилось вліяніе сочетаній съ формой глаголовъ въ conjunctiv'ѣ, такъ часто замѣняющемъ въ албанскомъ языкѣ повелит. н.: tɛ mɛ ʃuatš—conjunctivus, вм. imperat.—ʃuaj mɛ. Но при повелит. н. чаще встрѣчается „краткая“ форма мѣстоименія въ качествѣ энклитики, какъ и въ другихъ языкахъ. Иногда по говорамъ „краткая“ форма мѣстоименія произносится передъ окончаніемъ—ni (2 мн.): bɛ-mɛ-ni, bɛ̀-na-ni, ʃój-mɛ-ni[2]).

mɛ ʃa mua [mue-ger.]—онъ сказалъ мнѣ. mũ mɛ pɛlk'en—мнѣ нравится. u ʃa juve—онъ сказалъ вамъ. u ʃa atüre—

---

[1]) За указанные примѣры изъ разсказовъ Аннини и „Еротокрита“ благодарю проф. С. П. Шестакова.

[2]) Pedersen. Texte. 14, 122.

онъ сказалъ имъ и т. п. [1]). nuk ja jap atí, ja jap asāj—я даю[jap] ее[или-его] не ему, я даю ее[его] ей. ja вм. i—e; i—„краткая“ форма дат. ед. для 3 л.; e—„краткая“ форма вин. ед. 3 л.. atí—„полная“ форма 3 л. дат. ед. муж., asāj—жен.; т. е. nuk i-e jap atí, i-e jap asāj. jep-i atí rruš!—дай ему виноградную кисть. nuk i kam pā atá (ató—rег.), kam pā juve—я видѣлъ [kam pā] не ихъ [i—„краткая“ вин. мн., atá, ató—„полная“ вин. мн.], я видѣлъ васъ [juve—„полная“ 2 л. вин. мн.]. neve na kā ðąn [rег.] izɛm, ené jo atünve—намъ [neve—„полная“ 1 мн. дат., na—„краткая“] онъ далъ [kā ðąn] позволеніе, а не имъ [полная“ дат. мн.]. tɛ lutem me mɛ ðąn [rег.] mū—я прошу [lutem] тебя [tɛ—„краткая“ вин. 2 ед.] сказать [me ðąn] мнѣ [mɛ—„краткая“, mū—„полная 1 ед]. tüt bahet ći...—тебѣ [tü—„полная“ дат. 2 ед., t вм. tɛ—„краткая“] кажется, что... (сѣв.-албанскій текстъ. Pisko. 43). Mue m ąšt pelćüe [ć—сѣверно-rег. вм. k'] libri i djalit atí—мнѣ [mue—rег. „полная“ дат. ед. 1, m вм. mɛ—„краткая“] нравится книга того мальчика...

Выше было отмѣчено, что въ славянскихъ западномакедонскихъ говорахъ отсутствуетъ передача casus obl. (вин.-дат.) посредствомъ одной членной формы существительнаго, безъ „краткой“ формы мѣстоименія при глаголѣ. То же самое явленіе свойственно и албанскому языку во всѣхъ его діалектахъ.—При употребленіи въ casus olb. нечленной формы существительнаго „краткая“ форма мѣстоименія отсутствуетъ. Положеніе conjunct. мѣстоименія опредѣленное: оно находится передъ глаголомъ и рѣже (при 2 л. повелит. н.) за глаголомъ, какъ и въ славянскихъ говорахъ западной Македоніи.

e [къ „motrɛn“] püeti (pveti—rег.) motrɛn—онъ спросилъ сестру [e motrɛn; e—„краткая“ ф. мѣстоименія вин. ед; motrɛn—вин. членной формы сущ. motra]. Но „краткой“ формы нѣтъ въ такихъ предложеніяхъ, гдѣ существительное въ casus obl. неопредѣленное, въ нечленной формѣ. Напр.: mɛ kā škrúare (škrue—rег.) ńe (iń—rег.) letɛr—онъ написалъ

[1]) Указанія см. въ изданіяхъ: G. Meyer. Alb. Gram. 24. Weigand. Alb. Gram. 58. Pekmezi. Gram. d. alb. Spr. 132. J. Pisko. Handbuch der nordalban. Spr. 29. A. Dozon. Manuel de la langue chkipe, 301.—Изъ образцовъ, находящихся въ этихъ книгахъ, а также изъ „Текстовъ“ Педерсена взяты приводимые ниже албанскіе примѣры.

[kā škrúare] мнѣ [mɛ] письмо [одно [ńe-] письмо: ńe letɛr, но не letra—член.]. Въ зависимости отъ того, что сущ. здѣсь въ нечленной формѣ, отсутствуетъ и „краткая“ форма мѣстоименія [e] передъ глаголомъ. Если бы рѣчь шла объ опредѣленномъ письмѣ, то было бы сказано такъ: ma [изъ mɛ—e] kā škrúare letrɛn. e [къ членной формѣ сущ. štɛpīn] kam pā štɛpīn e mikut—я видѣлъ [kam pā] домъ [e štɛpin вин. член.] друга; но—kam pā ńi štɛpī tɛ mikut—я видѣлъ одинъ домъ [ńi štɛpī] друга. jati i [къ birit] ⱥa tɛ birit dūt—отецъ сказалъ второму сыну [i tɛ birit dūt; i—„краткая“ ф. дат. ед.]. Mićvet jau kam čue penlat e miknèšavet ju kam čue ńi liber (сѣв.-гег.)—Я послалъ [kam čue] друзьямъ [mićvet-ju] перья [penlat] и друзьямъ-женщинамъ [miknèšavet -ju] я послалъ одну книгу.—jau (тоск. -jua) изъ ju-i, гдѣ ju—„краткая“ форма дат. мн. въ зависимости отъ членной формы существ. дат. мн. mićvet. i—„краткая“ форма вин. мн. въ зависимости отъ членной формы существ. вин. мн. penlat. miknèšavet ju—дат. мн. существ. и conjunct. мѣстоименія. Отсутствуетъ здѣсь i [jau←ju i] потому, что для casus obl. служитъ нечленная форма существ.—ńi liber, а не—librin. Ср. также расположеніе формъ для casus obl.,—такое же, какъ и въ славянскихъ говорахъ Македоніи. Rencakut nuk i besòjn -лжецу не вѣрятъ. Rencakut—член. дат., i -дат. „краткой“ формы мѣстоим. Ju kam ⱥan gravet t uja ći...—Я сказалъ вашимъ женщинамъ, что... Ju—„краткая“ ф. дат. мн.—къ gravet—сущ. член. дат. мн. Atūne djelmve ju kā dek e ama e vet—У тѣхъ мальчиковъ [дат. мн.] умерла [kā dek] ихъ мать. Cilvet djelm jau kē ⱥan librat a mī? -Какимъ мальчикамъ [cilvet djelm и „краткая“ ф. ju] ты отдалъ мои книги [i-передъ глаг. (ju-i→jau) и librat—член. ф. сущ.].

Повелит. н. Ja [←i-e] dɛftoni tregun nuses!—Покажите молодой женщинѣ [nuses] базаръ. „молодой женщинѣ“—i [мѣстоим.]... nuses [сущ. член. дат. ж.] e- мѣстоим. (вин.) относится къ tregun (чл. вин.). Jau[←ju-e] dɛfto kopštin nerɛzvet!—Покажи садъ мужчинамъ. „мужчинамъ“—ju... nerezvet. e—къ kopštin (чл. вин.).

Наконецъ, отмѣтимъ употребленіе формъ для casus obl. при вопросѣ. Если въ этомъ случаѣ является винит. пад. и существительное употребляются передъ глаголомъ,

„конъюнктное“ мѣстоименіе отсутствуетъ. Если же глаголу предшествуетъ форма дат. п., то является двойная передача casus obl.—1) cilin kalém kē g'ēt?—чье перо ты нашелъ? 2) kuj (или tɛ cilit ńeriu) ja[←i- e] kē ɔ̂an kalemin?—Кому (или „какому человѣку [мужчинѣ]“) ты отдалъ перо?

Соотвѣтствующее явленіе знаютъ и румынскіе діалекты. Что касается положенія „конъюнктнаго“ мѣстоименія, то оно обычно находится непосредственно передъ глаголомъ изъяв. н. и непосредственно послѣ глагола въ повелительномъ наклоненіи (когда глаголъ безъ отрицанія; при отрицаніи мѣстоименіе употребляется проклитически); энклитикой „краткая“ форма мѣстоименія является и при герундіи [1]). Въ нѣкоторыхъ говорахъ мѣстоименной проклитикой можетъ начинаться предложеніе. Такіе примѣры можно отмѣтить изъ мегленскихъ и аромунскихъ говоровъ (см. ниже).

Нѣсколько примѣровъ. 1) Аромунскіе говоры. Dô [2]) ń a ńia—дай мнѣ [ń—„краткая“ форма + a ńia—„полная“ форма дат. личн. 1]. kôrts a ńia sô ń pitréts—присылай [sô... pitréts] мнѣ [a ńia—ń] письма [kôrts]. ta sô ń adžutô š a ńia—да поможешь и [š]мнѣ [ń... a ńia]. mine ku kae va s me aláš—съ кѣмъ ты меня [mine... me—винит. ед.] оставишь. z dedu kaplu a tsíe—я далъ тебѣ голову; тебѣ—z—„краткая“ ф. дат. 2. ед., a tsíe—„полная“. a lor kara lô intrô—когда они вошли къ нимъ. a lor—„полная“ форма дат. мн. 3; lô—„проклитика“ того же падежа [3]).

2) lilitša s o arúp—чтобы цвѣтокъ [lilitša—член. сущ. жен. р.] я сорвалъ; o—„краткая“ форма вин. ед. жен., относится къ lilitša. ń o akôtsaį šô ń o bôšáį, daǫli tsûtsô li akôtsáį—я (себѣ, мнѣ—ń) схватилъ ее [o] и (себѣ—ń) цѣловалъ ее, обѣ груди [daǫli tsûtsô...li] схватилъ; li—проклитика вин. мн., въ зависимости отъ предшествующаго существ. tsûtsô. Dado, nvęasta nu ń o ñgatše—Мама, не ругай [nu... ñgatše] мою молодую жену [nvęasta... ń o...]. Bôsilôǫlu o lo nvęastô sa nôpoį, mušata o dęade atselúį ma mare—Царь взялъ [lo] опять [nôpoį] свою жену [o... nvęastô sa]; красавицу [mušata (член. сущ.) o] далъ старшему. ali Džanfik'e l'i gri—онъ сказалъ Джанфикѣ [ali

[1]) H. Tiktin. Zur Stellung der tonlosen Pronomina und Verbalformen im Rumänischen. „Zeitschr. f. rom. Phil“. Bd. IX. 590—592.

[2]) Вмѣсто ô записей Вейганда употреблямъ ô, вм. ǫ тѣхъ же записей—ô.

[3]) Изъ текстовъ Вейганда. Die Aromunen. II, 24, 82, 12, 76, 222, 160.

Dž. l'i; —l'i—проклитика дат. ед. ж.]. nôs a fraslor lô dzûtsę́á, š a mô sôį l'i spuną́—онъ сказалъ [nôs...dzûtsę́á] братьямъ [a fraslor lô .,—lô—проклитика дат. мн.], и своей матери [a mô l'i...] проговорилъ. kôtsé nu lô džûts a fratslor [1])—почему ты не скажешь братьямъ;—„братьямъ"—lô—проклитика, дат. мн.,—существ. дат. мн.—a fratslor.

Мегленскіе говоры. ši la lôsó šárpili—и убилъ змѣю;—la—проклитика винит. ед. муж., въ соотвѣтствіи член. существ. šárpili. Tou fitšor la mutškó un šapri—твоего сына [tou fitšor la...] укусила змѣя. ši la lo ursōnįa fitšōru—и медвѣдица взяла мальчика [la... fitšōru]. La pusi ursōnįa—медвѣдица его [la] положила; ср. la въ началѣ предложенія. Aǫ drubī ursōnįa, aǫ pusi an ǫalô—онъ раздробилъ медвѣдицу [aǫ... ursōnįa], положилъ ее [aǫ] въ горшокъ; aǫ—проклитика винит. ед. ж. И въ этомъ примѣрѣ „краткая" форма мѣстоименія находится въ началѣ предложенія. žungļô-la śarpili—убей змѣю [-la- „краткая" ф. мѣстоим. вин. муж. къ член. существ. šaprili]. ši alį dedi ši la mātsa—и дала и кошкѣ [alį „краткая" ф. мѣстоим. дат. ед. жен. къ член. существ.... la mātsa, la mātsa—дат. ед. существ. [2]).

Двойныя передачи для вин. и дат. дополненія свойственны и дако-румынскимъ говорамъ [3]).

При отсутствіи изслѣдованій о судьбахъ отдѣльныхъ восточно-балканскихъ языковъ, объ измѣненіяхъ, пережитыхъ каждымъ изъ нихъ въ прошломъ, мы вынуждены ограничиться и въ данномъ случаѣ лишь констатированіемъ параллелей въ одинаковой передачѣ приглагольнаго дополненія (вин.-дат.). Можетъ быть, для рѣшенія вопроса о происхожденіи указаннаго синтаксическаго явленія прольетъ немного свѣта слѣдующее обстоятельство. Въ романской языковой области такую передачу casus obl. представляетъ не одна только румынщина,—ее знаютъ и другіе романскіе языки, и эта передача отражается уже въ раннихъ памятникахъ романской письменности [4]). Синтаксическимъ новше-

---

[1]) Изъ тѣхъ же текстовъ: 26, 154, 248, 160, 158, 244.

[2]) Weigand. Vlacho-Meglen. Тексты: 69, 70, 72, 73, 73, 70, 60.

[3]) H. Tiktin. Die rumänische Sprache. „Grundriss d. rom. Phil." I, 459. Meyer-Lübke. Gram. d. rom Spr. III, 424.

[4]) F. Diez. Grammatik d. rom. Spr. 2 Ausg. 1860. III. 61. Meyer-Lübke, op. cit. III, 424—426.

А. Лескинъ, въ коротенькой замѣткѣ на стр. 28-ой сборника: Festschrift Whitley Stokes" (Leipzig, 1900), считаетъ, что слав.-македонское соче-

ствомъ, свойственнымъ румынскимъ діалектамъ Македоніи, представляется бо̀льшая свобода въ проклитическомъ употребленіи „краткой“ формы личнаго мѣстоименія: она можетъ находиться передъ глаголомъ, начинающимъ предложеніе,—явленіе, характеризующее собою также діалекты албанскіе и славянскіе юго-восточной и западной Македоніи.

Ударѐніе.

Мѣсто ударенія въ говорѣ Дидаскаліи опредѣленное: на 2-мъ слогѣ отъ конца въ двухсложномъ словѣ и на 3-мъ въ словѣ, состоящемъ изъ бо́льшаго числа слоговъ. Говоры, имѣющіе такую систему ударенія, занимаютъ всю центральную, юго-западную и западную части Македоніи.

Говоры Македоніи представляютъ 5 акцентныхъ системъ. 1. Говоры въ областяхъ Кратова, Кочани, Штипа, Радовишта, Струмицы имѣютъ ударѐніе на одномъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ (_ _́ _̀ _̂). Ударѐніе постоянное въ разныхъ формахъ одного и того же слова. Въ рядѣ категорій произошла передвижка ударенія къ началу слова.—па́зуа, ко́шница, друга́р, ора́ч, греота́, дури́, гра́до, гра́дове, гла́ва, -та, де́те, сърце-ср̀це, пле́теш, пле́теме, пле́те', пле́теше, плето́', плете́ (аор.), стана́л, плете́н, пле́ти (пов.). — Къ этой группѣ близки по ударенію и говоры Малешова и Піянеца: и въ этихъ говорахъ произошла во многихъ случаяхъ передвижка мѣста ударенія къ началу слова, но не во всѣхъ

таніе „Pronominale Prolepsis nominaler Objecte“ „необходимо покоится на чужомъ вліяніи“. Отмѣчая употребленіе мѣстоименной проклитики въ началѣ предложенія, представляемое албанскимъ языкомъ, онъ считаетъ повидимому это вліяніе со стороны албанщины.—На „шкипетарское“ происхожденіе этихъ „повтореній“ указывалъ еще Миклошичъ (Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschr. VII, 146).—Но и въ румынскихъ говорахъ Македоніи мѣстоименная проклитика можетъ находиться въ началѣ предложенія. Кромѣ того, нуждается въ существенномъ дополненіи и замѣчаніе Лескина о случаяхъ употребленія мѣстоименныхъ проклитикъ для casus obl.: онѣ имѣютъ мѣсто не голько тогда, когда за глаголомъ „слѣдуетъ винительный или дательный объектъ“, но и тогда, когда эти объекты предшествуютъ глаголу. Какъ было отмѣчено выше, употребленіе „краткой“ формы мѣстоименія не зависитъ отъ положенія имени въ предложеніи, а зависитъ отъ того, чтобы это имя относилось къ извѣстному предмету, было бы передано въ членной формѣ или въ сочетаніи съ указательнымъ мѣстоименіемъ. Ср. сообщенные нами примѣры, ясно опредѣляющіе категоріи употребленія „краткихъ“ формъ мѣстоименій при casus obl.

тѣхъ категоріяхъ, гдѣ она представлена въ штипскихъ говорахъ.—детé, сърцéто (малеш. с. Пехчово. „Новини“, II, № 48). 2) Говоры Водена, Меглена, Гевгели, а также говоры по ту сторону Вардара—Дойрана, Кукуша и сосѣднихъ солунскихъ селъ имѣютъ также постоянное мѣсто ударенія для однихъ и тѣхъ же словъ. Подвижка произошла въ тѣхъ же случаяхъ, что̀ и въ штипскихъ говорахъ. Но мѣсто ударенія представлено на одномъ изъ двухъ послѣднихъ слоговъ (_ _ ˈ _). Для всѣхъ говоровъ 1-ой и 2-ой группъ общей чертой является удареніе въ глагольныхъ формахъ: въ формахъ наст. вр. удареніе находится не на послѣднемъ слогѣ, въ формахъ аориста, прич. прош. удареніе на послѣднемъ слогѣ,— не считая окончаній -а, -о, или -е -і (-іа,-іо, -іе, -іі) формъ причастій.—3) Говоры Тиквеша и Маріова. Удареніе падаетъ на предпослѣдній или на 3-ій отъ конца слова слогъ (_ ˈ _ _). 4) Говоры Лерина, Кайляра, Костура, Корчи—съ опредѣленнымъ мѣстомъ ударенія: на предпослѣднемъ слогѣ (_ _ ˈ _). 5) Говоры запада и центра также съ опредѣленнымъ мѣстомъ ударенія: на третьемъ слогѣ отъ конца слова(_ ˈ _ _). Это говоры въ областяхъ Рѣсена, Охрида, Струги, Дебра, Полога, Кичева, Битоли, Прилѣпа, Велеса, Скопья (Б. Цоневъ. Къмъ историята на бълг. езикъ. Сбм. XIX, 21—37. A. Leskien. Die Betonungstypen des Verbums im Bulgarischen. Arch. XXI, 1—5).

Въ говорахъ послѣдней группы мѣсто ударенія въ словахъ въ отдѣльномъ ихъ употребленіи не совпадаетъ съ мѣстомъ ударенія при нахожденіи этихъ словъ въ предложеніи: нѣсколько рядомъ стоящихъ словъ опредѣленныхъ категорій представляютъ при извѣстныхъ условіяхъ одно цѣлое въ акцентномъ отношеніи. Нѣсколько примѣровъ. Рѣсенъ: бéў-леб, белиóт-леб (Псп. XLI—XLII, 875); пóкраі̯ оваá-река от онаá-стърна растi̯а големи̯ върби (iв. 884); бог-доó[да го]-прости (iв. 885); покосетé-ми-и ливái̯г'ено (iв. 893) и др. Подобное распредѣленіе удареній въ предложеніяхъ можно указать и для другихъ западныхъ, юго-западныхъ, а также центральныхъ говоровъ. Анализъ случаевъ употребленія фразеологическихъ удареній сдѣланъ Х. [Тр. Китанчевымъ] въ статьѣ: „За ударението върху думитѣ въ рѣсенский говоръ“ (Псп. XLI—XLII, 857—915) и Дримколовымъ [Хр Матовымъ] въ статьѣ: „Акцентовката на единъ обсегъ западнобългарски говори“ (Сбм. IX, 391—408). Воз-

можно, что и въ говорѣ Дидаскаліи было такое же фразеологическое удареніе. Но написанія Дидаскаліи затемнены греческой манерой постановки знаковъ ударенія надъ каждымъ отдѣльнымъ написаніемъ и не представляютъ данныхъ для опредѣленія мѣста ударенія въ фразѣ. Къ тому же, для составителя имѣли главное значеніе отдѣльныя слова, ихъ соотвѣтствія съ другими параллелями. Для отдѣльныхъ словъ указанія на мѣсто ударенія имѣются почти въ каждомъ написаніи. Ограничимся немногими примѣрами. -го́спот 116, ра́ка 134, сла́ма 162, тре́ва 162, ко́га 118.., ка́де 126.., мо́рето 116, езе́рата 116, си́рин'е 119, же́лезо 121, бори́ната 154, лопа́тата 165, и́глата 135, пазу́ата 173, фо́ртоми 157, форто́мата 174, о́фчарот 168, че́тфорток 127, убе́тките 155, петли́ците 156, пани́ците 158, ве́лигден 178, калог'е́рите 177, калоги[η=е]ри́ците 177, приате́лите 133, изва́доа 116, изле́гоа 116, жи́виме 121, отфо́рени 168, о́тфориш 147, до́несит 142, у́греит 147, о́блечен 127.

Въ нарѣчіи odva Дидаскалія имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: ὀτβά 158. Такъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ: одва́ị: Охрида (Шапк. VIII, 128), Кичева („Новини", III, № 40), Прилѣпа (Сбм. VIII, 178, XX, 32), Битоли (Сбм. XV, 321), Рѣсена (Псп. XLI—XLII, 866), Велеса (Сбм. VII, 478). Въ М. Рѣкѣ: едва́ị (Изв. на сем. II, 302). Слова godina, godini въ Дидаскаліи имѣютъ удареніе по общему правилу на 3-мъ слогѣ: го́dina, -i: 123, 138, 171. Но въ образованіи godinaa, имѣющемъ значеніе „въ этомъ году", удареніе находится на -па-: λάννι ἤ κωτινάα, Ῥωμ. πέρχυ καὶ φέτω 129. Такое же различіе въ значеніи godina и godinaa (-ā—aava) представляютъ и другіе македонскіе говоры. Охридъ: година́ава=въ этомъ году (Сбм. II, 187); ни година́ава и́маме Ве́лигден ни в го́дина! (Шапк. VIII, 86). Прилѣпъ: година́ава, а также—зима́ава, есена́ава, вечера́ава, утрина́ава; лето́ово, зимо́ово (Сбм. XX, 22). Также въ Рѣсенѣ (Псп. XLI—XLII, 866): годи́нава бъ́рго по́мина; но—година́ава вре́мето бе́ше дождливо. То же въ Кичевѣ: година́ава („Новини", III, № 40).

Въ говорѣ Дидаскаліи, какъ и въ другихъ западномакедонскихъ говорахъ, заимствованныя слова имѣютъ мѣсто ударенія согласно съ общей системой ударенія въ этихъ говорахъ. Въ другихъ параллеляхъ, аромунской и албанской, тѣ же заимствованныя (преимущественно изъ ту-

рецкаго) слова обычно сохраняютъ прежнее мѣсто ударенія: ударе́ніе на послѣднемъ или предпослѣднемъ слогѣ заимствованныхъ словъ не противорѣчило ихъ системѣ ударенія. Заимствованный словарь по всѣмъ параллелямъ Дидаскаліи будетъ представленъ въ качествѣ приложенія ко II тому. Здѣсь ограничимся немногими примѣрами.—1) [на] а́надол, аром. ἀνατολίε, алб. ἀνατολία, греч. [εἰς] τὴν ἀνατολήν (124); въ карамалицкой параллели солун. изд. анадол[дà] 4 об. Тур. anadolu ←н. греч. ἀνατολή. 2) за́ман, аром. ζαμανε (Leake: zemán), алб. ζαμάν (131). Тур. zamán [1]). 3) и́хтиза, аром. ἰχτιζάια, алб. ἰχτιζᾶ (118). Тур. iqtizâ. 4) ка́фесот, аром. καφάσσα, алб. καφάσσ (123). Карамал. καφές[τε]. 4. Тур. kafés,-ás. 5) рак'иа, аром. ῥακύε, алб. ῥακκί, греч. ῥακὴν (135). Тур. rake. 6) архо́нтите, аром. ἄρχονσ[τ]ζιλλ, греч. οἱ ἄρχοντες (146) и др. Въ немногихъ случаяхъ въ заимствованныхъ словахъ Βουλγάρικα имѣетъ ударе́ніе на послѣднемъ или предпослѣднемъ слогѣ.—ачи́к мави́-, но—ма́виата сфи́та 177. г'емиа 136, захме́т 126, дзара́р 126, но на 144—за́рарот, милиу́н 181, рофе́а 165.

Общая характеристика македонскихъ говоровъ.

На основаніи вышеизложеннаго изслѣдованія македонскихъ діалектовъ можно представить въ такомъ общемъ видѣ главныя измѣненія въ области звуковъ, формъ, синтаксиса, пережитыя этими діалектами.

Черты обще-македонскія. 1) *tj(*kt')→šč(št), *dj→žđž(žd), кромѣ говоровъ на сѣверѣ, которые, м. б., издавна шли инымъ путемъ въ измѣненіи раннихъ праславянскихъ сочетаній tj- dj. 2) „Сильное“ ъ→о, „сильное“ ь→е. 3) ǫ→ъ, съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ, въ *а* или *о*. 4) *tъr(l)t, *tьr(l)t, *tr(l)ъt, *tr(l)ьt→tr̥t, tl̥t →tᵊr̥t, tᵊl̥t, съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ: по направленію утраты плавными слогового значенія и развитія слоговыхъ гласныхъ при нихъ (или вм. l̥). 5) Стадія съ слоговымъ r̥ въ замѣнѣ начальнаго гъ- передъ слогомъ съ гласнымъ полн. образованія, перенесеніе r̥ въ сочетанія вм. *гъ- съ

[1]) Ударе́ніе въ турецкомъ на послѣднемъ слогѣ. См въ статьѣ W. Pröhle: „Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen“. „Keleti Szemle“. 1911. № 3, 199—213.

„сильнымъ“ ъ (r̥ž—r̥š); дальнѣйшее измѣненіе въ сочетаніе съ гласнымъ слоговымъ ъ передъ r: ъr. 6) Замѣна начальныхъ сочетаній *lь-, *lъ-, *mь-, *mъ-, *tь-, *tъ- съ прежними „слабыми“ ъ, ь сочетаніями lъ-, mъ-, tъ-, съ ъ-, раздѣлявшимъ судьбу ъ, не охваченнаго раннимъ процессомъ измѣненія „сильнаго“ ъ въ o: такое ъ или сохраняется или измѣняется въ ă, a, o. 7) Конечныя сочетанія *-trъ(ь), *-tlъ(ь)→... →-tъr, -tъl[tъł], съ дальнѣйшимъ діалектическимъ измѣненіемъ, въ особенности группы -tъł въ -toł. 8) Конечное *-tmь→... -tъᵘm→-tom→-toᵘm→-tum или *tmь→...-tъᵘm→-tum,—т. е. значительное лабіализующее воздѣйствіе конечнаго m на предшествовавшій ему гласный, отражающееся какъ въ этой категоріи звуковыхъ сочетаній, такъ и въ другихъ случаяхъ. 9) Въ измѣненіи *-iı̯e[a] утрата гласнаго, предшествовавшаго сочетанію ı̯e(ja), ассимиляція ı̯ съ предшествовавшимъ зубнымъ согласнымъ n, t, d, a по говорамъ и съ другими согласными—l, r, z, ž, s, губными. 10) *ě→'ä→e, при діалектическомъ ca←*cě. 11) Сочетаніе —губ. согл.+l' (epenth).+ глас.— неначальнаго слога замѣнилось сочетаніемъ — губ. согла́с. + ı̯ + глас.— или —мягкій губ. соглас. + глас.—,—дальнѣйшій результатъ измѣненія предшествующаго сочетанія (съ ı̯); діалектически вм. -mı̯a находится -mn'a. 12) Возникновеніе ı̯ послѣ гласнаго передъ палатальнымъ n', k'(g'). 13) u̯. Образованіе замѣнителя праслав. u̯ въ начальномъ слогѣ передъ сонорнымъ звукомъ при пассивномъ (ненатянутомъ) положеніи голосовыхъ связокъ,—образованіе, распространенное во многихъ македонскихъ говорахъ. Утрата u̯ въ сочетаніяхъ stu̯[o], u̯s, u̯z. Утрата u̯ между гласными, но проведена она въ однихъ областяхъ (на западѣ и въ центрѣ) значительно, въ другихъ (на востокѣ) слабо. u̯→v→f передъ и за глухими согласными. 14) Слабо-фрикативное, широкаго образованія ch, переходъ его въ билабіальный звукъ съ слабо звучавшей струей воздуха ($\overset{\smile}{\text{ꝼ}}$), утрата его между гласными, а по діалектамъ и въ другихъ положеніяхъ. 15) chu̯ замѣнилось однимъ билабіальнымъ звукомъ (f или w), переходившимъ по діалектамъ въ губно-зубной (f или v). 16) f заимствованныхъ словъ передавалось такъ же, какъ замѣна chu̯. 17) Возникновеніе палатальныхъ k'—g' (по говорамъ болѣе задняго или болѣе передняго образованія) a) вм. вторичныхъ tı̯—dı̯ (по утратѣ редуцированнаго гласнаго передъ ı̯); b) вм. k—g передъ гласными i, e; c) въ заим-

ствованныхъ словахъ вм. k'—g'; d) по говорамъ (на юго-востокѣ и востокѣ) вм. k—g послѣ j(i̯), l', n', а также вм. конечнаго -tь. (на ю.-востокѣ). Палатальные k'—g' представляютъ собою и замѣну *tj—*dj на сѣверѣ Македоніи. Тѣ же согласные распространились въ центрѣ и въ прочихъ краяхъ Македоніи, вытѣснивъ почти совсѣмъ или только въ отдѣльныхъ словахъ šč(št)—žd̄ž(žd),—замѣны *tj—*dj. 18) Измѣненіе *l' по направленію къ l и далѣе къ ł. 19) Развитіе аффрикатъ d͡z вм. z и (рѣже) d͡ž вм. ž. 20) čr→cr, при діалектическомъ сохраненіи č въ отдѣльныхъ словахъ, вслѣдствіе развившагося гласнаго (e, i) между č и r въ сочетаніи čret-,—развившагося раньше čr→cr. 21) sr→str, zr→zdr. 22) Утрата (непослѣдовательная) d, g между гласными въ заударномъ слогѣ. 23) Утрата начальнаго t[d] передъ согласнымъ (š). 24) Нефонетическое вытѣсненіе сочетаній -sten, -zden (прилагат. муж. ед., съ e вм. ь „сильнаго“) сочетаніями -sen, -zen (или zn+en) подъ вліяніемъ формъ съ сочетаніями, гдѣ были sn, zn (съ утраченнымъ ь „слабымъ“). 25) Начальное pš→pč(→č). 26) Конечное st→sᵗ и обычно→s. 27) Отвердѣніе конечныхъ согласныхъ, находившихся нѣкогда передъ ь. 28) Звонкіе конечные согласные перешли въ соотвѣтствующіе глухіе. 29) Интенсивность суффиксовъ -ok-, -ec-, -en- въ именахъ и -na- (изъ -nъ-←*-nǫ-) въ глаголѣ. 30) Утрата ряда падежныхъ формъ, передача дат. посредствомъ na+форма „общаго“ (имен.-вин.) падежа, передача творит. и мѣстн. сочетаніемъ соотвѣтствующаго предлога съ формой „общаго“ падежа. 31) Окончанія для сущ. множ. ч.: широкое употребленіе i̯e—'e или i̯a—'a, in'a; išta. 32) Обобщеніе окончанія для сред. р. ед. прилагат.: *o* и въ основахъ съ твердымъ и съ мягкимъ согласнымъ передъ окончаніемъ. 33) Одно окончаніе i формы множ. ч. прилагат. для 3 родовъ (отъ формы муж. р. множ.). 34) Сравнит. степень: po+основная форма. 35) Въ формахъ мѣстоименій. a) Распространеніе мѣстоименныхъ формъ посредствомъ -i̯e или -i̯a, u̯a послѣ o (toi̯a—tova, onogoi̯a—va..), -zi, -ze, -zeka. b) Формы вин. множ. ne, ve—по аналогіи съ формами ед. me, te. c) nego, go служатъ вин. для муж. и сред. ед. d) Проникновеніе ne- и въ форму („полную“) вин. ед. жен. (nei̯a). e) Для винит. множ. одна форма—i (g'i). f) Твердость начальнаго согласнаго n въ формахъ мѣстоим. съ прежней основой *i̯o-*i̯e. g) toi̯—муж. ед., съ гласнымъ *o*. h) „Краткія“ формы дат. ед. и мн. mi, ti, si, ni, vi, mu, i(i̯e),

im употребляются вм. формъ притяжательныхъ мѣстоименiи moi, tvoi и т. д. i) Одна форма во множ. для 3 родовъ мѣстоименій ti[i]e, ovi[i]e, oni[i]e (или съ [i]a вм. [i]e). 36) Членныя формы именъ и мѣстоименій. 37) Глаголъ. Обобщеніе гласнаго въ окончаніи для 1 ед. и 3 мн. наст.,—гласнаго, представляющаго замѣну ѫ (за отступленіемъ юго-зап. говоровъ въ окончаніи для 3 мн.). 38) Обобщеніе одного окончанія для формы 1 л. множ. me. 39) Обобщеніе гласнаго (замѣны ѣ) для основъ (-e, -i) имперфекта. Окончаніе chme, chte, chѫ (cha; или che) въ формахъ имперфекта и аориста множ. 40) Передача будущаго времени посредствомъ k'e (k'a)+форма наст. вр. даннаго глагола. 41) Форма повелит. н. 2 мн. на -ete въ осн. на -e и на -i, съ позднѣйшими діалектическими новообразованіями. 42) Формы причастія на -l образованы отъ двухъ основъ: имперфекта и аориста. 43) Окончаніе формы прич. прош. множ. -le для 3 родовъ. 44) Въ формахъ причастія прош. вр. страд. з. въ основахъ на -i утраченъ результатъ фонетическаго измѣненія *tj, *dj, *stj, *zdj, *nj, *lj, губ. согл.+l'epenth. и замѣненъ по аналогіи съ другими формами согласными t, d, st, zd, n, l, губ. согл. 45) Утрата infinitiv'a и замѣна его conjunctiv'омъ иногда съ предшествующимъ za (za da=форма наст. вр.). 46) kъde [→kade, kode] вм. *kǫdě употребляется въ значеніи „гдѣ“, „куда“, „къ“, „у“ („при“), опредѣлительнаго союза „что“. Послѣдовательно проведенная дифференціація въ употребленіи нарѣчій 1) toku (tuku, при рѣдкомъ toko)=только, лишь и 2) tolku (toɫku, toǫku, tol'ku)=столько. 47) Двойныя формы винит. и дат. приглагольнаго дополненія („краткая“ форма мѣстоим. и форма [вин. или дат.] имени). „Краткая“ ф. мѣстоименія, какъ проклитика, можетъ находиться въ началѣ предложенія (кромѣ говоровъ сѣв.-восточнаго Завардарья).

Черты діалектическія. Вся область Македоніи въ діалектическомъ отношеніи раздѣляется на двѣ группы: 1) область къ западу отъ Вардара и Черны: между южной излучиной Черны, Преспанскимъ и Охридскимъ озерами на югѣ и юго-западѣ, западные предѣлы Дебърскаго края и Шаръ-Планины—на сѣв.-западѣ, Пологъ, Скопье—на сѣверѣ, Вардаръ до Черны, Черна—на востокѣ; 2) области юго-восточныхъ предѣловъ Македоніи, къ югу отъ южной излучины Черны, между Преспанскимъ и Островскимъ озерами (Кайляръ, Леринъ), область къ востоку отъ Черны и затѣмъ

область между Вардаромъ и Струмой, включительно съ южной частью Кратовскаго округа. Ко второй группѣ относимъ и область Костура: говоры этой области представляютъ явленія, общія съ говорами и западной и восточной группъ; но бо̀льшее значеніе для Костурской области имѣютъ восточно-македонскія черты.

1) Западная группа. Членная форма муж. ед. оканчивается на -ot, къ востоку -ot | -o. ch (t͡ʃ)→f передъ согласнымъ. Значительная утрата ц между гласными. Конечное сочетаніе -tъl (-tъł)→tol (-toц). Окончаніе -o[ц]i въ существ. муж. мн. Сочетаніемъ -i̯e распространены формы мѣстоименій: ni[i̯]e, vi[i̯]e, ti[i̯]e. Какъ общій давній архаизмъ—образованіе съ -ьn- [i̯]edьnъ→eden. Членныя формы троякаго образованія, съ окончаніями 1) на -ot | -o (м.), -ta (ж.), -to (ср.) въ ед., на -te (м. и ж.), -ta (ср.) во множ.; 2) на -ov (м.), -va (ж.), -vo (ср.) въ ед., -ve (м. и ж.), -va (ср.)—во множ; 3) на -оn (м.), -na (ж.), -no (ср.) въ ед., на -ne (м. и ж.), -na (ср.) во множ. Форма 3 ед. наст. вр. на -t. set› se—3 множ. для „быть“. Предлоги so | s, vo | v. ušče (ušte). ot вм. na при genet. possess. существительныхъ. Ударѐніе на третьемъ отъ конца слогѣ. Фразеологическій характеръ ударенія.

Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ свойственны и сосѣднимъ говорамъ на юго-востокѣ: костурскимъ, кайлярскимъ, лерин-скимъ: -oці (и въ Воденѣ), eden, so | s, vo | v.

2) Юго-восточная группа. Членная форма муж. ед. на -o или -ot | -o. -i̯o[t]—окончаніе членной формы прилагат. муж. ед.. ca (*ца*) вм. *cě. Окончаніе формы множ. сущ. муж. -oце, -ove (кромѣ говоровъ южнаго угла). Распространеніе формъ мѣстоименій посредствомъ -i̯a: ni[i̯]a, vi[i̯]a, ti[i̯]a... Мѣстоименія on, ona, ono, oni. Давнишнее образованіе для „1“ съ -in-: *[i̯]edinъ (edín, adín). Формы 2 л. наст. вр. оканчиваются на -eš (→iš, какъ неударенное), 3 л.—на -e. Форма 3 л. множ. наст. оканчивается на -at (и въ основахъ на -a). sa—3 мн. для „быть“. Предлогъ sos (при s, so). Въ соотвѣтствіи западно-македонскому vo | v употребляются по говорамъ uv (при v), u. Нарѣчіе ošte (ošče). Ударѐніе въ формахъ глагола: не на послѣднемъ слогѣ въ наст. вр. и на послѣднемъ въ аор. и прич. прош. вр. (кромѣ говоровъ Лерина-Костура).

Типичныя особенности 2-ой группы представляютъ говоры въ областяхъ къ востоку отъ Островскаго озера (между Черной и Вардаромъ: Воденъ-Мегленъ) и къ востоку отъ Вардара. Самая южная часть 2-ой группы, костурско-кайлярско-леринскіе говоры, раздѣляетъ рядъ явленій, общихъ съ говорами первой группы: ср. указанное выше и отсутствіе са вм. сĕ toi вм. оп. Еще больше общихъ чертъ съ сосѣдними западными говорами въ говорахъ костурскихъ (форма 2 л. и 3 л. ед. на -iš, -i; см. ниже). Но говоры Кайляра и Лерина ближе стояли къ говорамъ, сосѣднимъ на востокѣ: воденско-мегленско-кукушскимъ: ср. окончаніе 2 л. и 3 л. ед. -eš, -e, измѣненіе неударенныхъ e→i, o→u.

Въ западно-македонскихъ говорахъ выдѣляется нѣсколько діалектическихъ группъ. 1) дебърская, 2) охридская, 3) центральная, 4) тиквешско-маріовская, 5) велесско-скопская, 6) горне-положская, 7) дольне-положская.

Особенностью, характеризующей дебърскую группу является вторичное измѣненіе *ъ* въ *о*. Затѣмъ слѣдующее новообразованіе. Вліяніе формъ 3 л. множ. наст. съ окончаніемъ -et (изъ -ѧт и ᵓѧт) на окончаніе формъ для прочихъ основъ. Дальнѣйшій процессъ въ М. Рѣкѣ: окончаніе -it въ формѣ съ основой на -i. Гласный -e, какъ окончаніе формы 3 л. множ., сталъ употребляться въ имперфектѣ и аористѣ. Въ другихъ явленіяхъ эта группа выдѣляетъ говоры двухъ подгруппъ: 1) Малой Рѣки, 2) Дримкола, Голо-Бърда, Джупы и Поля. Въ М. Рѣкѣ—tr̥t, tl̥t, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ 2-ой подгруппы—tort, tolt (такъ было и въ Г. Рѣкѣ). Въ М. Рѣкѣ рѣдко утрачивается u̯ между гласными; во второй подгруппѣ эта утрата представляетъ обычное явленіе. Въ М. Рѣкѣ болѣе значительно вытѣсненіе сочетаній šč—ždž (вм. *tj—*dj) посредствомъ k'—g'; на западѣ и югѣ k'—g' употребляются рѣже. Формы 2 л. и 3 л. наст. въ М. Рѣкѣ имѣютъ образованіе: гласный основы (a, e, i)+окончаніе, на западѣ и югѣ—*a* или *i* (въ осн. на -e, i)+оконч.

Отношеніе къ сосѣднимъ говорамъ. Процессъ вліянія окончанія формъ 3 множ. наст. съ замѣной прежняго -ѧ[т], ᵓѧ[т] отражался и въ сосѣдней группѣ на югѣ,—въ охридской и далѣе на югѣ—въ костурской. Окончаніе *e* въ формѣ 3 множ. имперф. (и аориста—въ Костурѣ) употребляется и въ этихъ группахъ. Формами наст. 2 и 3

(-iš, -it, -ime, -ite) говоры западно- и южно-дебърскіе объединяются съ сосѣдними говорами на востокѣ и югѣ.

Охридская группа. „Редукція“ неударенаго *а* (а→ъ). Другими чертами охридская (охридско-стружская) группа объединяется съ сосѣдними группами. t̬l̬t→tol̬t. Такъ же и въ Рѣсенѣ (toụt) и въ центральной группѣ. -nica→-n̥'ca →-i̯n'ca→-i̯nca. То же и на юго-востокѣ (въ Рѣсенѣ), на востокѣ (въ Битолѣ) и на сѣверѣ (въ Кичевѣ). Форма дат., винит. множ. nim, nimi. Тѣ же формы и въ Рѣсенѣ, и въ Битолѣ, и въ Кичевѣ. Окончаніе формъ 2 и 3 наст. -iš, -it, -ime, -ite, какъ и въ центральныхъ и въ сосѣднихъ дебърскихъ говорахъ. Форма повелительнаго наклоненія съ окончаніемъ (позднѣйшимъ) -ite. Такъ же и въ Дебърской и далѣе къ сѣверу Положской областяхъ. Окончаніе формы 3 множ. наст. и имперф. съ гласнымъ -е (-et—наст., -[ch]e—имперф.). Въ такомъ же направленіи проходило образованіе этихъ формъ и въ говорахъ къ сѣверу (въ Дебрѣ) и къ юго-востоку (въ Костурѣ).

Центральная группа: Битоля, Кичево, Порѣчье, Прилѣпъ, Маріово, кромѣ сѣверной части. Вторичное измѣненіе *ъ* въ *а* (такъ и въ Велесѣ и дальше къ востоку). t̬l̬t→tol̬t. Окончаніе формъ наст. -iš, -i[t], -ime, -ite въ основахъ на -е, i. Формы 1 л. ед. наст. на -а+m (при -а).

Кичевско-порѣчскіе говоры, примыкая къ центральной группѣ, имѣютъ нѣкоторыя особенности сосѣднихъ говоровъ на западѣ и сѣверѣ: -tor вм. конечнаго *-trъ. mi̯a→mn'a (Порѣчье), sr вм. str (Порѣчье). ja, mi[i̯]e (при ni[i̯]e), k'a въ передачѣ буд. вр. (употребляется и k'e).

Многія явленія, свойственныя западно-македонской группѣ и въ частности ея центральнымъ говорамъ, представлены и въ говорахъ сѣвернаго Маріова и Тиквеша. Но кое въ чемъ говоры этой небольшой полосы, пограничной съ восточно-македонской группой, отступаютъ отъ западныхъ македонскихъ говоровъ и напоминаютъ восточные. Такъ, въ судьбѣ t̬l̬t произошла вокализація l̥ въ ъ: t̬l̬t→tъl̬t (но и нѣтъ еще и послѣ губного соглас.); удареніе не всегда падаетъ на 3-ій слогъ: оно можетъ быть и на 2-мъ и на 3-мъ слогѣ отъ конца.

Велѐсско-скопскіе говоры не раздѣляютъ нѣкоторыхъ результатовъ тѣхъ измѣненій, которыя были пережиты сосѣдними центральными говорами. Такъ, въ формахъ

наст. они не обобщили гласнаго і передъ оконч. 2 и 3 лл. и представляютъ прежнее образованіе: гласный основы (e, i)+оконч. Не развили этого новообразованія и говоры, находящіеся дальше къ западу по верхнему Вардару,—положскіе, и говоры М. Рѣки. Но зато вел.-скопскіе говоры отразили нѣкоторыя черты говоровъ востока и юго-востока. Такъ, вм. предлога *ŭ употребляется u (въ Велесѣ и v, vo): sos | so; tъl при tъlt въ Велесѣ (въ Скопьѣ—tolt); ja (въ Велесѣ ja и jas), mi[i]e при ni[i]e; въ Велесѣ - mja (—замѣна прежняго -ml'a)→mn'a. Для говоровъ Велеса отмѣтимъ судьбу ch послѣ гласнаго передъ согласнымъ: онъ замѣнился гласнымъ неполнаго образованія, по качеству подобнымъ предшествующему: ímaᵃme, ídeᵉme, dójdoᵒme, ízbuᵘna.—Такъ и дальше къ востоку, за Вардаромъ (въ Штипѣ).

Въ составъ скопской группы входятъ говоры города Скопья и селъ Скопской области, кромѣ Скопской Черной Горы. Въ селахъ Скопской Черной Горы, расположенныхъ къ сѣверу отъ Скопья, славянское населеніе составляетъ иную этнографическую группу сравнительно съ населеніемъ Скопья и областей къ югу отъ него. „Црногорци“ имѣютъ свои особенности и въ костюмѣ (бѣлый съ чернымъ гайтаномъ), въ постройкѣ домовъ, близко подходящихъ одинъ къ другому, какъ бы лѣпящихся одинъ на другой; рѣзко отличаются они и по своему говору. Ск.-черногорскіе говоры, не принадлежатъ къ македонской группѣ. Почти въ каждомъ явленіи отмѣчалось выше, что черногорскіе говоры шли инымъ путемъ, одинаковымъ съ говорами Кумановской области (кромѣ Кумановскаго Овчаго Поля), Прѣшевской, южно-моравской. Не повторяя всего изложеннаго выше относительно этихъ говоровъ, отмѣтимъ лишь нѣсколько чертъ. „Сильные“ ъ, ь→ъ (ъ). Членная форма муж. ед. на -at. Конечное *-tmь→tъm (tam). ǫ→u. tl̥t→tut и tlut (slunce, sluza), tlъt въ dlъg-a. ųъ→u, ųъz→uz-. Форма „общаго“ под. основъ на -a оканчивается на -u: od baba, u planinu. Форма множ. основъ на -a имѣетъ окончаніемъ -e: žene, ruke. „Краткая“ форма мѣстоименія вин. ед. жен. gu, „полная“—n'uj, n'um[a], съ мягкостью n', какъ и въ другихъ образованіяхъ съ этимъ мѣстоименіемъ. Форма мѣстоименія вин. муж. и сред. ед. -n'ega, ga; -ga и въ формѣ род.-винит. прочихъ мѣстоименій и сложныхъ прилагат.: od n'egovoga dvora, miloga. Оканчаніемъ формы 1 ед. наст. въ ос-

новахъ на -e, -i является u. По окончанію формы 1 мн. ск.-черногорскіе говоры примыкали къ говорамъ, издавна имѣвшимъ -mo. Форма 3 мн. наст. оканчивается на -v, а форма 3 мн. имперф. на -šev. Обобщенія окончаній формъ имперфекта и аориста не произошло. 2 мн. аориста оканчивается на -ste, а 3 мн. на -še. Нарѣчіе jošte. О другихъ явленіяхъ, тоже отличныхъ отъ измѣненій, переживавшихся говорами Македоніи, говорилось выше. Но и повтореннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какъ рѣзко отличается Скоп. Черная Гора въ діалектическомъ отношеніи отъ Македоніи. Здѣсь, у черногорскаго населенія говоренье издавна было не то, что въ Македоніи; оно складывалось и видоизмѣнялось одинаково съ говореньемъ населенія южно-моравской области. Черногорцы и кумановцы не жили изолированно отъ македонцевъ и кое-что позаимствовали отъ языка послѣднихъ. Здѣсь важно замѣтить, что вліяніе шло съ юга, изъ Македоніи, а не наоборотъ. (Отмѣчавшіеся выше сербизмы въ Македоніи — иного происхожденія). Срав. распространеніе глагольнаго суффикса -na- вм. *-nǫ-, суф. -en- (éden при обычномъ edn̥), спорадическое ł, форму „общаго“ пад. на -*a* въ осн. на -*a*, „краткія“ формы вин. мн. личныхъ мѣстоименій ne, ve. Связи съ Македоніей (сѣв.-восточной) были сильнѣе у населенія села Црешева. Это село издавна находится на границѣ съ черногорскими селами: ср. слова хрисовула краля Милутина: „a мєгє чрѣшевьскє починаютъ: ѿ Чрьнє горє“ (Насељa III, 409). Нѣкоторыя черты говора этого села. Членная ф. муж. ед. оканчивается на -ot. so | sos. *-tmь→-tum. *ъz→z. str. Форма „общаго“ пад. на -*a* (въ основахъ на -*a*). Форма множ. жен. на -i (въ тѣхъ же основахъ). Окончаніе для формы множ. -in'a. Но: вм. „сильныхъ“ ъ, ь находится ъ (кромѣ членной ф. муж. ед. и sos), u вм. *ǫ (въ корнѣ), ga—винит. муж. сред. ед., n'um, gu—вин. жен. ед.; форма 3 мн. наст. на -v, 3 мн. аор. -śe. 1 мн. -mo.

Горне-положская группа. Положскіе говоры представляютъ 2 группы: горне-положскую и дольне-положскую. Говоры Горняго Полога находятся въ ближайшемъ отношеніи къ говорамъ дебърскимъ и кичевскимъ. Но говоры г.-положскіе архаичнѣе дебърскихъ и кичевскихъ, не пережив ни съ тѣми, ни съ другими вторичнаго измѣненія ъ ни въ *o* (по-дебрски), ни въ *a* (по-кичевски): ръt, kъde. Въ суффиксѣ, какъ почти во всѣхъ краяхъ Македоніи,—*a* вм. ъ←*ǫ. Но

по говорамъ сохраняется еще и суффиксальное ъ←*ǫ: nesъ̄. Другія черты горне-положскихъ говоровъ являются общими съ западно-македонской діалектической группой (напр., форма 3 ед. наст. на -t), въ частности съ говорами сѣв.-западной ея части. Любопытно отмѣтить для говоровъ Г. Полога сочетаніе „ke"=къ. То же сочетаніе съ частицею -de свойственно дебърскимъ говорамъ Поля и Голо-Бърда: kede (въ прочихъ дебърскихъ говорахъ—kode).

Дольне-положская группа. Нѣсколько сѣвернѣе горне-положскаго села Стенче, находящагося по правую сторону верхняго Вардара (приблизительно на полпути между Тетовомъ и Гостиваромъ), начинаются говоры иной діалектической группы — дольне-положской. Таковъ говоръ с. Челопекъ, характеризующійся тѣми же чертами, какія свойственны говорамъ Тетова и близъ него лежащихъ селъ. Нѣкоторыя особенности дольне-положскихъ говоровъ. Корневое ъ вм. *ъ, *ь „сильныхъ" (sъn, dъn), но член. ф. муж. ед. -oṭ, суф. -ok-, -ec-, -en-. Корневое u вм. *ǫ, но въ суф. -a. ṭu̯ṭ→toṷṭ, tu̯ṭ, въ отдѣльныхъ словахъ tuṭ. ł→l̥—u̯ въ концѣ слога. Лабіализующее дѣйствіе согласнаго m на сосѣдній гласный (предш. и слѣдующій: rádimoᵘ или -mu...). Измѣненіе неударяннаго *a* по направленію къ ъ (a̯. Тетово). -mi̯a→-mn'a. *u̯z→z-. *u̯-префикса→ᵘ или полная утрата, или гласный u. Вм. предлога *u̯ъ употребляется -u. str→sr. Форма жен. мн. для основъ на -*a* оканчивается на -*e*. ja, mi[j]e. Вин. жен. ед. ga, nega. Форма 1 ед. наст.—гласный основа+m; извѣстны образованія и на -am. 3 мн. -aṭ (-aaṭ—въ осн. на -a) или -a, -aa (безъ -t). На сѣверѣ Д. Полога на формахъ 3 мн. отражается (непослѣдовательно) вліяніе южно-моравской діалектической группы: въ употребленіи гласнаго u въ окончаніи этой формы: bereu. Форма 1 мн. употребляется съ окончаніемъ -me и -mo (въ говорѣ одного и того же лица). Другія черты являются общими съ прочими говорами западной Македоніи.—Какъ видно, въ говорахъ Дольняго Полога, пограничной области на сѣверо-западѣ Македоніи, отражаются черты сосѣднихъ діалектическихъ группъ на сѣверѣ. Не располагая ранними памятниками письменности, относящимися къ Д. Пологу, мы не можемъ опредѣлить съ полной увѣренностью время появленія здѣсь этихъ чертъ, главнымъ образомъ, ъ вм. *ъ, *ь „сильныхъ", u(y) вм. корневого *ǫ, -*e* въ окончаніи формы существ. жен.

мн. съ основой на -*a*, -mo (чередующееся съ -me) въ окончаніи формы глагола 1 множ. Въ зависимости отъ этого недостатка не можемъ отвѣтить на вопросъ: исконными ли являются здѣсь эти языковыя черты, или онѣ возникли подъ воздѣйствіемъ говоровъ южной Сербіи? Кое-что изъ чертъ, общихъ съ говорами южной Сербіи, ясно выдѣляется, какъ позднее наслоеніе: tut, -u въ окончаніи формы 3 л. множ. наст.

Въ восточной Македоніи выдѣляется группа с ѣ в е р о в о с т о ч н а я, охватывающая говоры Штипа, Радовишта, Малешова, Піянеца. Членная форма муж. ед. на -*o*. tĭt→tъt. Вторичное измѣненіе гласнаго ъ въ *a*. sr (sret-) при старомъ sĭr. Система ударенія,—постоянное мѣсто ударенія въ разныхъ формахъ слова, находящееся на одномъ изъ трехъ послѣднихъ слоговъ. „Краткая" форма мѣстоименія не начинаетъ предложенія.—По tĭt→tъt эта группа объединяется съ сосѣдними говорами на западѣ и юго-западѣ,—съ говорами Велеса, Тиквеша и сѣвернаго Маріова. Вторичное ъ→а продолжается и на западъ, въ сосѣднія области Велеса, Тиквеша и Маріова и идетъ дальше къ западу въ Прилѣпъ, Битолю, Кичево, Порѣчье. Та же волна ъ→а охватываетъ и говоры областей юго-западной Болгаріи и ближайшей восточной Болгаріи.

Для штипскаго говора отмѣтимъ замѣну c͡h послѣ гласнаго передъ согласнымъ посредствомъ гласнаго͡ неполнаго образованія, по качеству подобнаго предшествующему: gléda^{a}me, rekó^{o}me. Ту же судьбу c͡h раздѣляютъ и сосѣдніе говоры на западѣ,—Велеса, а та͡кже говоры юго-западной Болгаріи. И еще черта штипскаго говора: l̥→u послѣ губного согласнаго. Такъ и въ говорахъ юго-западной Болгаріи.

Для Малешова и Піянеца отмѣтимъ k→k' послѣ j (j̑, n',l'): mak'a, vósk'a. То͡же измѣненіе k' продолжается дальше на востокъ, въ западную Болгарію.

Въ составъ сѣверо-восточной македонской группы входятъ и говоры ю ж н о й Кратовской области. Село Лесново — пограничный пунктъ территоріи южно-кратовскихъ говоровъ. Далѣе къ сѣверу, включая и городъ Кратово, находятся иные говоры, не принадлежащіе къ македонскому типу. Параллельно съ говоромъ идетъ и типъ костюма. Къ сѣверу отъ с. Леснова (отъ Злетовской рѣки) употребляется такой же костюмъ, какъ въ Кумановской области (—типъ женской одежды съ короткой бѣлой саей). Замѣчательно,

что говоры такихъ двухъ близкихъ пунктовъ, какъ с. Лесново и г. Кратово, находящіеся на совсѣмъ незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого, принадлежатъ къ совсѣмъ разнымъ діалектическимъ группамъ (—ср. аналогичное явленіе между Скопьемъ и скопско-черногорскими селами). Въ с. Лесновѣ говоръ восточно-македонскій, въ г. Кратовѣ и въ селахъ къ сѣверу отъ него говоръ съ чертами говоровъ кумановско-прешевской области и вообще южно-моравской группы. Это различіе между лесновскимъ (южно-кратовскимъ) и сѣверно-кратовскимъ говорами, отражающееся почти во всѣхъ языковыхъ явленіяхъ, выяснялось въ предшествовавшемъ изслѣдованіи. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты того и другого типа говоровъ. Южно-кратовскіе говоры. Сильное *ь→е. sos. Членная форма муж. ед. на -о. Вторичное измѣненіе ъ въ а. tl̥t→tъt, съ ъ и послѣ губного согл. tlъt въ dlъg, dlъžen. а←ъ←*ǫ. ǫs→s. zém'a. Форма именит. множ. сущ. жен. съ основой на -а имѣетъ оконч. i. i̯a, ni[i]e. nego, go. Форма наст. 1 ед. на -am. Формы для 2 и 3 съ гласнымъ -е (но колебаніе въ основахъ на -i: i+š). Оконч. формы 1 мн. -me. Оконч. формы 3 мн. наст. -at (во всѣхъ основахъ). Формы аор. и имперф. обычнаго для Македоніи образованія. Нарѣчіе ošte.

Въ иномъ направленіи шли языковыя измѣненія въ г. Кратовѣ и къ сѣверу отъ него. ъ вм. „сильныхъ“ *ъ и *ь въ корнѣ и въ суффиксѣ: sъn. pъs, ovъn, večъ edъn, tr̥govъc. sъs | s. Но член. ф. муж. ед. на -о. l̥ въ tl̥t замѣнилось посредствомъ u не только послѣ губныхъ согласныхъ, но и въ другихъ случаяхъ: vuk, cuna. tl̥t въ kl̥n-, tlъt въ dlъg-. u вм. *ǫ. Но -па- вм. *-nǫ-, [ch]a въ окончаніи 3 мн. имперф.-аор. ǫs→sv-. zemla. Форма множ. сущ. жен. въ основахъ на -а оканчивается на -i. Окончаніе для множ. -in'a. Форма „общаго“ пад. ед. ж. основъ на -а оканчивается на -u (въ именахъ собственныхъ или выражающихъ родство) и на -а (въ другихъ случаяхъ). i̯a, mi[i]e. nega, ga—вин. муж. и сред. ед. num[a], gu—винит. жен. ед. noi̯ze, vu—дат. жен. ед. Окончаніе формы 1 ед. наст. на -u при діалектическомъ на гласный основы+m. Формы 2 и 3 сохраняютъ тематическій гласный. Окончаніе формы 1 мн. -mo. Окончаніе 3 мн. -v. Форма имперф. 1 ед. на -še. Ближе къ Пчинѣ формы аориста съ окончаніями -smo, -ste, še. Формы прич. прош. муж. ед. на -ja и на -ǫ: vikaja, vikaǫ. Нарѣчіе jošte (!).

Итакъ, говоры Кратова и селъ къ сѣверу отъ него почти всѣми фонетическими и морфологическими явленіями отличаются отъ южно-кратовскихъ говоровъ. Общаго у нихъ немного: членная ф. на -о, глагольный суф. -па-, форма множ. на -і, -іп'а, форма „общаго" пад. на -а въ осн. на -а, форма личнаго мѣстоим. 1 -ја, форма имперф.-аор. на -[ch]a. И всѣ эти черты, кромѣ мѣстоименія ја, являются неисконными для сѣв.-кратовскихъ говоровъ, а занесены съ юга. jas утратило s или на почвѣ кратовскаго говора безъ вліянія со стороны, или кратовское *jaz[s] (и на сѣверѣ и на югѣ) было вытѣснено мѣстоименіемъ ја, пришедшимъ съ сѣвера, отъ иной діалектической среды. Своими главными чертами сѣв.-кратовскіе говоры объединяются съ говорами кумановско-прешевскими и вообще южно-моравскими. Изъ ряда такихъ общихъ явленій ср. окончаніе формы 1 ед. наст. u, 3 мн. наст. v, формы прич. муж. ед. на -ја, форму имперфекта 1 ед. на -še.

Къ типу южно-кратовскаго и штипскаго говоровъ принадлежатъ говоры нѣсколькихъ селъ въ юго-восточномъ углу Кумановской области, — Кумановскаго Овчаго Поля. Населеніе этой мѣстности происходило изъ Македоніи. Чифлигари кумановскихъ овчепольскихъ селъ-чифликовъ заселяли свои чифлики переселенцами изъ Штипскаго или Велесскаго краевъ (Хц.-Васил. I, 174). Кумановскіе овчепольцы и по костюму принадлежатъ иной этнографической средѣ по сравненію съ прочими кумановцами. Костюмъ овчепольской кумановской женщины тотъ же, что̀ въ ходу и въ другихъ частяхъ Овчаго Поля (въ Штипской области). Овчепольская женщина носитъ длинный, спускающійся ниже колѣнъ цвѣтной елекъ; а кумановская женщина (не изъ Овчаго Поля)—короткую бѣлую саю, доходящую лишь до части сидѣнья. Овчепольцы смѣются надъ кумановцами, какъ они не заставятъ своихъ женщинъ прикрыть „седнячу". Но зато кумановцы высмѣиваютъ говоръ овчепольцевъ, что они произносятъ: „јазека, тизека, што ти работат дечин'а"... Какъ видно, подобраны черты, дѣйствительно характерныя для македонскихъ говоровъ: -ze-ka, -at въ окончаніи 3 мн. наст., -іп'а въ формѣ множ. существ.

Прочіе говоры Кумановской области, какъ и Прешевской, относятся къ типу южно-моравскихъ говоровъ. Нѣсколько чертъ кумановскихъ говоровъ.—ъ ($_{a}^{ъ}$) вмѣсто „силь-

ныхъ“ *ъ, *ь въ корнѣ и суф.: sъn, tъj dъn, ovъs, [j]edъn, bolъn, otъc, desetъk. sъs. *-tmь→...-tъm. tl̥t→tut не только послѣ губн. согл., но и въ другихъ случаяхъ. tl̥t→tlъt въ dlъg, glъt-am, klъču, slъze, slъnce при sluze, slunce (по говорамъ). *ǫ→u въ корнѣ и окончаніи; но глагольный суф. -na-. u̯z—→uz-,z-. u̯s—→sv. Форма „общаго“ пад. въ основахъ на -a жен. р. оканчивается на -u, рѣже на -a. Форма множ. тѣхъ же основъ оканчивается на -e. Окончаніе in'a. ja, mi[j]e. Вин. мн. ne, ve („краткія“ ф.ф.). Множ. ti[j]a, ovi[j]a, oni[j]a для 3 родовъ, но употребляются и отдѣльныя формы для жен. (onej) [и сред. onaj?]. Винит. муж. и сред. ед. n'ega, ga. -ga и въ формахъ вин. другихъ мѣстоименій и въ сложныхъ формахъ прилагат. Вин. жен. ед. n'umaj (n'um[a]), gu. Дат. жен. ед. n'oi̯ze, vu. svi—муж., sve—жен. мн. Форма 1 ед. наст. въ основахъ на -e, -i оканчивается на -u: možu, dadu, sečи, molu, uredu, isprátu, kupu. Встрѣчаются и формы на гласный основы+m. Въ формахъ для другихъ лицъ сохраняется гласный основы. Форма 3 л. множ. на -v. Для глагола „быть“ употребляется su или sa (3 мн. наст.). Форма причастія прош. муж. ед. на -ja. Во множ. ч. форма причастія прош. оканчивается на -le для трехъ родовъ, но встрѣчается и -li: došli ovčari. Формы аориста во множ. на -[ch]mo и -smo (besmo), -ste, -še. Нарѣчіе jošte. Рѣдкое употребленіе членныхъ формъ. Окончаніе чл. формы муж. ед. -ъt.

Нѣкоторыя черты кумановскихъ говоровъ являются общими съ македонскими говорами: -na-; z- вм. u̯z-; одна изъ формъ „общаго“ пад. на -a (въ рѣдкомъ употребленіи); „краткія“ формы мѣстоименія вин. мн. ne, ve; одна форма указат. мѣстоим. во множ. для 3 родовъ; sa; одна форма для 3 родовъ во множ. для прич. прош. на -le. Но эти черты не характерны для кумановскихъ говоровъ. При указанныхъ звуковыхъ и формальныхъ явленіяхъ тамъ извѣстны и другія, отличныя по своему происхожденію сравнительно съ македонскими соотвѣтствующими явленіями. Только суф. -na- и мѣстоим. ne, ve въ обычномъ употребленіи въ Кумановской области. Но и эти черты, общія съ македонской группой, не исконны здѣсь, а занесены съ юга (—о распространеніи -na- ср. стр. 43, о ne, ve—стр. 164). Длинный рядъ явленій кумановской рѣчи свидѣтельствуетъ о ближайшемъ отношеніи ея къ южно-моравской діалектической группѣ.

Говоры южной части восточно-македонской группы,—говоры Кайляра, Лерина, Водена, Меглена, Гевгели, Дойрана, Кукуша, солунскихъ селъ—характеризуются измѣненіемъ неударенныхъ гласныхъ *о* по направленію къ u, *е* по направленію къ i, *а* по направленію къ ъ (а→ъ отмѣчено только для говоровъ Водена-Кукуша). Всѣ эти говоры, кромѣ говоровъ солунскихъ и кайлярско-леринскихъ, объединяются одной системой ударенія,—одинаковой передвижкой ударенія, одинаковымъ мѣстомъ ударенія,—на одномъ, изъ двухъ послѣднихъ слоговъ.

Изъ этой группы выдѣляются говоры къ западу отъ нижняго Вардара: говоры Водена и Меглена: предлогъ u←*uъ; оконч. формы множ. -ovi. Послѣдняя черта свойственна также говорамъ леринско-костурскимъ и всѣмъ западно-македонскимъ.

Говоры по ту сторону Вардара,—Дойрана, Кукуша и южнѣе къ Солунскому краю,—характеризуются измѣненіемъ конечнаго *-ѣь въ k': ръk'. То же явленіе свойственно говорамъ сосѣднихъ областей на востокѣ, за Струмой. Въ этихъ же говорахъ для предлога „въ“ служитъ uv. То же и въ близкомъ говорѣ Гевгели. uv употребляется и по ту сторону Струмы. Въ говорахъ кукушскихъ, дойранскихъ, солунскихъ форма повелит. накл. во мн. оканчивается на—ejte. Въ этихъ вост.-македонскихъ говорахъ форма причастія множ. съ окончаніемъ на -le и на -li, съ болѣе частымъ употребленіемъ по говорамъ того или другого окончанія. Часто употребляются формы на -li и въ Гевгели (примыкающемъ и по другимъ чертамъ къ говорамъ къ востоку отъ Вардара). Формы на -le и на -li извѣстны и за Струмой. Изъ синтаксическихъ особенностей говоровъ юго-восточной области отмѣтимъ употребленіе па при передачѣ винит.:—въ Солунской, Кукушской и Дойранской областяхъ. То же явленіе представлено говорами Костурскаго края.

Говоры Солунскаго края многими явленіями примыкаютъ къ сосѣднимъ говорамъ юго-восточной Болгаріи.

Говоры южнаго угла — Лерина-Кайляра-Костура,—объединяются одинаковою системой ударенія,—постояннымъ мѣстомъ ударенія на второмъ отъ конца слогѣ.—Безслѣдная утрата ch во всѣхъ положеніяхъ. Членная форма муж. ед. на -o, какъ на сѣверо-востокѣ. i̯k→i̯k'—k'; l'k→l'k',—опять

какъ на сѣверо-востокѣ: maĭk'a, vosk'a, ból'k'a. Въ формѣ причастія прош. вр. на -l находится согласный š передъ l (ъl) для глаголовъ съ d, оканчивавшимъ корень нетематическихъ основъ или основъ на -i въ наст. вр.: višъl, višla, dašle... Минуя области восточной Македоніи, такого образованія причастія употребляются въ западной Болгаріи. Черты общія съ западно-македонской группой, отмѣчены были выше. Здѣсь отмѣтимъ одно явленіе, охватывающее большую юго-восточную территорію и сосѣднія области западной группы: mu—„краткая" форма мѣстоим., служащая для дательнаго пад. единств. и множ. для 3 родовъ. Это въ областяхъ Костура, Лерина, Водена, Меглена, Битоли, Прилѣпа.

Итакъ, предѣлы діалектическихъ областей Македоніи таковы. На югѣ и юго-западѣ—предѣлы славянскихъ поселеній въ Костурѣ и Корчѣ, неширокая юго-западная полоса, подходящая къ южной и западной сторонамъ Преспанскаго и Охридскаго озеръ; на западѣ—западныя границы Дебърскаго края; на сѣверо-западѣ—Шаръ-Планина, сѐла Горняго и Дольняго Пологовъ. На сѣверѣ наиболѣе спорная граница опредѣляется ясно: г. Скопье и скопскія села относятся къ Македоніи; а села Скопской Черной Горы принадлежатъ иной діалектической группѣ. Отъ с. Црешева сѣверная пограничная линія направляется къ востоку, переходя въ Кумановскій округъ, къ кумановскому Овчему Полю, охватываетъ этотъ юго-восточный уголъ Кумановскаго округа и идетъ далѣе въ Кратовскій округъ. Тамъ эта линія проходитъ между г. Кратовомъ и с. Лесновомъ и продолжается на востокъ къ сѣверному изгибу Брегальницы и къ бассейну Струмы въ области Горной Джумаи. Опредѣлить юго-восточную границу невозможно: говоры этой части Македоніи находятся въ тѣснѣйшей связи съ говорами юго-западной и юго-восточной Болгаріи въ бассейнѣ Струмы. Пограничными македонскими областями здѣсь являются области Піянеца, Малешова, Струмицы, Кукуша, Солуня.

Въ обозрѣніи измѣненій, пережитыхъ македонскими говорами, очень часто приходилось дѣлать ссылки на говоры Болгаріи и юго-восточной Сербіи. Процессы, пережитые говорами Македоніи, были свойственны и говорамъ Болгаріи,—всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нихъ, чаще всего говорамъ юго-западной Болгаріи. Эти процессы переживались или

одновременно говорами Македоніи и Болгаріи или въ разное время, но исходили отъ одной общей причины. Конечно, были и измѣненія только параллельныя, но и они показательны при длинномъ рядѣ несомнѣнно общихъ языковыхъ переживаній. Къ сѣверу отъ Македоніи, начиная съ Скопской Черной Горы, съ Кумановской и сѣверно-кратовской областей, идетъ иная діалектическая среда, переживавшая языковыя измѣненія отдѣльно отъ македонской группы.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи были опредѣлены нижеслѣдующія главныя общія явленія въ говорахъ Македоніи и юго-западной и восточной Болгаріи (—нѣкоторые процессы охватывали и говоры сѣверо-западной полосы: Босилоградъ-Брѣзникъ-Търнъ-Царибродъ-Бѣлградчикъ-Видинъ: ч-ц- нарѣчіе—, а также говоры областей, расположенныхъ далѣе къ западу, въ юго-восточной Сербіи). 1) Одинаковое измѣненіе *tj—*dj, кромѣ сѣверной полосы Македоніи, гдѣ неясно время возникновенія k'—g'. 2) *ě→'ä, съ дальнѣйшими діалектическими измѣненіями. 3) Судьба „сильнаго" *ь (ь→е) для Македоніи и Болгаріи (юго-западной и восточной) и „сильнаго" *ъ (ъ→о) для Македоніи и юго-западной Болгаріи. 4) Утрата и одинаковая замѣна l-epenth. 5) Развитіе гласнаго типа ъ при плавномъ въ замѣнѣ i̯rt, i̯lt. 6) *ǫ→ъ, съ дальнѣйшими діалектическими измѣненіями. 7) Одинаковая физіологическая природа ch, обусловившая сходныя параллельныя измѣненія. 8) u̯ и сходныя параллельныя измѣненія. u̯z- →z, u̯s- →s. 9) Возникновеніе палатальныхъ k'—g' (съ діалектическими различіями въ мѣстѣ образованія: ближе къ палатальнымъ t'—d' или заднепалатальнымъ k'—g') въ отмѣченныхъ выше категоріяхъ. 10) Вторичное d͡z вм. z и d͡ž вм. ž. 11) Такая же, какъ въ Македоніи, утрата d въ заударномъ слогѣ. 12) Конечное st→s. 13) Конечные звонкіе согласные→глухіе. 14) Интенсивность суффикса -ok. 15) Утрата ряда падежныхъ формъ и одинаковая передача падежныхъ отношеній. 16) Распространеніе для формы множ. окончанія je, ja на основы не *-ĭ. 17) Одна форма прилагат. на -i во множ. для 3 родовъ. 18) Одинаковое образованіе сравнительной степени. Употребленіе ея не только при именахъ прилагат., но и при существ. и при глаголахъ. 19) Всѣ тѣ черты въ формахъ мѣстоименій, которыя были отмѣчены въ пунктѣ 35 общемакедонскихъ явленій. 20) Членныя формы. 21) Одинаковыя новообразованія въ формахъ 1 ед. и 3 мн.

наст. вр. 22) Окончаніе -me (-chme) въ формѣ 1 мн. 23) Тожественное новообразованіе въ основѣ имперфекта: ѣ въ осн. на -e и на -i. 24) Одинаковыя окончанія формъ имперфекта и аориста во множ. 25) Формы причастія на -l образованы отъ двухъ основъ (инфин.-аор. и имперфекта). 26) Одна форма этого причастія во множ. для 3 родовъ, на -li или на -le,—съ гласнымъ -e, новаго происхожденія (на почвѣ македонско-болгарскихъ говоровъ). 27) Тожественное измѣненіе въ формахъ прич. прош. страд. зал., указанное въ пунктѣ 44-мъ. 28) Форма повелит. накл. 2 л. мн. на -ѣte въ основахъ на -e и на -i. 29) Утрата формы infinitiv'a и одинаковая передача его. 30) Широкое употребленіе conjunctiv'a и конструкцій съ za da+форма наст. вр. 31) Судьба нарѣчія *kǫdě: употребляется въ значеніи „куда", „гдѣ", „къ" „при". Нарѣчія toko(u)=только, лишь и tolku=столько. oščе(ošte) — съ o- (или съ результатомъ діалектическаго измѣненія o въ этомъ сочетаніи), а не съ jo-. 32) Двойныя формы винит. и дат. приглагольнаго дополненія.

Еще больше общихъ измѣненій было въ говорахъ восточной Македоніи и Болгаріи, въ особенности въ тѣхъ вост.-македонскихъ говорахъ, которые находятся въ областяхъ, ближайшихъ къ юго-западной и восточной Болгаріи. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій (безъ указанія территоріи; ср. выше). „Сильное" ъ→o. *cě→ca(ца). Вторичное измѣненіе ъ въ a. tlt→tъt. Конечное -tь→k'. jk→jk'→k', l'k→l'k', n'k→n'k'. Форма множ. муж. на -ove. Образованіе съ -in въ [j]edin. Окончаніе формы 3 мн. наст. -at (-ѣt или -ạt на сѣв.-востокѣ Болгаріи) въ основахъ на -a. Удвоенный предлогъ sos въ (Македон. и юго-з. Болгаріи)—sъs (въ вост. и сѣв.-зап. Болгаріи и юго-вост. Сербіи); удвоенный предлогъ „въ": uv (uf) или vъv (fъf). Система ударенія, переносъ ударенія на предшествующій слогъ въ опредѣленныхъ категоріяхъ.

Въ обозрѣніи фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ явленій славяно-македонскихъ говоровъ былъ отмѣченъ рядъ соотвѣтствующихъ сходныхъ явленій неславянскихъ балканскихъ языковъ: албанскаго, румынскаго (аромунскаго, мегленскаго, дако-румынскаго) и н.-греческаго. При весьма слабой разработкѣ исторіи и діалектологіи этихъ языковъ, въ особенности албанскаго и аромунскаго, рискованно дѣлать опредѣленные выводы изъ тѣхъ балканскихъ

параллелей, которыя отмѣчались выше. Но несомнѣнно, нѣкоторыя изъ сходныхъ балканскихъ языковыхъ чертъ не явились только какъ независимыя, параллельныя переживанія, но имѣли или общую причину своего происхожденія или находились во взаимной связи. Такое значеніе могутъ имѣть общія явленія морфологическія и синтаксическія, а также и нѣкоторыя изъ явленій фонетическихъ (преимущественно у славянъ, албанцевъ и аромунъ). Давнишнее непосредственное сосѣдство, претвореніе однѣхъ изъ этихъ группъ въ другихъ, двуязычность многихъ представителей этихъ группъ,—все это могло имѣть результатомъ общія языковыя черты у населенія на востокѣ и югѣ Балканъ. Объ одинаковомъ направленіи языковыхъ переживаній у славянъ, албанцевъ, аромунъ и грековъ, объ одинаковомъ типѣ рѣчи, образовавшемся у этихъ народовъ, въ особенности у первыхъ трехъ, свидѣтельствуютъ и заимствованія отъ языка новыхъ поселенцевъ на Балканахъ,—турокъ. Въ теченіе турецкаго господства на Балканахъ въ восточно-балканскіе языки перешло многое въ отношеніи и формъ и лексики отъ турецкаго языка (турецкихъ говоровъ). И по большей части эти заимствованія были тожественны у балканскихъ народовъ: заимствовались одни тѣ же суффиксы, имена, глаголы, нарѣчія, союзы. Заимствованія интенсивнѣе и согласованнѣе были у славянъ, албанцевъ и аромунъ по сравненію съ греками.

Поправки и дополненія.

Стран. 3, строка 6 св. Ῥαμαίχια—надо Ῥωμαίχια.
„ 8, „ 12 св. Μοσχοπόλεως—надо Μοσχοπόλεως.
„ 12, „ 20 сн. aibanesischen—надо albanesischen.
„ 13, „ 9 св. haut—надо Laut.
„ 13, „ 11 св. Qnellen надо—Quellen.
„ 14, „ 4 св. Ῥαμέϊκα—надо Ῥωμέϊκα.
„ 18, „ 13 сн. bibloteka—надо biblioteca.
„ 27, „ 11 св. -оканчивается на *-о.-* Дополнить затѣмъ: -при *-от.-*

Стр. 27, строка 11 сн. Дополнить: -Впрочемъ, записи изъ Гевгели переданы неоднообразно въ отношеніи членныхъ формъ: въ №№ 195—198 преимущественное употребленіе член. ф. на *-от*, въ №№ 199—201 чаще формы на *-о*.

„ 27, „ 8 сн.-примыкающихъ-,надо-примыкающими-.

„ 29, „ 1 сн. -исходится- —надо -находится-.

„ 30, „ 5 св. -говоромъ- —надо -говорамъ-. Тоже на 69, 16 св.

„ 33, „ 9 св. (u—надо ц.

„ 36, „ 2 св. -видѣ- —надо -въ видѣ-.

„ 36, „ 13 сн. Дополнить: -uv (uf) употребляется по говорамъ юго-западной и юго-восточной Болгаріи (записи). uf отмѣчено и въ балканскомъ говорѣ Еркечи (Miletič. Das Ostb. 156).

„ 39, „ 17 св. -зановѣски- —надо -занавѣски-.

„ 44, „ 8 сн. -написаннаго- —надо -написанномъ.-

„ 45, „ 17 сн. -имперф. -надо—[имперф.]-аориста-.

„ 49, „ 17 св: Дополнить: -Въ говорахъ употребляются и такіе церковнославянизмы: „сушчи“, „сушчо[то]“.

„ 52, „ 17—18 св.-объединяются-—надо -объединяется-.

„ 54, „ 12 сн. Дополнить: -Рѣсена-.

„ 59, „ 1 сн. -дебърскихъ- —надо -дебрскихъ-.

„ 63, „ 14 сн. -свидѣтельствуетъ-—надо -свидѣтельствуютъ-.

„ 63, „ 11 сн. -ранее- —надо -раннее-.

„ 64, „ 4 сн. Дополнить: -четворна, -о... (цвéк'е не трéбе да се сáди у друг ден, а сáмо у чéтворток—да биде чéтворно. Велесъ. Сбм. VII, 126).

„ 67, „ 7 сн. -сълsu- —надо -сълsи-.

„ 70, „ 16 св. -на югѣ-. Дополнить: -и на ю.-западѣ.-

„ 72, „ 16 сн. -велесско-скопскимъ- —надо -южнократовскимъ и штипскимъ-.

„ 77, „ 10, 11 св. -Книжищи- —надо -Книжици-.

„ 84, „ 5 св. τζα надо—τζ.

„ 90, „ 3 сн. Anquilla—надо Anguilla.

„ 94, „ 2 сн. -палательнаго- —надо -палатальнаго.-

„ 103, „ 10 сн. -вып.—надо -вм.-

Стр. 112, строка 10 св. Βονλγάρικα—надо Βουλγάρικα.
„ 112, „ 4 сн. -Дьновскаго- —надо -Дьиновскаго-.
„ 118, „ 6 сн. -плѣте[j]а- надо—плѣте[j]е.
„ 127, „ 19 св. Выбросить -отчасти-.
„ 145, „ 19 сн. (послѣ „Кайляръ“): воjск'а, вóск'а.
„ 155, „ 15 св. Дополнить: -Такъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ.-
„ 168, „ 3 сн. Въ заголовкѣ: (гаᵴа)—надо (гᵴа).
„ 169, „ 13 св. Дополнить: -Встрѣчается по говорамъ и результатъ дальнѣйшаго измѣненія: č←рč.
„ 169, „ 16 св. -Конечное -st→-s и во всѣхъ другихъ болгарскихъ говорахъ-.
„ 174, къ началу: -ср. въ корреспонденціи изъ Водена: ἤμα νάουμε („Македонія“, I, 1867, № 36).
„ 174, „ 20 сн. -сѣв.-восточныхъ- надо -восточныхъ-. Дополнить: -Кукушской, Гевгелійской.-
„ 174, „ 17 сн. Дополнить: -Гевгели: рогóвете, бóрджовете, кóшовето (Шапк. IX, 341, 344, 343). Кукушъ: пупóве, грубóве синóве (Сбм. XVIII, 458).
„ 190, „ 1 сн. -Пришевскомъ-—надо -Прешевскомъ.-
„ 191, „ 6 св. -ийшто- —надо -нúшто-.
„ 192, „ 12 св. vъ—надо tъ.
„ 195, „ 13 сн. -позднее- —надо -позднѣе-.
„ 197, „ 15 св. -Дат. ед.-—надо -Дат. ед. жен.-
„ 202, „ 7 св. -Ср.- замѣнить двоеточіемъ.
„ 205, „ 11 св. -восходящее- —надо -восходящее къ.-
„ 205, „ 22 св. Слова: -такихъ говоровъ немного- замѣнить словами: -встрѣчаются сочетанія съ *-ен.*
„ 205, „ 9 сн. -едéн- дополнить: -и едúн (Сбм. X, 138).
„ 206, „ 2 св. δνανά—надо δβανά.
„ 207, „ 3 сн. -вм.- —надо -въ-.
„ 208, „ 17 сн. -съто- (второе)—надо -съте-.
„ 220, „ 13 св. Дополнить:—Леринъ: закóпат, лéкват, дотéпат, дáват... (Сбм. VIII, 160, 161).
„ 225, „ 2 св. Дополнить: - Кайляра: óдеш (Сбм. XVI—XVII, 70) и съ измѣненіемъ е→i, какъ неударенаго: бúдиш, jóдиш (ib. 69, 63).

Стр. 233, строка, 16 сн. Дополнить: višlè отмѣчено и на востокѣ Болгаріи, въ балканскомъ говорѣ Дрянова (Miletič. Das. Ostb. 178).

„ 250 „ 9 св. Дополнить: -Дойранъ: Га възва́ле ме́чката (Шапк. IX, 371).

„ 250, „ 13 сн. Дополнить: -Ср. положеніе „краткой" ф. мѣстоименія, не находящейся въ началѣ предложенія: -сре́к на ме на па́то. рече́л му та́тко му.- Но -тога́ му рече́л та́тко му (Изъ Штипа. Сбм. X, 137, 138).

При ссылкахъ на характеристику дольне-положскихъ говоровъ имѣется въ виду II томъ.

Въ нѣкоторыхъ греческихъ написаніяхъ употреблено ˙ вм. ˙ передъ ρ. Непослѣдовательно употребляются эти знаки и въ Дидаскаліи.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Македонія—колыбель и старой и новой болгарской письменности. Македонія—колыбель болгарскаго возрожденія. Оттуда вышли ранніе „будители" болгарскаго народа. Тамъ писались первыя книги на „препростѣйшемъ языкѣ некнижномъ" на пользу народную. Тамъ же, въ болгарской типографіи въ Солуни, и печатались нѣкоторыя изъ этихъ книгъ. Въ монастыряхъ Македоніи,—въ слѣпченскомъ, трескавечскомъ, кичевскомъ (Пречиста), дебърскомъ (св. Іоанна), лесновскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, славянская письменность не прекращалась и во времена турецкаго ига, несмотря на различныя угнетенія со стороны турокъ и фанаріотовъ, на разбойничество арнаутовъ. Въ этихъ монастыряхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Оттуда выходили священники въ окрестные села и города. Тамъ получали свое образованіе и даскалы - грамотеи.— Изученію писаній одного изъ македонскихъ книжниковъ іером. Кирилла Пейчиновича, неустанно трудившагося на пользу просвѣщенія славянскаго населенія сѣверо-западной области Македоніи, посвящена основная часть II-го тома моей работы. Писанія Кирилла Пейчиновича представляютъ очень цѣнный матеріалъ въ отношеніяхъ 1) этнографическомъ, 2) культурномъ, 3) въ отношеніи исторіи болгарскаго литературнаго языка и главное 4) въ діалектологическомъ отношеніи. Эти писанія заключаютъ въ себѣ обильный

матеріалъ для характеристики говоровъ Дольняго Полога въ началѣ прошлаго вѣка. При изученіи языка Кирилла Пейчиновича привлечены данныя писаній его земляковъ-современниковъ. Всѣ эти данныя разсматриваются въ связи съ современнымъ состояніемъ говоровъ Д. Полога,—діалектической области, почти совсѣмъ неизвѣстной.

Изученію д.-положскихъ говоровъ за конецъ XVIII-го и за XIX вѣкъ предпосланы 3 очерка: 1) Обозрѣніе языка первыхъ печатныхъ изданій для болгаръ: Абагара (1651), За[е]рцала истины Кърста Пейкича (1715 или 1716), Молитвеннаго кріна (1806), Киріакодроміона (1806) Софронія Врачанскаго. 2) Очеркъ языка книгъ другого македонскаго просвѣтителя—хаджи Іоакима даскала Кърчовскаго. 3) Библіографическо-этнографическій очеркъ въ связи съ дѣятельностью Кирилла Пейчиновича.

Къ моему прискорбію, отсутствіе средствъ лишаетъ меня возможности приступить къ печатанью II-го тома.

Много затрудненій и большихъ затратъ потребовало изданіе (хотя и съ сокращеніями) I-го тома, и безъ помощи, оказанной мнѣ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ, Историко-филологическимъ Факультетомъ Казанскаго Университета и Высшими Женскими Курсами въ Казани, не скоро бы появился въ печати и I-й томъ. Выражаю мою глубокую благодарность названнымъ учрежденіямъ.

Профессорамъ Епископу Анастасію (Александру Ивановичу Александрову) и Нестору Мемноновичу Петровскому, подъ руководствомъ которыхъ проходила моя научная подготовка въ области славянской филологіи, выражаю чувство моей душевной признательности.

А. Селищевъ.

9 мая 1918.
Казань.

Обществ... наук...
Академии Наук СССР

Цѣна 22 руб. (6600 р. 3300 экз.).

Продается въ книжномъ магазинѣ **Маркелова** и **Шаронова.** Казань. Воскресенская ул.